

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ**

М.О. ӘУЕЗОВ АТЫНДАҒЫ
ӘДЕБИЕТ ЖӘНЕ ӨНЕР ИНСТИТУТЫ

Мұхтар Әуезов

ШЫҒАРМАЛАРЫНЫҢ
ЕЛУ ТОМДЫҚ ТОЛЫҚ ЖИНАҒЫ

45-том

СӨЙЛЕГЕН СӨЗДЕР, БАЯНДАМАЛАР,
ЗЕРТТЕУ, ЖОЛЖАЗБА, ПЬЕСА

“ДӘУІР”
“ЖІБЕК ЖОЛЫ”

АЛМАТЫ
2014

УДК 821.512.122.0

ББК 83.3 (5 Қаз)

Ә 82

Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат министрлігі Ақпарат және мұрағат комитеті «Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін басып шығару» бағдарламасы бойынша шығарылды

Редакциялық кеңес:

Кеңес төрағалары – *М. Құл-Мұхаммед, А. Сәрінжіпов*

Жалпы редакциясын басқарған – ҰҒА корреспондент мүшесі,
филология ғылымдарының докторы *У. Қалижанов*

Кеңес мүшелері:

Әкім Т., Әуезов М., Жұртбай Т., Кекілбаев Ә., Қананиянов Б., Қасқабасов С., Қирабаев С., Қонаев Д., Қошанов А., Құрманғали К., Мағауин М., Мұртаза Ш., Нұрпейісов Ә., Оразалин Н., Сүлейменов О., Тасмағамбетов И., Ыбырай Ш.

Әуезов М.

Ә 82 Шығармаларының елу томдық толық жинағы. – Алматы: “Дәуір”, “Жібек жолы”, 2014.

45-том: Сөйлеген сөздер, баяндамалар, зерттеу, жол-жазба, пьеса. – 348 б.

ISBN 978-601-294-187-6

Мұхтар Омарханұлы Әуезовтің елу томдық академиялық толық басылымының 45-томына әр жылдары жазылған еңбектері, сөйлеген сөздері, баяндамалары және тезистері енді. Бұлардың қатарындағы “Ертегілер туралы” зерттеуінің жоспары, 1935 жылы Шығыс Қазақстанға барған жолсапарының жазбалары, “Сын сағатта” пьесасының қолжазбасы оқырманға тұнғыш рет ұсынылып отыр.

Кітап ғылыми жұртшылыққа, қалың оқырман қауымға арналған.

УДК 821.512.122.0

ББК 83.3 (5 Қаз)

ISBN 978-601-294-187-6 (45-том) © М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты, 2014
ISBN 978-601-294-142-5

**Сөйлөгөн сөздөр,
баяндамалар,
тезистер**

ВЫСТУПЛЕНИЕ МУХТАРА АУЭЗОВА (На совещании в ЦК КП(б)К по вопросу о казахской литературе)

Я хочу остановиться, главным образом, на той части решений последнего Пленума ЦК КП(б)К, которая отражает состояние и задачи казахской советской литературы. Хочу высказать свое понимание о тех ответственных, творческих задачах, которые еще раз и вновь, как исторические требования наших дней, поставила партия перед нами — писателями Казахстана. Буду говорить об этих задачах применительно ко всей нашей организации в целом, и особенно применительно к творчеству нескольких ведущих, наиболее ответственных наших писателей и также применительно к себе самому.

По моему глубокому убеждению, решения пленума выразили то, что сказала бы объективная, беспристрастная, справедливая в своих выводах история, глядя на состояние нашей литературы на сегодня. В этих решениях указано на некоторые наши достижения, на известный перелом, наметившийся за последние годы после исторических решений ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)К по идеологическим вопросам.

Но вместе с упоминанием подобных положительных фактов нашей литературы, сказано требовательно, объективно справедливо о недостаточности роста, об общем отставании казахской советской литературы — и на это обстоятельство указано, как и следовало ожидать, с большевистской непримиримостью к недостаткам нашим. Попробуем осмыслить на фактах и постараемся уяснить для себя обоснованность предъявленных нам строгих требований по поводу наших отставаний, по поводу неполноценности наших литературных произведений. Союз советских писателей

Казахстана представляет собой значительный по численности отряд. Он имеет в своем составе 117 членов организации — писателей и акынов. И когда Центральный Комитет партии, объективно и глубоко заинтересованный в росте нашей литературы, осуществляющий беспристрастное идейно-большевистское руководство литературным движением у нас, подводя итоги наших достижений не за один год, а за несколько лет не может назвать в настоящем смысле высокохудожественных, полноценных в своем идейно-политическом значении не пятнадцать, не десять, а хотя бы даже пять истинно крупных полотен, то можем ли мы назвать рост этой литературной организации достаточным?

Конечно, нет.

Законно и уже пора поставить вопрос также о том объективном мериле ценностей, создаваемом казахскими советскими писателями. Это мерило исторически уже установилось в двух степенях для всех, без исключения, писателей, без различия национальностей на всей территории нашего Великого Союза. Первая степень — выход и признание ценных свойств произведений в своей республике и вторая, наивысшая степень — признание творческой продукции национального писателя — как подлинной ценности — союзным читателем.

Абсолютно справедливо, как оно есть во всех иных отраслях жизни нашего государства (будь то в областях политической, хозяйственной, культурно-научной и т.д. жизни), оценивать рост литературы любой советской народности, республики с точки зрения того, что дала эта литература союзному читателю, справедливо оценивать отдельного писателя, подходя обязательно с этим мерилом.

И наша организация, как уже было исторически, стала на этот путь. Она выдвинула народного гения — Джамбула, сумевшего своими творениями великого певца сталинской эпохи снискать и завидную популярность, и искреннюю любовь всего союзного читателя среди всех поколений его. Им-то и был показан уровень и дано истинное высокое мерило подлинных ценностей.

Имеем ли мы — казахская писательская организация в целом, мы, ведущие казахстанские писатели в отдельности — право теперь ожидать уменьшенных, сниженных требо-

ваний к себе и на каком основании? Нет, мы этого права не имеем. И если так, то нужно в дальнейшем наши успехи и наши отставания измерять исходя из того, что мы дали, чего не смогли дать союзному читателю. Именно в применении к таким задачам я понимаю и осмысливаю требовательные решения Пленума ЦК КП(б)К.

Товарищ Сталин учит нас не улучшать и не ухудшать историю. Этого принципа справедливого суда истории придерживается и наш Центральный Комитет при своем определении сегодняшнего состояния нашей литературы. И если исходить из этих положений, а исходить из них сугубо необходимо для блага нашей литературы, то приходится констатировать ряд горьких истин, от которых не отворотиться, не будучи просто самовлюбленным, самоуспокоенным или просто бездумным.

Есть ли сейчас хоть один, после Джамбула, казахский крупный писатель, популярный, широко известный союзному читателю? Нет на сегодня такого писателя.

Не в нашу пользу и сравнения, параллели, если попробуем на минуту кинуть взгляд на другие братские литературы союзных республик.

При этом нечего говорить об украинской советской литературе с известнейшими в союзе именами Корнейчука, Тычины, Бажана и др., но вспомним такие республики, как Азербайджан, Узбекистан. Нечего заниматься самоутешением, ведь факт, что и всесоюзной писательской общественностью, и историческими актами союзного Правительства по заслугам и по справедливости признаны перед лицом всей читательской общественности художественные и идейные достоинства произведений азербайджанского писателя Самеда Вургуня, узбекских писателей — Гафура Гуляма и Айбека. Также бесспорно, что союзному читателю, более чем любое имя казахского писателя, известно имя таджикского писателя Лахути. Разве можно отрицать, что и этот факт является свидетельством какого-то вида отставания и отставания от своих сверстников?

А чья же тут вина, как не наша собственная?!

Ведь несомненно то обстоятельство, что ни одна писательская организация и ни одно партийное советское руководство ни одной республики не вымаливают и не могут

выступать ходатаями за то, что бы признали, восславили их писателя. А если говорить вообще, разве наша республика не выдвигает ежегодно по несколько произведений и писателей наших на общих основаниях, как выдвигают и другие республики, на различные общесоюзные конкурсы и премии. Мы все знаем, что выдвигает, а дальнейшее – как видим, решает качество наших продукций. Так же видим по результатам, что эти качества оказываются не отличными. Мы, писатели, часто даже снисходительно, благодушно возносим произведения, не заслуживающие такого выдвижения. Литературное произведение, если оно достойное художественное полотно, само себе добывает признания, само формирует себе среду. Ни заступничество, ни препятствия искусственные не определяют в конечном счете судьбу произведения, они – суть факторы только временного порядка.

Утверждаю ли я сказанным выше, что нет вовсе казахских писателей-поэтов, хоть в какой-то мере известных союзному читателю? Нет, этого я не утверждаю. Наоборот, я не намерен заниматься самоунижением, и тут я говорю, распространяя подобное определение и на свою организацию, и на себя самого, как писателя. Отнюдь не могу и не имею основания пытаться хоть в малейшей степени лишиться организацию веры в свои силы и отдельного писателя, в том числе и самого себя, той же веры в свои силы.

Писатель, художник, лишенный веры в самого себя, в свои силы, ничто, но лишь одно условие при этом – пусть эта вера и уверенность будут основаны на достойных данных. Итак, на самом деле есть и наши поэты-писатели, произведения которых переведены на русский язык, и авторов этих знают в известных кругах союзных читателей. Так, например, в поэзии были хорошо восприняты переводы стихов Таира Жарокова, Сабита Муканова, Абдильды Тажибаева и за последние годы – Орманова, Саина, Аманжолова и др. Каково же в целом восприятие их творчества через переводы, каков общесоюзный резонанс, отклики на них? Надо сказать так же откровенно, что широкого признания они не получили. Эти произведения встречены и оценены приблизительно на таком же уровне, как приняты и оценены произведения поэтов второго поколения Киргизии, Таджикистана, Туркмении и т.д. Что же, разве нет крупных талан-

тов в нашей поэзии? Они есть. К ним, без сомнения, я отношу Гали Орманова, Аскара Токмагамбетова, Абдильду Тажибаева, Таира Жарокова, Касыма Аманжолова. Но они зачастую пока еще носят свои богатые дарования как большие возможности, и мало дают в творческом проявлении, воплощенном в истинно крупных полотнах.

Каково положение с прозой — одним из вернейших показателей роста литературной культуры любой национальности, любого государства? Каково у нас с выходом продукции нашей художественной прозы на союзную арену? Как ее встречает критическая мысль союзной читательской и писательской общественности?

И здесь, исходя из сознания своей глубокой ответственности, как один из старших по возрасту писателей Казахстана, исходя из исторических интересов и требований чести за нашу литературу, за ее состояние и перспективу, я выскажу свои требования писателю прозаику тов. Муканову Сабиту. Буду говорить, подчеркивая его особую, исключительную ответственность не как председателя Союза. На этой стороне его деятельности я остановлюсь вкратце позже. Сейчас я имею в виду его ответственность как художника, как члена партии, как старшего ведущего писателя — ответственность его за художественное качество его продукции, в частности, его романов. При этом перед лицом идейно-политического руководства нашего я должен высказать как писатель писателю, современник современнику свои нелицеприятные мысли.

Итак, как получается с выходом романов Сабита на русском языке, с выступлением его перед тем самым союзным читателем, которому мы стремимся представить серьезно рост, высокохудожественный уровень нашей литературы? Коротко сказать — эти результаты не утешительны, ни для самого автора, ни для организации в целом.

Первый переведенный роман Муканова “Сын бая” — “Комсомольская правда” в Москве осудила как произведение, насквозь проникнутое кулацкой идеологией. Второй его роман в русском переводе “Балуан Шолак” на страницах “Советской книги” в 1947 г. сурово раскритиковал человек, исключительно благожелательно расположенный к Сабиту, чуть ли не редактор его по издательству “Молодая

гвардия” Евгеньев. Он сделал необходимо вытекший из его анализа романа вывод о том, что Сабиту нужно овладеть методом социалистического реализма. Где же, спрашивается, писатель большевик, если он не овладел единственно признанным у нас методом социалистического искусства? Вышел в свет на русском языке роман “Ботагоз”. На страницах “Большевика Казахстана” (в 12 номере за 1947 г.) критик Малинковский, тоже вполне расположенный к автору, наряду с общими упоминаниями достоинств романа, в части детального, конкретного анализа нашел очень много серьезнейших недостатков и этого произведения. Он устанавливает у автора недостаточное умение построения сюжета, неполноценность центрального образа Аскара, неубедительность и незначительность по сути образа – героини Ботагоз, неумение показать внутренний мир своих персонажей. Ведь не чья-нибудь злая выдумка, а факт, что Сабит, написав около десятка пьес, не создал ни одного по-настоящему художественно полноценного, сценического произведения. Разве не было также разительным фактом то обстоятельство, что командированный в 1944 г. на фронт ц.о. “Правда”, как специальный корреспондент ее, и побыв в сотой бригаде, на свежей могиле Маншук Маметовой, писатель не сумел написать хоть один художественный очерк для такого почтенного органа, как “Правда”. А написанная им “Повесть о Маншук” и помещенная в журнале “Әдебиет және искусство”, была выдрана, насколько мне известно, по своевременному замечанию руководящих товарищей из нашего ЦК, справедливо осудивших эту повесть как натуралистическую, антихудожественную.

Роман 1946 года “Герой наших дней” был почти единогласно осужден писательской общественностью. Теперь читатели ждут последнюю редакцию последнего романа “Сыр-Дары”. До выхода книги в полном объеме и в окончательной отделке – сказать что-либо трудно.

Я выше перечислил, лишь вкратце, журнально-критическую оценку романов т. Муканова объективными, культурными русскими критиками на страницах самых авторитетных органов. Я лишь повторил сказанное русскими культурными, взыскательными читателями. Подобную критику, высказываемую порой казахскими писателями,

т. Муканов воспринимает с обидой, еще хуже — даже со злобой. Критику его произведений он часто старается истолковать как враждебный акт против советской власти, будто его малохудожественное, недоношенное творение является идеальным воплощением социализма. Я знаю, что и данное мое выступление не понравится тов. Муканову. Но мы обсуждаем вопрос о нашем отставании, о невыполненных задачах и обязательствах наших перед читателем, а этот принцип превыше всего. И что такое отставание организации? Это не абстрактная вещь, это весьма ощутимая, весьма конкретная, досадная действительность, именно это значит отставание каждого отдельного писателя, особенно это значит отставание ведущих писателей, наиболее ответственных писателей, выступающих на наиболее показательном и ответственном участке или, точнее, ответственном жанре литературы.

В чем же дело? Плохая ли тематика у Сабита? Нет, он пишет на современные темы. Или нет таланта у Сабита? — не скажу и этого. Есть талант и знание жизни. А результат все-таки остается незавидный. По-моему, есть две причины творческого кризиса нашего ведущего писателя. Одна из них — недостаточная требовательность к своим произведениям, к задачам своего роста. Пишет наспех. Не учитывает роста читательской культуры и требований времени. Признание, которое действительно по заслугам в 20-е годы, теперь необходимо писателю оправдывать дальнейшим ростом его литературно-творческой культуры. А Сабит часто любит повторять, что он растет. Да, и по-моему, он растет, но растетвширь, а не вглубь и вверх. Рост писателя не измеряется количеством произведений или нагнанным листажом романа. Качественное отставание данного писателя, главным образом выражается в том, что он остается писателем схематичным, он изображает жизнь натуралистически, поверхностно, примитивно. Он, прежде всего, плохо уяснил себе определение товарища Сталина о писателе как инженере человеческих душ. Сабит изображает героев своих фотографически, только внешне, у него не бывает внутренней мотивировки поступков, психики героев. Какого Горького, Толстого, Шолохова или Фадеева вы видели без психологии их героев? А Сабит считает, что психоло-

гия героя это не обязательный элемент для советского писателя. Все подобные ошибочные поверхностные взгляды писателя дают в результате неполноценные произведения. Нужно осознать все это глубоко и над процессом упрямого длительного труда, надо осознать все, а этого мы не видим у Сабита. Другое, что вредит Сабиту, это легкая самоуспокоенность, самообольщение. Такому пагубному для писателя настроению способствуют ненужные, необоснованные, порою просто льстивые похвалы наших казахских малокультурных критиков, составителей учебников, очерков и т.д. “О Клим, дела твои велики, но кто их хвалит? Родня, да два заики!” – говорил еще Фонвизин. Пусть утешают автора не их похвалы, да похвалы малотребовательных читателей, а утешают одобрения глубоко требовательных, зато понимающих высокое назначение искусства принципиальных и культурных читателей нашей страны. Курить фимиам, да еще языком элементарных, примитивных суждений столь же вредно для роста нашей литературы, как и заушательская, сплошь охаивающая критика.

За отставание нашей литературы глубоко ответственен и другой старший, ведущий наш писатель тов. Мусрепов Габит. Это, без сомнения, талантливый, действительно культурный и истинно крупный, потому и наиболее ответственный писатель. Но своей творческой продукцией, особенно за последние 8 лет, он не только не может гордиться, но не может, по-моему, даже вразумительно оправдываться перед читателем.

Что истинно крупного написал Габит после пьесы “Ахан-серэ”, созданной им в 1940 году? Трудно ведь указать на такую продукцию за эти 8 лет, и каких лет!

Три пьесы Габита “Кыз Жибек”, “Козы Корпеш” и “Ахан-серэ” идут на наших сценах как самые ходовые, популярные произведения. Из них я безоговорочно ценю как высокохудожественное произведение, достойное для выхода на союзную сцену любого Академического театра нашей страны, “Козы Корпеш”. А говоря об остальных двух пьесах, я должен подчеркнуть, что в них, правда в разной степени, но есть серьезные пороки в идейно-политическом отношении. Правда и то, что “Кыз Жибек” – малая пьеса, она для оперы. Но ведь в ней автор не преодолел по-настоящему

миросозерцания и идеологии феодального акына с его отсталой, реакционной идеей рока, обреченности молодых людей, когда их союз не одобрен “бата” — благословением родителей. Ведь не разоблачен советским автором позорный институт левирата (обычай унаследования жены умершего брата), институт, явившийся основным сюжетом, стержнем устной поэмы. Не будь мы современниками т. Мусрепова, не могли бы ведь по этому сценическому произведению узнать, что автор жил в эпоху социализма. Так, как написал эту пьесу наш автор, могли писать и буржуазные писатели 19 века, писатели-реалисты, не ведавшие о социалистическом реализме, о партийности литературы в нашем понимании. Еще хуже обстоит дело с пьесой “Ахансерэ”. Разве мы видим в ней прогрессивно-историческую, значительную идею, связанную с именем большого поэта-композитора Ахана? Мы ничего не видим во всех названных трех пьесах, кроме одной любовной трагедии — подобной трагедии молодого человека 19 столетия, многократно описанной, опять-таки, буржуазными реалистами Запада и России.

Ну это бы еще полбеды. Но что подумать о таком, кстати сказать, так наивно, некритически исполняемом актерами драмы — образе глухонемого в этой пьесе?

Это батрак байского аула, и он бессловесен, нем и глух ко всему. Он ходит на сцене, опять в качестве биологического примитива, не как представитель угнетенного, носящего в себе ненависть и социальный протест батрачества в феодально-байской среде. Этот злосчастный герой лишен автором дара речи и ходит как носитель только физической силы и как носитель (выраженных на уровне инстинкта какого-нибудь зоологического вида) слабых эмоций. Когда и какой революционный писатель задумывал так оскорбительно и унижительно изображать представителя бедноты, батрачества да еще на сцене? А можем мы, делая снисхождение автору, сказать, что эта личность так себе, сама по себе, без обобщений?

Разве так думали о внутреннем мире, о классовой природе, о человеческом достоинстве людей труда Ленин, Горький, разве так нас учит товарищ Сталин? Не они ли внушали советской литературе высокую идейность в изображе-

нии, благородном изображении таких личностей, с полноценной обрисовкой их ненависти к своим угнетателям, их порывов к борьбе против зла, их красноречивого изобличения своих врагов, даже в их угнетенном, бесправном положении в прошлом? Разве был так бессловесен и казахский батрак — в том самом кабальном прошлом?

Несомненно, что это большая идейно-политическая, творческая ошибка серьезного, ответственного писателя. И если мы до сих пор смотрели не критически на такой факт, то теперь после всех исторических решений партии — мы обязаны прозреть и острее видеть такие недостатки наших авторов.

Что написал после этой своей пьесы тов. Мусрепов? Он написал небольшую повесть “Казак батыры” и несколько очерков, малых форм рассказов. Все эти вещи показывают стремления писателя откликнуться на события Отечественной войны, послевоенного строительства. Но “Казак батыры”, как самая значительная вещь в этом ряду, и то не представляет собою большое художественное полотно. Это хорошая, добросовестная, добавим еще, действительно писательская запись виденного и пережитого фронтовиком, Героем Советского Союза. Можно ли дать еще большую оценку этой вещи, включающую в себя так немного от творческого воображения, от творческих возможностей такого крупного писателя, как Габит? По-моему, дальнейшее было бы ненужной переоценкой данного труда.

Итак, уже восемь лет не дает серьезных, крупных полотен один из самых крупных писателей, тот писатель, который по своему дарованию и культуре должен бы представить перед союзным читателем доказательства значительного роста советской литературы.

Давно пора поставить руководству Союза писателей перед т. Мусреповым требовательные задачи пересмотра его творческих ошибок и задачи преодоления им длительного застоя.

А тов. Муқанов вместо этого, в № 11 журнала “Әдебиет және искусство” за 1947 г. да в своих выступлениях на собрании воздаёт, в силу приятельских отношений и гнилого либерализма, одни похвалы автору. Он делает вид, что будто он удовлетворен творческой продукцией Габита. На самом

же деле, таким своим примиренчеством к недостаткам писателя, наш председатель Союза делает ненужную и к тому же тщетную попытку прикрыть фиговыми листочками стыд Мусрепова.

Наравне с гг. Мукановым и Мусреповым за отставание нашей литературы тоже, как ведущий писатель, отвечаю я сам.

На данное высокоавторитетное совещание, на котором наше руководство совместно с нами обдумывает меры улучшения качества нашей литературы и думает о ближайшей перспективе ее роста, каждый из нас, ведущих писателей, должен принести что-то значительное, если, конечно, есть у него таковое за душой в его сокровенных думах, в его наилучших жизненных стремлениях и порывах поэта, писателя.

Сейчас, прежде всего, я хочу сказать о своей деловой программе творческого ответа на исторические решения ЦК ВКП(б) и на решения Пленума ЦК КП(б)К.

Довожу до сведения ЦК КП(б)К и до сведения писателей, моих сотоварищей по творческой деятельности, о том, что я задался целью написать серию романов в семи книгах (томах), воспроизводящих столетнюю историю казахского народа за последний век, т. е. с середины XIX столетия — до середины XX столетия. Это не декларация, а реальный, уже практически и на деле начатый мною путь. Двумя книгами романа “Абай”, уже известными читателям, я начал эту серию. В опубликованных двух книгах представлена действительность приблизительно сорокалетнего периода прошлого века. Дальше я намерен написать 5 романов. Первая книга из этих пяти (или третья из серии семи томов) будет повествовать еще об Абае — о нем, как поэте-мыслителе, главе поэтической школы, воспринявшем основные эстетические нормы русских революционных демократов 60-х годов. И в той же книге (которая, кстати сказать, не будет названа романом “Абай”, третьей частью, а явится самостоятельной книгой о последнем периоде жизни великого поэта) будет показана трагедия одиночества Абая в эпоху безвременья.

Дальше следует четвертая книга серии (или вторая из ненаписанного еще пятитомника), где будут представлены события 1916-го, 17-го—21-го годов. Здесь будут показаны

два лагеря — националисты-алаш-ординцы до их ликвидации и лагерь казахской бедноты, пролетариата, установивших при помощи русского пролетариата советскую власть в Казахстане. Тот класс в себе, показанный частично, во второй книге “Абай” в лице жатаков, в этой книге станет классом для себя.

Пятая книга серии (или третья книга будущих романов) осветит годы 1927-28-34, т. е. годы передела сенокосных угодий, конфискации баев-полуфеодалов, годы сплошной коллективизации в Казахстане, конкретно в Семипалатинской области, иначе — победы колхозного строя в деревне. Здесь же будут развенчаны идеологи байства в районе и в области, где недавно жил Абай. Все его исторические прогрессивные идеи, наследия пойдут на пользу социалистического преобразования истории советского казахского народа. А отщепенцы от идеи Абая, враги революции тоже будут развенчаны до конца в этой книге. Шестая книга серии (или четвертая книга будущих романов) будет посвящена годам 1937-38-41-му — до начала Великой Отечественной войны. Здесь события романа перенесутся на весь Советский Казахстан. А седьмая книга серии (или пятая книга будущих романов) будет посвящена годам Отечественной войны и завершению четвертой сталинской пятилетки к 1949 году.

Каждая книга из этой серии будет самостоятельным романом. Но из книги в книгу будет переходить часть действующих лиц или их дети — люди новых поколений. Обобщающая, цельная, историко-революционная идея этих романов будет отвечать нашей социально-исторической формуле о том, как отсталая в прошлом казахская народность пришла, минуя стадию капитализма, к социализму, пришла через борьбу и все обновлявшуюся судьбу нескольких поколений за столетие. Начало романов представит известная читателю первая книга романа “Абай” с повешением Кодара на верблюде, с племенной борьбой, с господством феодалов в степи. А последние книги должны показать, как из тех угнетенных родов вышли защитники Великой Советской родины в равноправной семье братских народов Союза, как советский казахский народ из раздробленных родов и племен стал одним из факторов международной борьбы сил со-

циализма и коммунизма против мировой империалистической реакции. Вот вкратце намеченная мною на предстоящие годы (на ближайшие 5—6 лет) моя жизненная задача.

Я начал о себе не с моих ошибок прошлого и творческих неудач отдельных лет. О них я говорил и в прошлом году на собрании интеллигенции после решения ЦК КП(б)К по вопросу о деятельности Казахской академии. Во имя признания ошибок моих, указанных мне общественностью, я и трудился за истекший год. Я написал вторую книгу романа “Абай”, учитывая справедливую критику первого тома “Абая”. За истекший год я приложил все свои силы и знания, чтобы окончить по линии Академии наук новую редакцию первого тома “Истории казахской литературы” (фольклор) в духе указаний ЦК КП(б)К, написал либретто оперы “Тулеген Тохтаров”, написал пьесу “Асыл Насылдер” на новую тему, которую с учетом здоровых элементов критики писателей думаю довести до советского зрителя, работая в контакте с Управлением по делам искусств и Академическим театром драмы.

А самое основное — это названная мною предстоящая серия романов, где я хочу ответить на законные требования партии и всей нашей общественности о том, что я должен — как ответственный и ведущий писатель, отразить на больших полотнах нашу социалистическую действительность. В этом труде — вся цель моего дальнейшего существования как личности и как писателя.

Мне сейчас пятьдесят лет и если удастся еще десять, пятнадцать лет полноценно потрудиться и завершить этот, на мой взгляд, оправдывающий смысл моего дальнейшего существования, как писателя, серьезный путь, — я не имел бы никаких иных личных желаний.

Прошу ли я что-нибудь от руководства партии и правительства в помощь предстоящим моим трудам? Нет, ничего не прошу в порядке материальных или иных жизненных устройств. Не имею также никаких вожделиний в удовлетворение каких-либо тщеславных, карьеристических моих стремлений. Ничего не прошу нового, достаточно всего того, что мне отведено в моей жизни, достаточно того, что я имею в результате внимания и забот партии и правительства, оказанных писателям, ученым Советского Союза.

Да ничего я не прошу, за исключением только одного — а именно моральной поддержки. Что же это такое применительно ко мне и в моем понимании?

Встречаясь за многие месяцы, а может быть, и за несколько лет с руководителями ЦК партии Казахстана, я не могу утаить того, что я долго, терпеливо носил в себе до настоящего совещания.

Я тружусь не меньше, чем любой из казахских писателей, сидящих тут, за казахскую советскую литературу. И если есть хоть какие-нибудь положительные результаты в моей писательской работе — они результат внимания и поддержки ЦК КП(б)К. И со стороны организации в целом, от писателей Казахстана вообще, тоже я получал товарищескую поддержку. По моему глубокому убеждению, организация наша в целом здорова и справедлива в своей оценке творческой продукции и творческого состояния писателей.

Но я должен заявить прямо и откровенно, что со стороны руководителя президиума, конкретно со стороны тов. Муканова, я не только не получал поддержки, а наоборот, на каждом шагу, по крайней мере до недавнего времени, испытывал травлю и всяческие интриги против себя.

И тут я скажу о том, о чем в личных объяснениях я сказал воочию самому тов. Муканову осенью 1947 г. перед своим отъездом в Москву. На основе наблюдений всех поступков его в отношении себя за ряд лет, я сказал ему, что об Ауэзове партия и Муканов думают по-разному. Если партия критикует, указывает на ошибки и недостатки в работе Ауэзова, то этим самым она не хочет угробить его, а стремится направить на более правильный путь и хочет тем самым извлечь из его труда возможную пользу для нашего общества. А Муканов, наоборот, пользуясь указаниями партии на ошибки Ауэзова, хотел и всеми силами старался за последние полтора года угробить, устранить Ауэзова. Обвинения в “ауэзовщине”, в якобы алаш-ординских, контрреволюционных моих установках всем совершившим ошибки литературоведам Казахстана, до недавнего времени не сходили с языка т. Муканова. По его определению, нет ни одного положительного труда Ауэзова. Даже роман “Абай” он старается избегать причислить к числу положительных достижений казахской советской литературы.

Все это не выдуманно мною, а написано и когда? К 30-летию Октября в № 11 журнала “Әдебиет және искусство” и сказано им в его докладе на совещании молодых писателей республики в октябре месяце 1947 года. Также мною воочию было сказано т. Муканову о том, что при беседе со мной он говорит: “Не будь вместе с Тажибаевым, Кенжебаевым, Исмаиловым и другими, якобы негодными, вредными для меня людьми”, а в беседе с ними каждому говорит об одном: “Ты воспитанник детдома, ты свой. Ты страдаешь только из-за одного Ауэзова. Будь подальше от него”.

Я думаю, что гораздо больше, чем мне, известны другим казахским писателям имевшие место до недавнего времени бесконечные интриги, в которых наш председатель обвиняет одних за связь с Ауэзовым, других за то, что не выступают против Ауэзова, а третьих наущает так, что хвалить Ауэзова — это объективно выступить против него, Муканова. Так было до недавнего времени, включая и время последнего пребывания тов. Муканова в Москве, где он интенсивно работал и против самого Ауэзова, и против его книги “Абай”. Я не хочу перечислять бесконечного количества фактов подобного рода, цепь недостойных интриг, которые за последние три—четыре года составили систему отношений советского писателя Муканова к советскому писателю Ауэзову.

Беда в том, что в основе его ненормальных отношений ко мне лежит не принципиальное, идейно-творческое расхождение, а мелкие страсти. И в проявлении этих своих черт он теряет всякий такт, чувство ответственности, как председатель Союза, и как представитель партии в нашей организации. Он становится самым заурядным, мелочным человеком и, допуская вещи ниже своих достоинств, применяет порою методы, прямо скажем, старой аульской аткаминерской борьбы. Здесь пускаются в ход запугивания одних, уговаривания других, всякие преувеличения. Все, что каждодневно исходило от т. Муканова против меня, я слышу поневоле потому, что наши, недостойные советских, старших писателей отношения стали, к стыду нашему, достоянием улицы, стали “притчей во языцах” во всем Казахстане.

Мне и совестно за все это, и глубоко оскорбительно всякое подобное поношение. Не могу не возмущаться, как честный советский деятель и как писатель, связанный всем

своим существом с нашим читателем, советским народом, со стороны которого я чувствую исключительное уважение и искреннюю любовь к своему труду. Возмущаюсь еще и потому, что тот же т. Муканов делает и дает для роста казахской советской литературы, по крайней мере за последние десять лет, нисколько не больше, если не меньше Ауэзова. И не желая вступать в свободное творческое соревнование, как писатель с писателем, т. Муканов старается создать впечатление одной шумихой и недостойной возней вокруг литературы.

Все это и привело меня к сознанию необходимости сделать данное заявление перед нашим руководством и просить его оградить меня и морально поддержать в предстоящем серьезном моем труде, в процессе которого при сохранении наших теперешних отношений, я, безусловно, буду испытывать немало препятствий.

Партия желает успехов в нашем труде, она законно и требовательно ставит задачи роста, задачи преодоления наших отставаний. От нее же мы ждем еще одной, самой существенной помощи на деле — это решительного оздоровления атмосферы, устранения болячек, имевших место в нашем быту.

В заключение еще один насущно важный для успешного роста и развития нашей литературы вопрос — это о критике и о литературоведческой науке у нас в Казахстане.

По этому вопросу истекшей зимою я представил свои обоснованные соображения в Отдел агитации и пропаганды ЦК КП(б)К через т. Жумагазина.

Краткая суть этих соображений сводится к следующему: для каждого из нас ясно, что нужна беспристрастная, объективная и требовательная большевистская критика для роста нашей литературы. А она у нас почти только в зачаточном состоянии. Ждать от наличных двух-трех критиков солидного вклада уже трудно. Поэтому необходимо ближайшую задачу критики и литературоведения у нас сосредоточить и направить на изучение, главным образом, казахской советской литературы. Так и сказано в критике деятельности наших литературоведов ЦК КП(б)К в прошлом году. А конкретное плодотворное решение этого вопроса заключается в том, чтобы темой кандидатских и докторских диссертаций

наших филологов были бы избраны или отдельные произведения, или творчество в целом того или иного писателя.

При этом мы несомненно привлечем и значительные новые, свежие кадры критиков и организовано направим силы многих людей на серьезное изучение наиболее важных проблем советской литературы.

Основную цель при этом наметить как помощь молодым кадрам писателей, молодым кадрам критиков, литературоведов в глубоком объективном анализе достижений и недостатков того или иного автора произведения и сделать поучительные для всех выводы.

И в этот круг изучаемых, разбираемых авторов произведений должно войти по возможности наибольшее количество объектов. А самое главное — не понимать это изучение произведений живого автора в виде апологетики, курения фимиама его творчеству или в значении якобы возведения памятника живой личности. А наоборот, каждую диссертацию целеустремленно направить на самый требовательный, критический и подлинно научный и поучительный как для самого автора, так особенно для молодых писателей, марксистско-ленинский анализ разбираемого произведения. При этом самые строгие, критически заостренные требования предъявлять к нам, старшим писателям, чтобы молодые писатели знали, разбирались отчетливо в вопросах, что считать ценностью, чему учиться и от чего отталкиваться, чтобы преодолеть недостатки в творчестве своих предшественников.

И эти вопросы ныне у нас, в Казахстане, уже начали получать свое организационное начало. Пересоставляются учебники. Готовятся “Очерки по истории казахской советской литературы”. Составляются заново вузовские программы. Темой отдельных диссертаций намечаются те или иные произведения наших писателей.

Учебника “Советской литературы” я не видел и качества его не знаю. А редактуру “Очерков” ведет сейчас тов. Джумалиев. Мы еще не знаем, как и в какой степени критики — объективной, требовательной и помогающей молодым или старшим писателям идет составление этого весьма важного и показательного во всех смыслах труда. Судить пока что о нем трудно. Зато когда он будет закончен, то непременно

но должен обсуждаться до напечатания в среде писателей. А сейчас, на данном совещании, я считаю своим долгом обратить внимание нашего руководства и особенно Школьного отдела агитации и пропаганды ЦК КП(б)К на один весьма неприглядный факт, наблюдаемый нами недавно на совещании в Министерстве народного просвещения при обсуждении новых вузовских программ.

Там особо обсуждался проект программы “Казахской советской литературы”, составленной под руководством тов. Джумалиева, как заведующего кафедрой при КазПи. Этот документ стоит серьезного, критического внимания.

В нем большевистская страстность заменена вящим пристрастием, заменена по воле главного и ответственного составителя данной программы т. Джумалиева, заявившего к тому, что это дело ему поручено руководством нашего ЦК.

Плохо понял значение и глубочайшую ответственность такого почетного поручения т. Джумалиев. Он составил пристрастную программу, где наличествуют явно приятельские отношения к одним и неприязнь к другим, вплоть до списка указываемой литературы. А пристрастие его выразилось, прежде всего, к самому автору программы т. Джумалиеву. Он себя, не в пример другим авторам, вопреки элементарным требованиям скромности, аттестует (на стр. 26) буквально, “видный поэт, прозаик, драматург” и дальше тут же: “Ведущее место, занимаемое им в кружке и литературоведении...” Ведущее место в кружке, литературоведении в нашей стране, как известно, исторически отведено лишь немногим, действительно заслуживающим этого личностям. Не говоря о ведущих мыслях т. Ленина и тов. Сталина, как мы понимаем, при такой характеристике вспоминаются лишь имена А.М. Горького, Луначарского и тов. Жданова.

А этот наш литературовед как раз является автором изъяттого учебника 8-го класса, где в первых изданиях писал, что “Зарзаман” начинается с эпохи колонизаторской политики Ивана Грозного, отнявшего Волгу у казахов... За подобные перлы ЦК КП(б)К сурово критиковал его в своем историческом решении от 21 января 1947 г.

Что же касается “видного поэта, прозаика, драматурга”, то надо сказать, что поэт-то он подражатель, с одной стороны, Махамбета, с другой, Таира Жарокова. В самостоятель-

ном творчестве малоизвестный казахскому читателю, лишь посредственный поэт. А прозаик “видный” в его творчестве представлен лишь одной главой неоконченной единственной повести “Арбасу”. Но драматург “видный” представляет еще более неутешительную, в одном случае подлинно скандальную, славу.

Ведь ни для кого не секрет, что именно он, т. Джумалиев, является автором вреднейшей пьесы “Едиге”, где соответственно и в прямой связи со своей ошибочной литературоведческой “концепцией” он идеализировал Едиге и еще хуже варварскую Золотую орду, и хищника Едиге выставил как покровителя и спасителя тогдашней России. И этот свой грех автор замалчивает в программе. Остальные драматургические его произведения ограничиваются лишь двумя вещами. Одна из них – либретто оперы “Биржан – Сара”. Пусть опера в музыкальном своем качестве хорошая, но либретто этой вещи является одним из самых малосовершенных либретто нашего оперного театра. Это уже не говоря о том, что вообще либретто даже не следовало бы включать в программу истории литературы как полноценные художественно-литературные произведения.

А пьесу “Арбасу”, написанную им совместно с тов. Сарсембаевым и получившую на страницах нашей печати далеко не лестную оценку, на стр. 10 программы он самолично причисляет к ряду самых новейших достижений, ставит рядом с теми произведениями, которые получили в известной мере положительную оценку нашей ведущей общественности, и, кстати сказать, некоторые из коих, принадлежащие негодным для Джумалиева авторам, оцениваются в программе, вопреки оценке многих руководителей, отрицательно. И вот такой автор фактически самых скромных данных нашу новую вузовскую программу, где должны быть отобраны подлинные ценности и то с их достоинствами и недостатками, пытается превратить в явную и бесцеремонную саморекламу.

К чести писателей, надо сказать, что на упомянутом совещании в Министерстве просвещения ряд писателей (т.т. Мусрепов, Тажибаев, Саин, Малик Габдуллин, Кенжебаев и отчасти т. Муқанов), а также зам.министра тов. Шарипов указали на явную тенденциозность этой программы.

Я счел своим долгом довести до сведения ЦК об этом факте потому, что этот же тов. Джумалиев является редактором “Очерков”, и что при своей тенденциозности и общеизвестном своем упрямстве, являющемся признаком далеко не лестным, может, если не предупредить своевременно, допустить серьезные ошибки, которые в конечном счете повредят делу подлинного, полноценного и, главное, правильного и полезного для нашей литературы развития столь важной в нашей действительности марксистско-ленинской критики и литературоведения.

ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА **(На дискуссии по казахскому эпосу** **13 апреля 1953 года)**

Я начну свое выступление с обсуждения тех же положений, которым были посвящены первые половины заслушанных нами на данной дискуссии докладов. Вторую же часть своего выступления я намерен так же, как и докладчики, посвятить теоретическому, дискуссионному обсуждению проблем изучения казахского эпоса, то есть посвятить той позитивной задаче и сути данной дискуссии, что в свою очередь составляет основную цель и программу действий в перспективе.

Но до этого, как я уже сказал, остановлюсь непосредственно и прямо на ошибках в изучении нашего эпоса. Конкретно считаю своим долгом подвергнуть строгому критическому разбору свои личные ошибки, прежде всего.

При этом, следуя тем датам и данным, о которых упоминал и которые приводил тов. Габдуллин в хронологическом порядке, я также скажу вначале о старых статьях, написанных мною в 1922-м и в 1925-м годах, а также о моей книге по истории казахской литературы, изъятая при выходе в свет – в 1927 году.

В оценке всех этих работ моего прошлого я полностью согласен с формулировкой докладчика.

Они были националистическими и реакционно-пантюркистскими, и я осуждаю их, как совершенно чуждое и давно отвергнутое мною самим, поэтому, как не имеющее ничего общего с моей последующей деятельностью и не считаю нужным для себя как-то объяснять, анализировать, осмысливать заново эти давние работы.

Так же не стану здесь доказывать, что то далекое, почти четвертьвековое прошлое не имеет ничего общего, даже при наличии отдельных моих грубых ошибок поздних лет, с моим честным именем казахского советского писателя, советского деятеля культуры.

Далее, останавливаясь на конкретных работах, тов. Габдуллин посвятил свою критику моей научно-исследовательской деятельности 1929 года. Он справедливо осуждает ошибки статьи, написанной мною совместно с Соболевым в 1939 году. Действительно, в данной статье и так же в 1940 году, в неназванном докладчиком введении к антологии казахской литературы, восхвалялся ханско-феодальный эпос “Едиге”, высоко оценивался марабаевский вариант “Кобланды”. Положительно охарактеризован с позиций единого потока реакционный эпос “Шора”. Также идеализированы фольклорные образы Коркуда и др. отдельных эпических или сказочных легендарных персонажей. Действительно верно, что все мои оценки в отношении указанных фактов эпоса и фольклора, как позже, в 1943 г. и в 1951 г. показала марксистско-ленинская партийная критика, оказались в идейно-политическом отношении грубо ошибочными, достойными сурового осуждения, как ошибки буржуазно-националистического характера.

Были также допущены мною серьезные ошибки в разделе фольклора и эпоса первого тома “Истории Казахской ССР” в первых изданиях ее в 1943–1949 гг. Здесь я повторяю ошибки своих оценок эпоса, данных в 1939 году в той же статье, написанной совместно с Соболевым.

О некоторых из этих своих ошибок я говорил в 1951 году в период обсуждения статьи “Правды” – “За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана”. Я выступал с признанием своих ошибок на собрании работников науки и литературы. Помню принципиальную критику моих ошибок, высказанную на этих собраниях и на страницах нашей республиканской печати. Знаю и хорошо помню также, как было справедливо указано на мои грубые идейно-политические ошибки и в докладах товарища Шахметова на VIII Пленуме ЦК партии Казахстана, на V и VI съездах партии республики.

Вспоминая свои ошибки в оценке исследований

казахского эпоса, фольклора, я особо подчеркивал в своих ранних признаниях и теперь также особенно выделяю свою глубокую и тяжелую ответственность за первый том “Истории казахской литературы”, изданный в 1948 году (раздел фольклора). Этот коллективный труд и в последней своей редакции по ряду глав и разделов оказался порочным, грубо ошибочным.

Являясь одним из авторов тома и редактором, которому были предоставлены возможности коренного пересмотра многих ошибочных положений прежних своих статей и трудов других лиц, т. е. авторов множества учебников, вузовских программ, составителей сборников, авторов исследований, предисловий, отдельных очерков и монографий, я не сумел обеспечить последовательно правильную марксистско-ленинскую методологию исследования устного народного творчества.

Не сумел распространить критический строгий отбор и принцип сурового осуждения реакционно-феодальной сущности других эпических произведений, как “Карасай Кази”, как феодальный марабаевский вариант “Кобланды” и особенно таких порочных феодально-монархических исторических песен, как песни, предания о душителе казахского трудового народа Кенесары и его брате Наурызбае и т.д.

Вместе этого в первом томе пространно излагались, положительно оценивались отдельные идейно-порочные образцы феодально-ханского фольклора, которые теми же авторами прославлялись в учебниках и вузовских программах, монографиях тех лет.

Написано в течение более, чем за 30 лет, очень много статей, высказываний, исследований, в разные периоды своей жизни и выступая по ряду проблем, впервые подвергая печатному обсуждению их, я осознаю теперь, что длительное время я глубоко ошибочно принимал за достижения советской науки те порочные, в идейном и методологическом смысле, концепции, которые господствовали долго (почти до 1948–50 гг.) в вузовских программах, в учебниках, учебных пособиях всех филологических вузов нашей страны. В их числе были и буржуазно-историческая школа Вс. Миллера, и аристократическая теория происхождения

эпоса Келтуялла, Шамбинаго, и антинаучные космополитические теории Веселовского, ложное учение Н.Я. Марра, буржуазно-объективистская теория единого потока и т.д.

Установление наших ошибок по фольклору, по литературе XIX века, по абаеведению в 1950–1951 гг., безусловно, способствовало ежегодному изменению к лучшему и моих научных представлений и оценок. Но, внося соответствующие поправки в свои лекции, я все же не успел ответить на решения партии новыми своими серьезными, изданными научными трудами, что также считаю своим грехом.

Я не стану здесь говорить об отдельных своих работах по фольклору, где я более последовательно и правильно применял марксистско-ленинскую методологию исследований. Сейчас речь не о них. Признавая правильность критики моих ошибок в докладах по тем конкретным, наглядным фактическим данным, как было перечислено выше, я, однако, считаю своим законным правом напомнить и о том, что я исследовал фольклор как научный работник и я же писал на темы эпоса и фольклора как казахский советский писатель.

При обсуждении всей сути и характера допущенных мною ошибок, при том с самыми суровыми идейно-политическими определениями и тягчайшими выводами, приговорами по ним, как это делает М. Габдуллин, справедливо разве судить по одной стороне моей деятельности?

Правомерность и обоснованность этих своих претензий к докладчикам и особенно к Институту языка и литературы, Союзу советских писателей, т. е. к организаторам данной дискуссии, я подтверждаю ссылкой на исторический пример ц.о. “Правды”, на пример отношения ЦК ВКП(б) по аналогичному поводу.

Я надеюсь, что великолепно известно всем присутствующим здесь лицам то, как в 1938 году “Правда” выступила с рядом принципиальных, глубоко научных и критически-творческих статей по поводу ошибок писателя Д. Бедного в его пьесе “Богатыри”. Разве ЦК партии, по личному указанию товарища Сталина, не дал тогда исторические установки по изучению эпоса народов и разве они, эти установки, не стали краеугольным камнем в дальнейшем развитии фольклористики? А ведь поводом к этому для “Правды” по-

служил литературно-творческий факт, пусть отрицательный, но пример писательского обращения к эпосу. Ясно для каждого, что “Правда” исходила при этом из основ марксистско-ленинской эстетики, признающей художественное воспроизведение действительности как законную, полноценную и специфическую форму познания. Так почему же эти непреложные положения теории и истории советской фольклористики и литературоведения не учтены докладчиками?

Между тем я, исследователь казахского фольклора, имею пьесы и на обсуждаемые здесь темы эпоса и на темы социально-бытовых поэм. Конкретно, в пьесе “Айман — Шолпан” я высмеял с народных позиций феодала Котибара и бая Мамана. В пьесе “Кобланды” я исходил не из феодального марабаевского варианта, а из более народного, мергембаевского варианта и, самое главное, отверг свою прежнюю ошибочную версию о походе Кобланды против Ивана Грозного. Вместе этого развил патриотическую идею защиты Родины от агрессора хана-чингизида — Казана. В пьесе “Бекет” свободу на каторге герой пьесы получает, по моей трактовке, из рук русских политкаторжан.

В последнем варианте “Енлик — Кебек” я вывел биев взяточниками, хищниками, врагами честных сыновей и дочерей народа. И вот, в целом, все эти примеры творческого обращения к материалам эпоса являли одновременно и примеры критического, творческого освоения мною древнего, неустного наследия, как этому учил В.И. Ленин.

Ссылаясь на названные пьесы, я не говорю, что в них нет недостатков и отдельных ошибок. Но то, что в них нет буржуазного национализма, что, наоборот, они в разной степени свидетельствуют о стремлении автора осудить свои прежние ошибки, идейно разоружить идеализаторов прошлого, и что поэтому они свидетельствуют о более успешном, творческом овладении автором марксистской диалектики — не подлежит никакому сомнению.

Правда, я ничуть не думал и не думаю, что на данной дискуссии нужно подробно обсуждать, анализировать названные пьесы. Но разве можно не учитывать их при обсуждении ошибок в известной части творческой деятельности моей?

А дальше, после учета этих трудов, совместно с другими моими работами пусть и будут законно употреблены те ходячие фразы обо мне, которые и пишутся, и высказываются устно по поводу моего отношения к казахскому фольклору. Я имею в виду фразу: “Более, чем кто бы то ни было, Ауэзов повинен” и т.д.

Что касается этого “более, чем кто бы то ни было”, я очень и очень рекомендовал бы и докладчикам, и всем тем товарищам, кто действительно всерьез и с объективных, принципиальных позиций интересуется истинным положением вещей на фронте изучения казахского эпоса, фольклора, разобраться на фактах и только на фактах.

Касаясь этих фактов, я считаю важным для данной дискуссии назвать труды и имена отдельных авторов, о некоторых из коих докладчик М. Габдуллин или умолчал, или упомянул лишь вскользь, лишь поверхностно, тем самым смазал и прикрыл грубейшие ошибки их и проявил при этом немалую свою тенденциозность.

Я назову здесь их в хронологическом порядке: 1) программу для средней школы, составленную в 1939 г. тт. Карибаевым и Кошумовым; 2) Распространенное предисловие, а также весьма немаловажные комментарии т. Муканова к названному в докладе сборнику “Батырлар” 1939 г.; 3) Хрестоматию Муканова и Бекхожина для 8 класса, 1939 г.; 4) Учебники литературы Маргулана 1941 г.; 5) Хрестоматию Муканова, Бекхожина, 1947 г.; 6) Учебник Жумалиева, Муканова, Шалабаева для 8 класса, 1947 г.; 7) Программы по фольклору для педвузов М. Габдуллина, не только 1948 г., как говорит докладчик, а и 1949 и 1950 гг.; 8) Программы для педвузов и учительских институтов, составленные Мукановым, Жумалиевым, Габдуллиным, Карибаевым, Шариповым по литературе XVIII–XIX вв. тиражом 3 тыс. экз.; 9) Программы для педвузов и учительских институтов по литературе XX века, составленные Мукановым, Жумалиевым, Габдуллиным, Шалабаевым, Карибаевым, Шариповым; 10) Программы для пединститутов по советской литературе, составленные Мукановым, Жумалиевым, Габдуллиным, Карибаевым, Шалабаевым, Шариповым, тиражом 3 тыс. экз. Эти последние программы в том же составе авторов выпуска-

лись для студенчества, учительства в течение 1948–49, 50 гг. подряд. Они заменяли учебные пособия.

В тех же целях восстановления истины я считаю сугубо важным, для интересующихся объективно лиц, посмотреть, познакомиться тщательно с тем, что и как сказано в тех же хрестоматиях, программах, предисловии и комментариях “Батырлар” о том же самом Едиге до 1943 года, о мнимом походе Кобланды против Ивана Грозного, что сказано в тех же “Батырлар” о самом антирусском эпосе “Шора”, где этот батыр истребляет в городе Казани русских; нужно тщательно познакомиться с названными выше учебниками и поздними программами вузов и узнать, что сказано там об Аблае, Кенесары, Наурызбае, о мнимых учениках Абая – Кокпае, Арипе – не только в 1948 году, но и в 1949 и в 1950 гг.

Я считаю также своей большой ошибкой и то, что не сумел критически оценить и выявить все порочное в этих трудах до 1950 года.

Познакомившись с только что перечисленной литературой, с дававшимися в ней в течение многих лет почти одними и теми же лицами в разных соавторских комбинациях, характеристиками, идеализаторскими оценками буржуазно-националистического характера по всем названным выше произведениям и личностям, нельзя не задать себе вопроса: насколько принципиально объективен и беспристрастно справедлив докладчик М. Габдуллин? Не явствуют ли из первой части его доклада совершенно различные его оценки одних и тех же ошибок об Едиге, Кобланды, Ер-Саине, Кенесары и т.д. и т.д. у разных авторов? Не переходит ли он, говоря об одних и тех же ошибках разных исследователей, на тот самый осужденный в недавней статье “Правды” “Величание вместо критики” бархатный тон льготной оценки ошибок некоторых лиц и самого себя в первую очередь? Да, к сожалению, приходится это констатировать как самые недопустимые, предосудительные в научной дискуссии и при том, неуклюжие и несправедливые маневры, шитые всюду белыми нитками.

Оставаясь верным своей подобной тенденции, М. Габдуллин занялся в отношении меня и искажением фактов. На стр. 13-й печатного текста своего доклада он пишет: “В другой же статье “Эпос и фольклор казахского на-

рода”, опубликованной в журнале “Литературный критик” за 1940 г., он превозносит” и т.д. Между тем, это та же совместная с Соболевым статья, напечатанная под нашими фамилиями в “Литературной критике” лишь с изменением названия. Дальше, на стр. 12-й он пишет: “Итак, будучи главным редактором упомянутой книги, он предоставил ее страницы врагам народа Исмаилову и Джумалиеву, тем самым способствовал распространению их буржуазно-националистических, антисоветских взглядов”.

Во-первых, в годы составления I тома оба эти лица были сотрудниками Института языка и литературы, занимали ответственные положения. Исмаилову было доверено составление глав “Истории Казахской ССР” по советской литературе. А Джумалиеву было доверено редактирование “Очерков по истории казахской советской литературы”. Он же, Джумалиев, как указано выше, был многолетним соавтором самого М. Габдуллина по программам, по самым ответственным документам, фактам истории казахской литературы. И сегодня за него М. Габдуллин всю вину взваливает на меня. Между тем, в те самые годы сам т. Габдуллин являлся вначале замдиректора, а затем и директором Института языка и литературы, готовившим, издававшим тот самый I-й том. Так почему же за участие в томе Исмаилова, Джумалиева должен быть виновен я один, а не Габдуллин в первую очередь? Есть в этом малейшая объективность, справедливость или даже хотя бы здравый смысл?

Я признавался и признаюсь в своих ошибках, но могу признаться в том, в чем я повинен и в той мере, в какой я повинен. И я не могу признаваться в приписываемых мне несправедливых обвинениях. Исходя из неодинаковой, а из пристрастной, необъективной позиции ко мне И. Габдуллин сделал выводы обо мне такие, что будто я остался на неприемлемых советскому строю убеждениях.

Хотя говорят, что дискуссия существует для свободных критических высказываний, но и для нее есть известные границы, определенные этикой советских людей, границы моральных и политических норм.

Чтобы сделать такие политические выводы, какие сделал М. Габдуллин обо мне, нельзя не помнить о том, что Ауэзов со всей своей деятельностью не выражен лишь в

одном деле. Разве вся моя интеллектуально-творческая деятельность воплощена и выражена только в эпосе и только в ошибках по нему и все? Есть, конечно, ошибки, которые нельзя и не надо прикрывать какими бы то ни было большими делами. Но есть также и дела, которые нельзя, невозможно и несправедливо перечеркивать ошибками.

Например, я хорошо помню ваше же выступление, товарищ Габдуллин, в 1949 году с обстоятельным докладом обо мне, о моей деятельности советского писателя в дни получения мною Сталинской премии. Этот доклад ваш существует в природе. Вы, правда, и тогда говорили о моих бывших ошибках, но говорили и обо всей сумме положительной деятельности моей, что сегодня вы целиком предали забвению и на чем предлагаете поставить крест.

А ведь с 1949 г. Ауэзов не написал ни одной ошибочной работы на тему об эпосе. Так на каком основании докладчик, наряду с его справедливой критикой действительных ошибок моих, выносит столь тяжелые, столь односторонние обвинения, закрыв глаза на действительное положение вещей? Я бы мог ответить на это и на самых законных основаниях, очень горькими и столь же резкими выводами о несправедливости М. Габдуллина, но я не сделаю этого, не сделаю из уважения к критике вообще и из уважения к справедливой части критики Габдуллина обо мне.

А в отношении же несправедливых выводов его лишь напомним тов. Габдуллину, что точно так же, с теми же обвинениями и выводами, с какими выступает он сегодня, выступал осенью 1948 года бывший редактор “Очерков казахской советской литературы” буржуазный националист Джумалиев. Он выступал из враждебных мне, группировочных соображений, как человек, более чем кто бы то ни было разжигавший группировочную неприязнь, дразни среди ведущих писателей.

Не желая обвинять М. Габдуллина в чем-либо подобном, однако о выводах его, о приговоре его надо мной я скажу, что это не есть объективно-справедливая критика и, тем более, не есть товарищеская критика.

Должен также добавить к своему удовлетворению, что это также не есть критика и оценка моей деятельности и личности, данная партией и советским народом. Думаю,

что это я говорю не без основания, потому что, указывая на мои действительные ошибки и оценивая их, как должно оценить партийным языком, сурово и справедливо, не сделал этих однобоких габдуллинских выводов на VI съезде партии товарищ Шаяхметов. А я живу глубокой, непоколебимой верой в справедливость и объективность решений и выводов партии о себе. В этом мое твердое убеждение, которое, безусловно, поможет мне исправить допущенные мною грубые ошибки моими же весомыми, полезными делами на благо Родины.

Я не стану просить М. Габдуллина смягчить или снять его обвинения меня, это я предоставлю его совести. Но я глубоко, честно заинтересованный в объективном решении проблем науки, с полным на то правом настаиваю на том, чтобы тот, признанный мною в начале выступления правильный, суровый, требовательно-критический подход докладчика по поводу моих действительных ошибок, был бы также применен и в отношении всех ошибающихся, в том числе и к самому докладчику без всяких скидок, невзирая на лица, как требует и ждет этого от нас партия и советский народ и как это сделал на VI съезде партии тов. Шаяхметов, одинаково объективно оценив одинаковые ошибки всех названных им лиц.

Вот на этих, обращенных к руководителям и организаторам данной дискуссии моментах, я и заканчиваю вопрос о наших ошибках.

А теперь я прошу собрание позволить мне, хотя бы в тезисном порядке, в виду ограниченности времени, изложить мои проблемно-научные, теоретически-дискуссионные мысли по изучению казахского эпоса и отчасти эпоса других братских народов нашей страны.

Я хочу включиться в обсуждение проблем данной дискуссии, перечисляя задачи науки, которые, по-моему, хоть названы частично, но не полностью поставлены в обоих докладах.

Касаясь основных задач и проблем дальнейшего научного изучения казахского эпоса, каждый исследователь думает об органическом и глубоком применении основных положений марксистско-ленинской теории эпоса к специфике, к законам развития и социально-историческим услови-

ям сложения и бытования нашего эпоса. Однако для успешного одоления этих задач надо прежде всего повседневно обращаться к опытам научного изучения русского эпоса и фольклора современными советскими русскими учеными, и их достижения необходимо максимально применять к изучению нашего материала. Безусловно, при этом учтутся те преимущественные отличия русского эпоса, записанного, скажем, в XVII—XX веках, а не как казахский, записанный в основной массе в XIX и XX веках. Учтутся и другие выгодные отличия, как, например, состояние глубокой изученности истории русского народа, как наличие русских летописей, этих древних живых свидетелей, дающих немало встречных материалов, данных для изучающего русский эпос, хотя он тоже записан с большим запозданием.

Но при наличии всех этих преимущественных особенностей русского эпоса есть немало и общих признаков в силу возникновения эпосов, скажем, в разные феодальные стадии или в период военной демократии и т.д. Отсюда и немало общих сходных проблем изучения эпосов всех наших народов. Много и верных, истинно научных творческих применений законов марксистско-ленинской теории к изучению русского эпоса, что нужно эти достижения сделать достоянием и казахской фольклористики.

Необходимо казахским фольклористам также учесть разнообразные опыты изучения эпоса братских народов Союза. В этом смысле весьма показательны сейчас осуждение, скажем, в Карело-Финской республике аристократической, антипартийной теории Карла Крона в изучении “Калевалы”. Нужно воспринять полезное из опытов изучения армянского, бурят-монгольского, киргизского, узбекского, нартского и т. д. эпосов.

Идя к своей основной и главной цели определить народность или антинародность казахского эпического наследия, а затем установить пути и приемы изучения этого наследия — мы должны также последовательно очищать фольклористику от бывших влияний теорий аристократического происхождения эпоса (что имело место в Казахстане), от влияния теории единого потока (что также имело широкое применение). Должны еще очистить, освободить нашу науку о фольклоре от национальной замкнутости, буржуазно-

националистического отграничивания, изоляции опытов и проблем изучения казахского эпоса от других народов Союза. Важнейшим и продуктивнейшим этапом дальнейшего изучения казахского эпоса должен стать этап изучения его проблем в непрерывной общей связи и взаимопроникновении с достижениями общесоюзной советской науки о фольклоре. Каждый сознает также законность и необходимость изучения параллельных вариантов, скажем, “Кобланды”, “Коблай” у казахов, каракалпаков. “Алпамыс” – “Алпамыш” у казахов, узбеков, каракалпаков. Но не только эти случаи одноименных сюжетов дают совпадения на разной национальной почве. А вот известны замечательные примеры разительного сходства целых сюжетных положений, ситуаций, скажем, между эпосом казахским и эпосом халха-монгольским, ойротским и т.д. В бурят-монгольском эпосе “Хан Харангуе” бартыя-герои едучи к невесте, превращаются сами в плешивых, а коней своих превращают в шелудивых жеребят. Здесь все целиком совпадает с превращениями Козы Корпеша и его коня.

В том же “Хан Харангуе” состязания между соперниками богатырями проходят три ступени: стрельбу в слиток, скачки коней и борьбы.

Исход этих состязаний в целом решает спор между противниками. А ведь эта ситуация полностью воспроизведена в “Алпамысе” у казахов, узбеков, каракалпаков. Так же точно состязаются и в “Манасе” герои-соперники. Здесь мы имеем дело не только с мотивами, а с целыми сложными сюжетными положениями, с большим повествовательным элементом. Значит, обязательны для полноты научного изучения эпоса и казахов, и узбеков, и каракалпаков сопоставительные исследования этих эпосов с памятниками бурят-монгольскими, ойротскими, халха-монгольскими и т. д.

К этому есть ведь и огромные исторические основания. В течение многого времени, а именно в XVI–XVII–XVIII веках, происходили взаимные набеги между названными тюркскими народностями и джунгарами. А войны с пленными воинами обеих сторон способствовали также и насильственным уводам, полонениям иногда целых аулов, и разве эти же бедственные условия людей порою не содей-

ствовали взаимному проникновению фольклорного эпического наследия одного народа к другому?

Между тем, ни казахские, ни другие исследователи эпоса названных народов еще не занимались этими важными научно-историческими обоснованиями отдельных эпических сюжетов и традиций, возникших и распространившихся в сходных исторических условиях и подлежащих изучению общими силами ученых братских народов Союза.

Решая основной вопрос нашей дискуссии относительно народности отдельных образцов казахского героического эпоса и социально-бытовых поэм, мы должны ответить и на вопросы о степени и сущности этой народности, а также должны решить самый сложный научно-теоретический вопрос: как изучать и выявлять эти важнейшие элементы в тех, отобранных нами, положительных фактах эпоса?

Я, например, в принципе согласен с обоими докладчиками в их отборе народных образцов, в их определении народных и антинародных произведений.

Признаю бесспорными те доказательства, которые они приводят в пользу народности одних памятников или ненародности других.

Докладчики также выдвигают совершенно правильные положения о необходимости создания сводных вариантов для ряда памятников устного творчества крупных жанров. Также они проделывают серьезную, правильную и необходимую исследовательскую работу, когда анализируют состав памятников по линии их композиции, образов и поэтического стиля. В этом смысле данная дискуссия уже дает свои результаты определенно конкретного порядка.

Но положительно оценивая эти факты, однако, нельзя не признать и того обстоятельства, что все они — эти же проблемы решаются на самих образцах вовсе не просто, что каждый из названных вопросов представляет собой сложный комплекс, требующий очень тонкого и научно глубокого проникновения в суть проблемы. Они требуют такого проникновения, которое было бы чуждо схематизму, примитивизму и, самое главное, чтобы исследование не выглядело вульгаризацией марксизма-ленинизма.

Указанная сложность изучения проблем нашего эпоса вытекает, во-первых, из важнейших мыслей товарища Ста-

лина о том, что “культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества”. А устное народное творчество, следовательно, и эпос, есть одно из звеньев этой культуры.

При этом мы также знаем, что это народное творчество проходило от эпохи к эпохе, являясь одновременно изменяющимся порождением социально-экономического и общественного строя той или иной эпохи. И в этом качестве оно находилось в непрерывном движении и развитии, что являлось следствием изменений в базисе.

Мы не имеем древних записей нашего эпоса и все, что дошло до вас из предыдущих поколений бесписьменного народа, находилось под двойным идеологическим воздействием и трудового народа, и его эксплуататорских классов: феодалов-ханов, биев, баев и т. д. Наряду с этим нужно помнить и о том, что казахский эпос, как, например, “Кобланды”, “Камбар” и др., носят в своем составе элементы дофеодального, родового или родоплеменного союзов.

В них (“Каракипчак”, “Аргын”, “Тобыр”) мы видим явное подтверждение мыслей Энгельса о том, как “племя оставалось границей человека по отношению к чужаку, так и по отношению к себе”.

Об этом периоде, со всеми его особенностями, повлиявшими на эпос народов, говорил и Горький. По его мысли, “роды объединялись в племена — образы героев сливались в образ племенного героя”. Отсюда он и полагал, что двенадцать подвигов Геркулеса могут знаменовать собой союз двенадцати родов.

Мы в “Кобланды” обнаруживаем явное наличие элементов названного родового строя или вообще дофеодального периода, в эпизодах его борьбы в помощь сородичам. Но когда он борется ради отмщения за нападения Кобыкты — он уже в известной мере превращается в обороняющегося феодала типа Дзаулудай Мэргэн у бурят-монголов, типа Алпамыса во втором эпизоде у казахов, узбеков, каракалпаков, типа Манаса у киргизов в период его первых боев с врагами угнетенных, порабощенных киргизских племен.

Таким образом, один эпос “Кобланды”, бытующий много веков, дошедший до нас через многие эпохи, может являть для исследований сложные противоречия даже в самом народном своем варианте.

Дальше нужно учесть в определении народности памятника еще факт замедленного пробуждения классового самосознания трудового народа в ранние эпохи. Нельзя не учитывать и особенностей крестьянской идеологии с элементами отсталости, противоречий, вследствие темноты и невежества масс. Нужно помнить при этом и о тех монархических иллюзиях крестьянства, о которых говорил Ленин и товарищ Сталин. Поэтому при создании сводного варианта того или иного эпоса не следует ни в коей мере причислять его под современность. Отобранное следует изучать с его противоречиями, не впадая в новую идеализацию. Однако все народное в нем важно выделять и подчеркивать, как отражение народных представлений соответствующих эпох.

Весьма важно по этому эпосу устанавливать исторические этапы жизни народа и дифференцированно, по эпохам, определять народные представления об исторических событиях, исторических лицах прошлого. При этом, конечно, не повторять ошибок буржуазной исторической школы Вс. Миллера, Кетуяллы, Шамбинаго.

Нужно устанавливать социальные элементы народных представлений о женщине, ее роли в эпосе. Необходимо глубоко проверить наличие домусульманских религиозных представлений народа, определить элементы сказочной фантастики, мифологии. Важно в казахском эпосе по-нашему определить также древние представления о патриархальной семье, как это замечено в “Алпамысе”, “Козы Корпеш” и т.д. Весьма существенно было бы также глубоко проанализировать во многих эпических произведениях казахов последовательно отрицательное отношение к хану. В казахском эпосе до XVIII века, не в пример эпосам других лет, нет положительного образа хана-героя. Наоборот, и в “Кобланды”, “Камбаре”, “Алпамысе”, “Ер-Таргыне”, “Кыз Жибекке” ханы только лишь злодеи. Исключение составляют только антинародные феодальные эпосы, как цикл былин об Едиге и его потомках, как консервативно реакционные, феодальные песни об Аблае и др. казахских ханах поздних эпох. Нельзя не обратить внимания в тех же отобранных нами народных былинах на особенности героя. Кто же он? Это, во-первых, сын простолюдина, человек из народа, представитель интересов семьи, племени рода. Вме-

сте с тем, он герой-одиночка. При нем не бывает ни слуги, ни кучеров. Он один – Кобланды, Таргын, Камбар, Алпамыс, Козы и т.д. Однако он и выражает родовую коллективную мощь своей среды.

Друзьями данного героя является лишь верный конь и подруга-жена. Необходимо указывать при этом на особую выдающуюся роль каждой из женщин в различных эпических произведениях казахского народа.

В отличие от иранского эпоса, по свидетельству Нельдеке, изображающего женщину лишь как объект любви и желаний, и наподобие ирландских саг, высоко оценивающих роль женщин, казахский эпос в народных творениях дал немного индивидуализированных и художественно-психологически разносторонне обрисованных образов женщин. Также обстоит и в эпосе каракалпакском (“Кырк Кыз”, “Коблан”), киргизском и узбекском.

Сугубо важной задачей в серьезном научном осмыслении, критическом освоении эпического наследия казахов является создание сводного варианта отдельных памятников. Но при этом случае, как и вообще при дальнейшем изучении и популяризации казахского эпоса будут отрицательно оценены и вычеркнуты из массового обихода все антинародные, ханско-феодальные образцы эпоса, и так же будут заклеяны, особо отмечены антинародные, феодальные варианты народных эпических произведений.

Вот для этого последнего случая я считаю крайне важным запомнить, что при составлении сводных вариантов будут тщательно просмотрены и максимально использованы словесно-поэтические материалы всех так называемых общих мест, повторов из многих наличных вариантов того или иного эпоса. В этом случае нужно учесть все художественно-поэтическое, словесно-образное богатство формы поэтики эпоса многих вариантов, и по возможности максимально использовать все ценное общенародное для полноценного художественного сводного варианта.

Нужно так поступить потому, что в любом варианте эпоса не все принадлежит личному авторству того или иного, пусть даже самого талантливого, исполнителя. Бывает столько общих мест-повторов, заученных любыми певцами готовых клише, целых тирад, строф, созданных коллек-

тивным творческим участием певцов многих поколений, что отдавать их, как автору, какому-нибудь одному консервативному феодально-байскому акыну было бы колоссальной ошибкой, недомыслием во вред народному наследию. О том, что эпос любого народа, в любом исполнении изустно повторяет много общих мест, весьма красноречиво сказал Н.Г. Чернышевский в отношении русской песни: "...Песни так легко перемешиваются одна с другой, сливаются, раздробляются; каждая из них мозаика, составленная из кусков, беспрестанно повторяющихся в других песнях". Ту же самую мысль о повторах характерных общих мест эпоса высказал на основе своих долгих наблюдений над различными исполнениями киргизского эпоса знаток фольклора тюркских народов — академик Радлов. Наконец, это же положение, на основе своих наблюдений эпоса монгольских народов, а именно: бурят-монголов, халха-монголов, ойратов и калмыков — подтверждает и профессор Г.Д. Санжеев. Он утверждает: "Можно смело сказать, что носителю эпоса достаточно иметь не более двадцати—тридцати общих мест, стандартных кусков эпоса в стихотворной форме, чтобы распевать или рассказывать эпопею любого содержания".

Исходя из этих совершенно убедительных данных, я считаю необходимым при составлении, скажем, сводного варианта "Манаса" у киргизов или "Кобланды" у казахов тщательно просматривать словесно-поэтические тексты всех вариантов и брать для сводного варианта из них те художественно совершенные поэтические места, которые не принадлежат данному певцу, а заучены им как общие места древнего коллективного общенародного текста.

Важнейшей проблемой в изучении казахского эпоса является вопрос о художественной форме данных памятников. Правда, мы не имеем древних записей их, потому не имеем и представлений о том, какими они были в древние времена с точки зрения композиции, сюжета, образов, образно-поэтического стиля или стиха. В отношении русского эпоса — вопрос этот тоже со многими ребусами, затруднениями, хотя там возможны сопоставительные наблюдения над текстами XVII—XX веков, где явно заметны изменения формы эпоса в пределах самих этих поздних веков. Кроме того, есть русские древние летописи, которые дают много встречных

данных и в вопросе изучения некоторых элементов формы, если не эпоса, то исторических песен из далекой древности до последующих времен.

В отношении эпоса казахского и других среднеазиатских тюркоязычных народностей древним текстом являются лишь орхонские и енисейские надписи и данные словаря Махмуда Кашгарского.

Особый интерес представляют с точки зрения формы исторической песни или эпоса отдельные части орхонских надписей о Билге Кагане, Кюль-Тегине, Тонью-Куке. Здесь местами, где описываются походы, баталии, бои отдельных героев, где сообщается об их конях, о победах и т.д., мы попадаем в очень знакомую сферу, стихию героического эпоса. И надо сказать, что эти памятники по своей идейной и социальной сущности являются произведениями архифеодальной идеологии.

Здесь мы имеем дело с агрессивными, мощными феодалами, которые борются ради грабежа и подчинения себе соседних племен, наподобие героя феодальной ойротской эпопеи “Бум Эрдени”. Трудно проследить в них характерные черты даже военной демократии раннефеодального периода. В сравнении с этими каганами Кок тюрков, киргизский Манас, даже в самой феодальной версии эпоса о нем, более похож на ханов периода военной демократии. Но, тем не менее, изучая казахский эпос в разных видах, в историческом плане, особенно с точки зрения поэтической формы, образно-речевой, стилиевой природы, необходимо обращаться к орхонским надписям. Все тюркоязычные народности могут критически обращаться к названным надписям не только в вопросах языкознания и историографии, но и в вопросах поэтики и истории литературы и в иных случаях определения и решения проблем генезиса устно-поэтических памятников. А киргизским исследователям важно и необходимо подобное обращение еще и потому, что в этих надписях киргизы фигурируют как вольные и невольные участники многих исторических событий древности.

Раскрывая антинародную феодальную сущность идеологии этих памятников, нужно проследить формы и стиль древней исторической литературы, особенности которой

могли получить свое отражение в поздних, даже народных образцах, как наслоенное, наносное из ханско-феодалных эпических произведений.

Самое главное внимание исследователей казахского эпоса в отношении формы должно быть сосредоточено, безусловно, на вопросе языка. И здесь изучение должно целиком опираться на труды товарища Сталина, поставившего перед всей советской фольклористикой, перед литературоведением в целом, проблему художественного языка, художественного стиля устно-поэтических произведений народа.

Последовательно, творчески, используя гениальные мысли товарища Сталина, исследователи должны решить вопросы формы на том научном уровне, как поставлен вопрос товарищем Сталиным о путях развития, обогащения литературного языка и также языка литературы. При этом нужно сугубо внимательно изучить на образцах эпоса – художественный язык народной поэзии, его специфику.

Следуя мудрому учению товарища Сталина о языке, нужно писать исследования и о языке, стиле и поэтике новых произведений эпоса, созданных и создаваемых в среде казахского советского народа в социалистическую эпоху.

В данном случае исследователи также должны помнить указания товарища Сталина об активной роли надстройки, и все задачи, проблемы разносторонне научного охвата формы и содержания эпоса советской эпохи должны понимать и разрешать исходя из того, что и новые варианты старого эпоса и новые эпические произведения советского фольклора представляют собой качественно новый этап в развитии фольклора. Здесь главенствующей задачей исследователя нового эпоса должно явиться глубоко идейное раскрытие того процесса, когда творчество угнетенных масс трудового народа в прошлом, стало творчеством народа победителя, вдохновенного строителя коммунизма.

Выявить подобные, возвышенно светлые достоинства народных творений наших великих дней и вернуть народу народное из его прошлого, очистить это наследие от всего чуждого, наносного, – вот, что должно составить высокую цель и назначение писателей и ученых Казахстана.

ТОВАРИЩИ!

Дореволюционный Казахстан был одной из отсталых окраин Российской империи, где, по выражению В.И. Ленина, даже в период установления Советской власти все еще царила “патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость”.

Не мог иначе выглядеть край, где царизм, опасаясь социального пробуждения народных масс, всячески оберегал и преднамеренно, — как сказал тов. Сталин, — культивировал все, что было в нем отсталого и примитивного, дикого и невежественного. Не мог иначе выглядеть край, где способ производства материальной жизни, обуславливающий процесс духовного развития народа, оставался на чрезвычайно низком уровне.

Великому Октябрю, великому русскому народу, старшему собрату с его мощной, всемирно-исторической культурой обязан казахский народ своим освобождением от материального и духовного порабощения, своим историческим возрождением на незыблемой основе братства и дружбы советских народов. В безвозвратное прошлое отошло нависшее над казахским народом роковое чувство обреченности и гнетущей тревоги за свою будущность, за судьбы поколений.

“Революция”, — писал В.И. Ленин, — развязывает все скованные до того силы, и гонит их из глубин на поверхность жизни”... Из мрачных глубин рабства подняла революция трудовой казахский народ, и вывела его на путь расцвета творческих сил и энергии под ленинско-сталинским победоносным знаменем коммунизма.

И ныне свободный казахский народ в равноправной, дружеской семье возрожденных народов Союза, вдохнов-

ляемый своим великим вождем и учителем т. Сталиным, во все возрастающем темпе создает мощные очаги социалистической промышленности и культуры.

Причины такого быстрого и грандиозного расцвета Казахстана, как это не сложно понять, заключаются в том, что с каждой сталинской пятилеткой он делал такой гигантский шаг вперед, который для колониального Востока немислим вообще.

Где, в какой колониальной стране Востока ликвидирована безграмотность всего населения и осуществлено только за четверть века всеобщее обучение? А у нас, в Казахстане, оно осуществлено.

Где, в какой колониальной стране возможно создание своей Академии наук при двухпроцентной грамотности населения¹ всего-навсего четверть века тому назад? В Казахстане создана своя Академия наук, которая насчитывает 17 научно-исследовательских институтов, 15 секторов и 10 периферийных баз с огромным коллективом научных работников, где имеются сотни кандидатов и докторов наук казахов и казашек.

Выросла, многосторонне расцвела и казахская советская литература, совершив, по определению т. Фадеева, такой скачок за короткий период, который выдвинул эту литературу в передовые ряды всей советской профессиональной литературы. Ныне она представлена высококвалифицированными кадрами писателей прозаиков, поэтов, драматургов, критиков и ученых-литературоведов, овладевшими подлинно высокой литературной культурой. Сейчас казахстанский отряд советских писателей насчитывает в своих рядах 87 казахских писателей-профессионалов.

Лишь на одном примере небывалого в истории ускоренного роста и расцвета казахской советской литературы можно сделать некоторые обобщающие, теоретические выводы, характеризующие процесс развития и становления нашей, единой по сути, многоязычной советской социалистической литературы; выводы, объясняющие разительные успехи всех наших братских литератур Великого Союза. Тринадцатилетний путь развития казахской литературы, с творческим овладением ею, не существовавшими до Октября формами большой прозы, разнообразными видами дра-

мы — лишь в одном ряду нашей духовной, интеллектуальной культуры подтверждает полное историческое оправдание ленинских, сталинских мыслей о путях развития культур народов бывших колониальных окраин России, с приходом к социализму, минуя стадию капитализма. В литературе, во-первых, этот путь пройден коллективными творческими поисками, одолениями, восхождениями советских писателей двух-трех поколений. И в сумме творческих достижений их отражен как в особенной, образной и живой летописи знаменательный исторический путь страны, народа, общества, семьи и личности — отражен великий переход под водительством партии Ленина — Сталина от средневековья к наивысшим этапам социальной, технической, интеллектуальной культуры. Теперь, подводя итоги этих лет в литературе, озираясь назад, мы четко видим и осознаем, чего мы миновали. Миновали все то, что могло тормозить на многие десятилетия и, быть может, века в иных, не социалистических, а капиталистических путях развития наших народов. Мы миновали изолированную отсталость патриархальщины и косности старого Востока, миновали религиозный фанатизм и схоластику его, диалектически оттолкнулись от канонических, застывших творческих традиций его. Миновали также индивидуализм, буржуазно-классовую ограниченность творческого сознания, всяческую мистику и декадентство, националистическую реакционность со всеми оттенками пантюркизма, панисламизма, — тяготеющие над умами всех тех, кто скован отсталыми рамками капиталистического сознания. С высот нынешних блестящих побед и достижений наших братских советских литератур мы можем теперь констатировать, что не хронологическая протяженность на века определяет суть и достоинство тех или иных литератур. Только та литература, которая в прошлом несла в своих широких руслах исторически прогрессивные, общечеловечески передовые идеи века, революционно-демократические, революционные идеалы, поучительные для литератур всего мира, — как это явил золотой век русской литературы, славный 19 век — завещала миру истинно великое наследие. А в истории братских наших литератур больше преуспевали в своем историческом пути те, которые полностью и уверенно обращались

к бессмертным сокровищницам этой литературы. Великая Октябрьская революция, принципы и пути развития социалистической культуры нашей страны научили нас, представителей братских литератур успешно и плодотворно учиться и осваивать как классические традиции русского реализма, так и передовые творческие опыты русской советской литературы.

Еще одной, исторически определяющей и обеспечившей пути и перспективы успешного, особенного развития наших литератур, искусств в национальных республиках, явилась мысль товарища Сталина о природе нашей культуры – социалистической по содержанию и национальной по форме культуре.

За тридцатилетний путь развития казахской советской литературы мы можем также констатировать на живых, конкретных исторических примерах нашей литературы, насколько оплодотворила эта преуказующая, гениальная формула товарища Сталина и новое, небывалое в нашей истории, содержание нашей культуры и насколько она ускорила исторический процесс качественного роста молодой советской казахской литературы. Не говоря о письменной литературе, мы, казахи, прежде всего можем с гордостью заявить об особых успехах казахского импровизаторского, народного, изустного, акынского песнетворчества сталинской эпохи. Почти сказочную трансформацию пережила казахская народная поэзия в лице великого Джамбула, вернув восторженную юность престарелому певцу, поэзия, вдохновленная мыслями, идеями и волей великого гения человечества товарища Сталина.

А весь путь казахской письменной советской литературы есть яркое, многообразное историческое свидетельство того, насколько плодотворно взаимодействуют и взаимообогащаются социалистическое содержание и национальные формы в художественных, осуществляющих принцип социалистического реализма, произведениях.

Важно научно-теоретически, литературоведчески осмыслить и проанализировать, насколько в наших литературах самая национальная форма обогащается благодаря широкому взаимообщению, взаимодействию культур братских народов, в том числе и в первую очередь благода-

ря влиянию поэтической, творческой культуры русских писателей. На почве истории казахской литературы мы объясняем ускоренный рост и крупнейшие достижения ее благодаря всем перечисленным выше историческим, обуславливающим обстоятельствам. Огромный скачок, совершенный нашей литературой, есть результат величайшего политического, культурного, экономического преобразования, великого возрождения социалистического Казахстана, преобразования, соответствующего этапам развития всего нашего социалистического Отечества.

В числе дореволюционных предпосылок качественно расцветания казахской литературы явились и традиции, унаследованные нами и от наших великих предшественников – просветителей казахского народа, как Абай, Чокан Валиханов и Алтынсарин, которые и в эпоху безвременья верно и уверенно ориентировали исторический ход развития общественной мысли в Казахстане на скорейшее приобщение к идеям и традициям русской передовой литературы. Они были одиночками, прокладывавшими первую тропу к великим наследиям русских классиков. А казахская молодая, верная идеям Ленина и Сталина, советская литература обратилась целым фронтом к этому наследию и ко всему тому новому, что вещала русская литература эпохи пролетарской революции в величайших творениях Горького, Маяковского.

Молодая казахская советская литература появилась на свет под животворными лучами Великой Октябрьской революции. Руководимая партией Ленина и Сталина, она росла и окрепла, плотно и надежно опираясь на верную и дружескую опору в лице самой передовой в мире великой русской революционно-демократической и революционной литературы.

Немыслимо представить себе вне русской культуры ни нашего предшественника Абая, ни современных казахских советских писателей и поэтов, ни Академию наук Казахской ССР, так же как нельзя представить себе современную казахскую кочегарку Караганду или казахстанских гигантов цветной металлургии без современной советской науки и техники.

Мы считаем себя счастливыми потому, что революционная русская литература была и остается нашей школой, которая учит активному вмешательству в жизнь и учит хорошо.

Единство цели и задачи со всей многонациональной советской литературой, борьба за высокое идейно-художественное содержание произведений, проникнутая партийным отношением к действительности, стремление воспеть героическую советскую современность — вот та основная тенденция, которая характеризует сейчас казахскую советскую литературу.

Но казахская советская литература выросла и в ожесточенной борьбе с буржуазно-националистическими течениями.

Под руководством партии большевиков, неуклонно проводившей ленинско-сталинскую мудрую национальную политику, молодая казахская советская литература одержала победу над буржуазным национализмом, заодно и пантюркизмом, и твердо стала на широкий путь крутого подъема.

Первый итог, с которым сейчас отчитывается казахская советская литература, это то, что она имеет все основные жанры, характеризующие развитую и окрепшую литературу. Если к Октябрьской революции казахский народ имел лишь один развитый жанр — поэзию, то ведущими и вполне окрепшими в казахской литературе стали жанры прозы и драматургии. Отсюда является не случайным и не пустым словом то, что казахские писатели и поэты к 30-летию Казахстана, к 1950 г., обещали дать свыше сорока романов и повестей, десятки пьес и поэм.

Вторым, по существу, самым важным и главным итогом нашего отчета является то, что Коммунистическая партия (большевиков) Казахстана, повседневно и заботливо проводя ленинско-сталинскую национальную политику, вырастила крепкий отряд кадров казахской советской литературы. И тот факт, что десятки казахских писателей и поэтов с честью выдержали перевод своих произведений на русский язык, для передовых читателей страны, это, пожалуй, и есть наиболее верное и объективное свидетельство их творческого роста.

Казахские советские писатели и поэты приехали на свою декаду в Москве с творческим подарком, со своими, переведенными на русский язык, произведениями.

Один из пионеров казахской советской литературы, первый романист в казахской советской литературе Сабит Муканов участвует в декаде с двумя своими романами — “Ботагоз” и “Сыр-Дарья”, написанными на темы советской современности и высоко оцененными советской читательской общественностью и прессой. Сабит Муканов — один из современных казахских советских писателей, на плечи которого в свое время легла самая большая тяжесть в борьбе с буржуазным национализмом и в деле объединения молодых кадров казахской советской литературы. И справедливо творчество Муканова называют живой летописью больших общественных преобразований в Советском Казахстане.

Талантливый мастер казахской художественной прозы Габит Мусрепов издал к декаде роман “Солдат из Казахстана”, отражающий жизненный путь, героические подвиги, величие духа советского воина, воспитанного партией и народом. По значительности сюжетного построения, по полноте художественно разностороннего показа героя, по сочности и мужественной красоте языковых стилистических особенностей настоящий роман, по нашему глубокому убеждению, заслуживает высокого признания его достоинств широким кругом советских читателей.

С двумя большими повестями, уже положительно оцененными в советской прессе, “Чиганак” и “Миллионер” — приехал видный казахский прозаик Габиден Мустафин. Темой обоих произведений Г. Мустафина является новаторство и самоотверженный труд колхозного крестьянства, неуклонно идущего к коммунизму. Автор отзывчиво и прозорливо отразил, как передовые люди социалистического сельского хозяйства стремятся к овладению мичуринской агробиологической наукой, и, умело сочетая ее с народным опытом, применяют на практике. Знаменитому просоводу Берсиеву, который поднял урожай проса до 1000 пудов с гектара, т. е. до небывалого в истории мирового рекорда, он посвятил свою первую повесть “Чиганак”. Колхозному изобилию и подготовленности передовых колхозов к переходу

от социализма к коммунизму посвящена его вторая повесть “Миллионер”, о которой говорил тов. А. Фадеев в Париже.

Теме культурного роста людей колхозов посвящена повесть уже немолодого прозаика Габдуллы Сланова “Дальние просторы”. Автор показывает электрификацию колхозов в послевоенный период.

Большой роман на тему героики Великой Отечественной войны – “Курляндия” – написал молодой талантливый писатель Абдигамиль Нурпеисов, и я уверен, что его роман явится большим и свежим вкладом в казахскую литературу. Так же успешно выступают в прозе молодые кадры казахской советской литературы Магзум Тиесов, Сейтжан Омаров, Мухан Иманжанов, Толеухан Сагынбаев, Саурбек Бакбергенов и много других. Некоторые из них, как тт. Тиесов и Бакбергенов, от малых форм прозы начинают переходить к крупному полотну.

С двумя пьесами: “Единая семья”, “Любовь и дружба”, ставшими любимыми спектаклями казахских зрителей, присутствует на декаде один из талантливых драматургов Казахстана Альжаппар Абишев. Пьесам его дана высокая оценка на недавно прошедшем пленуме Союза советских писателей СССР.

Виднейшие казахские поэты: Аскар Токмагамбетов, Таир Жароков, Гали Орманов, Абдильда Тажибаев, Калижан Бекхожин, Касым Аманжолов, Абу Сарсенбаев, Жумагали Саин, Калмакан Абдыкадыров и многие другие за последние годы создали много ценных художественных произведений, воспевающих славу Советского государства, героизм советских людей в Великой Отечественной войне и трудовые подвиги в тылу. Темами послевоенной сталинской пятилетки, темами дальнейшего экономического и культурного роста советской страны пронизано творчество казахских поэтов. Резким поворотом к темам советской действительности и отходом от фольклорных образов, от заштампованных эпитетов и сравнений характеризуется творчество казахских поэтов за последний период. Поэма Касыма Аманжолова “Наша поэма” и сборник стихов “Буря”, поэмы Калижана Бекхожина “Кельтемашат” и “Сыр-Дарья”, поэмы Гали Орманова “Бетпадала”, “Золотой поток”, сборник стихов “Айгак” Жумагали Саина, сти-

хи Абу Сарсенбаева и многие другие, выделяясь из общей массы казахской поэзии, свидетельствуют о том новом и значительном, чем может гордиться казахская литература. О каждом из этих уже выросших казахских поэтов можно было бы говорить часами. Но в силу того, что на литературных вечерах декады поэтам представляется больше простора, чем прозаикам и драматургам, я ограничусь этим кратким ознакомлением.

Как сказано было выше, казахская советская литература росла и окрепла в единой семье всей многонациональной советской литературы, всемерно учась у передовых русских братьев по перу. Переводы произведений русских писателей на казахский язык не только помогают творческому росту казахских писателей, но и обогащают казахскую литературу. Поэтому мы считаем, что переведенный на казахский язык большой однотомник Пушкина, куда вошли все его поэмы, основные прозаические произведения и избранная лирика, однотомник пьес Островского, выдающиеся произведения советских русских писателей – “Молодая гвардия” Фадеева, “Непокоренные” Горбатова, “Радуга” В. Василевской, “Как закалялась сталь” и “Рожденные бурей” Островского, “Кавалер золотой звезды” Бабаевского и много других, которые мы привезли на Декаду казахской литературы в Москве, также будут числиться в активе казахской литературы.

Сказанным выше не исчерпывается наш литературный подарок к декаде. Тем более не исчерпываются задачи, стоящие перед казахской молодой советской литературой. Исторические решения ЦК ВКП(б) по основным проблемам советской литературы и искусства вскрыли ряд нежелательных и вредных проявлений, сопутствовавших нашей казахской советской литературе. Эти решения не случайно вызвали решения ЦК ВКП(б) о грубых политических и националистических ошибках на литературном фронте в Казахстане. Партийная общественность Казахстана резко осудила буржуазно-националистические попытки отдельных людей тянуть литературу назад и воспевавших дифирамбы буржуазным контрреволюционным писателям.

На четвертом съезде Коммунистической партии (большевиков) Казахстана, прошедшем всего два месяца тому

назад, секретарь ЦК ВКП(б)К тов. Шаяхметов, отметив быстрый и неуклонный подъем казахской советской литературы, в то же время сказал следующее:

“При этом надо подчеркнуть, что некоторые наши писатели в своих произведениях не свободны от проявлений буржуазного национализма. Вопреки исторической правде, они приукрашивают прошлое казахского народа, кочевую жизнь казахов, искажая тем самым реальную действительность”.

Мы, казахские советские писатели, даем себе ясный отчет в том, что, успешно преодолевая границы старых образов и рамки национальной ограниченности и узости, создавая произведения национальной по форме и социалистической по содержанию литературы, ни на минуту не должны забывать об этих указаниях нашей партии.

Мы, писатели Советского Казахстана, один из отрядов великой советской литературы, уверены, что под руководством партии Ленина и Сталина, с честью и достоинством вместе со всей страной и великим советским народом понесем миру великое знамя коммунизма.

ТЕЗИСЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ М.О. АУЭЗОВА

1. Решение ЦК КП(б)К, принятое в связи со статьей “Правды”, является новым этапным и важным фактором на идеологическом фронте в республике. Партия вновь и вновь приходит на помощь к нам, исправляя наши ошибки и оберегая советскую науку от ложного антимарксистского, антиленинского пути. Решение обращено к нам с законным ожиданием и требованием раскрыть и осознать во всей глубине ошибки каждого из нас самих и других заблуждавшихся донныне товарищей.

2. Ошибка была тяжелая, длительная, потому очень широко распространившая свои пределы и была ошибкой, вовлекшей в свою орбиту очень большой круг людей весьма различных отраслей — исторической, историко-литературной, общественно-политической жизни нашей республики.

3. Решение ЦК КП(б)К и выступление печати, в первую очередь “Правды”, конкретно, в лицах указало на ошибки историков, а раскрыть вину и ошибки в литературоведении должны, обязаны мы — историки литературы.

4. Это наш долг — помочь в ее начинании и всемерном стремлении выкорчевать вредоносные корни, отравлявшие умы, начиная со школьников, студентов и до широкой читательской массы.

Начну со своих ошибок.

Была у меня пьеса “Хан Кене”. Так как на собрании коллектива Казахской академии наук на тему об этом своем произведении как о работе литературно-творческой, а не научно-исследовательской, я останавливался недостаточно подробно и имел в виду высказаться полнее на данном, сегодняшнем собрании среди литераторов, то и считаю необ-

ходимым сейчас осветить шире вопрос о пьесе “Хан Кене” и о своих политических ошибках того времени.

Сама эта пьеса первоначально была написана мною в 1928 году и в ней отразилась идеализаторская, националистическая позиция автора. И в этой первой редакции она не была ни поставлена, ни напечатана, находилась лишь в одной рукописи. А затем, спустя пять лет, в 1933 году работники театра после восстановления на сцене другой моей пьесы “Енлик – Кебек”, заговорили о постановке и пьесы “Хан Кене”. И, консультируясь в разных инстанциях, посоветовали мне внести ряд поправок, переделок, эти требования я выполнил, и пьеса была поставлена премьерой в начале 1934 года и с премьеры же была приостановлена. При этом критика была двойная. Однако и критиковавшие жестко и критиковавшие мягче не снимали ее с репертуара, рекомендовали приостановить временно, советовали мне переработать, а затем хотели возобновить ее вновь на сцене. Но, как я понял сам, тогда же после постановки и как осветила сущность пьесы и ее ошибки политически правильная часть тогдашней критики, было очевидно для меня, что переделки мои оказались недостаточными. Пьеса оставалась политически ошибочной и не нужной для советского зрителя, и я, вопреки советам, устно и печатно высказывавшихся людей – отказался уже братья за нее.

При этом должен добавить, что наиболее правильную критику, как на мою пьесу, на роль и личность Кенесары высказал тогда тов. Мусрепов. Не в пример другому критику, советовавшему мне тогда переделать пьесу, сделав содержанием ее борьбу против царской России, тов. Мусрепов ориентировал меня правильно, заявив, что борьбу казахских трудящихся против царизма нужно показывать не на движении Кенесары, а на фактах 1916 года. А по поводу Кенесары он дал верную оценку, назвав его реакционером, ханом с чуждыми народу и враждебными к нему намерениями и деяниями.

Оставив пьесу и решив больше не возвращаться к ней, я в том же 1934 году по поручению Наркомпроса написал в коллективе авторов “Очерки по истории казахской литературы XIX и начала XX века”, участвовал в составлении “Хрестоматии” по этой учебной книге.

По этим двум работам главное авторство принадлежало мне, разделы о Бухаре, Махамбете, Нысамбае, Шортамбае и Мурате, Абае были составлены мною.

Зная этот последний факт, т. е. о моем авторстве по указанным разделам, тов. Джумалиев, не упоминая моих трудов, в своих учебниках и составляемых им программах литературы XIX в. систематически упоминает об ошибках моих по поводу оценки Махамбета. Между тем трактовка Бухара, Шортамбае, Мурата и в том числе главным образом Нысамбае (певца Кенесары) мною была дана вовсе не идеализаторская, а изболитительная, с классово-политических позиций наиболее правильная. Подробнее об этом факте я скажу позже. Сейчас, напоминая об этих своих работах того же 1934 года, я обращаю внимание товарищей историков, историков литературы и писателей наших, занимающихся сейчас более тщательным образом литературой о Кенесары и его апологетах на эти книги. Также думаю, что этим же товарищам не лишне вспомнить и о том, что в том же 1934 г. я, в исправление своих ошибок по “Хану Кене”, написал пьесу “Ночные раскаты” о событиях 1916 г. И она с 1935 г. доныне оценивается положительно. Говорю об этом лишь потому, что все эти процессы, т. е. ошибки и борьба за их одоление, в свое время имели свою внутреннюю логическую и историческую связь.

Как я уже сказал, с 1934 г. до 1947 г. я не возвращался к теме Кенесары как историк литературы и как писатель.

Вообще своих собственных трудов о Кенесары я не имел после 1934 года.

Но тем не менее я совершил ошибку, большую ошибку, в другом коллективном труде как редактор — речь идет о первом томе “Истории казахской литературы” 1948 г. Здесь написаны две статьи в двух разделах: лиро-эпос — “Наурызбай Каншаим” и в разделе исторических песен: о Кенесары, Наурызбае, Саржане, Агибае — одна статья.

Первую написал тогдашний сотрудник института Конратбаев, вторую — тогдашний директор института Исмаилов.

Была грубая ошибка в них — статьи были апологетические. Признания акынов — певцов как феодалов, как идеологов ханства, как сподвижников Касыма, Кенесары и Нау-

рызбая, лишь восхвалявших их — не спасают в целом порочные, ошибочные, идеализаторские позиции этих статей их авторов: тт. Исмаилова, Конратбаева. Большую долю вины несу и я сам. Также часть ответственности несут одобрившие том рецензенты тт. Баишев, Дюсембаев, Сагындыков и принявшие этот же том тт. Сауранбаев, Малик Габдуллин.

Я признаю поэтому необходимым и это считаю своим долгом в новом издании I тома устранить полностью эти ошибки, а товарищей прошу помочь своими советами и деловой обоснованной критикой.

Но вот перебирая, осмысливая и осознавая свои ошибки, за последнее время я вновь пересмотрел литературу вокруг Кенесары и вокруг имени поэтов XIX века, являвшихся идеологами, первыми популяризаторами, восторженными поклонниками Кенесары — Досхожи и Нысамбая — эти поэты-сподвижники Кенесары ничего не писали другого, кроме хвалебных панегирик Кенесары, и говорить о них положительно, похвально, значит говорить положительно о самом Кенесары.

Перечитывая, продумывая и сопоставляя целую серию книг казахских авторов, я обнаружил, как с 1939 г. в 41, 42, 43, 46, 47, 48 и 49 гг. идут упорно, лишь в одном в отрицательном направлении и бесконечной вереницей ошибки многих, многих трудов по истории, истории литературы в учебниках, очерках, исследованиях, статьях и наконец в ежегодно выпускаемых программах для наших вузов. Безусловно, особняком среди них стоит книга буржуазно-националистической концепции Е. Бекмаханова.

Надо подчеркнуть при этом, что историческое решение ЦК КП(б)К об идеологических ошибках Института языка и литературы от 1947 г. не внесло изменения в трактовку личности, роли Кенесары и в трактовку наследия поэтов его свиты: Досхожи, Нысамбая.

И как бы на основе молчаливой договоренности полагалось, что критика касается поэтов так называемого зарзаман, а Кенесары и его певцов обходили без критики.

Поэтому, когда ныне хотим осознать, выяснить и выкорчевать со всеми корнями это зло, то должны разобраться в ошибках всех вышеупомянутых трудов.

Нужно заглянуть и дальше, надо сказать и об ошибке Абая и его учеников в этом вопросе, как об их противоречии.

Я сказал о трудах с 1939 г., сюда входят, кроме упомянутого выше I тома (вышедшего под моей редакцией), работы: учебники, статьи, доклады т. Исмаилова, учебники профессора Джумалиева начиная с 1941 г., издававшиеся в 42, 43, 46, 48, 49 гг. статьи Маргулана, “Книга очерков” Муканова, вузовские программы, составленные по 19 веку профес. Джумалиевым при участии Муканова, Габдуллина, Карибаева и замминистра просвещения А. Шарипова.

В учебниках тов. Джумалиева и программах им составляемых по XIX в. с 1941 неизменно упорно идет лишь одна трактовка – то безмерная похвала, идеализация, сплошная апологетика Кенесары... Идет безусловно идеальная возвышенная оценка Досхожи и Нысамбая, а об этих двух поэтах XIX в. я сказал уже, что они ничего не оставили после себя, кроме восторженных похвал Кенесары, и сказать положительно о них, значит сказать также о Кенесары.

В программе “Истории казахской литературы XIX в.”, предназначенной для педвузов и учительских институтов, составленной тов. Джумалиевым в 1948 г., о Нысамбае написано буквально как в 1941–42 гг.

“Об отражении в поэме (речь идет о поэме Нысамбая “Кенесары – Наурызбай”) последнего этого восстания, возглавленного Кенесары, Наурызбаем... о правильном всестороннем показе жизненной правды в поэме” ...Дальше... “Образы богатырей в поэме (Наурызбай, Бухарбай, Бугибай, Агибай, Ораз и др.), мастерство поэта в индивидуализированном показе их...” Так безоговорочно односторонне положительно, апологетически обрисовывается Нысамбай, а через него, стало быть, и Кенесары со своими деяниями.

Ту же свою позицию подтверждает автор в еще более грубой ошибочной форме в учебнике “Казак әдебиеті”, I часть за 1949 г.

Здесь на стр.144, ссылаясь на Белинского, писавшего о Ломоносове, Карамзине и Пушкине, он делает вывод:

“...Когда мы называем Бухара главой нашей письменной литературы, утверждаем, что начиная с Бухара до Абая тянется единая непрерывная ось, связь. И если

Бухар, первый известнейший акын, то за ним шли Дулат, Махамбет, Шернияз, Нысамбай, Шортамбай, Мурат и др.”. Значит, выходит, что Абай и Махамбет стоят в этом ряду... в ряду с Бухаром, феодально-ханским поэтом, в ряду с Нысамбаем, и, что еще губительнее для исследователя, в ряду с Шортамбаем и Муратом, да еще это написано после известного решения ЦК КП(б)К, где эти акыны признаны реакционными...

Более законченного, более антинаучного, антимарксистского проявления буржуазной теории осужденного единого потока быть не может.

Еще более и самые грубые ошибки имеются по поводу Кенесары, Нысамбая, по поводу и других акынов, которых восхваляли, у т. Исмаилова. Надо сказать прямо, что с конца 30-х годов и до недавнего времени тов. Исмаилов в своих статьях, книгах, докладах являлся самым активным популяризатором, идеализатором и апологетом Кенесары. Мало этого, он очень много влиял и на акынов народных, на писателей в деле идеализации Кенесары.

Очень много грубых ошибок и в книге “Очерков по истории казахской литературы XVIII и XIX вв.” т. Муканова. Начав в 20-х годах с верной оценки Кенесары, т. Муканов странным, непонятным образом изложил такую сказочную трансформацию, в результате чего из ярого противника Кенесары превратился в его ярого сторонника.

Теперь в целях восстановления одной исторической истины или справедливости я на очень короткий срок вернусь к своим критическим статьям 1934 г., помещенным в упомянутых выше “Очерках” и “Хрестоматии”, где главное авторство о Нысамбае и Кенесары принадлежало мне. После ошибок своей пьесы “Хан Кене”, я стал на наиболее правильную, для того по крайней мере времени, позицию советского ученого.

В хрестоматии XIX и XX веков в 1934 г. о Нысамбае я писал: “Нысамбай воспел тот путь и свою песню превратил в песню плача. Плач его раскрывает классовую сущность и платформу Нысамбая. Это не человек, деливший власть с ханом. Но это угодливый хану подчиненный. Это был акын-утешитель, развлекатель, сочинитель хвалебных, прославляющих стихов перед властелином. Он старался

выслужиться перед ханом, был поборником и певцом правящего господствующего класса” (стр. 11), а в очерках Кенесары в том же 1934 г. я писал (стр. 31): “Вся ясная программа заключалась в том, чтобы лично для Кенесары были обеспечены ханство, трон, слава – в какие выступали моменты”.

И это было поддержано группой близких Кене батыров и биев. Их целью было сделать ханом Кене, тем самым осуществить свое господство.

Вот эти мои работы неоднократно потом осуждались в учебниках т. Джумалиева.

Прошу товарищей обратить внимание на 22 страницу того же учебника тов. Джумалиева. Там он, не называя книги, осуждает позицию авторов программ и хрестоматий и пишет:

“В тех материалах не подчеркивались, а стусевывались народная сущность восстания, борьба за независимость народа, роль Кенесары, объединившего народ, руководившего и организовавшего эту борьбу, стусевывалась прогрессивная сущность движения”.

Это же повторяли и другие авторы.

Вот какие были факты в промежутке от 1934 года, когда я писал последний раз о Кенесары и Нысамбае до 1947–48 гг., когда я редактировал 1 том “Истории казахской литературы”.

Критикуя здесь наряду со своими ошибками и ошибки тов. Джумалиева, я заявляю, что не питаю ни зависти, ни корысти к нему, так как мне нечего делить с ним. И указать на ошибки – он на мои, я на его – обязаны мы оба. Пусть будут споры и в спорах надо нам искать и наладить пути правды, как этому учит партия и товарищ Сталин.

Лишь бы была принципиальная, объективно партийная, справедливая критика, самокритика. Руководствуясь и опираясь на повседневную помощь широкой партийно-советской общественности, мы, исследователи и писатели, сможем и обязаны ликвидировать этот большой и тяжелый прорыв, в котором оказались молодая советская наука и частично литература в освещении истории и истории культуры Казахстана.

ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА (1952 г.)

Товарищи!

В составе Союза советских писателей Казахстана имеется свыше ста двадцати членов его. А со времени исторического выступления товарища Сталина по вопросам языкознания прошло более полутора года. И за эти полтора года из упомянутого числа писателей, поэтов, драматургов, критиков, переводчиков Казахстана с обсуждением вопросов казахского литературного языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию, оказывается, выступил только я, один писатель. Выступил с одной статьей на казахском и русском языках, включая свои мысли, отдельные, на мой взгляд, новые или спорные положения на широкое обсуждение. Я счел своим приятным долгом вынести эти насущные вопросы развития казахского литературного языка на свободный обмен мнений, памятуя слова товарища Сталина о том, что в борьбе мыслей рождается истина! Скажу еще вдобавок о том, что не будучи специалистом в области языкознания, я выступил, помня о том, что вопросы литературного языка касаются нас, литераторов, самым непосредственным образом, вплотную, ибо язык — это орудие производства писателя, ибо развивать, обогащать язык своего народа в свою эпоху — это в первую очередь задача писателя, ибо на деле ведущая, творчески созидательная роль в этом отношении принадлежит писателю, а не языковеду, который не творит сам богатства, а определяет закономерности рождения, расширения этих богатств, идя вслед за писателем, изучая его творческую продукцию.

Напоминая об этом обстоятельстве, т. е. о факте своего выступления, я отнюдь не намерен просить льгот, тем более

скидок. В них не было и нет надобности потому, что после моего устного доклада на тему своей статьи в среде лингвистов и в среде писателей попросили ее для напечатания в сокращенном и полном объеме наши республиканские журналы... Они оценили статью интересной и нужной для казахского читателя. Затем перевели статью из этих журналов на русский язык “Литературная газета” и альманах “Дружба народов”, также считая небезынтесной, не бесполезной данную статью для союзного читателя. Правда, между первой казахской редакцией, опубликованной почти год назад, и последней русской редакцией, опубликованной в конце минувшего года в “Дружбе народов”, есть небольшая разница — помимо отдельных сокращений, помимо точности или неточности перевода отдельных мест статьи, написанной мною на казахском языке, в последней редакции внесены изменения в отношении некоторых имен, ошибочно, неудачно упомянутых год назад, до развертывания критики по идеологическим вопросам в республике.

Напоминая сегодня и об этом обстоятельстве, я хочу добавить, что несмотря на все старания докладчика тов. Мусабоева представить работу в сплошных мрачных красках, я не отказываюсь от основных положений своей статьи и с глубоким убеждением заявляю, что она оказалась в этих своих основных положениях и полезной, и нужной по крайней мере на сегодняшнем уровне казахского языкового строительства и на сегодняшнем этапе первоначальных, весьма малочисленных высказываний писателей братских литератур в свете трудов товарища Сталина.

Добавлю к сказанному еще и то, что, как ни странно, статья оказалась не бесполезной, даже сугубо нужной и во многом помогающей никому иному, как тому же самому вчерашнему докладчику тов. Мусабоеву, необоснованно и нелогично ополчившемуся против нее.

Для наглядности и в интересах истины обратимся к примерам моей статьи, к тексту доклада тов. Мусабоева. Прошу товарищей обратить внимание на общность наших мыслей:

Я пишу на странице 161: “Но главной заслугой Абая было то, что он указал путь создания подлинного литературного языка”. А на 26 странице своего доклада т. Мусабоев пишет: “С этих позиций мы утверждаем, что Абай вло-

жил огромный труд в дело развития современного казахского языка”, на той же странице добавляет он и о пути, названном в моей фразе: “Он умело и мастерски обрабатывал то, что имелось у народа, указал пути, как нужно пользоваться народным языком”.

На той же 161 стр. я пишу: “В противоположность им Абай писал свои высокохудожественные и глубоко содержательные стихи на языке казахского народа”. А Мусабиев на 25 стр. доклада пишет: “Классики казахской литературы (т. е. Абай и Алтынсарин М.А.) свои произведения писали высокохудожественным и доходчивым языком казахского народа...”

Дальше я пишу: “Можно ли, говоря о становлении и развитии литературного языка, забывать о языке эпоса, о больших и малых бытовых, исторических поэмах казахского народа, о высокохудожественных песнях, живших в народе на протяжении многих столетий еще задолго до появления поэзии Абая?”

А Мусабиев пишет на 36 стр.: “Литературный язык доабаяевского периода, представленный многими произведениями художественной литературы, устная речь казахского народа, язык богатого его устного творчества стали основой языка народа, Абая и др.”

Далее еще я писал: “Абай не только отвергает религиозное содержание поэзии, но и высмеивает современных ему поэтов-книжников, писавших на языке “тюрки”, а Мусабиев пишет на стр. 38-й: “Что касается религиозного гимна, то Абай им не пользовался, а наоборот, старался освободиться от него, едко высмеивал этот жаргон и его носителей”.

Не стану утруждать вас, товарищи, дальнейшими сопоставлениями, безусловно свидетельствующими о том, что не только мысли, но зачастую даже словесные выражения этих общих со мной мыслей докладчика странным образом очень близко совпадают с моими высказываниями.

Между тем примеров этих совпадений много еще и впереди, особенно они разительны на страницах 40-й и 41-й доклада, специально посвященных “ошибкам” Ауэзова. На них я остановлюсь немного позже...

А сейчас задаю себе и всему глубокоуважаемому собранию недоуменный вопрос.

– Почему же так вышло, что имея очень много общих мыслей с обсуждаемой им статьей Ауэзова, т. Мусабаев позволяет себе ни разу не сказать вразумительно о положительных сторонах моего первого и, быть может, единственного в среде литературоведов выступления?

Я подчеркиваю “единственного” в отношении себя потому, что нравы и повадки, воплощенные в поведении докладчика Мусабаева, меня поразили своей непонятной мне и ничем неоправданной тенденциозностью и, естественно, после этого беспримерного случая не захочешь не только обсуждать, но даже и задавать вопросы нашим казахским ученым-языковедам. А чем же это все отличается от аракчевщины?

Для обоснования своих недоуменных вопросов я перейду к основным “пунктам осуждения меня в докладе т. Мусабаева”.

Он в своем докладе на стр. 40-й утверждает, что “Ауэзов допускает, по крайней мере, пять ошибок принципиального характера”. И что позволяет себе Мусабаев в дальнейшем? Он позволяет себе под названием пяти ошибок – пятиэтажную, облыжную, огульную, без малейших доказательств, “критику”. И здесь он пускает в ход придирку к словам и искажение фактов, подтасовку, грубый тон и, наконец, явную неправду, рассчитанную на дискредитацию противника.

Не ссылаясь ни на какие данные моей статьи на казахском и русском языках, Мусабаев считает моей первой ошибкой на 40 стр. своего доклада то, что я говорю о языковой разобщенности у казахов в дореволюционное время. Обратимся к оригиналу – что я писал по этому поводу в оригинале? Даю подстрочный точный перевод: “Конечно, различия слов, отличия в местных словах, имевшиеся в разобщенных друг от друга областях казахской степи, не были целиком со всеми своими запасами известны акынам, рождавшим и письменные, и устные творения”.

Известная разобщенность была до революции. Это факт, распространяющийся не только на казахскую, но даже и на русскую, и российскую действительность. Была провинция, были захолустья и была столица Москва и Петербург. Эта разница разрушена лишь Октябрьской рево-

люцией. А о частях Казахстана, управлявшихся разными генерал-губернаторствами, губернаторами, конечно, нечего и говорить о наличии фактов хозяйственной, административной, культурной разобщенности. Опровергая это положение, вы, докладчик, впадаете в политически ошибочную крайность о том, что революция не внесла никаких изменений в историческую, социальную, хозяйственную судьбу ранее угнетенных национальностей в России. Выходит, что думая показать Ауэзова, вы, наподобие унтер офицера, выскли сами себя.

Остановимся на так называемой второй ошибке Ауэзова.

Вторая ошибка М. Ауэзова заключается в утверждении о существовавших якобы разнородных диалектах в казахском языке, что также является перепевом ошибочного положения (Аманжолова). Не приведя иных возражений по поводу этого пресловутого второго пункта обвинения, я прочитаю лишь выдержку из своей статьи на 169 стр. альманаха “Дружба народов”, там я пишу:

“Ошибаются те ученые-языковеды, которые рассматривают различие в языке отдельных областей Казахстана — например, районов Алатау и Сырдарьи — как диалекты, и только язык населения северных и восточных областей Казахстана считают “основой казахского литературного языка”. Эти ученые-языковеды попросту путают диалекты с местными наречиями (цитата из Сталина).

Но могут ли указать ученые-языковеды на наличие диалектов, отвечающих вышеприведенным кризисом, в современном казахском языке?

Нет, не могут.

Третья ошибка М. Ауэзова — якобы в стремлении доказать, что у казахов дореволюционного периода не было общенародного языка. “Сам” М. Ауэзов ниже фактами полностью опровергает свое ошибочное положение.

Вот все о третьей ошибке. Почему докладчик не приводит эти свои “выше” и “ниже”? И если свою ошибочную точку зрения автор опровергает сам, то этому на языке логики, на общепонятном языке общения между людьми существует одно понятие — оно именуется противоречием. Но почему же при наличии якобы двух высказываний

Ауэзова, один из которых якобы правильный с точки зрения докладчика, этот самый докладчик должен отобразить правильную мысль у Ауэзова себе и ею же обвинять Ауэзова? А между тем все мои вышеприведенные Мусабаевым мысли об Абае говорят об обратном. Я говорил, что не было полностью оформившегося национального языка, а народный язык был. Четвертая, приписываемая мне ошибка, тоже не обоснована, она даже вопиюще несправедлива по одному тому, что в фразе не поставлена градация между двумя словами и говорилось: “в дореволюционное время только начинался процесс его формирования в общенародный, национальный язык”.

Процесс окончательного формирования казахского языка как языка единой нации, произошел лишь после Октября. Попробуйте опровергнуть этот тезис мнимой логикой и необоснованной самоуверенностью вашей, дорогой докладчик.

Дальше у докладчика выступает пятый, конечный пункт его обвинений Ауэзова.

Я должен заметить, что этот пункт представляет собою верх бесцеремонности, искажения фактов, грубого тона и бестактности со стороны докладчика. Здесь Мусабаева явно раздражают мои мысли о восприятии нами, казахскими писателями, особых приемов письменной речевой культуры русской литературы.

Обратимся к фактам. Я пишу на стр. 166-й: “Наши писатели учатся у русской литературы построению сложных предложений”, дальше я говорю: “Умение применять сложные предложения, перенятые из русской литературы, дает возможность писателям передавать более точно глубокое содержание мысли” — я тут имею в виду восприятие речевой культуры русской литературы, воплощенной в переводах Гоголя, в ступенчатом предложении (как назвал их Фадеев) у Л. Толстого, в сложных предложениях Тургенева и в переводах В.И. Ленина и И.В. Сталина.

А докладчик на 41-й странице, приведя мои безусловно правильные мысли о необходимости ввода сложных предложений в нашу художественную литературу, заканчивает совершенно не обоснованной сентенцией: “Как будто их до сего времени не было”. Я хочу вас спросить, докладчик, где они были и как они бытуют, и как вы, казахские язы-

коведы, их осмыслили, объяснили, претворили в своих трудах? Ничего-то вы не сделали в учете нового, качественно-го роста казахской литературы в смысле обогащения речевой культуры нашего советского казахского народа новшествами в синтаксисе казахского языка. Не только ничего не сделали, но, судя по докладу Мусабаева, вы еще чуждаетесь их, вы так далеки от правильного восприятия их как новаторства. Вы готовы грубо и бездушно пригвоздить писателя к черной доске за якобы дерзновенную мысль, не приходившую вам в голову по вашему недомыслию.

А как гласит пункт “в” в докладе т. Мусабаева на стр. 41-й? Он приводит мои мысли и для многих из этих писателей русский язык стал таким же родным языком, как и казахский язык. Да, я так писал и пишу дальше, буду писать, очевидно, еще больше и в будущем. Что я пишу даже в этой статье? Я пишу на стр. 164-й: “Это поколение писателей (т. е. советское поколение) не только знакомо с лучшими образцами великой русской литературы, а можно сказать, воспитано на ней... Русский язык — наш второй родной язык, и каждый казахский советский писатель по собственному опыту знает, что русский язык — если не в отношении словаря, то в отношении построения образа, предложения играет огромную роль в его творчестве. Мастерство писателя, пишущего на казахском языке, определяется его воспитанием на основе не только казахского, но и русского литературного языка”. Дальше еще я пишу на стр. 165: “Знание русской культуры, русского литературного языка помогает всем нам писать на родном языке ярче, красивее, содержательнее, помогает нам лучше, полнее использовать в своем творчестве все богатства своего родного языка”.

А вы, докладчик Мусабаев, поняли и оценили эти положения, в которых выражено самое сокровенное в нашем литературном процессе. Вы попробовали вдуматься в то, что эти мысли и положения составляют предмет гордости казахского, узбекского, украинского и всех иных братских писателей Советского Союза? Вы подумали о том, что это есть одно из принципиальных исторических отличий советских казахских писателей от казахских акынов прошлых времен? Нет, вы не подумали об этих весьма ответственных положениях. Наоборот, вы вздумали иронизировать над этими положениями, вы написали на 41-й странице, приведя мое

высказывание, которое гласит: “Для многих из этих писателей русский язык стал таким же родным языком, как и казахский язык”. На этом вы пытаетесь состричь, таких писателей у нас только один М. Ауэзов, который роман “Путь Абая” издал на русском языке, а когда он будет переведен на казахский язык — неизвестно”.

Что касается казахского текста “Путь Абая”, я воспользуюсь данной трибуной и отвечу не только Мусабаеву, а также читателям “Каз.правды”, очевидно недоумевающим после статьи Сильченко, где он задает, казалось бы излишний с его-то стороны вопрос: “Где же оригинал?” Даю справку: оригинал романа “Путь Абая”, конечно, написан раньше русского текста и переводился подстрочным переводом мною самим в виде глав, подглав, вставок, переработок к существовавшему оригиналу. Все подстрочники этих переработок романа ныне находятся целиком и полностью в архиве журнала “Знамя”, а казахский подлинник романа хранится в архиве Бюро Национальной комиссии Союза писателей СССР. А копия этого казахского оригинала, а не ожидаемого вами перевода т. Мусабаева, сдана в печать в Казахское издательство. Четыре месяца тому назад, т. е. тогда, когда печатался роман в журнале “Знамя”. Для подтверждения сказанного, я прочитаю вам маленький, но немаловажный документ.

Он гласит: “Справка. Казахский текст романа “Путь Абая”, сданный писателем М. Ауэзовым в печать Казгослитиздату 4/Х-51 г., по вине Казгослитиздата и Союза советских писателей Казахстана задержался выходом в свет до последнего дня.

Президиумом Союза советских писателей Казахстана в ближайшее время роман “Путь Абая” на казахском языке будет рекомендован к изданию отдельной книгой”.

Председатель Президиума
Союза советских писателей Казахстана

А. Джаймурзин.
5 февраля 1952 года

Вот каким фактом, тов. докладчик, я отвечу на вашу неуместную, неуклюжую попытку иронизировать по поводу ауэзовского романа “Путь Абая” и по поводу ауэзовской

высокой оценки значения русского языка для казахского советского писателя.

Считаю ли я всем сказанным, что моя статья лишена недостатков и отдельных ошибок? Нет, не считаю. Вероятно, они есть и, вероятно, они еще усугубляются и тем, что я в казахском своем оригинале не употреблял практикующуюся у наших языковедов терминологию, а переводил русские лингвистические термины по-своему. А перевел статью на русский язык тоже не языковед, а литературовед, поэтому, возможно, были неточности в обозначении отдельных, правильных по сути мыслей и положений. Противоречия, на которые указывает т. Мусабаев, являются поэтому не противоречиями по содержанию, а отдельными, незначительными несоответствиями в их словесной формулировке в казахском или в русском тексте.

А что касается моих марксистских ошибок, то они были не в этой статье, а в редактированном мною первом томе “Истории казахской литературы”, и о них я подробно написал именно в этой своей статье в ее казахском оригинале, читайте стр. 69–70 журнала “Әдебиет және искусство” № 4 за 1951 год, где я пишу... *(цитата на казахском языке)*.

Докладчик пытался также обвинить меня, приписывая мне якобы страшные ошибки т. С. Аманжолова. На деле оказалось, что я не повторяю т. Аманжолова, а по вопросу о диалектах и о роли Абая в формировании и развитии казахского литературного языка занимаю померно противоположную его взглядам позицию. Правда, должен добавить, что этим я вовсе не думаю смотреть на тов. Аманжолова, как на какое-то пугало, каким хотят представить его нам рьяные противники его. Как показал доклад тов. Сауранбаева, ошибки оказались в значительной степени общими для всех наших языковедов и при наличии, правда, больших и более менее разительных ошибок у т. Аманжолова все иные, пользующиеся всеми иными привилегированными положениями языковеды Казахстана, оказались абсолютно равными с Аманжоловым в отношении творческой непродуктивности, а то и бесплодия, я говорю это в смысле глубокого научно-значительного переустройства всего языковедческого хозяйства в республике.

В этом отношении я также ставлю в упрек т. Мусабаеву его чересчур явствовавшую односторонность в оценке положения с вопросом о литературном языке. Почему вышло так, будто во всем, что ни писал т. Аманжолов, нет ничего, кроме недостатков и пороков, а у иных языковедов будто нет никаких недостатков и ошибок в этом же вопросе.

Справедливо ли это до конца, следовало ли строить этот дискуссионный доклад в таком однобоком плане? Нет ли ошибок докладчика в таком именно продумывании своего доклада?

Все эти недоуменные свои вопросы я обращаю участникам нашей дискуссии...

По докладу т. Мусабаева в части моих высказываний я еще скажу об одной своей неудовлетворенности. Это о том, что, критикуя мои спорные положения, вытекающие у него из процитированного им лишь одного абзаца, и в котором, по его мнению, оказалось пять ошибок моих, докладчик не уделил внимания всем прочим моим, по моему глубокому убеждению, проблемным и свежим мыслям, важным для современного состояния казахского литературного языка положениям. Обращая внимание участников дискуссии на этот факт, я очень прошу товарищей познакомиться с моей статьей в альманахе “Дружба народов” № 6 за 1951 год и судить о ней в результате полного знакомства с нею.

В заключение я не могу не обратить внимания совещания на тон и поведение т. Мусабаева, называвшего мое высказывание по вопросу литературного языка признаком легкомыслия (стр. 42).

После всего сказанного и доказанного выше, смог бы с полным основанием употребить подобный же эпитет применительно к самому т. Мусабаеву. И я надеюсь, что данное уважаемое собрание поверит мне в том, что если бы захотел, я нашел бы, вероятно, достойные и заслуженные докладчиком эпитеты и на казахском, и на русском языках. Но я этого не скажу и не сделаю, дабы не снизить значение и качество данной дискуссии. Не скажу это еще и потому, что считаю ниже своего достоинства отвечать на подобный, явно грубый выпад.

Путь это останется на совести самого докладчика.

Алма-Ата. 1952 г. Февраль

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕКАДЕ В г. МОСКВЕ (1949 г.)

Товарищи! Выступая сегодня на литературной декаде, этом празднике казахской советской литературы, и говоря о тех произведениях ее, с которыми мы пришли на всесоюзной смотр, я хочу прежде всего в нескольких словах напомнить Вам о прошлом нашего народа и о его необычайном экономическом, культурном и литературном росте в советский период.

До Великой Октябрьской революции свыше 95% населения Казахстана, отсталого и социально-экономически, и культурно, вело кочевой образ жизни. Казахи почти не знали городской культуры, не имели национальных школ, печати, театра. Литературы в современном понимании этого слова у нас не было, и казахское искусство было в основном представлено музыкой — песней и устной поэзией.

Только с Великой Октябрьской революцией, получив государственное оформление и равноправно войдя в братскую семью советских народов, казахскому народу открылся новый широкий путь активного политического существования, путь небывало быстрого роста и расцвета как в хозяйственном, так и в культурном отношении. Мы гордимся гигантами социалистической промышленности всесоюзного значения — Карагандой, Балхашстроем, Джекказганом, Темиртау, Лениногорском. Сотни тысяч казахов работают сейчас на наших заводах, фабриках и рудниках, свыше шестисот казахов животноводов и полеводов и десять шахтеров Караганды удостоены звания Героя Социалистического Труда.

Не менее поразителен и культурный рост нашей республики. В настоящее время Казахстан насчитывает тысячи

начальных школ, сотни средних, 23 высших учебных заведения. В конце 1940-го года организован Казахский филиал Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина, а в 1946 году учреждена Академия наук Казахской ССР, включающая в свой состав 48 крупных научных учреждений, 17 научно-исследовательских институтов, 15 секторов и 10 периферийных баз. В числе научных работников наших вузов и научных учреждений насчитывается 17 казахов, имеющих степень доктора наук, и 84 казах-кандидата.

В республике издается 238 газет и 10 журналов. Мы имеем 3 издательства, 21 казахский театр. Наконец, наш Союз советских писателей Казахстана насчитывает в своих рядах 84 казах-писателя. Более двухсот человек молодежи пробуют свои силы на этом поприще. Таким образом, и дальнейший рост литературных кадров за счет нашей талантливой молодежи у нас обеспечен.

Партия и правительство с неустанной заботой и вниманием следят за каждым новым восходом, за каждым молодым ростком на нашей богатой ниве и создают все условия для ее дальнейшего пышного расцвета.

Мы, писатели, ощущаем эту заботу и внимание постоянно. Связанные прочными узами сталинской дружбы с народами союзных республик и прежде всего — с великим русским народом, идем творческим путем об руку с нашими товарищами — русскими писателями и одновременно учимся на лучших образцах великой русской литературы, носительницы культуры социалистического реализма.

Оглядываясь назад, нужно отметить, что с первых дней своего становления, еще в дореволюционную эпоху, казахская литература в лице единичных передовых представителей своего народа, несмотря на все преграды, создававшиеся царской колониаторской политикой, впитывала в себя то лучшее, что было создано русским классическим реализмом, наследуя в нем все прогрессивно-революционное. Наши классики прошлого столетия ставили своей исторической задачей учебу у представителей русской передовой демократической мысли. В этом отношении характерны имена Чокана Валиханова, Абая, Ибрая Алтынсарина, Спандияра Кубеева, Донентаева и Султанмахмуда Торайгырова.

В творчестве крупнейшего казахского поэта прошлого столетия — Абая — особенно ярко отразилось плодотворное влияние русского классического реализма. Оно заставило его увидеть казахскую действительность совсем иными глазами, нежели видели его предшественники и даже современники: его стихи заговорили о новом назначении поэта, о слове, как об орудии классовой борьбы за новые общественные идеалы; о недопустимости бездушной, безыдейной поэзии. Таким образом, эстетические взгляды Абая сходились со взглядами Белинского, видевшего в поэте прежде всего гражданина, борца за общественное благо. Абай отвернулся от напыщенного и гиперболизированного, подражательного виршеплетения своих предшественников и современников и вступил на путь простого и ясного “пушкинского” реализма. Беспощадно и последовательно бичуя пороки своего времени и своей среды, Абай был “гневным, злым сатириком”, о котором мечтал для всей России Добролюбов. Поэт клеймил правителей, чиновников, мулл и баев едкой сатирой, по духу своему весьма близкой к сатире его современника — великого русского писателя Салтыкова-Щедрина, произведения которого он высоко ценил.

Другой казахский поэт — просветитель и педагог Ибрай Алтынсарин — первый попробовал свои силы в создании казахской новеллы. В его произведениях ясно ощущается ориентация на русскую культуру через школу, через классиков литературы. На основе русской графики он разработал новый казахский алфавит и, следуя методике и педагогическим идеям великого русского педагога Ушинского, создал казахскую хрестоматию, включив в нее свои переводы басен Крылова. Всю свою деятельность Ибрай Алтынсарин направил на путь воспитания казахской молодежи в духе передовых традиций русской реалистической литературы и культурной светской школы.

В самом начале XX века зарождается казахская художественная проза, начало которой было положено романом Кубеева “Калым”. Роман этот далеко несовершенен в отношении художественной формы, но идейно-прогрессивные элементы критического реализма, заключающиеся в нем, представляют собой значительное явление в развитии нашей литературы.

Еще большее претворение традиций русского реализма мы наблюдаем в поэзии послеабаевского периода. В произведениях Донентаева и Торайгырова мы видим: острую социальную сатиру у первого, широкую панораму неприглядных, но правдивых картин жизни аульной бедноты, как-то перекликавшихся со строфами некрасовского “Кому на Руси жить хорошо” – у второго.

Итак, главным движущим стимулом в обращении переродовых казахских писателей прошлого к русским классикам является ясное осознание необходимости учебы и восприятия лучших традиций русской литературы.

Но только с Великой Социалистической революцией кончилась эта эпоха одиночек – пионеров прогресса, и только тогда все творческие силы казахского народа и потенциальные возможности его созидательного труда получили расцвет и небывалый размах. В нашу литературу пришли пролетарские писатели и народные акыны: Джамбул, С. Муканов, Нурпеис Байганин и другие. Этот подъем духовной мощи бывшего угнетенного народа порождает новых художников, которым нет преград для широкого обращения к наилучшим традициям русской духовной культуры. Советские писатели-казахи выступают в своем творчестве как полноправные наследники Пушкина и Абая, Белинского, Валиханова, учатся у Горького и Маяковского. Высокое идейное воспитание, полученное новыми поколениями при изучении произведений Маркса, Энгельса – Ленина и Сталина, стойким цементом скрепило духовные силы народов Советского Союза и породило то идейное единство, которое позволяет национальным писателям уже не поодиночке, а целым фронтом поворачивать исторический путь развития литературы вместе с писателями русского народа к высотам многогранной советской социалистической культуры.

Творчество казахских советских поэтов с первых шагов ориентируется на лучшие традиции пролетарских поэтов и писателей – Маяковского, Горького, Д. Бедного, Багрицкого и др. Оптимизм, пафос политической борьбы, отрицание пережитков прошлого, порыв к новому, идея дружбы советских народов, широкие пути учебы – вот характерные темы казахской поэзии после Октябрьской революции.

Новая поэзия становится непосредственным орудием классовой борьбы, развернувшейся в ауле. Это поэзия жизнеутверждения, действия, созидания. Она воспевает победу социалистической революции, героику Гражданской войны, Красную Армию, возрождение и расцвет родной страны; стремится запечатлеть в поэтическом слове образы Ленина и Сталина – гениев человечества и великих заступников угнетенных народов. Герои новых произведений – раскрепощенный батрак, эмансипированная женщина-казашка, новые хозяева своей Родины. В этом отношении особую роль играют поэты С. Муқанов, А. Токмагамбетов, Т. Жароков, А. Тажибаев, Г. Орманов, Ж. Саин, К. Аманжолов, А. Сарсембаев, К. Бекхожин и другие.

Великая Отечественная война внесла новую тематику в советскую казахскую поэзию. Многие из наших писателей и поэтов сами были в рядах советских воинов, сами участвовали в боях и в победоносном шествии Советской Армии по странам Европы. Это обогатило их жизненный опыт и способствовало их идейному и творческому росту.

В поэзии Ж. Саина получила отражение героика партизанской борьбы за освобождение Родины, в которой он долгое время участвовал на Украине. Поэма К. Аманжолова “Абдулла”, написанная в романтическом духе, является одним из лучших произведений казахской поэзии на тему Отечественной войны. Говоря об этом поэте, необходимо отметить его другую поэму – “Сталин”, напечатанную в его сборнике “Буря” под новым названием “Наша поэма”.

На темы Отечественной войны написан сборник стихов поэта Абу Сарсембаева, стихи поэтов-фронтовиков Д. Абилева, Ж. Молдагалиева, С. Мауленова и др.

Послевоенный период вызвал к жизни в нашей литературе новые темы. Историческое постановление ЦК ВКП(б) о журналах “Звезда” и “Ленинград” побудили наших писателей пересмотреть и критически проанализировать свое творчество. Это постановление было истинным сдвигом в их работе: оно направило их внимание на актуальные темы современности, восстановительное строительство, новый колхоз, индустриальную тематику. К таким произведениям следует отнести поэму Т. Жарокова “Хлеб”, посвященную борьбе колхозников за высокий урожай; поэму Г. Игенсар-

това “Жизнь в лаве”¹ – о карагандинских шахтерах, “Годы” и “Улы-Тау” К. Бекхожина – в первой автор говорит о грандиозном размахе и темпах развития всех отраслей жизни нашей страны, во второй – о мастерах животноводства; цикл стихов Г. Орманова, посвященных успехам социалистического строительства (“Медный город”, “Урожайное поле”, “Бетпакдала” и др.); наконец, поэму молодого поэта Ергалиева “На большом пути” – о строительстве новой трассы “Моинты – Чу”.

Развитие советской казахской художественной прозы, по примеру русской советской прозы первых годов революции, началось с появления рассказов, главным образом на темы Гражданской войны. В дальнейшем казахская проза росла и развивалась на советской тематике: Гражданская война, классовая борьба в ауле, коллективизация, женское равноправие, рождение и рост нового человека, советское воспитание и строительство.

В последующие этапы ее развитие мы наблюдаем в творчестве таких прозаиков, как Муканов, Мусрепов, Мустафин, Абишев, плодотворное усвоение отдельных черт русской реалистической литературы, метода социалистического реализма в изображении картин стройки, колхозного труда, становления нового человека. Героика Отечественной войны также нашла в ней свое должное идейное и тематическое отражение. Общение с русской советской литературой и учеба у А.М. Горького сказались на творчестве Г. Мусрепова. Советские прозаики М. Шолохов и А. Фадеев многому научили таких писателей, как Мустафин и Абишев.

Обращаясь к отдельным произведениям наших прозаиков, следует отметить большой творческий путь С. Муканова, вехами на котором являются его романы “Сын бая”, “Ботагоз”, “Балуан Шолак” и, наконец, недавно опубликованный роман “Сыр-Дарья” на тему о строительстве оросительного канала на берегу Сыр-Дарьи в годы Отечественной войны и послевоенный период.

О значительном уровне казахской советской прозы свидетельствует повесть Г. Мустафина “Миллионер”, посвященная современной боевой тематике, – повесть о новом колхозе. В действенном проявлении характеров и новой

психики, в новом ощущении жизни, борьбы, коллективного труда — явно сказывается освоение автором методов социалистического реализма.

Писатель Г. Мусрепов существенно пересмотрел и переработал свою повесть “Казах—батыр”, создав новый вариант ее под названием “Солдат из Казахстана”, убедительное реалистическое повествование о казахе — герое, участнике Отечественной войны.

Писатель Сланов закончил роман “Дальние просторы”. Следует упомянуть также повесть К. Абдыкадырова “Колхозное звено” — о трудовой доблести казахской девушки Рыскуль Макатовой, роман молодого писателя А. Нурпеисова “Курляндия” — на тему Великой Отечественной войны, над композиционной отделкой которого автор продолжает работать и в настоящее время, а также произведения малых форм: рассказы, художественные очерки М. Тиесова, С. Омарова и других.

Драматургия в дореволюционный период у казахов отсутствовала. Она и зародилась, и расцвела в послеоктябрьские годы. Сейчас наши театры уже располагают репертуаром советских казахских пьес, отображающих жизнь нашего народа, его борьбу за свободу и счастье, его созидательный труд, его участие в битвах против немецких захватчиков. Наш зритель знает и любит пьесы Г. Мусрепова “Козы Корпеш и Баян Сулу” и “Ахан-серэ и Актокты”, “Амангельды” Ш. Хусаинова, “Гвардию чести”, написанную мною совместно с Абишевым. Из пьес, написанных после постановления ЦК ВКП(б) о драматургии, следует особенно отметить пьесу Абишева “Дружба и любовь”, показывающую героический труд карагандинских шахтеров в годы Отечественной войны. Тот же автор недавно закончил новую пьесу “Единая семья”, темой которой является великая сталинская дружба народов.

Заканчивая это краткое сообщение, я с особой радостью и благодарностью хочу отметить большую и плодотворную помощь, которую оказывают казахским писателям русские товарищи и неизменные друзья как своими художественными переводами и редактированием казахских литературных произведений, так и постоянными дружескими советами и критикой. Прежде всего я отмечаю неизменную помощь и

заботу, выказываемую нам руководством всесоюзного Союза писателей в лице гг. Фадеева, Симонова, Горбатова, Тихонова. Товарищи Соболев и Вс. Иванов из года в год проявляют свое активное участие в нашей литературной жизни и интерес к ней. Товарищи Бородин, Зенкевич, Сидоренко, Петровых, Сельвинский, Маршак и другие установили с нами подлинное литературное содружество и своими прекрасными переводами немало содействовали выходу произведений наших писателей на сегодняшний всесоюзный смотр.

Мы все уверены, что такая тесная творческая дружба принесет огромную пользу нашей казахской советской литературе на пути ее дальнейшего развития и преодоления еще не пройденных ею до конца этапов. Нашим писателям можно пожелать более глубокого освоения методов социалистического реализма, путем к которому должно стать систематическое изучение лучших произведений великой русской литературы и творческое применение прекрасных ее традиций к национальной специфике, богатству родного языка, особенностям характера и традиций своего народа и своей национальной культуры. Мы должны в нашем творчестве стать ближе к действительности, вернее — целиком вступить в нее, овладеть индустриальной тематикой сегодняшнего дня. Сделав метод социалистического реализма основой советского творчества, мы тем самым обогатим национальные формы нашей литературы и одновременно освободим, очистим ее от канонизированных, зачастую застывших и окаменелых форм, удержавшихся в ней вследствие отсталости нашего народа в прошлом. Сегодня этот вопрос стоит для нас не только как вопрос учебы мастерству, но как вопрос верной исторической ориентации нашей литературы на самое передовое, высокоидейное искусство мира. Мы не только учимся, но и сотворчествуем с русскими писателями, создаем нашу единую социалистическую культуру накануне великого перехода к коммунизму.

ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА (1950 г.)

Известно для каждого советского писателя и ученого, что как нужна художественная, советская, партийно освещающая действительность литература народов нашего Союза, также нужна и история литературы, марксистско-ленински, принципиально, объективно и справедливо, критически объясняющая пути и этапы литературного процесса на каждой советской, национально-исторической почве у нас в Союзе.

Очерки по истории советской литературы, если они будут написаны на должном идейно-научном уровне, станут одним из самых дорогих и долгожданных для нашей общественности трудов. А тот факт, что этот труд выходит от имени Академии наук Казахстана и при ближайшем заинтересованном участии ЦК КП(б)К, требует, чтобы данный труд вышел настоящим полноценным трудом, полноценным в идейно-политическом и научном отношении.

Известно каждому, что историю литературы делают собою художественные произведения — писатели-авторы, а не учебники и очерки литературы, не рождающие сами по себе ни произведений, ни авторов, ни периодов литературы, а лишь изучающие эти произведения, этих авторов. Но изучение это может представить разную степень культуры, разные виды научной зрелости исследовательской мысли, различные ступени объективно справедливой критики. Требование партийности в литературоведении обязывает исследователей быть справедливо требовательными не только к изучаемым произведениям и авторам, а также обязывает быть требовательными к самим себе, к пониманию

своей ответственности и перед советским читателем, перед учащейся молодежью, которую мы воспитываем нашими исследовательскими трудами. Только незначительные и внутренне не свободные от каких-нибудь тенденций литературоведы могут в учебниках или очерках быть не объективными настолько, чтобы полагать, что они могут свое индивидуальное, тенденциозное отношение к иному автору, иному произведению противопоставить мнению партийно-советской, писательской или широкой читательской общности наших республик или всего Союза.

Разбираемое нами “Введение” к “Очеркам казахской советской литературы” наряду с отдельными своими положительными качествами, о которых я скажу ниже, имеет ряд существенных недостатков в научно-методологическом, идейном смысле, а также в смысле индивидуалистически тенденциозной, необъективной своей односторонности. Об этих недостатках нужно говорить со всею полнотой особенно сейчас, когда труд не отпечатан и когда в первой своей редакции представляется на наше обсуждение в ожидании деловой, необходимой помощи от нас.

Положительным свойством “Введения” является попытка дать сводную, обобщающую характеристику всего пути зарождения, развития, становления казахской советской литературы. Также есть частичная попытка разносторонне, по жанрам, охватить различные виды литературного творчества, есть заметное стремление (хотя это наблюдается не в отношении всех авторов) осветить их творчество в критическом плане.

Но я не разделяю мнения Сабита Муканова, ставящего в заслугу составителям то, что ими собран большой материал. У нас достаточно собрано материалов. И задачей авторов данного “Введения” было, прежде всего, дать глубокое обобщение, полноценное в идейно-политическом и научном отношении.

Главные же недостатки настоящего “Введения”, на мой взгляд, состоят именно из ряда принципиально научных, идейно-методологических ошибок. И, кроме того, имеются налицо, неприкрыто выступающие нездоровые частности, вытекающие тоже из ошибочных идейно-политических тенденций авторов данного “Введения”. Начнем с научно-методологических, принципиальных недостатков.

Во-первых, составители “Введения” не поняли своей задачи, заключающейся в том, что история национальных литератур Советского Союза не только советского периода, но и в своих прошлых главных этапах должна изучаться в преемственной связи с историей русской литературы. Только под благотворным общественно-идейным, культурно-художественным воздействием русской классической литературы зародилась и развилась казахская культурная поэзия прошлого. Установление традиций русского реализма, получившего свое отражение в казахской литературе прошлого, и, тем более, установление (путем глубокого, разносторонне научного, детального анализа и сопоставлений) идейно-культурного воздействия русской советской литературы на творческую разработку метода социалистического реализма у казахских советских писателей — должны были составить основную и почти единственную задачу “Введения”. Между тем, “Введение” не уделило должного внимания ни традициям русского реализма, ни теоретическим глубоким проблемам социалистического реализма в русской и казахской советской литературе.

Это мое высказывание относится не к той или иной странице “Введения”, а касается всего построения, всего содержания “Введения” от начала до конца. Поэтому, хотя вчера люди говорили, что “помочь” — это значит указать страницу, абзац и тем сделать замечания в элементарных видах: “хорошо”, “добавить”, “расширить”, “сократить” и т.д. Я считаю помощь не обязательной для каждого выступающего и не считаю ее самой мудрой формой помощи авторам.

Мы не встречаем ни во вступительной статье, определяющей задачу всего труда, постановку этой проблемы, не встречаем исследований, анализа в этом направлении ни в первом разделе “Введения”. А во втором разделе хоть и упоминаются в ряде мест имена русских советских писателей и их произведения, но этот материал дан только в порядке отписки, в виде только голого, косвенного упоминания, дан без всякой попытки изучения подлинных внутренних взаимосвязей произведения казахского автора с тем или иным ведущим произведением ведущего русского, советского автора. В результате получается неверная, ошибочная трактовка моментов зарождения и развития казахской советской

поэзии, прозы и драматургии. Получается самодовлеющий, внутренне оторванный от литературного процесса всего Союза, изолированный, самобытный путь развития казахской литературы со своим основоположником, со своими, лишь оригинальными авторами. Основоположником казахской советской литературы, как и всей советской литературы, нужно считать великих пролетарских писателей Горького и Маяковского. Нет казахского, киргизского, узбекского и т.д. основоположника советской литературы, это претенциозно и неверно. Мы все считаем бесспорной основу пролетарской, социалистической культуры, единой и зарожденной на основе учения Маркса, Ленина, Сталина, на основе побед единой пролетарской революции, положившей единую основу для всех многоязычных братских литератур Союза. Есть не основоположники, а продолжатели на данной почве всеобщих революционных, социалистических традиций советской литературы. Опять-таки здесь недостаточно указать одну страницу, где сказано о Сабите как об основоположнике, я имею в виду все построение “Введения”, где казахская литература взята изолированно. Эта концепция данного “Введения” спорна и ошибочна по сути своей.

Неверная установка в этом проблемном вопросе привела авторов к голой апологетике, к восхвалению заслуг одних, например, в отношении С. Муканова, к затушевыванию, замазыванию достижений других.

Заслуги Сабита Муканова, безусловно, большие и исторически бесспорные, особенно в начальные периоды развития каз. советской литературы, но о них надо говорить не голословно, только перечисляя его первые стихи, а надо говорить, разбирая, изучая научно-критически и, главным образом, устанавливая внутренние художественно-идейные связи с произведениями Горького, Маяковского, Д. Бедного, Багрицкого и т.д. И если мы упоминаем о них, то надо их изучать, исходя из ленинского принципа партийности литературы, отраженного, прежде всего, у первоклассных русских писателей и в порядке преемственности перешедшего к Сабиту Муканову.

Второй крупный недостаток “Введения” заключается в том, что оно не дает, кроме перечислений имен авторов и названий произведений, да суммарной характеристики до-

стоинств или недостатков целой группы произведений, по-настоящему выделенных, действительно крупных в идейном и художественном отношении произведений для каждого из выделенных трех этапов развития казахской советской литературы.

Получается для каждого этапа повторяющиеся сходные круги, а в целом нет полного и ясного представления (кроме голых, общих фраз о непрерывном росте) о самом подлинном движении вперед, о бесспорном восхождении казахской советской литературы в высоту, о росте, отмеченном отдельными крупными поэмами, драмами, повестями, романами. Получился опять, калейдоскопически смешавший лучшее с худшим, значительное с незначительным, идейно-высокое с ошибочным, бесцветным, – единый поток, осуждаемый сейчас в советском литературоведении во всем Союзе и особенно в применении к исследовательской практике литературоведов, изучающих литературу среднеазиатских республик.

Третий крупный идейно-политический и научно-методологический недостаток “Введения” заключается в игнорировании существующей на русском языке критики и оценки недостатков и достоинств произведений казахских советских писателей. Существуют опубликованные на страницах казахстанской печати: в “Каз. правде”, в “Большевик Казахстана”, в “Ленинской смене” и еще в центральной союзной печати – в “Правде”, “Известиях”, “Комсомольской правде”, в “Литературной газете”, в журналах “Новый мир”, “Звезда”, “Дружба народов”, “Советская книга” и во многих других органах серьезнейшие, объективные и научно-критические, по-настоящему квалифицированные статьи о романах, пьесах, стихах казахских авторов. Их оценки в применении к некоторым нашим произведениям, как, например, в отношении романов Муканова “Сын бая”, “Балуан Шолак”, “Сыр-Дарья”, стали всеобщим, установившимся мнением. Именно в этих статьях, в этих высказываниях много ценных обобщающих выводов, глубоких мыслей, выражающих более объективное мнение о литературе, о недостатках и достоинствах в творчестве писателей, а следовательно, и в творчестве Муканова, Ауэзова и др. Так, например, много интересного сказано Фаде-

евым, Горбатовым, В. Ивановым и др. Однако составители упомянутых глав “Введения” по непонятной причине, целиком игнорируют эти оценки и по-своему утверждают бездоказательные, ошибочные и совершенно противоположные оценкам центральной печати свои упрямые и скудные мнения об указанных произведениях или авторах. Что касается меня, то я, как и миллионы читателей Казахстана, не сомневаюсь в том, что и центральная печать, и русские писатели, и критики, высказавшиеся на ее страницах о казахской литературе, говорили наиболее грамотно и профессионально, квалифицированно, а также говорили гораздо более заботливо и справедливо, чем многие наши доморощенные выделяемые критики.

Поэтому надо брать в основу суждения о наших произведениях оценки объективной русской, советской критики.

Четвертый общий недостаток всех трех разделов “Введения” заключается в том, что они написаны не на уровне научно-убедительного, углубленного исследования, а написаны в стиле и тоне статей, чрезвычайно фрагментарного, поверхностного порядка. Особенно явны в этом смысле недостатки вступления, первого и третьего разделов.

Говоря о недостатках 3-го раздела следует указать, как уже было указано тов. Баишевым, на то, что Джамбула надо особо выделить и говорить о его творчестве не только послеоктябрьского периода, но также и о раннем творчестве, ибо Джамбул являлся признанным народным акыном и в дореволюционное время.

Как на существенный недостаток следует указать еще на то, что авторы данного введения используют для примеров незначительные частичные факты, так, например, до 25 стр. маликовской статьи все цитаты взяты из творчества Абу Сарсенбаева. Между тем в то время наиболее полноценные художественные произведения были созданы Джамбулом. Почему бы не взять для примеров такие, например, произведения, как “Ленинградцы, дети мои” и др.?

Недостатком также является некоторое несоответствие пропорции, в которой берутся поэзия и проза. Значительно больше внимания уделяется поэзии. Надо было говорить, не умаляя значения поэзии, и о прозаических жанрах, и о драматургии соответственно их значениям в истории каз. советской литературы.

Пятый крупный недостаток “Введения” заключается в явной необъективности подхода к авторам. Причем для каждого, кто сколько-нибудь критически вчитается в эти статьи, ясно выступает желание не только отдать должное заслугам одних, недостаткам, ошибкам других, но явно стремление захвалить одного и изничтожить другого.

Надо помнить элементарную истину о том, что хорошее произведение переживет любую посредственную, тем более несправедливую критику любого составителя “Очерков” или “Введения”. Также бесспорно, что любая безмерная похвала, апологетика составителя “Очерков” или “Введения” не обеспечит славу, признание, бессмертие слабому автору, малохудожественному произведению. Всем известны печальные факты, когда иной автор при своей жизни переживает свою славу, книга при жизни автора, получив в одно время у одних критиков апологетическую оценку, тут же для советского читателя перестает существовать как... достижение литературы. Стало быть, и книга переживает при живом авторе свое признание первых лет. Тут не поможешь ни снижением достоинств одного произведения, ни искусственным повышением оценки другого произведения. Нужно писать хороший роман, хорошую поэму и только так, только через это, а никаким иным тенденциозным путем не восстановишь равновесия, нарушаемого самыми справедливыми закономерностями нашего роста и развития. Я хочу, кроме того, сказать, что не нужно никому из живущих авторов воздвигать памятники при жизни. Критикуйте, тем самым помогайте лучше писать, если вы искренни в вашем стремлении помочь росту казахской литературы. А вот авторы “Введения”, по-моему глубококому убеждению, не помогают даже и Сабиту, которого одного и выделяют в общих оценках его прошлой деятельности. Воздано общих похвал много, а вот какими выдающимися произведениями в поэзии, прозе и на основе каких их качеств Сабит Муканов выделился сам и представил высокую, идейно-художественную, новую ступень казахской поэзии и прозы — “Введение” этого не смогло доказать.

Я согласен вполне с тов. Байшевым, что надо было говорить не вообще о заслугах Муканова, а выделять достоин-

ства и недостатки, анализируя его творчество по отдельным этапам, по жанрам.

Говоря о первом этапе его творчества, надо было показать, что Муканов тогда писал выдержанные в идейном отношении стихи. Затем следовало бы выделить две его поэмы “Сулушаш”, “Ак аю”, знаменующие собою вершину творчества Муканова в прошлом. И необходимо было в этой последней поэме указать на новый подход автора к оценке явлений действительности.

Составители пытаются характеризовать облик того или иного писателя в целой группе его современников — авторов, даже различных в жанровом отношении, не выделяя из их среды ни слабых, ни сильных в идейном и художественном отношении. Так, например, по прозе следовало говорить как о хорошем произведении Муканова — “О загадочном знамени”. И если хвалить Муканова, то надо было конкретно указать, что его заслуга заключается, главным образом, в создании этого первого реалистического романа. Но у Муканова есть и такие произведения, как “Сын бая”, которое на страницах “Комсомольской правды” было подвергнуто резкой критике; затем “Балуан Шолак” — как отступление от соц. реализма, также указывались недостатки произведения “Сыр-Дарьи” в отношении слабости, несостоятельности метода изображения советской стройки. Однако эти недостатки составителями не учтены и не указаны. В отношении же Ауэзова весь упор сделан лишь на его прошлое, лишь на его ошибки. Совершенно не приняты во внимание его достижения в последующий период, хотя было бы совершенно естественно сделать упор именно на последний период творчества, знаменующий творческую перестройку писателя.

Абсолютно нивелирующе, незначительно, в невыразительном, незапоминающемся перечне даны все прочие, кроме Муканова и Ауэзова, авторы в поэзии, прозе и драматургии. Поэтому из “Введения” не видно того, что собой представляют многие писатели, например Г. Мусрепов, Токмагамбетов, Тажибаев и др. Правда, авторы могут сказать, что это “Введение” и в нем не может быть углубленного анализа. Но не нужно и такого “Введения”, в котором не выделены значительные мысли, оценки книги, установки

авторов на известные произведения в известные этапы. При том состоянии слабого научно-теоретического уровня настоящего “Введения” даже его объем в 150 страниц не соответствует содержанию, непомерно длинен, разжижен и незначителен ни мыслями, ни методом изучения материала.

Мусрепов Габит хоть здесь на совещании в ЦК КП(б)К не признавал, а в Москве на пленуме сам указал, что пьесы “Козы Корпеш – Баян Сулу”, “Кыз Жибек”, в том числе и пьеса Ауэзова “Айман – Шолпан” и др. написаны не в стиле социалистического реализма, а написаны в лучшем случае в стиле критического реализма.

Пусть взята “Кыз Жибек”, напр., но надо ее изображать советским писателям с точки зрения нашей современности. Вот в чем идейно-творческая задача. О чем и надо требовательно говорить составителям “Очерков”.

Относительно того, как написано в данном документе обо мне, я не стану распространяться, не стану тратить времени и энергии на это. Отмечу лишь одно: авторы написали о прошлом и настоящем Ауэзова не в согласии, а вопреки отношению партии, писателей и читателей к творчеству Ауэзова. Они выразили лишь свое, чрезмерно-субъективное, крайне тенденциозное отношение к Ауэзову. Раз это так, то, я уверен, что такая оценка деятельности Ауэзова не будет принята нашей общественностью.

Ведущая нас на честный труд и руководящая всеми нами партийная общественность и справедлива, и объективна, и я уверен в том, что она не позволит судить несправедливо, оскорбительно о своем, советском писателе, трудам которого она уделяет очень серьезное внимание.

И тов. Муканову следовало бы во вчерашнем своем выступлении стать выше всяких наших личных отношений. По-моему, как руководитель Союза писателей и как писатель, как советский культурный человек и как мой современник, сотоварищ по перу, тов. Муканов имел моральное право и полное основание говорить строго критически, даже сурово по поводу всяких тенденциозностей этого документа в отношении Ауэзова.

Баишев прав в своем высказывании об Ауэзове... в целом, заключая свои высказывания, я прихожу к выводу о том, что:

“Введение” в настоящем виде не представляет значительного по научному уровню исследования, т.к. несет в себе ряд принципиальных ошибок в идейно-теоретическом, научно-методологическом смысле.

“Введение” написано в тоне и характере поверхностной обзорной статьи, лишено содержательного по мысли, новизне исследования, значительных обобщающих моментов.

3. “Введение” апологически тенденциозно к одним, несправедливо тенденциозно к другим авторам, произведениям, поэтому не смогло выразить объективного, справедливо-научного мнения о многих фактах казахской советской литературы, не могло дать правильного освещения творчества и всех других писателей.

На основе всего сказанного вношу предложение: Институту языка и литературы – переработать кардинально все “Введение” и пересоставить заново отдельные разделы в нем.

4. Конкретно пересоставить – “Вступление”, первый и третий разделы, переработать существенно – раздел второй.

ТЕЗИСЫ К ДОКЛАДУ “ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ВВЕДЕНИЯ В ИСТОРИЮ КАЗАК-КИРГИЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ”

Важнейшие общие экономические этапы в истории казак-киргизского народа.

I. Эпоха натурального хозяйства, скотоводство в эту эпоху как древнейшая форма хозяйства, отсутствие постоянных территорий. Казахи-киргизы как настоящие кочевники.

Общественный строй, основанный на этой экономической базе, — родовой строй, род как хозяйственный союз, и взаимные набеги за обладание лучшими территориями в различные времена года. Постоянные передвижения с войной, грабежом до тех пор, пока не встретят естественные границы или не упрутся о твердую стену сильного организованного отпора какого-нибудь государственного объединения. Экономические интересы требуют тесного союза, тесной связи между отдельными членами внутри рода. Единство рода охраняется всеми воспитательными мерами: выработанным обычаем, своим внутренним родовым уставом, распространявшимся на всех.

Родовой строй существовал очень долго — веками. В особенности среди тех тюркских племен, у которых ни естественные географические условия, ни условия культурного соседства с каким-нибудь организованным государственным объединением не давали стимулов к переходу к иным хозяйственным формам.

Вековое существование родовой организации привело к большой разобщенности между родами, общее следствие — родовая ограниченность, враждебность ко всему вне рода.

Наряду со сложными людскими взаимоотношениями внутри рода – простое, враждебное, чисто внешнее отношение с точки зрения захвата, насилия над другими родами.

Враждебное окружение внутри каждого рода вырабатывает сознание необходимости тесного единения внутри племен.

Веками оформляется родовая идеология. Вырабатывает совет старейшин – в деталях все пункты взаимоотношения семьи, колена, вопросы примитивной морали, чести, охраны интересов своей общины. Восхваление, возвеличивание всего, что исходит от своего рода или от отдельных представителей его. Коллективная защита своего – правдой и неправдой.

В результате – ярко определенный литературный стиль родового общества. Ни одна из литератур других тюркских народностей не отражает родовую идеологию в такой резко очерченной форме, как казак-киргизская.

I

1) Историко-литературное изучение образцов литературного творчества не есть только научная проблема, стоящая перед одним литературоведением или тюркологией. Это актуальная задача современности.

Наличие средних, высших школ, накопление обильного количества материалов памятников (у казахов, киргизов) – тоже требуют систематизации, научного анализа, научного осмысления, преодоления этого материала.

2) Как изучать ее? Наиболее продуктивный, объективно-научный метод – социологический метод, последнее слово науки. Сущность этого метода не понята нашими исследователями. Оценки с точки зрения лишь значения неверны. Литературное произведение значимо сплошь. Значение неотделимо от всех деталей воплощающего материального тела.

Отжималась плохая философия и прочее. Забывалось основное – художественная структура. Выжимали не адекватные действительности, содержанию произведения. То, что дано в живом становлении и конкретном единстве идеологического кругозора, изолировалось до законченного и

всегда дурного догматического построения. Наиболее существенное – отражение бытия в формах самой литературы. Как таковой, т. е. социальной жизни, выраженной на специфическом языке поэтического произведения. Органическая включенность в литературу других идеологий в процессе их становления. Идеологема, входящая в художественное произведение, вступает в новое химическое, а не механическое соединение с особенностями художественной идеологии. Географическая зона А.Н. Веселовского. Дальше влияние литературного произведения на другое внутри литературного процесса. Одновременно с этим есть влияние и внешних внелитературных рядов. Это все пути объективно-научного исследования.

3) Не за упрощенный анализ “экономический базис и литература”, а перечисленная формула Плеханова. Помнить необходимо специфику литературных рядов. Взаимодействие базиса и надстроек и подстроек между собой. Познать имманентные законы литературы.

II

1) Все сказанные предпосылки – теоретическое введение к историко-литературному изучению новых литератур. Не метод упрощения с точки зрения содержания, а изучение всех специфических особенностей литератур каждой эпохи. И социологически объяснить особенности художественной конструкции в целом. И определение исторических этапов по стилю, жанрам, по формальным элементам в связи с общественными формациями в историческом процессе развития каждого народа.

2) Сегодняшний доклад не представляет из себя конечные выводы, категоричные заключения, а ставит только проблемы. Намечает возможные вехи исторического изучения.

Оно требует известной периодизации литератур, согласно общественным формациям. Бесспорно, каждый общественный слой, социальная группа имеют свои особые способы выражения своего мирозерцания, чувства, свой стиль. Отсюда необходимость установления общественных формаций.

3) Но эта область не изучена. Берем как рабочую гипотезу четыре формации.

И выявляем жанры, соответствующие этим общественным формам.

III

Создавшие формы общественных отношений:

1) Натуральное хозяйство, родовой строй, кочевой быт, его стиль, жанры: эпос, лирика.

2) Восточный торговый капитал. Ханство, начало русского торгового капитала. Стиль, мелкие жанры, начало индивидуальной поэзии, распад синкретической формы литературы социальной группы. Риторика, двусмысленность.

3) Усиление влияния русского торгового капитала. Распадание ханства, начало разложения родového союза и начало влияния промышленного капитализма. Литература: историческая песня, зарзаман и Абай.

4) Усиление промышленного капитализма. Переселение. Железные дороги. Усиление колонизации, национальная публицистика, литература. Европейские методы борьбы. Газеты, журналы, призывная поэзия, агитка.

5) Эпоха социального строительства литературы после Октября (пять докладов).

Устная поэзия

Литературный стиль эпохи натурального хозяйства родového строя, времен взаимных набегов выражен в двух жанрах: 1) в лирике; 2) в эпосе.

Виды лирики: обряды — жоктау, коштасу, көңіл айту.

Свадебная: жар-жар, бет ашар, сынсу.

Виды эпоса: богатырские былины, лирические поэмы.

Начнем с эпоса. В том, что содержание и идеологические тенденции богатырского эпоса всецело отражают идеалы экономические, общественные интересы рода, в этом нет сомнения. Богатырь — конкретное воплощение родовой мощи. Имя богатыря — сборное имя рода. Его деяния не из личных побуждений, не из-за личных интересов. Выселяет чужие роды, отбирает их земли, грабит их имущество. Богатырь идеализирован. Его рождение, его конь, его жена —

идеальное дополнение к его личному величию. Все это относится к содержанию. Социологическое объяснение содержания обнаруживает тесную связь богатырского эпоса с общественной идеологией родового строя.

Обнаруживает ли то же самое и форма богатырской былины? Мы скажем: да!

Конструкция былины, предшественницы современного романа, имеет три вида рассказывания: восточный, европейский и специальный прием нанизывания. Шкловский не дает социального объяснения этих форм. Из них прием нанизывания – самый древний способ рассказывания. Богатырь – идеал. Его похождения – история рода. Эта большая цепь исторических событий, пережитых родом. Поэтому каждая новелла самостоятельна. Эпизод – самостоятельное историческое событие. Все эти события нанизывают к имени путешественника, героя батыра, кочевника. Вся форма связывается с экономическим общественным строем – по части общей конструкции.

Лексика – эпитеты, метафоры

Вершинное строение сюжетной конструкции. Единственный герой – батыр. Это род батыра – коллектив. Его спутники – статисты. Как идеализированные, симметрично расположенные от него по нисходящим линиям: его жена, его конь, его ближайший друг, его оружие или друзья-соратники.

Слабо, бледно очерчен его противник. Он комичен, хвастлив, глуп. Дальше как основание – масса, батырская рать, готовая только на то, чтобы делить добычу, больше динамических тем, действенный реализм. Мотивировка динамических тем – фантастична, редко реалистична. Фантастически преувеличен герой. Это, с одной стороны, отражает идеал рода, с другой стороны, в этом проглядывает вера в магию слова. Это ярче выступает в эпитетах, в сравнениях “айбалтасы канды орак”. Пожелание выражается в лирических преувеличениях.

Преувеличение батыра как мощи рода еще ярче выступают в более частных элементах поэзии – в сравнениях, эпитетах, в общих приемах изобразительных средств, даже в рифмовке.

Прежде всего сравнения обнаруживают экономическую эпоху, эпоху натурального хозяйства — как натуральный реализм. Природа и человек противопоставлены друг другу. Образы из окружающей природы, животного мира, доступные его непосредственному наблюдению явления природы. Литература этой эпохи синкретична. Песня, история — результат одного творческого акта.

Эпоха начального развития торгового капитализма. Ханства — продукт влияния восточного торгового капитализма. Роды объединяются, определяются земельные территории. Вокруг хана группируется родовая аристократия. Ее общественное сознание, идеология получают отражение в двух формах — жанрах. Это — 1) толгау; 2) айтыс.

Отпадает эпический стержень. Преобладают рассуждения, превалируют смысловые темы. Жырау бий. Его занимают смысловые темы. Особый стиль выражается в риторике. Риторическое обращение, восклицание, риторический вопрос, сентенции. Изречения толгау — обращения для масс. Отрыв от представлений масс. Сознательное нежелание быть понятным для них. В особенности это ярче выступает в айтысах биев. Решения биев не должны подвергаться критике масс. Впервые выделяется аристократия, феодалы. Поэзия от литературных форм — к коллективной поэзии. Начало индивидуальной поэзии. Образы сборные, трудные сравнения. Пестрые, многообразные перечисления, решения в виде загадок. Примеры.

Торговый капитализм русских

Разложение ханств. Идеология их сохранилась. Сопротивление русскому завоеванию — потерянный рай. Возврат к прошлому. Идеал — самостоятельное существование ханства. Борцы: потомки ханов, биев. Отражение в литературе. Исторические песни. Воспеваются исторические события. Герои — исторические личности — поэты, дружинники, очевидцы событий, сказочные преувеличения. Идеализация в образе богатыря. Формальное заимствование приемов богатырского эпоса.

Неудачи, поражения. Наступательные действия русского правительства. Развивается, побеждает торговый капитал.

Литература уныния зарзаман. Продолжение идеологии жырау, певцов исторических песен. Вместе с тем падает и Восток, религиозный мистицизм. Поэзия разочарования. Идеология разбитой, стертой группы – родового аксакальства. В этот период разлагается род. Новые административные деления. Окружной приказ, устав о сибирских киргизах.

Форма поэзии – мелкие жанры, малые формы. В поэтич. лексике – элементы религиозности. Акырзаман, религиозно-мифические герои. Тот же призыв от имени религии.

Группа поэтов-книжников. В недовольстве сегодняшним переключается с идеологией клерикальной поэзии. Литературные формы повторяют стиль и жанры того периода. [.....]

Вторая группа поэтов – выразителей идеологии разлагающегося родового об-ва, – против колонизации, отбирания земель.

Влияние русского промышленного капитализма

Дальше Абай – приспособившийся к новой обстановке влиятельной родович. Он в контакте с жизненным элементом. Торговая буржуазия, новые чиновники, получившие европейское образование, родовитый казах, получивший власть из рук правительства, все составляют его среду вначале.

Методологические проблемы изучения каз. и кир. литер.

Изучение литературы в историческом разрезе необходимо и должно предшествовать изучению вообще истории. Должны быть установлены общественные формации.

Но общественные формации как системы производственных отношений, сменяющих друг друга революционно, в казахской и киргизской историях не определены.

Кроме того, литература каждой отдельной эпохи должна быть увязана с общественным строем не только по содержанию. Это вульгаризация метода. В литературе нет, как логического ряда, ни истории, ни этнографии, ни социологии как таковых.

Есть специфический мир — чисто литературных рядов. Социологический анализ по одному содержанию — есть разговоры по поводу, а не по существу.

Специфическая природа литературы отдельных эпох выявляется не только в содержании, но во всех отдельных компонентах, частных элементах литературного произведения. Углубленное, научное применение социологического метода к литературе сейчас требует объяснения форм, стилей, жанров в свете этого метода.

Маркс “Введение к критике политической экономии”.

Тезисная формулировка. Неравное отношение развития материального производства, например, к художественному — “Диспропорциональность!” Относительно искусства известно, что четко определенные периоды его расцвета не стоят ни в каком соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации. Например, греки в сравнении с современными народами или также Шекспир.

Греческое искусство предполагает греческую мифологию, т. е. природу и общественные формации, уже получившие базовую художественную обработку в народной фантазии.

В области искусства известные, имеющие громадное значение формы возможны только на сравнительно низкой ступени художественного развития.

В искусстве значение совершенно неотделимо от всех деталей воплощающего его материального тела. Художественное произведение значимо все сплошь (материальное тело). В науке это отношение к воплощающему ее материалу несколько иное. Хотя и здесь нет значения вне материала, но сам материал этот в основе носит условный и замедленный характер.

Литературоведение — одна из ветвей науки об идеологиях

В результате литературного анализа (Тынин, Вагеров) из художественного произведения отжималась плохая философия, легкомысленная социология, политическая де-

кларация, двусмысленная мораль, однодневное религиозное учение. То, что оставалось от этого отжимания, т. е. самое основное в литературном произведении — его художественная структура — просто игнорировалось, как простая, техническая опора для других идеологий.

Но сами эти идеологические выжимки были глубоко не адекватны действительному содержанию произведения. То, что было дано в живом становлении и конкретном единстве идеологического кругозора, упорядочивалось, изолировалось и развивалось до законченного и всегда дурного догматического построения. Для историка литературы — марксиста наиболее существенным является отражение бытия в формах самой литературы как таковой, т. е. социальная жизнь, выраженная на специфическом языке поэтического произведения. Для настоящего социолога герой романа и событие сюжета, конечно, гораздо больше скажут именно как элементы художественной структуры, т. е. на своем собственном художественном языке, чем их наивные, непосредственные проекции в жизни.

Но не теряя своей прямой значимости, идиологема, входящая в художественное произведение, вступает в новое химическое, а не механическое соединение с особенностями художественной идеологии.

Можно конечно, добыть из воды кислород, если он нужен. Но кислород не адекватен воде как целому.

Органическая включенность в литературу других идеологий в процессе их становления

Влияние литературного произведения на другое литературное произведение — внутрилитературный процесс, одновременное влияние внешних рядов. Вместо того, чтобы вскрыть социологичность литературных явлений изнутри, пытались пробить их извне. Стремясь во что бы то ни стало доказать определяющее воздействие на литературные явления единственно и исключительно внелитературных факторов (хотя бы и других идеологий). Точно искусство, истолкованное только как неискусство, становится социальным фактором, не будучи таковым по своей природе.

ТЕЗИСЫ К ВЫСТУПЛЕНИЮ НА ВЕЧЕРЕ ПОЭТОВ

1. В кратком вступительном слове, весьма ограниченном во времени, естественно, я смогу сообщить здесь о состоянии казахской поэзии за месяцы и годы Великой Отечественной войны в очень сжатом, суммарно обобщенном, ограниченном плане.

Тут немислимо останавливаться на детальном критическом анализе отдельных произведений, останавливаться на углубленной характеристике творчества отдельного поэта и тем более трудно поставить критически и полемически проблемные вопросы идейно-художественного развития современной казахской поэзии.

2. Я попытаюсь сообщить здесь только о самом характерном и значительном в общей сумме созданной продукции наших акынов и поэтов, сообщить о характерном в творческих поисках, в удачных попытках отдельных поэтов выразить по-новому свои мысли и чувства в дни гневного напряжения воли всей нашей родины в смертельной схватке ее с омерзительным врагом.

3. Одной, несомненно отчетливой, мощной струей, характеризующей всю казахскую поэзию двух последних лет, характерной так же для всей советской поэзии, выступает прежде всего глубокое осознание священного долга поэта перед родиной и народом, осознание долга в дни кровопролитной, решающей битвы. Служить всеми усилиями своего духа, только одной задаче, только одним интересам, интересам защиты Родины! Защиты как дальних и ближних рубежей, защиты четвертьвековой истории настоящего и будущего своего Отечества! Эта высокая патриотическая миссия стала для поэта одновременной защитой его собствен-

ного трудового пути, защитой его идеалов, защитой всего смысла его существования, его служения истории его народа, истории его социалистической Родины. Ясно для каждого из нас, что поэт, акын, писатель, защищая Родину свою, защищает и себя не только как личность, но он защищает и собственную свою литературную судьбу.

4. Ожиданием войны, чувством предгрозя была наполнена казахская поэзия еще за несколько лет до самой войны. А в первые дни вторжения фашистских орд в наши пределы многие наши поэты произнесли в мужественно-суровых тонах поэтическую клятву идти в бой на врага в рядах Красной Армии. Это было сделано поэтами Казахстана Абдыкадыровым Калмаканом, Габдуллинным Маликом, Кузнецовым Павлом, Снегиным Дмитрием, Абдуллой Джумагалиевым, Есмамбетовым, Адамбековым. Ихласом, Таиром Жароковым, Богдановым, Диханом Абиловым, Аманжоловым, Саиным, Алием Кайболдиным и еще многими другими. Все эти поэты за малыми исключениями сейчас, уже много месяцев, бьются на различных фронтах в качестве командиров, комиссаров, политработников. Бьются в частях артиллерийских, пулеметных, минометных, кавалерийских и т.д. Сейчас большинство из них гвардейцы. Боевые заслуги многих из них отмечены высокой правительственной наградой, орденами. Отважный, доблестный сын казахского народа Герой Советского Союза Габдуллин Малик вышел из среды этих наших поэтов, писателей и он, естественно, является как гордостью всей писательской организации Казахстана, так и писательской организации всего нашего Союза.

5. Не только перечисленные поэты-бойцы, но и поэты, писатели, остававшиеся в тылу на различных участках культурно-хозяйственного строительства, были непосредственно связаны с фронтом. Значительная группа этих поэтов, писателей побывала на фронтах Отечественной войны за истекшие годы.

В их числе следует упомянуть поэтов Токмагамбетова, Тажибаева, Орманова, писателей Мустафина, Абилева и др.

6. Не только об общих ощущениях о войне, не только о героике тыла, но также и о конкретных фактах самой войны, об особых состояниях людей, ведущих эту войну, и так-

же о том, что надобно для нашей победы в этой войне — могли писать эти поэты с большей убедительностью, с новой невысказанной до сих пор художественно-поэтической значительностью.

7. Понятно каждому советскому читателю о том, что свое отношение к войне, свою помощь победе нашей страны над врагом поэты оказывают, выражают не только произведениями, написанными на тему фронта, но и произведениями, отображающими трудовые усилия народа и в тылу.

Поэтому перечень тем и идей произведений, созданных сейчас нашими акынами, поэтами в общей, суммарной характеристике, делится на эти два основных раздела.

Но это не означает того, что одни поэты ограничиваются сосредоточением своего творческого внимания только на одной, односторонней тематике, скажем, только тематике фронта, тогда как другие поэты пишут только о тыле.

8. В творчестве как всех наших акынов, так и поэтов, каждого в отдельности, мы видим наличие огромного, непрерывного, целостного ощущения в единстве как боевого, так и трудового, волевого напряжения сил всего народа, всей родины, во имя обороны страны, во имя нашей победы.

9. Эта яркая черта характеризует взволнованные думы и чувствования, отразившиеся в песнях особого настроения и темперамента у старейшего великого советского акына Джамбула. Каждому из вас известны его знаменитые поэтические послания “Защитникам Ленинграда”, “Защитникам Москвы”, “Ни шагу назад” — песня-обращение, “Защитникам Сталинграда”. В этом же ряду стоит его недавно исполненная песня “Клятва под знаменем”, песня, посвященная завоеванию трудящимися Казахстана Красного Знамени Наркомата обороны.

10. Много, плодотворно и многообразно поют наши акыны — Нурпеис, Нартай, Нурлыбек, Иса Байзаков, Орымбай, Кенен, Куат и др. Сейчас от песни малой, агитационно-призывной или самокритически-иронической (в отношении отстающих в труде) — до сюжетных значительных поэмы и даже до огромного, по-настоящему развернутого героического эпоса — мы знаем и видим сейчас в творчестве наших акынов. Пример Иса (Кутузов, 28 и т.д.)

(Он выступает сегодня). О Восьмой гвардейской, о 28 богатырях поет эпическую песню Нурпеис и др.

11. Значительно, высокоценно для всей истории казахской литературы и то новое качество, которого достигает в дни Отечественной войны наша поэзия в творчестве таких наших крупнейших поэтов, как Муканов, Токмагамбетов, Тажибаев, Жароков, Орманов и др. Особенно интересно, качественно, ново то, что создается этими поэтами за последний период. Поэты стали задумываться не только над агитационно, злободневным значением своего творчества, характерным для первого этапа войны, но, ничуть не ослабляя этой стороны поэзии, еще так же стали на путь глубоких исканий особой формы, особо значимых, обновленных средств выражения своих дум и настроений.

Ясно, что как у этих подлинно зрелых, маститых поэтов, так в творчестве и других, как, например, продуктивно творящих поэтов Сыздыкова Жакана, Джумалиева Хажима, Бегалина Сапаргали, Малдыбаева и др., — все их поэтическое творчество пронизано тематикой, настроениями, мыслями о войне.

12. Но в художественно-поэтическом выражении общей для всей советской поэзии, всего нашего Союза тематики любви к родине, широко патриотической идеи защиты родины, темы Москвы, Сталинграда, Ленинграда, темы дружбы и братства, темы ненависти к врагу, темы восхищения подвигом героя и особо высокой темы преданной любви к образу великого вождя и полководца тов. Сталина — найдено новое значительное для поэзии. Точно так же и в выражении темы тыла о трудовых героях угольной Караганды, нефтеносной Эмбы или в воспевании блестящих достижений животноводов Казахстана, в героико-пафосном или лирико-романтическом воспроизведении любовного отношения казахского народа к источникам его существования, к объектам труда — во всей этой многообразно богатой тематике сейчас наши поэты находят подлинно волнующие, запоминающиеся и доходчивые не только до мысли, но и до сердца своего читателя горячие, искренние и тем самым истинно талантливо исполненные средства воздействия.

13. В этом смысле, не говоря даже об очень удачной остроумной сатире на врагов, я упоминаю прекрасный цикл

стихов Токмагамбетова Аскара “Мунай бер”, его стихи на тему животноводства, упоминаю стихи, наполненные глубокими волнующими чувствами лиризма и значительных мыслей у Тажибаева Абдильды, его стихи-обращения к трудовикам, чабанам, к героям-бойцам, к рабочим Караганды. Упоминаю глубоко сердечные, волнующие послания бойцу на фронт, послания – как горячий привет и наказ Родины-матери сыну-заступнику – стихи Муканова Сабита. Многосторонний в своей плодотворной творческой деятельности писатель, поэт Муканов, работая сейчас над романом “Сыр-Дарья”, над киносценарием о животноводческом Казахстане, над оперным либретто “Шернияз” – в поисках и нахождении новых метафор, сравнений, новых форм стиха – и сейчас, в дни Отечественной войны, продолжает обогащать казахскую патриотическую поэзию своими новаторскими нововведениями, достижениями.

14. Не только мелкие формы стихов, но и поэмы, значительные поэмы создали наши поэты за это время. Одним из крупных фактов в этом смысле является поэма Орманова Галия “Халық қаһарман” – “Народ исполин”.

Не менее ценна малая по форме, но разнообразная и высокоценная для всей казахской поэзии его новая лирика. Здесь тема Отечественной войны, тема беспредельной любви к родине, к бойцу – защитнику родины. Трудовые будни сыновей и дочерей народа, кующих победу в тылу, воспиты с очень свежим, оригинальным, самобытно-тонким, острым ощущением действительности и своего поэтического задания.

Находясь на службе в рядах Красной Армии, продолжает создавать свои стихи поэт Жароков. Его стихи мужественно-сурового тона или гневного возмущения виденными зверствами фашистов на фронте или стихи, проникнутые ответственным, острым сознанием своего долга, долга воина-поэта, защищающего интересы своей родины с оружием в руках, вносят особую, хорошо, благодарно воспринимаемую казахским читателем еще одну свежую струю в развитие казахской современной поэзии.

15. К творческой продукции этой перечисленной мной сейчас группы поэтов, определяющих своим творчеством идейный уровень и художественную культуру казахской по-

эзии, необходимо присовокупить много нового, созданного и другими казахскими поэтами. Продуктивной, очень активной творческой деятельностью за годы войны выделился поэт Сыздыков Жакан. Много пишет на тему героики фронта поэт Малдыбаев Галим. О трудовых подвигах людей тыла пишет вдумчиво, красочно поэт Бегалин Сапаргали. Богатый поэтический лексикон и преобладающий приподнятый героико-патетический мотив характеризуют творчество одного из оригинальных, серьезных поэтов Джумалиева Хажима.

16. К ним примыкает творчество большой группы молодых поэтов, выступающих на страницах республиканской и областной периодической печати. Во всех областях Казахстана растут и зреют кадры литературы в лице таких молодых, но уже известных поэтов, как Мухамедханов, Даирбеков, Темиржанов, Шангитбаев и др.

17. Так представляется нам при беглом, кратком обзоре состояние казахской поэзии времени Отечественной войны, создаваемой коллективным участием акынов, поэтов старших и младших поколений. В итоге обобщенной характеристики их продукции нужно подчеркнуть, как самое выделяющееся и определяющее историческое значение нашей поэзии — это оптимизм, великая, непоколебимая вера в правоту нашего дела. Это есть поэтическая вера, в которой отражен оптимизм всего народа нашего, в нашу конечную победу, вера в торжество нашей правды, в неиссякаемую силу народа, вера в мощь Красной Армии и высокая светлая вера в мудрость великого полководца, гениального, любимого вождя тов. Сталина.

**СТЕНОГРАММА ВЕЧЕРНЕГО ЗАСЕДАНИЯ
ДИСКУССИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ
ВОПРОСАМ АБАЕВЕДЕНИЯ В ИНСТИТУТЕ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ АКАДЕМИИ НАУК
КАЗАХСКОЙ ССР И ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
(1951 г.)**

14 июня 1951 г.

Институт языка и литературы Академии наук Каз. ССР

Тов. Сатпаев

Дискуссия продолжается. Слово для доклада — о достижениях и недостатках в изучении наследства Абая — имеет действительный член Академии наук Казахской ССР, профессор Ауэзов.

Тов. Ауэзов

Великая Социалистическая революция, эпоха ленинско-сталинского возрождения народов сыграли решающую роль в становлении и развитии нашего литературоведения. Его расцвет и его качественные отличия от научной мысли прошлого ярко обнаруживаются в фактах многопланового исследования поэтического наследства Абая, в фактах широкой популяризации творчества и личности Абая не только в Казахстане, но во всем Советском Союзе и далеко за его пределами.

В 1909 году Какитай Искаков впервые издал избранные произведения Абая. Это издание включало только две трети стихов поэта и не имело научного аппарата. Небольшое

предисловие Какитая содержало краткие биографические сведения и самые общие замечания о творчестве и взглядах Абая. Два последующих издания – Ташкентское и Казанское – повторили издание Какитая.

Здесь я должен сказать свою точку зрения в отношении ошибочного утверждения тов. Муканова, что это предисловие не принадлежит Какитаю, а принадлежит лидеру алашординцев – Букейханову. В русском издании это предисловие называлось некрологом, и оно представляет собой перевод материала Какитая. Об этом есть соответствующая печатная справка. Правда, что этот некролог преждевременно вышел в издании Географического общества в Семипалатинске в 1907 г., тогда как в типографии Бороганского в Петербурге два года задерживалось издание самих произведений Абая с предисловием Какитая, и поэтому букейхановский материал вышел раньше. С какой стати из-за этого передавать право первого издания сочинений Абая врагу народу, когда издал его Какитай?

Тов. Муканов.

– Там его подпись стоит.

– А в сборнике Абая тоже стоит подпись, но Какитая.

– Таковы результаты изучения Абая в старом Казахстане. А в наши дни?

Один только факт издания Н. Сабитовым специально библиографического указателя – показателен... для широкого научного интереса к Абаю. Один библиографический перечень написанного об Абае составил целую книгу, где зарегистрирована разработка самых разнообразных проблем стиля и языка, проблемы идейного содержания творчества Абая, его творческой биографии и многие другие.

Однако и этот обширный указатель не исчерпал всего написанного об Абае. За последние годы, в связи с возросшим интересом к Абаю, среди широких слоев наших советских и братских народов, о нем, как об одном из любимых классиков Советского Союза, пишут казахские и русские писатели и ученые, пишут писатели и ученые других братских народов, пишут историки, педагоги, психологи, журналисты. Его имя, его творчество включено в программы, учебники, хрестоматии. О нем создают произведения искусства композиторы, театральные коллективы, кино.

Большую роль в ознакомлении советской общественности с Абаем сыграла периодическая печать. Повседневно и особенно широко в юбилейные дни 1940–1945 годов писали об Абае республиканские и областные газеты – “Казахстанская правда”, “Социалистик Казахстан” и многие другие органы печати. Специальные статьи об Абае были опубликованы на страницах центральной периодической печати в “Правде” и “Литературной газете”, в “Знамени”, “Новом мире” и “Звезде”, “Октябре”, “Дружбе народов” и др.

На страницах некоторых из упомянутых периодических органов огромное значение, помимо выступлений писателей, критиков, имели выступления и крупных руководителей партии, правительства Казахстана. В результате всего этого общего большого труда Абай стал близким, незабываемым классиком советских народов. О нем говорят на многих читательских конференциях, в библиотеках Москвы и других городов, о нем пишут сочинения школьники, пишут дипломные работы студенты не только вузов Казахстана, но и вузов других городов, как Москвы, Ленинграда, Баку и др.

И как воспринят, оценен в результате упомянутых коллективных трудов большого количества деятелей Абай? Он понят и принят советскими поколениями всех народов Союза как великий поэт и верный сын народа, как провозвестник дружбы между казахским и русским народами, как борец против темноты, невежества своего времени, насилий степных воротил, социальных верхов современного ему казахского общества, и как последовательный борец за широкое просвещение на основе скорейшего приобщения казахского народа к единственно спасительной и всеобъемлющей великой русской культуре.

Таковы вкратце те позитивные результаты абаеведения, которые и выделяют эту отрасль молодого казахского литературоведения многими и многими, очевидными для всех положительными явлениями. Но, однако, можно ли нам, абаеоведам, успокаивать себя этими достижениями? Все ли сделали мы, чтобы создать наиболее полное, разностороннее, исчерпывающее представление об Абае у наших современников?

Я думаю – нет. Партия и общественность требуют от нас исторически конкретной, проведенной с позиций больше-

вистской партийности, разработки наследия Абая. Поэтому настоящая дискуссия является крайне своевременной и нужной. Руководствуясь основой всех наук – марксизмом-ленинизмом и принципиальным, товарищеским обсуждением, мы придем к общему правильному решению о задачах, путях и методах работы над наследием Абая.

Как мне представляется, необходимость четкости, перспективности и высокой принципиальности в наших выступлениях на дискуссии обязывает выделить проблемные вопросы абаеведения, тем более, что политический разбор всего написанного или каждого отдельного труда в одном докладе в короткий срок не возможен, а простой перечень во многом типовых, общих ошибок во всех работах, без позитивной части – это совсем не та критика, о которой говорил... товарищ Жданов, как о законе развития нашего общества. Итак, я полагаю, что проблемными вопросами абаеведения следует считать следующие:

1. Проблему источниковедения и текстологической, редакционной работы над наследием Абая.
2. Проблему научной биографии Абая.
3. Проблему народности Абая.
4. Проблему отношения творчества Абая к русской литературе.
5. Проблему отношения творчества Абая к Востоку.
6. Проблему окружения Абая и его литературной среды.
7. Проблему традиций Абая в казахской демократической литературе начала XX века.
8. Проблему традиций Абая в советской казахской литературе.

Как видите, круг проблем очень большой, за ограниченностью времени я позволю себе остановиться на каждой из указанных проблем, излагая свои мысли местами в тезисном порядке.

Проблема источниковедения крайне осложнена спецификой источников – их устным и рукописным состоянием. Как известно, Абай почти не публиковал своих стихов, его личный архив не сохранился, автографы уникальны.

В качестве источников в распоряжении исследователя оказываются рукописи Мурсеита, где, кроме стихов Абая, часто попадаются и тексты Алтынсарина, Магавьи, Акыл-

бая и других акынов, и имеются еще списки с мурсейтовских рукописей – Даирбая, Самарбая, Хасена и также записи от Какитая, Кокпая и других, кто со слов Абая заучивал его стихи и распространял их устно.

Идеальны ли эти условия? Отнюдь нет. Такова судьба наследия Абая. Бескультурие казахского аула, отсутствие книгопечатания в Казахстане дали такие результаты.

Впервые стихи Абая были собраны в виде рукописи только в 1896 году, изданы впервые в 1909 году, т. е. пять лет спустя после смерти Абая.

Таково состояние источников, определенное специфическим для всей казахской литературы XIX – начала XX века устным и рукописным распространением текстов.

Возникающие при таком состоянии источников некоторые сомнения в отношении отдельных стихов или строк могут быть законными. Но эти сомнения не могут распространяться на целые периоды, разделы творчества, как это имело место ранее в статье, а ныне в докладе т. Нурушева.

В свое время я ответил ему в статье от 4 февраля 1951 г. в “Социалистик Казахстан”, приводя убедительные доводы, а сегодня он в течение часа повторял те же свои положения, и от того, что он триста раз говорил о трех ранних стихах Абая, тем не менее научно убедительных доказательств своих сомнений он не привел. А если положение сомневающегося ему кажется соблазнительным, так пусть и пребывает он в нем. За неимением времени я ему отвечу подробно в своем заключительном слове.

В целом многие сомнения в достоверности абаевских текстов устраняются путем текстологического анализа всей совокупности устных и рукописных вариантов данного текста. И основой для текстологического анализа при этом является индивидуальное своеобразие поэтического и творческого метода Абая. То обстоятельство, что в абаеведении имел место формалистический отрыв стилистического разбора от общей идеологической и художественной системы произведения, снижало полноценность текстологического анализа. Наша задача поднять его на должный научный методологический уровень.

...Следует также углубить работу над разночтением в различных вариантах одного и того же текста к работе над отделением от переводов Абая, его подражаний русским поэтам.

Таким образом, на мой взгляд, не отрицая и не замалчивая по причине упомянутой исторической специфики источников, а основываясь на тщательном текстологическом анализе, уточняя время их возникновения, следует использовать их для изучения творчества Абая.

Проблема научной биографии Абая. Биографами Абая являются Какитай, а позднее я и дальше такие авторы, как т. Муқанов (в его не опубликованной еще монографии об Абае), Джумалиев в учебниках для средних школ и другие товарищи. Мною написаны четыре варианта биографии Абая: первый для издания сочинений Абая 1933 года, а второй — для издания 1940 года, третий, неопубликованный еще вариант, написан в 1945 году, и, наконец, составлен в 1950 году четвертый вариант, над второй редакцией которого я и работаю в настоящее время. Этот вариант я готовлю для второго тома “Истории казахской литературы”. Должен заявить, что как и во всех иных вопросах и по данному разделу намерен использовать все полезное и важное, что даст в своем положительном результате данная наша дискуссия.

Оценивая составленные ранее и опубликованные биографии, я далек от мысли о том, что они безошибочны. Наоборот, в них, как и в других моих статьях прошлых лет (например, в статье 1934 года), имеется ряд серьезных ошибок, прежде всего, в первых двух вариантах биографии я считаю неприемлемым принцип отбора фактов. Благодаря отсутствию писем, дневников, мемуаров, я опирался только на данные устного опроса, не используя при этом архивные материалы, которые несколько позже удалось найти тов. Кирееву. Некритическое отношение к собранным устным источникам сказалось на тексте биографии: во-первых, в излишнем загромождении их фактами феодально-родового аульного быта, во-вторых, в упоминании не нужных для понимания жизненного, творческого пути Абая и ненужных советским людям лиц, только потому, что они как-то соприкасались с Абаем, в-третьих, в ошибочной оценке политических позиций друзей Абая — Михаэлиса и Долгополова и в нуждающейся в пересмотре трактовке вопроса о путях Абая к русской культуре, в-четвертых, в недостаточной разработке творческой биографии Абая, раскрывающей его развитие как творца новой, в идейно-художественном исто-

рическом значении, поэзии, как творца новых поэтических форм и жанров.

Основой этих ошибок является непреодоленный в абаеведении, методологически неприемлемый отрыв жизненного и творческого пути Абая от судеб пореформенного казахского крестьянства (имею здесь в виду пореформенную Россию, с которой в пору деятельности Абая Казахстан был связан общими судьбами, и также имею в виду временное положение 1868 года) – отрыв от судеб тех производителей материальных благ, которым принадлежало историческое будущее.

Биографию Абая следует вывести за узкие пределы биографизма. Его жизненный и творческий путь предопределен конкретными условиями пореформенной действительности. Эти условия выдвинули новый тип писателя. Такими писателями стали Алтынсарин, Абай, когда они, порвав с феодальной средой, к которой принадлежали по рождению, перешли на позиции трудового крестьянства и стали выразителями его новых, еще доселе не высказанных в литературе дум, исторических, социальных устремлений и его протеста против всех косных устоев прошлого со всеми консервативными и реакционными идеологиями феодально-патриархальной, господствующей среды.

Товарищ Сталин следующим образом характеризует исторические закономерности пореформенного времени в России.

“Колониальные грабежи и захваты, национальный гнет и неравенство, империалистический произвол и насилие, колониальное рабство и национальное бесправие, наконец, борьба “цивилизованных наций между собой за господство над народами “нецивилизованными”, таковы [...] те формы, в рамках которых протекал процесс хозяйственного сближения народов. Поэтому наряду с тенденцией объединения нарастала тенденция к уничтожению насильственных форм этого объединения”.

У казахского пореформенного крестьянства колонизаторская политика царизма вызывала справедливое возмущение, но в то же время частично еще стихийно, недостаточно сознательно, в силу своей политической отсталости и темноты это крестьянство стремилось к лучшим формам

хозяйства и быта, перенимая их у русского крестьянства, у оседлого культурного русского населения.

Царизм, — как указывает товарищ Сталин, — был “главным тормозом культурного развития” окраин.

Но процесс борьбы передовых общественных сил с реакционным лагерем самодержавия, “процесс роста и консолидации культурных сил дал возможность, по крайней мере наиболее сознательным элементам угнетенных национальностей увидеть другую Россию — Россию благородную, свободолюбивую, не угнетательскую, культурную, талантливую, способствующую развитию знаний среди широких масс населения! (Калинин).

Жизненный путь Абая, его идейное и творческое развитие предопределены этими процессами в той мере, в какой были предопределены ими судьбы казахского крестьянства. Благодаря отсутствию промышленности и фабрично-заводского пролетариата в казахских степях 90-х — начала 900-х годов, замкнутости и отчужденности окраины от центра и присущим казахскому крестьянству колебаниям, Абай остался в стороне от растущего революционного рабочего движения. В силу исторической ограниченности условий, в которых он жил, Абай не сумел стать сторонником “общей слитной борьбы”, то есть человеком, “мыслящим уже все-российски”.

Его демократизм поднимался только до известных и то частично ограниченных пределов демократизма русских крестьянских революционных демократов, почвой для которого также, как и для мировоззрения Абая, был крестьянский стихийный протест против насилия и произвола.

Третья проблема, выделенная нами выше, — проблема народности творчества Абая. В работах предшествующих лет верному разрешению этой проблемы мешало глубоко ошибочное представление о процессе развития казахской литературы как о едином потоке. В работах, написанных в духе теории единого потока, Абай был оторван от той среды, с которой он связал свою судьбу и творчество, от казахского пореформенного крестьянства. В большинстве статей его народность упрощенно рисовалась как любовь поэта к некой идеализированной абстракции, лишенной конкретных исторических черт, противоречий, предрассудков, то есть,

по сути дела, игнорировалось основополагающее положение марксизма о необходимости учитывать “историю трудящихся масс, историю народов” (История ВКП(б), 1945, стр. 116).

Писатель связан со своей эпохой, его народность – категория историческая и развивающаяся. Это блестяще с неопровержимой убедительностью и глубиной раскрыто в сталинской оценке Горького и в ленинских оценках Чернышевского, Герцена и Толстого.

Следуя их методологии, при решении вопроса о народности Абая необходимо, во-первых, не отказываться от рассмотрения народности Абая, если оно, особенно в начале его творческого пути, выступает в социально осложненной феодальными предрассудками и традициями форме. Необходимо, исходя из ленинского учения о двух культурах в каждой национальной культуре, правильно раскрыть содержание и смысл противоречий в творчестве Абая, не забывая о том, что это могло быть противоречиями между предрассудками феодальной среды и “углом зрения” народных масс и могли быть противоречия старого и нового, демократического и навязанного сверху, в самом крестьянском сознании.

Во-вторых, народность Абая должна быть раскрыта в обусловленности и от противоречий пореформенной эпохи и многовековой истории, истории патриархально-феодального угнетения казахского крестьянства, чье мировоззрение, по мере того как Абай все дальше отходил от феодальной среды, находит все более глубокое выражение в творчестве поэта.

В-третьих, необходимо показать, что Абай в своем творчестве отобразил взгляды крестьянства на важнейшие для народных масс вопросы своей эпохи: разорение крестьянской бедноты и джатачество, темнота народных масс, дикая эксплуатация трудового и беднейшего крестьянства степными воротилами в силу их волчьих законов, налоги, выборы, деятельность волостных управителей, мулл и многое, многое другое, волновавшее народ и бывшее предметом его дум, Абай правдиво отобразил исторический, социальный опыт пореформенного казахского крестьянства, показав собственническую суть бая, волостного, уездного,

аткаминера, муллы. Все это сделало его творчество фактом “истории трудящихся масс”, фактом истории народной общественной мысли.

В-четвертых, говоря о народности Абая, необходимо также иметь в виду известную ограниченность ее, обусловленную исторической ограниченностью крестьянской мысли пореформенной эпохи и отягощенностью мировоззрения Абая непреодоленными предрассудками феодальной среды.

И, наконец, в-пятых, не следует ограничивать понятие народности Абая только идейной стороной его творчества. Основываясь на известном положении товарища Сталина о культуре “национальной по форме”, т. е. по языку, необходимо установить связь Абая с народными низами через язык, то сближение с живым общенародным языком, которое характеризует творчество Абая и обратное воздействие его поэтического языка на живую речь масс.

Четвертая проблема — проблема отношения творчества Абая к русской литературе. Несмотря на то, что это одна из наиболее важных и требующих глубокой разработки областей абаеведения, сделанное нами в этом вопросе все же не может быть признано достаточным. Общим недостатком в имеющихся работах является узкая постановка вопроса об отношении творчества Абая к русской литературе. Наше внимание главным образом было сосредоточено на переводах Абая из Крылова, Пушкина и Лермонтова. До сих пор остается не рассмотренным вопрос об отношении Абая к Белинскому, Герцену, Некрасову, Салтыкову-Щедрину, крайне недостаточно разработан вопрос об отношении Абая к русским революционным демократам вообще.

Далее вопрос об отношении Абая к русской литературе исследуется в отрыве от вопроса об отношении Абая к русской духовной культуре, к философии, эстетике, публицистике и другим областям знания и искусства. Затем в ряде работ вопрос о путях к русской культуре сужается до непосредственного общения с “друзьями”, причем, как я уже указывал выше, сами “друзья” идеализируются, а их воздействие на Абая переоценивается.

И, наконец, отношение творчества Абая к русской литературе выявляется, по преимуществу, лишь в одном идей-

ном плане. Вопрос о выработке новых художественных форм и жанров, благодаря общению Абая с русской литературой, обходится.

Мне кажется, что первая наиболее принципиальная методологическая задача — это рассмотреть отношение Абая к русской литературе в его развитии. 20 лет Абай творчески воспринимал лучшие традиции русской литературы. У него был свой путь к освоению их. От создания назира о Татьяне и Онегине, от критического реализма Пушкина и Лермонтова, Абай пришел установить этапы этого пути, их качественное отличие друг от друга и существующую между ними преемственность, поставив всю органическую связь с тем, как складывались за эти двадцать лет отношения и связи русского и казахского народов. 20 лет я называю потому, что имею в виду эти годы творческого общения еще с 84—86 гг., когда он начинает переводить произведения русских классиков. А изучение русского языка у Абая начинается приблизительно с 30 лет его жизни, и к 35 годам он уже владел русским языком и свободно читал русские тексты.

Второй, также очень важной методологической задачей является рассмотрение отношения творчества Абая к русской литературе во всех реально, объективно существовавших связях, не отрывая русской литературы от других форм общественного сознания и не обедняя всего богатства, которое черпал Абай из передовой демократической русской культуры.

И, наконец, третьей задачей является установление всех путей, которыми осуществлялось общение Абая с русской культурой и литературой. Попутно с этим позволю себе заметить, что ни в коем случае не преувеличивая роль народного, а впоследствии эсера Долгополова и крайне поправившего Михаэлиса, вычеркивать их, то есть “улучшать историю”, не следует. Отнюдь не гримируя их под крестьянских демократов, надо указывать, что они в некоторой, далеко не определяющей отношения Абая к русской культуре мере, давали ему советы о самообразовании, о лучшем усвоении наследия выдающихся русских деятелей, давали советы о подборе книг, которым он, особенно на первых порах, следовал, и которые были так важны для Абая, не имевшего никакого систематического русского школьного образования.

Пятая проблема – проблема отношения творчества Абая к Востоку – это один из наименее изученных вопросов.

В работах предшествующих лет широкое распространение получило ошибочное недифференцированное представление о связях Абая с арабо-персидской литературой, оно высказывалось мною, тт. Муқановым, Джумалиевым (в его докторской диссертации особенно) и другими авторами безотносительно к конкретным периодам творчества Абая. Подобная точка зрения должна быть осуждена и отвергнута потому, что она искажает действительно существование связи между творчеством Абая и Востоком. А эти связи были, об этом говорит творчество самого Абая и умалчивать о них не нужно. Наоборот, нужно раскрыть их со всеми противоречиями и предрассудками и самого Абая, и со всеми ошибками нашими в этом отношении.

В статье 1934 г. я совершил грубую ошибку, утверждая, что восточное влияние на Абая было сильнее, чем влияние русское, тогда как последнее было самым определяющим и решающим для Абая, ставшего, благодаря этому благотворному влиянию, тем истинным классиком, каким оценивает его теперь весь советский народ.

Возвращаясь к затронутой сейчас теме, я подчеркиваю, что Абай не знал в такой степени, как Навои, Низами или Физули, арабского языка и литературы и не мог непосредственно обращаться к таким арабским поэтам, как Мутанабби, Абуль аль-Магри и др. Также неизвестными остались ему арабские философы. Правда, он читал на арабском языке каноническую литературу ислама, но ислам не был специфически арабской религией, как и другие религии феодализма – христианство, например, он был космополитичен. Таким образом, прямых связей Абая с арабской литературой не устанавливается.

Что касается иранских связей Абая, то здесь мы, казахстанские литературоведы, вместе с учеными-востоковедами и научными работниками других республик оказались в плену пережиточных космополитических теорий. То, что было сочтено за иранские связи Абая, теперь на самом деле должно пониматься и оцениваться как его связи с таджикскими, узбекскими, азербайджанскими классиками, т. е. классиками, признанными всей советской страной старейшими

классиками Советского Востока. Об этом я писал в возражении т. Нурушеву, который как в своей статье, так и сегодня упоминание о связи Абая с Востоком понимает как связь с реакционным Востоком, а что ошибочные мнения Ауэзова в 1934 году и его взгляды и стремления сегодня совсем другие — этого он не хочет учитывать, но, как я уже сказал, о взглядах и тяжелых, необоснованных обвинениях т. Нурушева против меня я выскажусь в другой раз.

Таким образом, термин арабо-персидские связи, как пережиточный, устаревший термин дооктябрьской “академической” ориенталистики, должен быть исключен из нашего научного обихода. Наши задачи в разрешении вопроса об отношении творчества Абая к Востоку, как мне кажется, состоят в следующем:

1. Строго отличать от отношения Абая к Навои, Низами, Физули, его отношение к мистической суфийской литературе типа “Хикмата” Ходжи Ахмета Ясави. Если первые привлекали Абая своим высоким мастерством, гуманистическим взглядом на жизнь и своими отдельными эстетическими воззрениями, то в отличие от других своих современников (Шортамбаия, Мурата, Абубакира) Абай не принимал присущего суфизму мистического отрицания земной, в том числе отрицания и общественной жизни, и отрицания борьбы за переустройство ее.

При этом также следует иметь в виду, что отношение Абая к этому Востоку в разные периоды его творчества было различным. Если в юношеские годы он начинал с наивного подражания, а подражание это было, то дальнейшие его отношения с Навои и Низами, в пору его зрелости, не имели подражательного характера. Об этом я, по-моему, очень убедительно написал в своей статье от 4 февраля в “Социалистик Казахстан”, возражал т. Нурушеву. Позже он творчески, критически воспринимал их традиции. Достаточно напомнить, что в поэму “Искандер” он ввел вместо образа пророка Хизра образ Аристотеля, а самого Искандера развенчал как завоевателя. Нет сомнения, что тот поход, который совершает Искандер в поэме Абая, совершает и Искандер у Низами. Он совершает этот поход в полномочную страну и за ним следует пророк Хизрет. Они ищут живой воды “абулхаят” — воду вечной жизни и там их встреча-

ет неизвестный, таинственного происхождения юноша, который передает камень особого смысла и значения. Этот камень (или косточка по Абая) так же, как в поэме Абая, они взвешивают на весах, и он перетягивает все ценности. После этого бросают горсточку земли на камень или косточку и видят, что сторона чаши, где был маленький камень, поднимается. Однако Хизрет не может разгадать, в чем тут секрет. И Искандер, как мудрый царь (по Низами), разгадывает, что это, очевидно, глазная кость человека. Этот случай будто говорит ему о том, что глаза человека безмерно алчны и ненасытны, и насытятся они лишь тогда, когда его очи кроются прахом.

Тот же сюжет с небольшими различиями развивается у Абая, но Абай образ пророка Хизра заменяет Аристотелем и самого Искандера развенчал как алчного завоевателя. И таким образом мораль поэмы он сводит к той мысли, которую Абай выразил в своем афоризме... “простолюдин, превзошедший умом, выше царя, превознесенного родом”. Это и есть полное выражение критического освоения... на новом историческом этапе... традиций, известной ему литературы Востока. Так же, как в свое время Шота Руставели в образах Таризля, Настан, Дарелжан, Автендила, условно обозначенных героями арабских сказаний, преданий, выразил миропонимание, мировоззрение и этические нормы современного ему грузинского общества, так же и Абай воспроизвел в образе Масгуда в поэме “Масгуд” известную часть собственных мыслей, настроений и переживаний (говорит на каз. языке). То есть и место, и время событий у него представляются как действия, происходящие в стране арабов, в эпоху Гарин аль-Рашида в г. Багдаде.

Но беря это место действия, он, однако, вкладывает туда свое понимание морали, свое понимание нормы поведения человека, свое понимание назначения человека в среде современного ему общества. Мы тут также видим случаи самостоятельных критических разработок отдельных восточных сюжетов.

Так что необходимо исследование отношения Абая к Навои, Низами и Физули строить по историческому принципу, различая два основных периода в этих отношениях: период юношеских подражаний классикам Востока (1860–1865), период зрелого творчества Абая (1886–1890).

А в юношеский период подражания у Абая действительно имели место. Это бывает в творчестве всех начинающих поэтов. Как всякое подражание — это не есть, конечно, высшая стадия творчества. Однако с подражания начинается творчество многих поэтов и только преодолев эту стадию, в пору постепенного формирования личности, становления поэта, каждый поэт приходит к своей зрелости. Это абсолютно закономерное явление в отношении творческого пути всех крупных, выдающихся творческих личностей всех стран.

Дальше, исследуя отношение Абая к классикам Востока, наряду с положительными сторонами этой связи, как возможность совершенствования формы и более широкого раскрытия присущего Абаю гуманизма, следует указать и на отрицательные стороны в творчестве классиков Востока, ограниченном средневековыми условиями, их творческую манеру, религиозные мотивы, связанные с суеверными представлениями, фантастику, условность ряда художественных форм и тому подобное, т. е. отношение Абая к классикам Востока должно быть оценено всесторонне и с положительных, и с отрицательных сторон.

А другой немаловажный вопрос, т. е. исследование отношения Абая к исламу, как мне кажется, должно исходить, с одной стороны, из наличия пережитков идеологии феодальной среды в его мировоззрении и творчестве, с другой — исходить из наличия религиозных предрассудков в идеологии крестьянства, на чьи позиции Абай переходит. И в том, и в другом случае это необходимо оценивать как консервативные стороны его воззрений, по-видимому, обусловленные отсутствием у Абая связей с революционным рабочим движением 90-х—900 годов.

Вместе с тем следует указать и на процесс смешения в сознании и творчестве Абая догм и этики ислама с учением философов-идеалистов домарковского периода, которые в основу общественных преобразований и культурного развития общества клали нравственный принцип и идеалы нравственно совершенной личности.

Пятая проблема — это проблема окружения Абая и его литературной среды. Имея в виду, что этой проблеме был посвящен специальный доклад тов. Муканова, я позволю

себе остановиться на его некоторых положениях, вызывающих у меня и замечания, и сомнения в их научной ценности и тем более в их принципиальной, большевистской объективности, из чего вытекают порой и мои категорические возражения товарищу Муканову. Так как на данной дискуссии некоторые товарищи сочли наиболее сложной эту проблему, то я позволю себе подольше остановиться на ней.

Говоря о некоторых поэтах абаевского окружения, нельзя судить, окончательно не знакомясь с их творчеством. Я уверен, что из присутствующих на данном собрании товарищей, 99% не знакомы с творчеством спорных поэтов, как-то Акылбая, Кокпая, Асета, Арипа. Нет слов, конечно, о том, что нужно признать моей грубейшей политической ошибкой включение в 1934–1940 гг. в число учеников Абая врага народа Шакерима и сына Абая Турагула. Но только ли Ауэзов говорил о них? Не говорил ли сам т. Муканов о том же Шакериме, о чем здесь он умолчал, я скажу позже. Тов. Муканов также не сказал о том, что стихи Арипа о Ленине он сам напечатал в 1928 году в сборнике, посвященном памяти В.И. Ленина.

Вчера тов. Муканов сказал, что Асета как поэта не знает, а он забыл, что в 1942 году в отредактированном им же сборнике материалов Академии наук, он сам издал состязательные песни того же Асета с девушкой Рысжан.

Сейчас, останавливаясь на упомянутых выше поэтах Акылбае, Арипе, Кокпае, Асете, надо признать, что метод освещения их наследия, примененный тов. Мукановым, был односторонне тенденциозным, схематичным, а порой даже вульгарно-социологическим. За исключением антирусской, националистической поэмы Кокпая об Аблае и Кенесары, разбор остального творчества Кокпая, затем Акылбая, Арипа и Асета, тов. Муканов провел вопреки указаниям товарища Сталина – “не улучшать, не ухудшать историю”. При этом он применил тройкие мерилы схемы, т. е. какова степень религиозности их, какова возможность или невозможность причисывания их под нашу современность и кто они [...] по социальному положению – бай, мулла и т.д. Между прочим эти свои мерки т. Муканов не применяет к Абаю и благодаря этому отстает от принципа научной, исторической последовательности и объектив-

ности. Если же подходить и к Абаю с этими мерками, то разве у него не было религии, разве он не был сыном ага султана и баем, разве социально-политические идеи его не отошли в прошлое, не отжили свой век вместе с тем базисом, на котором они возникли, как надстройки этого базиса! А ведь марксистско-ленинский критерий исторической оценки деятелей прошлого требует изучения их в исторической обстановке с учетом исторической и классовой ограниченности сознания их и современного им общества.

Сказанное мною до сих пор — есть мое общее замечание по методологии докладчика.

Теперь я перейду к моим сомнениям по поводу принципиальной, большевистской объективности отдельных положений, рассуждений т. Муканова.

Прежде всего это касается относительно виновников всех политических ошибок, возникших вокруг наследия Абая. И тут на всем протяжении своего доклада и в выводах особенно, тов. Муканов назвал главным и почти единственным виновником меня, и свой обвинительный акт обо всей моей деятельности по Абаю сосредоточил на вопросе об учениях Абая. Будто я всю жизнь только и писал об учениях Абая.

Считаю совершенно законным дать несколько справок о себе, а затем о самом т. Муканове.

Как известно, мои работы об Абае делятся на два вида — литературоведческие и исследовательские. В первую группу входят пьеса “Абай”, написанная в соавторстве с Л. Соболевым в 1940 году, киносценарий, либретто оперы и романы “Абай”, “Акын-ага” 1-я книга. В пьесе “Абай” о том самом Шакериме-Кериме Абай говорит в конце пьесы, приведу только одну реплику: “Когда Абай устанавливает, что этот человек, т. е. Керим, отравил талантливого ученика, друга Абая — он проклинает Керима (между прочим, как-вы бы не были друзья и враги Абая, в художественном произведении они должны быть отображены, там должны быть и друзья, и недруги, какими они были на деле). Абай говорит Кериму: “Молчи, братоубийца, душа твоя чернее ада и ты думаешь повести караван народа, когда ты предашь его, как Айдара. Уйди, о Айдар!” Вот каким образом в художественном произведении выражено отношение и наше, и Абая к Кериму.

Роман “Абай” составляет 800 страниц, “Акын-ага” — 400 страниц, итак, 1200 страниц моего труда посвящены, как тов. Муканов сам признал, идейно-политически (будем говорить пока только об этой стороне) правильному марксистскому освещению жизни, деятельности и эпохи Абая.

Не нужно беспокоиться по поводу некоторых сомнений, высказанных т. Мукановым в отношении показа отдельных людей вокруг Абая в “Акын-ага”. Сейчас мои переделки к этому роману, перед изданием его на русском языке, составили огромную разницу в сравнении с казахским, опубликованным в прошлом году вариантом книги. Я дописал еще 8 листов, изменив многое из первого варианта, и в последней моей переработке — Шубар, Кокпай и ряд других лиц, о которых высказал сомнение товарищ Муканов, охарактеризованы с идейно-политических позиций, так как это требовалось, а дальше Шубар будет обрисован, как враг Абая и враг советского народа.

Реплика С. Муканова: Замечательно.

— Пока я не кончил книгу, не надо хватать за мое перо. Отдельные люди из абаевского окружения сейчас становятся врагами Абая, а впоследствии станут и врагами советского народа. Так они обнажатся со своим жизненным путем от романа к роману. Будет показано, как происходит в жизни, в историческом процессе. Мне снова помогла наша общественность своими обсуждениями и обсуждениями наших ошибок по Кенесары. Это я говорю относительно своих последних исправлений к роману “Акын-ага”, внесенных мною после тех открытых партийных собраний, общегородских собраний, общегородского собрания интеллигенции.

Вернусь к роману “Абай”. Он издан на одном русском языке почти полумиллионным тиражом в прошлом году. И кто из моих объективных, нетенденциозных, руководимых большевистской совестью критиков скажет, что эта книга сеет зло, отравляет сознание широкой советской общественности, молодежи нашей страны?

Еще другой, не менее законный вопрос. Разве эта книга стоит особняком и не имеет отношения к мировоззрению, к идеологии, к политическому содержанию советского писателя Ауэзова? Если Ауэзов буржуазный националист еще в большей степени, чем т. Бекмаханов, как это заявил в своих

выводах т. Муканов, то где же место этого буржуазного национализма в этих основных трудах моих, трудах 12-летней деятельности, трудах, которые пока, может быть, составляют самое значительное в жизни Ауэзова? А ведь это и есть тот примерный результат абаеведения, результат, подобно которому должны дать и другие абаеведы, занимающиеся им по 25-15 лет. И как же, оценивая сегодня всю идейно-политическую сущность Ауэзова, писатель, руководитель организации писателей тов. Муканов может эту главную, решающую деятельность писателя умалять ссылками на отдельные и то разные статьи? Вчера тов. Муканов и сегодня тов. Нурушев ссылались лишь на одну мою статью 1934 года. Я не говорю, что не нужно говорить о моих ошибках со всей полнотой, со всей строгостью и со всей требовательностью, невзирая на лица, но для данной дискуссии разве не принципиально важно — определяющее, положительное взять в основу оценки фактов и людей?

Приведу еще одну справку. Как исследователь творчества Абая, я написал около двадцати статей на казахском и русском языках. Я прошу тех товарищей, которые хотят полезно участвовать в этой дискуссии и, может быть, выступить на страницах печати, познакомиться с такими моими статьями, написанными с 1940 года, как “Идейные искания Абая”, “Жизнь и творчество”, “Абай и русские классики”, “Традиции русского реализма и казахская литература”, “О наследии Абая” и др. А большинству из присутствующих в этом зале товарищей известны мои доклады на 95-летнем и 100-летнем юбилеях Абая. Кроме всего этого сейчас мною закончена монография об Абае в 16 печатных листов, где и подвожу продуманные и научно обоснованные итоги своих исследовательских работ по Абаю. Сообщая об этом своем труде, я очень сожалею о том, что спешное проведение данной дискуссии не дало товарищам возможности познакомиться с этой книгой, которую обязательно нужно было обсуждать при решении вопросов абаеведения в целом. А в ней новая редакция биографии и монографическое исследование всего творчества Абая. Причем вопрос о школе Абая здесь занимает из числа 360 страниц книги лишь 40 страниц.

Почему так мало о школе? Да потому, что поэты абаевского окружения (к ним я отношу Магавью, Акылбая, Кокпая и частично Арипа), по моему глубокому убеждению, ни в коей мере не равны Абаю, не столь значительные явления в истории казахской литературы. Но их, как таковых, со всеми их противоречиями, недостатками и ограниченностью идей, тематики и объема их наследия надо изучать, изучать, чтобы знать о литературном процессе близкой Абаю по времени исторической действительности. Надо изучать, а не становиться к проблеме спиной, тем более не надо ради того, чтобы опорочить противника, порочить проблему. А какое место в прежних моих исследовательских работах занимали эти лица? Эти данные по объему занимают самое мизерное количество, т. е. одна страница в ошибочной моей статье 1934 года, которую только одну и, умолчав все остальные мои вышеназванные труды, упоминают, разбирают тов. Муканов и Нурушев. Затем об этих учениках и о том, что Абай задавал им темы, я написал несколько абзацев в нескольких других статьях позже, до 1940 г.

Да, я называл их учениками, доверив тем лицам, которые давали сведения о жизни, труде и окружении Абая. Вы ведь знаете, товарищи, о том, что условия изучения жизни, среды Абая у нас были и остаются исключительно затруднительными. Не было никаких документов, архивов, дневников, писем, публикаций со времени самого Абая. А в отношении того, что у Абая в его окружении были поэты и что о них порой писал сам Абай, известно из стихов самого Абая. В том числе об одном Кокпае мы знаем несколько его стихов (*говорит на каз. языке*) ...

Пусть в результате дискуссии, детально ознакомившись в читке и в подстрочном русском переводе всего написанного вышеназванными поэтами, наша общественность укажет нам, в отношении кого мы ошибаемся, и в отношении кого из них правы, причисляя к литературному окружению Абая, и после этого у меня лично не будет никакого упорства (*говорит на каз. языке*)...

Это все стихи, посвященные поэтам его ближайшего окружения (*говорит на каз. языке*)...

А вы в таких случаях очень схематично судите, тов. Муканов.

Я сумею воспользоваться ведущими советами, указаниями нашей объективной, принципиально-справедливой партийной общественности, чтобы как и раньше исправить свои ошибки в этом вопросе.

Остановлюсь на обещанных мною выше справках о работах т. Муканова. Он правильно поступает, указывая на мои ошибки в моих трудах. Но та справедливость требовала и от т. Муканова, чтобы он здесь для нашего народа, для молодежи нашей, уважающей его и верящей в него, также сказал бы правду и о себе. А товарищ Муканов этой правды, по моему глубокому убеждению, не сказал. Вместо этого он избрал неподходящий для серьезной, научной и принципиально-большевистской критики и самокритики способ защищаться от своих ошибок явно тенденциозным, односторонним обвинением своего противника. И в этих частях его доклад превратился в сведение счетов с этим своим противником.

Между тем, товарищу Муканову следовало вспомнить о том, что об Абае и его творчестве, также и о людях, его окружающих, он высказывается уже давно. О самом Абае, например, он начал писать с 1925 года.

Тов. Муканов: С 1923 года.

— Тем лучше. Правда, о своих ошибках той первой статьи он писал еще более ошибочное объяснение в своих очерках в 1943 г. За эти 26 лет, а теперь, с поправкой тов. Муканова, за 28 лет, оказалось еще не мало разительных, грубейших политических ошибок т. Муканова, о части которых я и напоминаю. В 1932 году им издана книга “Казахская литература XX века” и здесь, касательно Абая, он говорит при своем разборе творчества репрессированного тогда алашординского поэта, контрреволюционера Магжана Жумабаева. Переходя к сопоставлению Жумабаева с Абаем, он пишет: “Если влияние европейской литературы Абай вводил только краешком, то Магжан ввел больше (*смех в зале*). С формами европейской литературы казахские читатели познакомились полнее через Магжана. В развертывании идеи, взятой из темы, Магжан открыл дорогу многим писателям после него” (283 стр.).

Другая справка о Шакериме, об этом бандите, контрреволюционере, о котором т. Муканов справедливо обвиня-

ет Ауэзова, написал, однако, и сам т. Муканов. Он говорил вчера, чтобы были факты. Есть факты. Это, что называется, весомый и зримый факт. “Батырлар” – былины, большая книга, вышедшая под редакцией тов. Муканова, и там на 595 странице в комментариях он пишет: согласно “Шежире” (родословной) Шакерима, Кобланды, обидевшись на Ногайлинское ханство, отделил от Абыл-Хаир-хана подрод Аргын и увел его. Если правильно это известно, то событие произошло приблизительно в 1456 году.

Далее, в 1945 году, к столетнему юбилею Абая, т. Муканов написал монографию об Абае и там приводит родословную от Абая до его 18-го предка Акжола и тут некритически, даже целиком, берет данные того же “Шежире” Шакерима. Тов. Муканов справедливо обвиняет Кокпая за его антирусскую поэму 90-х годов прошлого века.

А в 1942 году в казахской редакции своей повести “Балуан Шолак” он пишет на страницах 83–84:

“Солдаты, занимавшиеся здесь военной игрой, являлись казачьей сотней. Место постоянной стоянки сотни не здесь, а за Кокчетавом, в Айдаболе. Хотя время от времени менялся состав людей, но сотня в этом краю пребывала уже долгие годы. Впервые еще в 1739 году, когда Аблай хан присягнул России, она была сформирована и послана “для соблюдения порядка” в ханскую орду. Пережившая Аблай хана и его сына Уалихана, эта сотня в 1837 году, когда казахский народ поднялся против царского правительства и им руководили Кенесеры, Наурызбай, боролась многократно против них. Чтобы устроить казахам, она тогда распарывала животы беременным женщинам, младенцев накальвали на пики, а попадающихся в руки повстанцев живыми кромсала на куски, и много раз степь пахла кровью. Дети ужасались при упоминании о сотне. Сказать “сотня” означало “бедствие для народа”.

Законно задать вопрос тов. Муканову, в каком архиве и документах он увидел о таком страшном зверстве? Пусть царские карательные отряды были свирепы, но ведь описанное тут было делом только орд Чингис-хана или немецких фашистов! Для чего же понадобилось в первые годы Великой Отечественной войны, когда сыны русского и казахского народов вместе лили свою кровь на фронтах против

общего врага — написать в такой степени преувеличенную картину? Ведь это так невероятно усугубляло антирусские и так обильные мотивы, имевшиеся в образе его героя Балуан Шолака!

Другая серия справок относится к ученикам Абая, которых т. Муканов в соавторстве с т. Джумалиевым с 1941 года по 1950 год, в учебниках для средней школы, в составленных ими совместно программах для вузов — описывает неоднократно. Там Магавья, Акылбай, Кокпай перечисляются и характеризуются точно также, а то местами еще лучше и больше, чем в ранних статьях Ауэзова. Здесь же они сами пишут также о Шамиле, т. е. о потерянной поэме Магавья. А в докторской диссертации тов. Джумалиева об Абае сын Абая Турагул (в 1948 г.) упоминается и цитируется дважды (17, 37 стр). При этом т. Муканов, многоопытный писатель, и т. Джумалиев, профессор-исследователь обвиняют Ауэзова за то, что они же сами написали это в последние годы, говорят, что писали потому, что писал Ауэзов. И в своем вчерашнем докладе т. Муканов вместо признания этих своих и джумалиевских ошибок, решился сказать только одну полуфразу (*говорит на каз. языке*) (*аплодисменты*). (Это вредно задело меня с Джумалиевым).

Товарищи, неужели это может сойти за серьезный довод? Где это видано, чтобы повторяющий в своих трудах ошибки первого ошибавшегося автора считался бы неповинным ни в чем? Ведь это самооправдание, рассчитанное лишь только на наивное детское сознание!

Когда писали об учениках Абая, за которых сегодня обвиняют одного Ауэзова, ведь эти товарищи были согласны с ним! Значит и вместе ошибались с ним. И до вчерашнего дня, до своего доклада тов. Муканов, будучи руководителем Союза писателей, исследователем и творчества, и среды Абая, хоть единым словом предупреждал Ауэзова об этих ошибках?

А у тов. Джумалиева еще есть и другая необъективность, он даже считает себя правым, когда говорит, что не отвечает за своего соавтора.

Правда, что мы отвечаем и за свои ошибки, и частично за ошибки других лиц, которые ссылались на наши ошибочные работы. И в этом смысле, тт. Муканов и Джумалиев, на

основе сказанного выше, вы также ответственны вместе с Ауэзовым в написанном вами по школе Абая.

...Прежде всего, следует сказать, что я и другие товарищи грубо ошибались, называя учениками Абая всех живших около Абая и творивших при его жизни или несколько позже поэтов и акынов. Я еще до доклада тов. Муканова пришел к другому мнению, “Ученик”, “Школа” – эти термины обязывают установить объективное существование более глубоких творческих связей, чем те, что существовали у Абая с соприкасавшимися с ним молодыми певцами и поэтами. Поэтому много уместнее применить в отношении к ним термины: “литературное окружение” или “литературная среда”.

Ошибочно было и включение этого, не осмысленного нами еще до конца, вопроса в школьные пособия и, может быть, в вузовские программы. Но в специальном монографическом исследовании он может быть поставлен и должен обсуждаться, хотя бы в плане научно-дискуссионном.

Второй очень серьезной методологической ошибкой был обусловленный теорией единого потока, недостаточно критический и дифференцированный подход к социальной природе творчества соприкасавшихся с Абаем поэтов. Благодаря крайне широкому пониманию “школы Абая”, в нее были включены враги Абая и народа, идейно чуждые поэту, которых надо отсечь от Абая, так как они не составляли его литературной среды.

Я считаю необходимым пересмотреть наши оценки социальных позиций всех поэтов, ранее относимых к “школе Абая” с тем, чтобы те из них, которых, следуя исторической правде, должно относить к окружению Абая, получили верную оценку. Я полагаю, что вопрос о поэтах из окружения Абая следует решать путем исторически последовательно проведенного исследования их творческого пути и установления между прогрессивными (т. е. в творчестве которых имеется восприятие традиций Абая по отношению к русской классике, по отношению к феодально-патриархальной идеологии, по отношению к труду, к женскому вопросу и по части защиты крестьянства от байского произвола и между реакционными: (религиозность, идеализация прошлого), сторонами их мировоззрения, благодаря чему окажет-

ся возможным установить, развивали ли эти поэты абаевские традиции или отошли от них и даже противостояли им. Изучать следует и тот, и другой случаи, чтобы диалектически раскрыть и глубже познать литературный процесс данного времени.

При этом следует учитывать не одно их классовое происхождение и социальное положение, это было бы вульгарным социологизмом и противоречило бы методологическим принципам марксизма-ленинизма. Лев Толстой по своему происхождению и социальному положению был графом... дворянином, помещиком, а В.И. Ленин оценивает его как выразителя интересов пореформенного русского крестьянства. Я полагаю, что прежде всего следует учитывать тот “угол зрения”, который присущ каждому из этих певцов и поэтов. Ведь говорится же, в частности, в отношении наследия Бальзака: “что пусть он не изображал жизнь рабочего класса, но даже в тех произведениях, где изображал эксплуататорскую верхушку деревни, он на них смотрел глазами народных низов и создал исторические прогрессивные произведения, его критика эксплуататорских верхов общества была критикой народных масс, они и определяют идейную сущность писателя. В какой мере они, поэты-современники Абая, в таких важнейших для народных масс своего времени вопросах, как вопрос о труде, об отношении к русской культуре, об отношении к колониальному аппарату царизма, о женском вопросе, о просвещении, о народном понимании гуманности и понятий добра и зла, стояли на народной точке зрения и в какой мере они в этих вопросах, благодаря соприкосновению с Абаем и непосредственно, проникались передовой демократической русской мыслью и овладевали русской поэтической культурой — все это достойно изучения. И тут же могут быть моменты подражания, влияния и нужно глубоко освещать эту разную ступень исторической преемственности.

Я уверен, что широко применяя принцип большевистской партийности, марксистско-ленинского классового подхода к этому вопросу, мы дружными совместными усилиями сумеем объективно разрешить этот вопрос.

Седьмая проблема — проблема традиций Абая в казахской демократической литературе начала XX века — это но-

вая тема для исследователей наследства Абая. Первоначальной задачей в этой области является установление преемственности между Абаем и казахскими демократическими поэтами начала XX века — Донентаевым, Торайгыровым и др., особенно — преемственность между отношением Абая и этих поэтов к русской культуре и литературе. В какой мере в исторически новых условиях — в эпоху подготовки самой великой из революций — они восприняли и развили дальше абаевское обращение к передовым идеям русской революционной демократии, и к критическому реализму русских классиков, в какой мере, следуя Абаю, они сумели проникнуться передовыми идеями своей эпохи и стать новаторами формы для полноценного отображения ее.

Говоря о Султанмахмуде и Донентаеве в своем докладе, тов. Муқанов дал верную характеристику им, но причислить их в число учеников Абая — спорно.

8. И, наконец, последняя из выдвигаемых на обсуждение проблем — проблема традиций Абая в казахской советской литературе. Это также новая тема в абаеведении. Перед нами новая задача — установить преемственность между наследием Абая и советской казахской литературой... Особо важно при этом выявить взаимоотношения между методом социалистического реализма, которым созданы лучшие произведения казахской советской литературы, и критическим реализмом Абая. Устанавливая те демократические элементы, которые взяты нашими поэтами и писателями у Абая, особое внимание надо уделить отношению советской казахской литературы и художественным формам Абая, и его поэтическому языку.

Сталинское учение о базисе и надстройке обязывают нас учитывать, что “надстройка живет недолго, она ликвидируется и исчезает с ликвидацией и исчезновением данного базиса”. Социально-политические идеи, содержащиеся в произведениях Абая, отжили с тем базисом, на основе которого они возникли. Но сами эти произведения и художественные образы Абая не отмерли для нас вместе с отображенной в них эпохой. Их действенная сила объясняется тем, что Абай в совершенной художественной форме отразил народную жизнь своего времени.

Таким образом, руководствуясь сталинским учением о базисе и надстройке, не следует отыскивать абаевские общественно-политические, этические, эстетические взгляды у советских писателей. Но в то же время, в соответствии с требованиями и запросами социалистического общества, советский писатель может развивать присущие Абаю любовь к родине, к просвещению, ненависть к произволу с тем, чтобы под солнцем сталинской мысли, на почве социалистической духовной культуры они расцвели в чувства, достойные сталинской эпохи.

Подводя итоги, я позволю себе сказать, что наше абаеведение — молодая отрасль научного познания, которая, как и вся советская наука, не терпит застоя. Чем шире, разнообразнее и принципиальнее, руководствуясь постановлением ЦК КП(б)К, мы в товарищеской, научной дискуссии обсудим проблемы в абаеведении, тем больше получит каждый из участников ее, тем значительнее будут позитивные результаты обсуждения, тем скорее силами всего коллектива литературоведов Казахстана мы выполним свой долг работников науки перед партией и народом (*аплодисменты*).

1951 г. 23.VI.

Председатель: Таким образом 4 доклада заслушали. Я думаю, что выражу мнение большинства участников дискуссии, если скажу, что все 4 доклада глубоко продуманы и подготовлены. Таким образом дана основа для дальнейшего творческого обсуждения поставленных вопросов. Я призываю Вас выступить в прениях именно на основе смелой, свободной и принципиальной критики невзирая на лица.

Сейчас объявляется перерыв.

**ПОМЕТКИ К ДОКЛАДУ СТАЛИНА
К 25-Й ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЯ
(6 ноября 1942 г.)**

К выступлению

I. Ответственная работа для всех, для Академии и Союза.

Решение ЦК ВКП вызвало резолюцию Президиума ССП от 4 сентября 46 г.

Цитата. Теоретическая работа критиков в союзных республиках особенно отстает.

II. **Решение ЦК КП(б)К.** Плюс к тому, что отмечено.

III. Конспект IV тома в целом удовлетворительный в основе. Но не вполне достаточный по теоретической части.

IV. Преобладает фиксация, комментирование пройденного в историческом плане. Не плохо, но нет отбора. А составные задачи сегодня? С 40 г. — 46 г. пусто. А ведущие теоретические, критические мысли наперед, в перспективу? Их мало.

V. Ценность искусства измеряется не количеством, а качеством (Горький). Качество надо измерять овладением методом социалистического реализма.

VI. Три момента требуют своего глубокого, объективного отражения в конспекте и книгах.

1. Обращение к теме прошлого эпоса в пьесах.

2. Отставание творчества, застой некоторых писателей с 40 г. — Тажибаев, Муканов, Мусрепов, Джумалиев.

Что это? Социалистический реализм или критический реализм?

3. Рост писателей молодых, годы застоя старших.

VII. Отсюда задачи роста, задача овладения методом социалистического реализма должна быть поставлена во главу требований.

А социалистический реализм не приходит сам по себе — механически. Можно овладеть в одном произведении и сойти с него в другом... Не спасает и партийность. (Цитата — Жданов.)

VIII. Вот в решении этих вопросов нужна объективность, принципиальность. Требовательность ко всем.

Нужно быть большевистски страстным, но не пристрастным. А приятельские отношения решали многое, это осуждали. Не потакать мещанскому “вождизму”.

IX. Книга живет своей жизнью. Около каждого читателя не сидит автор.

Хорошая книга живет помимо критики, даже положительной.

От плохой, тенденциозной она не убудет... Будет только тем хуже для недобросовестной критики. А антихудожественные произведения или автор рекомендацию не протянет. Разобраться, чтобы объективно найти качественное во все времена. Определить его качество в соответствии с социалистическим реализмом. Осудить книги, отступающие от него.

X. Обсуждение этих проблем только начинается. Литература живет только так: обсуждая, полемизируя, критикуя...

Есть и “критика критиков”. Будем обсуждать и после выхода “Очерков”... страстно обсуждать... в республиканской печати, и в центральной. Нужно обеспечить качество

для Академии такое, чтобы “не переваливаться с одного бока на другой”.

Жданов... изобразить действительность в ее революционном развитии.

При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся людей в духе социализма. Такой метод художественной лит-ры и литературной критики есть то, что мы называем методом социалистического реализма.

“Будьте активнейшими организаторами переделки сознания людей в духе социализма”.

Горький – либеральные и гуманитарные идеи – в критическом реализме.

“Ценность искусства измеряется не количеством, а качеством”.

Резолюция Президиума ССП от 4 сентября 46 г. “Отставание теоретической мысли на фронте критики и литературоведения привело к тому, что у нас нет до сих пор учебных пособий по теории и истории советской литературы, нет даже удовлетворительной программы преподавания истории советской литературы в Литинституте ССП.

Критика критиков...

...привела к возрождению в отдельных литературах буржуазно-нац. тенденций (Украина, Татария, Башкирия – Едиге). Теоретическая работа критиков в союзных республиках особенно отстает.

ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА НА ОБСУЖДЕНИИ КИНОСЦЕНАРИЯ С. ЕРМОЛИНСКОГО “ЧОКАН ВАЛИХАНОВ”

Товарищи, вы прослушали сценарий о Чокане Валиханове, в отношении которого, я уверен, что вы все разделяете мое мнение. Сценарий включает в себя очень многое о жизни, деятельности и судьбе Чокана Валиханова. Об этой вещи можно говорить очень много, так как вещь заслуживает очень большого продуманного, глубокого обсуждения и в другом случае, когда нужно вынести какое-то организационное деловое отношение, можно говорить и недолго. Я буду говорить, исходя из своего отношения к этой вещи. Мое отношение раньше было определено на основе знания прежних вариантов, на основе встреч с Сергеем Александровичем. То же самое мнение остается и сейчас. Какое отношение — расскажу дальше.

Вначале небольшое вступление в отношении обоснования моего отношения к этой вещи.

Я хочу предпослать этому сценарию несколько общих мыслей, какой должен быть сценарий о Чокане Валиханове, который воспроизводит жизнь и деятельность Чокана Валиханова, воссоздает образ Чокана в большом художественном фильме. Задача определяется исключительной особенностью Чокана в истории культуры не только казахского народа, но и России вообще. Будут ошибаться люди, которые будут полагать, что тема о Чокане касается только Казахстана, будут правы те люди, которые считают, что тема о Чокане, о его деятельности и задача воссоздания его образа является темой общероссийской применительно к прошлому, задачей общесоюзной, потому что Чокан — явление общероссийское, а не местно-казахстанское только.

Во-первых, Чокан — представитель русской интеллигенции 50–60-х годов. Первым доказательством того является то, что Чокан — ученый деятель, сформировавшийся в среде русских ученых. Чокан сформировался в русской научной среде, поэтому Чокан — создание русских ученых. Русская наука сохранила его для нас. Чокан по образу мыслей, по воспитанию — представитель 50–60-х годов. Поэтому, вспоминая Чокана, думая о Чокане, следует в произведениях, воссоздающих образ, деятельность его, описывать и эпоху Чокана. Нужно помнить о том, что Чокан является представителем самой передовой общественной мысли, передовой общественной жизни 50–60-х годов, одновременно его мысли и заботы устремлены на то, чтобы улучшить судьбу своего трудового народа. В этом смысле Чокан по плечу многим выдающимся деятелям в истории народов Советского Союза. Это осложняет задачу изображения образа, эпохи, деятельности Чокана. Чокан, так же, как все представители народностей Советского Союза, выразил думы и чаяния своего народа и не только своего народа, а многих народов, подобных казахскому народу, Он выразил мысли на 40–50 лет вперед, которые не были сформулированы тогда. Вместе с тем Чокан, родом из эксплуататорской среды, связал судьбу с русскими передовыми деятелями. Он выражает русскую передовую мысль, представляет лучшую историю братских народностей. Поэтому о Чокане должен писать тот писатель, который прекрасно чувствует и Базарова, и Рахметова, тонко понимающий эту эпоху, различных людей 50–60-х годов, начиная от царя и кончая швейцаром, вообще народ. Этот человек должен знать эту эпоху, он должен уметь говорить языком швейцара, матерей, дочерей, языком человека, умеющего чувствовать и мыслить, как чувствовали и мыслили в петербургском светском обществе. В сценарии — от царя до Чернышевского — две России. Я считаю, что С.А. Ермолинский для этой темы — это найденный автор. Нам всем известны его прекрасные знания России, той эпохи, которую он описывает. Его пьеса “Грибоедов”, которая идет на сцене театра имени Станиславского, в которой он с полным пониманием отображает образ, эпоху Грибоедова. Это поколение отцов по отношению Чокана. Эпоху Чокана он прекрасно знает, дает характеристику

той эпохи, той социальной среды. Я считаю, что наша общественность должна с особой благодарностью подчеркнуть свое дружеское отношение к проделанной работе.

Работа Ермолинского проходила в течение ряда лет. Мы вокруг этой работы ходим много лет и, наконец, ей должен быть положен конец. Человек неоднократно переделывал и сейчас последнюю редакцию сценария я прочел с огромным удовольствием, очень много интересного вписано, что он делает, чутко прислушиваясь к нашей общественности, к нашим указаниям. Сцены с Чернышевским, с Чингизом, с Садыком здесь получили очень интересное обрамление и заканчиваются уже открытием памятника. Целые сцены переписаны заново.

Какое самое главное достоинство в этом сценарии? О нем много можно говорить, но самое замечательное, что он сумел дать социально-экономический разрез общества того времени – 50–60-х годов.

В этом разрезе он дает и верхние слои общества, и низы. Сам Чокан выступает и как ученый, и как государственный деятель. Здесь показывается две России – Россия Александра II и Россия Чернышевского. Отдельные эпизоды, были ли они или не были, для нас, писателей, работников искусства, руководителей творческой работы, неважно. Нужно помнить об одной элементарной истине, что исторический романист, сценарист, работающий над исторической темой, должен максимально использовать исторический материал, который должен знать прекрасно биографические данные, все, чем богат и чем заранее себя обеспечил Ермолинский, приступая к этой работе. Он великолепно мог бы защищать диссертацию по такой теме. Зная и используя много известных ему материалов, часть известных исторических материалов им не используется и не обязательно, чтобы все материалы были использованы.

Исторический романист, драматург и сценарист наравне с использованием исторических данных имеют право на воображение. Не было бы исторического произведения, если бы не было воображения, поэтому было это или не было, не имеет столь большого значения, когда речь идет не о научном трактате, а о художественном произведении,

причем жизненная правда, историческая правда, переходя в область искусства, перевоплощается в художественную правду. Используются лучшие отдельные моменты. В данном случае мы имеем дело и с тем, и с другим явлением, очень тонкое глубокое знание фактов, материалов той эпохи, особенно в части русской культуры. Чокан тем и замечателен, тем и значителен, что с девятнадцати-двадцати лет ездил с экспедициями и начал свою работу как исследователь, ученый деятель. Чокан — воспитанник русской культуры, русской школы.

То, что было в истории, взято хорошо. Я считаю, что никакого спора не может быть, потому что его встреча Чокана с Чернышевским дана блестяще. Царь, скужающий, просто в таком футляре, совершенно даже не прислушивался к тому, что говорили, у него страшно однообразная жизнь, а вокруг Чернышевского такая жизнь живая, что бьет ключом. Скупое это дано, немногими мазками дано, но дано хорошо.

Если Чокан встретился с Чернышевским, то мог встречаться только так. Убедительность такого показа очень интересна, очень важна. Через Чокана вообще раскрываются две России. Показан Чокан не только в столице, но и в провинции, в Омске. Здесь 2 полюса: с одной стороны, царь, с другой — Чернышевский, другие персонажи расположены между этими двумя полюсами. С одной стороны, Семенов, Черняев и дальше Достоевский, Фредерикс. Все они великолепно сделаны композиционно в отношении столкновения образов рассматриваемой исторической эпохи. Изображаются две руководящие фигуры — Чокан и Чингиз. Чингиз и Чокан одинаково не могли смотреть на Россию. Чингиз — человек, облаченный в царский мундир, и феодальный хозяин, националист. От царя до Чернышевского много типов и людей, стоящих на разных ступенях своего развития. В этом смысле композиция вещи необыкновенно хорошо продумана, и она прекрасно, разнообразно, многогранно раскрывает образ Чокана и через Чокана идет целое движение.

Теперь с точки зрения композиции — с чего начато и чем закончено. По-моему, правильно, что начато с Кашгар. Некоторые говорят, зачем Кашгар, зачем девочку приводить?

Именно девочку надо приводить, а не шалкенов (были такие красивые женщины, которые вступали во временную связь с приезжими на 4–5 месяцев через венчание, потому, уезжая, приезжие давали им развод). Здесь это разыгрывание необходимо для того, чтобы Чокан мог спастись, нельзя это принимать всерьез, надо понимать, как полагается. Нельзя показать Чокана сразу на Географическом обществе, это будет только сухая речь, только сухое выступление. И как интересно завязывается сюжет сценария. Мы видим азиата в рваном бешмете, который бежит и вдруг говорит: “Я-то хорош, Подколесин” и совершенно неожиданное драматургическое превращение, когда из этого Алимбая получается прекрасный офицер. Драматургически очень интересно, а бы не расстался с таким началом.

Об образах. Большинство образов очень коротко изображено. Некоторые говорят, что это снижает вещь – ничуть не снижает. Такое начало правильно. Должен быть натурализм в отдельных явлениях. Поэтому события надо начать именно с Кашгар, было то или не было, но могло быть.

Наиболее важные образы изображены очень хорошо, убедительно.

Вот Достоевский и Чернышевский совершенно по-разному строят мысль, чувствуют, они совершенно не похожи, несмотря на то, что оба русские классики. Каждый говорит своим языком. Швейцар говорит своим языком. В этом помогают прекрасные знания Ермолинским эпохи, он чувствует эпоху, прекрасно изображает Фредерикса, Гудковского, вскрывает человека с его мелкими деталями, вроде песенки “Мальбука”. В сценарии все передает колорит эпохи. Все образы очерчены правильно. Поэтому я и говорю: колорит эпохи передан в речах, мыслях, ощущениях, поступках людей вплоть до какой-нибудь песенки, до лорнета, до характеристики людей высшего света. Эта эпоха дана очень убедительно.

У товарищей могут возникнуть вопросы, как быть с такими личностями, как Садык. Мы пишем не исторический труд. Если будут писателя за ручку водить, то ни одной вещи не выйдет. Писатель пишет о том, что могло быть, что возможно, что должно быть. Для чего нужен Садык? Нужно показать его разлагающее влияние. Были такие реакцион-

ные темные силы, что в Коканд уводили аулы. Шла борьба за Россию и за полумесяц, эта борьба была в разгаре. Такой тип должен быть сильным, поэтому пусть он будет как носитель всего пустого, всего вредоносного.

Какие пожелания у меня? Ермолинский много поработал над этим сценарием. О произведениях искусства можно всегда спорить, это не дважды два — четыре. Я считаю, что Ермолинский очень много и очень хорошо поработал, и казахская общественность Ермолинскому — русскому советскому писателю, пришедшему к такой тематике, должна быть благодарна.

Теперь об участии народа в сценарии. Вот какие-то люди с ним ходят (150 человек). Его встречают, провожают, это несколько анонимная масса. Хотелось бы, чтобы эта масса активно участвовала. Для этого что надо? Нужна одна действенная сцена столкновения Чокана с тем же Садыком. Большое реалистическое произведение от этого приобретает дополнительное качество. Чокан в ауле, выезжает на джайляу, приехал Садык вербовать людей, тут и должно происходить столкновение Чокана с Садыком, который хочет мобилизовать людей против русских, но народ за ним не пошел.

Конечно, народ до конца не может сформулировать свои мысли и чаяния, и Чокан должен выразить их мысли. Моральная победа должна быть одержана здесь, а потом на полях Аулие-Ата, Чимкента и т.д. Такая массовая сцена нужна. Возможно, что и Чингиз будет уличен.

В отношении взаимоотношения Чокана и Чингиза. Чингиз должен разорвать с сыном. Отношения Чокана и Чингиза должны быть выражены более глубоко, огромное расхождение их должно быть раскрыто, и это должно происходить на народе.

В отношении Достоевского высказываю некоторые свои сомнения. Достоевский — это великий классик русской литературы и мировая величина, он раскрыт со своими противоречиями, со своим мракобесием, он раскрыт для нашего советского поколения, но здесь Достоевский развенчивается устами Чокана, это по плечу Чернышевскому, Добролюбову и т.д. А Чокан, вчерашний кочевник, как будет с точки зрения восприятия русского человека? В связи с этой сце-

ной было очень интересно и ценно узнать, что слова Достоевского не выдуманные слова, а взяты из собственных записок самого Достоевского. Здесь правильно показано. Чокан становится еще богаче через эту встречу, потому что находит правильный путь своей общественной деятельности.

Резче надо раскрыть расхождения Чокана с Чингизом на народе. Одновременно надо помнить, что демократизм Чокана полностью не совпадал с демократизмом Чернышевского и Добролюбова (отрицание абсолютизма, признание крестьянской революции). Чокан утверждает преимущества суда биев, он соглашается баллотироваться в султаны. В этом отношении он намного ниже и намного хуже, по сравнению с русскими, представлял революционный демократизм, ошибочно представлял историческую ситуацию, это называется противоречиями. Что-то из этих противоречий должно быть указано. Он считал, что власть может осчастливить свой народ, — это ошибочное мнение. Мне кажется, что в первой встрече с Садыком Чокан слишком резко выступает, считает его враждебным человеком, в этом отношении Чокан должен быть более сильным, более пронизывающим.

На отдельных деталях останавливаться не буду, товарищи, вероятно, скажут, я ограничиваюсь своими мыслями.

В заключение должен сказать, что сценарий в истинном смысле слова является достойным творением. В этом отношении мое главное чувство — это чувство большой благодарности русскому писателю С.А. Ермолинскому.

ШОҚАН ТУРАЛЫ СЦЕНАРИЙДЕН ӘСЕР

Жолдастар, сіздер бағанадан бері Шоқан Уәлиханов жайлы сценарийді тыңдадыңыздар, ол туралы менің пікірімді күлліңіздің құптайтындарыңызға сенімім кәміл. Сценарий Шоқан Уәлихановтың өмірі мен қызметінің, тағдыр талайының қыруар қырын қамтыған. Ойлы да терең талқыға келсек, бұл сценарий қандай үлкен әңгіменің де тақиясына тар келмейді, егер белгілі бір ұйымдастырушылық іс бабында жиналсақ, онда көп сөйлеудің қажеті шамалы. Мен бұл жерде осы дүниеге деген өз көзқарасымның тұрғысынан сөйлемекпін. Оның талай нұсқасымен таныса жүріп, Сергей Александровичпен әлденеше рет мәжілісте жүріп, мен белгілі бір пікірге келіп болғанмын-ды. Тап осы қазір де сол пікірдемін. Ол қандай пікір – оны осы арада ортаға салмақшымын.

Алдымен, мен сол пікірлерімді неге негіздегенімді, Шоқан Уәлихановтың өмірі мен қызметін мәшһүр етпек, үлкен көркем фильмде Шоқан бейнесін көрсетпек сценарийдің қандай болмағы жәйлі бірер жалпылама ойларымды айтайын. Бұл шығарманың үлесіне тиіп отырған міндеттің мән-маңызын Шоқанның тек қазақ халқының ғана емес, барша Россияның мәдениет тарихындағы елден ерек сипатынан іздеу керек.

Шоқан тақырыбын тек Қазақстанға ғана еншілейтін адамдар қатты қателеседі. Шоқанды, оның қызметін, оның шынайы бейнесін жасауды бөліп-жармай, бағзыға байланыстыра айтсақ, бүкілроссиялық, бүгінгіше айтсақ, бүкілодақтық құбылыс деп ұғатын адамдар әбден дұрыс ойлайды. Бұл пікірімізге дәйектеме, дәлелдер толып жатыр. Шоқан 50–60-жылдардағы орыс интеллигенциясының өкілі. Оған бірінші айғақ – Шоқанның орыстың ғылыми

қауымында қалыптасқан оқымысты, сол ортадан шыққан қайраткер екендігі. Ендеше, ол орыс ғылымдарының түлегі. Оны бізге дейін мәпелеп жеткізген де орыс ғылымы.

Шоқанның ой әлемінен, тәрбиесінен 50–60-жылдардың түс өкілі екені бесенеден белгілі болып тұрады. Сол себепті де Шоқанды ойлағанда, ол туралы шығарма жазғанда оның қайраткерлік дидарын өз тұсынан, өз ортасынан алабөтен окшаулап әкетпеу керек. Шоқан өз тұсының ең озған қауымының өкілі боп, өзінің еңбекті талшық еткен елінің тағдырын ойлап, қам жеді. Бұл ретте ол Совет Одағы халықтарының тарихындағы қай қайраткермен де қатар тұра алады. Бұның бәрі де Шоқанның өз бейнесін, оның қызметін, дәуірін көрсетудің ересен міндет екенін айғақтайды. Совет Одағы халықтарының өзге қайраткерлері сияқты Шоқан да халқының қамын жей отырып, қазақ халқы секілді өзге де бұратана жұрттың аңсарын айтты. Оның ойы жарты ғасыр алға озып жүрді. Ол орыстың озат ойының өкілі. Сондықтан ол туралы Базаров пен Рахметов болмысын әдемі түсінетін, сол дәуірдің сырын аса нәзік ұғатын, 50–60-жылдардың патшадан басқа қақпашыға дейінгі әр қилы жандарын, халқын аса жақсы білетін жазушы ғана жазуға тиісті. Ол сол дәуірдегі швейцарларша, сол кездегі аналар мен балаларша сөйлей білуге, қысқасы, сол кездегі Петербург қауымының ойы мен сезімін қалт жібермей дәл ұғып, дәл аңғаруға тиісті. Сценарийде патшадан Чернышевскийге дейінгі екі Россия бар. Мен С.А. Ермолинскийді бұл тақырыпта сәтті табылған автор деп білемін. Оның өзі жазып отырған заманды өте жетік білетіні баршамызға бұрыннан мәлім. Ол өзі Станиславский атындағы театрда жүріп жатқан “Грибоедов” пьесасында Шоқандарға әке болуға жарайтын Грибоедов буынының тұсын аса сенімді көрсете білген-ді.

Ермолинский бұл тақырыпта әлденеше жыл қатарынан еңбектеніп келеді. Біз де бұл тақырыпта біраз әуре-сарсаң болдық. Енді соны бір түйіндейтін шақ келген сияқты.

Сценарийдің ең басым үздік қасиеті қайсы? Алдымен, оның 50–60-жылдардың әлеуметтік-экономикалық кескінін әсем аша білгенін айтқан жөн. Бұл кескінде қауымның жоғары-төменгі барша қабаты түгел қамтылған. Шоқанның өзі бұл ортада әрі ғалым, әрі мемлекет қайраткері болып көрінеді. Бұнда Александр II-нің Россиясы,

Чернышевскийдің Россиясы да қаз-қалпында шыққан. Тарихи тақырыпта еңбектенген романистке, сценаристке тарихи материалды, өмірбаяндық мәліметтерді барынша мол, барынша шебер пайдалану керек. Ермолинский өз тақырыбынан әдемі диссертация қорғап шыға алар еді.

Тарихи тақырыпта жазатын романистің, драматургтың, сценарийстің тарихи деректерге сүйенуімен бірге, өз қиялына жүгінуге де әбден қақысы бар. Бұнда қиялсыз тарихи шығарма туа алмақшы емес. Әйтпесе, тарихи шындық көркем шындыққа айнала алмай әншейін бір ғылыми трактатқа айналып кетер еді. Суреткердің бір фактіні пайдаланып, екінші бір фактіні пайдаланбауына еркі бар. Бірақ ол бұл таңдауды өз тақырыбындағы тарихи деректердің күллісін түгел біліп тұрғанда ғана іске асыра алады.

Шоқанның тамсанарлық тамаша, мән берерлік маңызды бір сипаты – көп жыл шарлап өткен саяхатшылығы, өз қызметін ғалым боп, оқымысты боп бастағаны. Шоқан орыс мәдениетінің, орыс мектебінің түлегі.

Тарихта бардың бәрі де жақсы алынған. Мен оның Чернышевскиймен кездесу сахнасы аса жарқырап шыққан екен десем, ешкім, сірә, дауласа қоймас. Мүлгіп қалғыған патшаның төңірегіндегі жұрттың не деп жатқанында да ісі жоқ, оның өмірі бір меніреу тірлік. Ал енді Чернышевскийдің ортасындағы елгезек, тынымсыз өмір неткен әсем. Сәл ғана штрихтар, бірақ дөп түскен дәлел шындық. Шоқан Чернышевскиймен кездескен болса, дәл осылай ғана кездесе алады. Ал мұндай нанымдылық қолға түсе бермейтін бақыт. Шоқан арқылы екі Россия да көрінген. Шоқан тек астанада ғана емес, провинцияда да, Омскіде де көрінеді. Мұнда екі ниет, екі полюс бар: бірі – патша, бірі – Чернышевский. Қалған кейіпкерлер осы екі ортада орын тепкен. Композициялық жағынан да сол кездегі шайқастың шындығына дәл келуі жағынан да бұл керемет келісім.

Екі бірдей басты тұлға көрінеді. Шоқан мен Шыңғыс. Ол екеуінің Россияға деген көзқарасы екі қиян. Шыңғыс – патша мундиріне көмілген феодал, ұлтшыл. Бұндай жік-жік жандар, саты-саты топтар Шоқан бейнесін жарқырата түскен. Барлық қозғалыс, барлық ағын Шоқан тағдырының арасында өтеді.

Енді композициялық шеберлік жәйін сөз етсек, шығарманың неден басталып, немен тынғанына тоқталалық. Меніңше, хикаяның Қашқардан өрбігені өте дұрыс. Кейбіреулер қайдағы жоқ Қашқар, қайдағы жоқ қыз қайдан киліккен деп кінәлайды. Меніңше, келімсек еркекке кеткенінше неке киысып, телінетін сұлу әйелдер – шалқандар алынбай, күнәдан пәк уыз қыздың алынғаны әбден жөн болған. Шоқанды бірден географиялық қоғамда көрсетуге болмайды. Онда құрғақ сөздің топанына көміліп қалар ек. Сюжеттің шиеленісуі де сәтті.

Шығармадағы кісі бейнелеріне келсек, олардың көбі келте көрінсе де, жете көрінген. Міне, әрқилы түсінетін Достоевский мен Чернышевский. Олар екеуі де орыс классигі бола тұра, бір-біріне атымен ұқсамайды. Әрқайсысы өзінше сөйлеп, өзінше күледі. Сценарийдің өн бойындағы бар деталь, бар штрих заман келбетін, заман колоритін аша түскен. Ол сөйленген сөзде де, сезіну-түйсінуде де, кісілердің әрекеттерінде де, қайдағы жоқ елеусіз бір әннің өзінде де көзге ұрып тұрады.

Жолдастардың Садық сияқты тұлғалар неге керек болды деп ойлауы да мүмкін. Біз тарихи еңбек жазып отырған жоқпыз. Егер жазушыны да тәй-тәйлеп, қолынан жетектеп жүрсек, ештеңе шығара алмаған болар едік. Жазушы ненің болуы мүмкін болса, ненің болуы қажет болса – соны жазады. Сонда Садық неге қажет болды? Оның бүлдірушілік әсер-әрекетін көрсету керек болды. Бұнда Қоқанға тура тартқан ұры бүйен реакциялық күштердің болғаны рас. Иә, Россияның, иә мұсылманның жарты айлы жасыл туын таңдайтын екіталай күндер де өткен. Күрес содан өрбіген.

Менің енді тілектерім қандай. Ермолинский бұл сценарийдің үстінде көп еңбектенді. Көркемөнердің туындылары туралы қашан да дауласуға, таласуға болады, өйткені бұнда екі жердегі екі – төрт секілді хақ қағидалар бола бермейді. Мен Ермолинский аса игі іс істеді, қазақ қауымы орыс совет жазушысының бұл еңбегі үшін үлкен алғыс айтуға тиісті деп білемін.

Енді халықтың қатысы жәйлі бірер сөз. Фильмге жүз елуге жуық кісі қатысады. Шоқанды шығарып салып, қарсы алып, әбігер боп жататын қарақұрым халық бар. Тек осы халық шығармада белсенділік көрсетсе, нұр үстіне нұр.

Ол үшін не жетпей тұр? Ол үшін Шоқанның Садықпен мықтап тұрып бір шайқасуы қажет сияқты. Үлкен реалистік шығарма бұдан көп нәрсе ұтар еді.

Әрине, халық өз ансарын, өз арманын түгел адалап, өзі айтып шыға алмайды. Бұл Шоқанның міндеті. Меніңше, Шоқанның моральдық жеңісі Әулиеата оқиғасында көрінуге тиісті. Бұндай көпшілік сахнасы өте қажет.

Достоевскийдің қатынасуы жәйлі де екіұдай пікірлер туып отыр. Достоевский әлемдік тұлға, оның шытырман қайшылыққа, кейде күңгірт түнекке толы жан-дүниесі жақсы таныс, ол біздің бүгінгі қауымға жете мәлім. Ал фильмде бұның бәрі Шоқан аузымен айтылады. Шынына келсек, бұл Чернышевский, Добролюбовтардың ғана бойына сыятын іс.

Достоевскийдің бұл сахнадағы сөзі ойдан шығарылмаған, оның өзінен алынған. Бұл да дұрыс. Осы сахнада Шоқан өзінің қоғамдық қызметінің бірден-бір хақ жолын тапқандай болды. Шоқан мен Шыңғыстың шығысуын бұрынғыдан да аша түсу, егей түсу қажет сияқты.

Маған Шоқан Садықпен алғаш ұшырасқанда тым қызу кеткен сияқты боп көрінеді, ол оны қас дұшпан санады, ендеше бұл жерде өзін ұстамдырақ ұстап, күшті де парасатты кісі боп көрінгені ұтымдырақ болар еді.

Мен бұл жерде жекелеген детальдардың бәр-бәріне тоқталып жатпаймын, тек жалпылама ойлармен ғана шектелемін.

Сөз соңында айтарым, сценарий шын мәніндегі үлкен шығарма. Менің одан алған әсерім — орыс жазушысы С.А. Ермолинскийге аса разы болдым.

ТОВАРИЩИ!

Партия и правительство оказали самую высокую честь моему скромному труду. Скажу откровенно, было бы неправильно, если бы я сказал, что для меня явилась полной неожиданностью эта счастливая весть, ибо все мы, деятели, труженики любого участка нашей государственной, общественной жизни, воспитаны нашей родиной, нашим народом, партией и правительством в такой оптимистической уверенности, что, создав в своей трудовой деятельности что-то приметное, несомненно ждем и получаем то или иное признание родины. Но тем не менее ясно также, что каждая отдельная радость приходит по-своему неумной, волнующей и со своим смыслом. И вот в таком порядке некоторого самоанализа, я нашел, что в настоящие дни я больше всего рад радости моих друзей, число которых — несметное множество, имя которым — честный, искренний, родной советский народ. Я рад потому, что радуются писатели Казахстана и Советского Союза новым достижениям казахской советской литературы, я рад потому, что ученые Казахстана удовлетворены и рады этому достижению, я рад потому, что деятели искусств нашей республики выражают чувство искреннего сорадования этому достижению, наконец, я рад потому, что вся широкая партийно-советская общественность и руководство партии и правительства удовлетворены тем же достижением. В эти дни со всей глубиной и исключительной наглядностью я понял также еще одну нашу замечательную истину. Это о том, что признанный нашим обществом известный полезный труд становится достоянием самого народа, самой родины, а дальше и забота об этом труде, и условия для него, и чувство радости и гордости за него становятся чувством народным, положи-

тельным чувством времени в революционно-историческом отрезке поступательного хода, восхождений нашей социалистической культуры.

И, как мне кажется, сейчас я имею достаточное основание, чтобы сказать: “Да, что именовалось доньше моим авторством, теперь твое — родной мой советский народ! Твое — великая, бесконечно любимая, славная родина моя!

Я счастлив тем сознанием, что по мере моих скромных сил тоже внес свою лепту в твои бесконечно огромные, неисчислимо колоссальные исторические, культурные достижения, внес свою лепту в ту пору, когда наиболее важно и необходимо для нашего отечества всестороннее, качественное укрепление и усиление духовной и материальной мощи его”.

В эти дни с неизменным чувством внутренней благодарности я думаю также и о тех главных условиях, которые помогли мне написать роман “Абай” в том виде, каким он вышел сейчас, а не в том виде, каким он мог бы получиться, если бы я писал, предположим, двадцать лет тому назад. Историческая тема и в художественном произведении может быть серьезно и достойно разрешена, только лишь при условии достаточной, идейно-теоретической вооруженности автора самым передовым и единственно безошибочным, научным знанием — марксистско-ленинским пониманием исторических процессов. Только лишь труды классиков марксизма, труды В.И. Ленина и тов. Сталина относительно путей и перспективы развития исторических процессов в России, относительно судеб и перспектив, ожидающих народности колониальных окраин царской России, помогли найти мне верные ориентиры в изображении картин прошлого. Бесконечно много, повседневно помогали мне исторические решения ЦК ВКП(б) в вопросах развития литературы социалистического реализма. Помогли конкретно и непосредственно решения ЦК КП(б)К с указаниями на наши ошибки. Заботливо взыскательные, критические оценки моих трудов нашим руководством партии и правительства направляли и вели меня к наиболее зрелому и ответственному, требовательному к самому себе завершению хотя бы той же книги романа об Аббае.

Подобными же важнейшими положительными условиями в удовлетворительном решении мною стоявшей передо мной художественно-творческой задачи явились великие поучительные традиции русской классической и советской литературы.

Всем своим художественно-творческим воспитанием, полученными знаниями, идейно-творческой вооруженностью своей, я безмерно и исключительно обязан благодатной культуре великого русского народа.

В своих творческих поисках я много черпал полезного и из трудов моих сотоварищей по перу, у моих современников старшего и младшего поколений — у казахских писателей.

Вот те истинно значительные, исключительные условия, которые предшествовали, сопутствовали и, в целом, благоприятствуя, помогали мне повседневно в пути одоления мною поставленных перед собой творческих задач.

Продолжением тех же благоприятных, дружески содействующих творческим успехам и окрыляющих нас условий, является и то историческое решение Советского правительства, которое отметило особым вниманием произведения советских писателей. Вспоминая с глубокой благодарностью все эти счастливые обстоятельства своих трудовых порывов, в эти же дни я много-премного думаю и о своих дальнейших обязанностях как за свой труд, так и за непрерывный, качественный идейно-художественный рост всей родной мне казахской советской литературы и ее кадров.

Памятуя свою глубокую признательность нашему народу и помня свою обязанность перед советским читателем, в личном своем творческом плане я стремлюсь не ослабить своей трудоспособности и все больше создавать произведений о нашей советской, героической действительности. Запечатлеть в монументальном труде образы советских деятелей с наименьшей художественной полнотой, чем образ Абая, — есть наивысший идеал моей дальнейшей творческой деятельности.

Заканчивая свое выступление, я приношу свою глубокую благодарность Союзу советских писателей Казахстана, бесконечно благодарю всех тех казахских писателей, которые искренне, дружески отмечают сегодняшнее событие, как свой праздник. Приношу глубокую благодарность и Со-

юзу советских писателей СССР, моей родной и дорогой организации братских литератур, выражаю лично от себя и от имени всей нашей писательской организации искреннюю признательность и благодарность руководителю всей нашей писательской организации дорогому А.А. Фадееву, большому советскому писателю горьковских традиций.

Я выражаю благодарность за оказанную мне самую важную и высокую моральную поддержку руководству партии и правительства Казахстана, всемерно способствовавшему и созданию, и признанию романа “Абай”.

Я приношу свою бесконечную благодарность ЦК ВКП(б) и Совету Министров СССР, так высоко оценившим мой скромный труд.

Да здравствует социалистическая культура Советского Казахстана!

Да здравствует великий и родной, мудрый и заботливый отец всех наших народов, дорогой товарищ Сталин!

МҰХТАР ОМАРХАНҰЛЫ ӘУЕЗОВТІҢ СӨЙЛЕГЕН СӨЗІ (1957 ж.)

Тарихтың ұлы бір белі болып Октябрьдің 40 жылдық мерекесі міне келді. Бұл сәтте, осы шақтарда, барлық Отанымыз жөнінен де айтар жайлар адам ойына сыйғысыз мол бір ен дүние. Сол тәрізді ұлы социалистік Отан ішіндегі туған республикамыз Қазақстан жөніне қырық жыл тұрғысынан қарап, өткен мен жеткенді санасак, бұ да ұшан-теңіз. Есептесең, санға сыймастай, ой құшағы жетпестей өзі де бір ғажайып әлем. Бүгінгідей ұлы күнде, әрбір ой толғаған адамға ең алдымен өзгеше дәуреннің өзгерген, жаңғырған жаңа нәсілі келді. Жалпы, адамзат қоғамының жаңа нәсілінің өкілі болуға жараған буындар туды дей аламыз.

Бүгінгі қазақ баласы — қырық жыл бұрынғы қазақтың баласы емес. Бүгінгі жас талапкер оқушы, өсуші қазақ, совет жасы қырық жыл бұрынғы қазақ аулының, қазақ семьясының атасы мен анасы емес. Бүгінгі ата — советтік семьяның білімі санаға, өнері сапалы еңбекке машықтанған ата-аналар, әрине, мүлде бұрынғы қазақ қауымының жасы емес. Қауым, қоғам, ғылым, өнер, шаруа техника, мемлекеттік, саясаттық майдандарда еңбек етіп, биік тұғырларға жетіп жүрген бүгінгі қазақтың ер-азаматы, әйел қайраткер азаматтары — бәрі-бәрі де қырық жыл бұрынғы Қазақстан даласы мен қаласында болған әр алуан адамнан түп-түгел өзгеше. Жеке адам жайлары осындай болумен қатар, үй-іші тіршілік те барлық негіз іргесімен, мораль-мүддесімен, ар-арманы, сын-санасымен және де танымас-тай өзгеше болып жаңғырды. Ғаламат тездікпен, өнермен

өзгерді. Солайша, жеке адам атаулы өзгеруімен қатар және адам қоғамының ең кіші ұясы – үй-іші, тіршілік сапасы өзгеруімен қатар, толып жатқан қоғамдар, орталар, таптар да өзінің революциялық заңды жолымен жаңғырды да, шырқай ұзап, өзгерді де.

Ал, және адам үй-іші, қоғам, қоғамдар ұлы сапада өрлеп, өзгеру шағында халық та өзгерді. Қазақ деген ұлт та бұл шақта құр ғана қазақ ұлты деп аталмайды, қазақ социалистік ұлты боп, әлемге әйгілі жаңа сапалы атақ алды.

Социалистік революция біздің өлкемізге алып келген ұлы табыс, өзгерістерді біз әуелі, ең алдымен, сол өлкенің саналы, жанды, өнерлі иесі – адамзаттың өзгерісінен бастап санадық. Адам өзгеруімен бірге, қауым, халық өсуімен ілесе біздің өлкеміз де өзгерді. Ұлы Отанымыздың бар өлкесі, бар талабы, шартарабы тәрізді туған өлкеміз Қазақстан да келе ғажайып, таңғаларлық жаңалықтарға жетті. Ертегі баян ететін тездікпен, ежелгі тылсым буғандай меңіреу дүниені жеңдік. Құдірет қуатындай дейтін сәтте өзгерткен жаңалықтарға жеттік. Сары дала, сан жетпес сахара бұдан қырық жыл бұрын түйелі көш пен керуеннің мүлгіген мимырт аянына бар өмір ырғағын, ритмін бағындырған еді. Бұл күнде біз күллі әлемнің ең шапшаң машина техникасының бәрін де өз өлкемізде күш көлігіміздей керекке жаратып, көмекке алып отырмыз. Ұшқан құстың қанаты, жүгірген аңның тұяғы күйеді дейтін елсіз, иен шөлдер, құмдар болушы еді. Ол күнгі адам пайдаланған көлік-күліктің де шамасы жетпес нелер қиын қияндар, ұзақ салқар сапарлар болып еді. Соның да бәрі жаңғырған сапаға, жетіскен өлкелерге айналды. Жердің үсті ғана емес, біздің өлкемізде жеті қабат жер астындағы сырлар ашылды. Қымбат, сымбатты, нұрлы байлықтың жасырыны бітіп, жарқыраған қазына қалпында жер жүзіне шықты. Керегімізге жарап, көмегімізге келіп, сансыз мол байлық ретінде ұшан-теңіз қосылып жатыр.

Табиғат сараңы мырза болған заманда, шөлінде дәурен, даласында дария, меңіреуінде қалғыған байлық, тереңінде түсті металл, тың қазына бүгінгі біздің өзгерген өлкеміздің қасиетіне, құдіреттей күшіне айналды. Шексіз теңіздей сар селеу басқан далаларда, мәңгілік мүк басқан құздарда өлкеміздің бүгінгі керегіне жаратылмаған ұлтарактай жер жоқ деуге болады. Қазақстан географиясында мәңгі за-

мандардан бері адамзат керегіне жарарлық болса да, жаратылмай жатқан қасиетті байлықтар мол еді. Бұлардың бәрі де қалғып тұрған мүмкіншіліктер болатын. Ақтарыла шыққалы тұрған баға жетпес байлықтар еді. Бүгін менің өлкем, социалистік Отаным, өзгеріп өскен республика деген сөздерді біз мақтанышпен, қуанышпен айтқалы атаған шақтарымызда осындай болып түлеп, үдеген, үдеп, өрлеген дәуір, дәуренді, талай бақытты, таудай табысты тарихты атаймыз. Және де бір үлкен ой медеуі бар. Сөз тек жеткені мен болғанды ғана айтып тынуда емес, қырық жылдың қызықты күнінде болғанның үстіне болатынды, келгеннің үстіне келетінді, жеткені үстіне жететінді, асқан үстіне асқактай, үдей түсетінді түгелімен бұлдырсыз айқын болашақ түрінде ойға аламыз. Жеткенімізді, тапқанымызбен қатар алдағы мүмкіншілікті, жақын мүмкіншілікті, шексіз мол ырыс дүниесіндей, тарихтың анық алтын арай асыл бетіндей есепке қосамыз. Осылайша өткен аз жылдардағы жеткен мен алдағы аз жылдарда жететінімізді, жетісе түсетінімізді, қырық жылдық тәрізді асу белді атап, санап межелесек, ол мақала түгіл, кітап бетіне де сыймастай.

Түгелімен толық таныту бір мамандық емес, сан білімпаз оңайлықпен жеңе алмас дүние болар еді. Осы ойларды жалпы оймен топтай шолып еске алған шақта, бұрынғы өткен аталар заманынан қалған бір нақыл еске түседі. Өзінің сол замандағы шама-шарқына қарағанда, едәуір саналы бір ой түйген ескі нақыл бар. Елу жылда елдің тірісі мен өлісі, атасы мен баласы, немересі болса, бірі кетіп, бірі келіп, қауым ауысатыны дұрыс аталған. Рас, елу жылда баба буын орнына бала буын келетіні шын. Ел жаңа дегенді жарым ғасырмен шамалап, бұлай атап, тапқыр ойдың қысқа түйген дәл түйіндісі. Соның ар жағында тағы бір қызық жайды сол күнгі ел даналығы қызық түйген. Онысы “Қырық жылда қазан жаңғырығады” дегені. Әрине, мұны біз маркстік-затшылдық ұғымға, философиялық тезиске жеткендік демейміз. Ол дәрежедегі затшылдық философиялық қисынды бұл нақылдан туғызу зорлық болар еді. Бірақ заманнан заман өткенін, ауысқанын, тарихты тұрғы-тұрғы кезеңдерде өз шамасынша топшылап түйгісі келген жайларды жаңағы нақыл да анық аңғартады. Ал соншалық есті, сапалы айтылған халық даналығы бола тұрса да, сол ойдың

өзі де біздің ендігі, мына қырық жыл ішіндегі табысымыз бен тарихымызға мүлде өлшеуде, мөлшерде болуға жарамай қалғанын айтпасақ болмайды.

Қазақ халқының қырық жылдан бұрынғы миымырт тарихының сүлесок баяу кимылында, шабаншардақ қозғалысында зорға барып байқалатын болымсыз өзгерістері, әрине, біз көшіп өткен мынау қырық жылдық сапарымызға әсте шендесе алмайды. Қырық жыл бұрын өткен нелер ел қамқоры, ойшылы саналған ақылды ағаның ойы түгіл, қиялына оралмаған күйлер, күндер болып өтті. Қиялдың да нелер алғыры, қырағысы, тіпті тұманды түс мекенін шарлайтын кезегені, шарқ ұрғысы болса да, бар-бәрі де білу түгіл, болжай алмастай өзгеріс болды. Әлем таңырқар тарихқа, табысқа жеткен шақтамыз. Өріс алып, жетіп тұрған биік тұрғы-тұрағымыз бар. Осы жайды және де жоғарыда аталған келешек күндердің болашақ жаңалықтары, жаңғырулары, жеңістері, табыстарымен қоса мөлшермен межелесек, ол тіпті де ой-қиялдың құшағына сыймастай ғажайып танылады. Дәл осы соңғы ай мен жұмалар, күндер ішінде біздің Отан өнері аспанға атып, әлемді таңырқатып отырған жердің жасанды серік дегенінің өзі қаншалық. Біздің алдағы күндерге арналған жеңіс-жетісудің құдіретті мүмкіншілігі қандай боп шықты? Адамзат тарихын әлекке салғысы келген араны бұзық империалистерден дүниені амандап, бейбітшілікті тұрақты етіп алу біздің социалистік өлкеміздің ұлы адамгершілік арманы болып отыр. Адамзаттың жаңа қырғынын тілеген Америка қанқор империалистерінің дегені болмай, бейбітшілік пен халықаралық достықты ұран еткен біздің Отан орманы жеңіп, өктеп шығады! Бұл күмәнсіз келешек. Сол күнде біздің ғылым мен өнер тауып, шешіп, меңгеріп алып отырған атом қуатындай қуаттар осы өзіміз жайлап, қыстап, мекендеп жүрген дәл бүгінгі социалистік өлкеміздің де талай табиғаттың олқылық, кемшіліктерін түзейді. Бүгінгіден де жаңғырта, жайната түсетінін біз күмән етпейміз. Құмдарда хош иісті мәуелі бақтар, шөлдерде күміс сулы бұлақтар, құрғақ далаларда ұзын аққан өзендер сан өлкелерді гүл жайнататынына және де күмән жоқ. Ол күннің баласы мен жасы қазіргі біздің буындардың қырық қана жыл ішінде қыруар қасырды басып өткенінен де тез өседі. Нелер тарихтық асу-

ды олар бізден де шапшаң асып өтетін болады. Біздің бала, немере, шөбере буындарымыз, социалистік қазақ ұлтының келешек жақын нәсілдері, барлық Отан халықтарының нәсілдеріндей, өте шапшаң, өте сапалы күйде ерте әкететін болады. Кейінгі нәсілдер бізден де жіті жарқын, үлкен қарқын тауып өседі деп сенеміз. Міне, мұның да аты алтын-дай болашақ!

Қырық жылдық ой-қиялға өзгеше қанат бітіре қуанта-тын жеңісші жорықтарын айта келе, біз бұдан былайғы болашақты, коммунизм жорығына қарай маңғыстап басқан болашақты толық бақыт, шалқар шаттық арнасы мен аңсары деп санаймыз.

Зерммеу

ЕРТЕГІЛЕР ТУРАЛЫ (ПЛАН)

1. Тарихтық жаңалықтар (Ленин). Экономика. Россия жаңалығы – қарсылықтар. Кл. расслоение – обострение борьбы.

2. Татар, бұхар саудагері, молдалық, дін.

3. Чокан, Радлов.

4. Ертегілер. Қиял-ғажайып, переоформление – діншілдік. Ханға, болысқа, әкімге қарсылықтар. Дін, шығыс – “Мың бір түн”.

5. Хайуанат – Абай, Ыбырай, орыс ертегілері. Балалар ертегісі, “Мың бір түн” – шығыс, классик Пушкин.

6. Салт ертегілер – молаю, сказ (жұмысшы сказы). В меновые дворы при таможах. Оренб., Сибир. казачьих линиях в Оренбурге, Троицке, Петропавловске и др. городах стекались торг. караваны.

Тайынша базары привозились товары (большие запасы их), русских, китайских и среднеаз. товаров.

Ежегодные обороты Таинчинской ярмарки в начале 60-х гг. достигали 5 млн.

1. Казалы – русские и бухарские лавки. Местные рынки были связаны с крупными российскими ярмарками, Иркутской и Нижегород. Гурты скота перегонялись по 5–10 тыс. голов на север Петропав. через Тюмень. В Казань, Нижний и дальше в Москву.

1. Развернулась торговля в военных фортах и укреплениях; русским, казахам приходилось конкурировать с бухар. торговцами (стр. 315). 1 форт (Казалинск).

После присоединения кокандских земель русские купцы двинулись еще дальше вверх по Сырдарье.

2. Стремались обосноваться в среднеаз. городах – Туркестане, Чимкенте, Сайраме, Ташкенте.

2. Казахские купцы в 1861 г. в Баянаульск. округе – из 107 торговцев 68 казахи. В Перовске казахи, купцы имели торг. сношения с Троицком, Ташкентом, Бухарой и Хивой, ездили и на Ирбитское вер. море, и в Чугучак.

2. Среди купцов из России часто бывали татары, приказчиками тоже нанимали татар.

2. Сало, кожа, мерлушки. Сдача в наем верблюдов, лошадей. Развитие обмена оказало определенное влияние на производство в Казахстане: благодаря росту товар. отношений расширилось производство на рынок в обл. скотоводства, охоты, рыбной ловли, добычи соли, изготовления шерстяных изделий. Выделились проф., ремесла – результаты экономич. связей с Россией.

Начало перехода к оседлости.

В бассейнах Урала, Тобола, на берегах Сырдарьи, Эмбы, Иргиза, Тургая прибежали к сложной системе арыков, плотин.

2. Ежегодно в Каз-н ввозились большие партии муки. Развитие экономики – отсюда глубокие соц. сдвиги и бытов. изменения. Султаны и родов. знать уже не имели веса, богатые скотоводы, купцы оттесняли родовую знать.

2. В юрту проникли русские ткани, галантерея, предметы домашнего обихода (самовары, глиняная, стекл. посуда, зеркала и проч.).

Реформа 1867–1868 гг.

Еще цитата из Чокана (324). Он писал в 1864 г.

О задаче реформы – цитата (324). Еще цитаты из Чокана.

3. Управители, баи – эксплуатация низов (326).

Новая реформа ограничивала права мусульм. духовенства (327). Керек.

3. Устройство русско-киргиз. школ было наиболее прогрессивным моментом в реформе 1868 г. По реформе обязат. оспопрививание. Цитата из Сталина о царизме, о патриар.-феодалном гнете.

В 1868 г. в ноябре предписание Туркест. генерал-губернатора. Школы (349).

1. Расширялись и укреплялись торговые связи.

Чарская, Куяндинская, Акмол. и Атбасарская, Уильская ярмарки Тургайской обл. Обороты казахских ярм.

II. Развитие промыш. и постройка ж/д ускорили процесс образования казах. пролетариата. Расслоение аула.

Радловка ертек айтушының тілі – бір штоф арағы.

3. Үш ұл – әділ би туралы.
19. Скакун – Сидельников.
21. О лентяе.
25. Бай и пастух.
48. Урочище Шом калган – из фотокопий.
Из фотокопий.
9. Жиренше, Алдар, Байбатша, Зейне заиб.
18. Қарға баласын әппағым.
24. Брат и сестра.
33. Царь Сулеймен.
34. Как отомстил Алатык за мать.
37. Султан Хусейн и Мир Алишер.
38. Гуси и девушка.
39. Кәрі жілік – базар, үй жақсы.
40. Үш сараң терек.
41. Хасан.
47. Отчего зло на свете.
48. Каратай.
51. Три сына.
 2. “Майлы Қараша” ертегісі, ағымдар қалай?;
 3. Үш таздың ертегісі, Марал жігіт, суевериеге күлу? – Березин материалы.
 5. Кісі етіне жерік адам.
3. Өгей шеше. Әке баласын сояды (ана рақымды).

Людоедство.

“Одна песня Джум-Жума более содействовала утверждению ислама между киргизами, чем сотни мулл, разъезжающих по степи” (Радлов).

Радлов.

1. “Дудар қыз” – қасқыр, бай, кашу.

Ертегілер ТӘИ архивінен.

1. Атымтай.
2. Төрт дәруіш.
3. (28) Молда мен сиқыршы әйел.
4. (30) Өгей шеше қастығы.
5. Қыдыр, бақ, ақыл.
6. Ақылды етікші.
7. Адам өмірі.
8. Кедейдің үш баласы.

9. Ескендір Зұлқарнайын.

10. Хан Итбай.

Потанин.

1. Чингис хан.

2. Алаша хан.

3. Происхожд. казахов.

4. Поколения казахов.

5. Абылай, Жидебай батыр.

6. Еркөкше, Еркөсай.

7. Сүлеймен (пайғамбар).

8. Қызыр.

9. Череп – убил 80, еше 40.

10. Дочь визиря спасает от хана-тирана девушек.

11. Ұяда хан баласы. I. Сатира.

12. Зада – Садуар Күлше не қылды? Садуарға не қылды?

13. О рогах Искандера.

14. Байғыз – кім көп.

1. Түсіп.

2. Қойтасбаев Адамқайыр.

3. Амангелдин Көлзак.

Караганд. экспедиция.

4. Қарынбай – наоборот жақсы, жазықсыз. Балалар ұры, жаман, соларды жазалайды. Тәрбиелік мән.

5. Зар жылатқан Зарлыбай. Еңбегін қанап, өздерін сабап, түзу ақы, жарытып тамақ бермей ұстайтын болған.

Қашаубай кедей, үш баласы, соның бірі Елеубек байға жалданады. Ашуланбайық деп сертгеседі. Өлтіреді, екінші туысты тағы өлтіреді. Үшінші Жөкен Зарлыбайдың антұрғандығын жазалайды.

Сатира.

Сал Төлебай. Сараң байды мазақ етеді. II. (Танылмады. – Т.Ә.)

III. Шаншарда. Төлебай қыздан әзілден жеңіледі.

IV. “Өзгерген өмір” – үлкен әңгіме.

Из программы ф-ра.

Антиклерикальные, антирелиг. сказки, рабочие сказки. Сказы рабочих. пореформ. крестьянские сказки.

Бытовая сказка Лупанова.

О принцип. возможности разделения сюжета.

Сказка. Критика существ. порядка сатирическая в большинстве случаев. Вполне реалист. обстановка и вполне ре-

альные взаимоотношения. Соц. мечта народа о народ. мстителях.

Из проекта очерков рус. нар. тв-ва.

Обличит. тенденции бытов. сказок, реалистичность обстановки и характера действ. лиц при необычных ситуациях.

Идейное, воспит., художест. знач. бытовой сказки.

Развитие сказки во второй пол. XIX в. Дальнейшее развитие сатир., быт. сказки. Отраж. класс. борьбы. Переоформление волш. сказок, насыщение их соц. мотивами, связанными с расслоением деревни и обострением кл. борьбы.

Усиление реалист. изображ. соц. действ-сти. Переход сказки о животных в разряд детских сказок.

Салт ертегілері. Березин.

1. Орыстың молдасы мен жалшысы.

Радлов.

2. Ежігелді. Ханды ұрлаумен бітеді. Алдардың варианты. Бір үш топ арақы.

3. Молданың үйінде оқыған бала, ханды әшкерелеу.

ТӘИ.

4. Өгей шеше қастығы.

5. Кедейдің үш баласы жүреді, өнер табады.

6. Үш өсиет. Базар, еңбек, дос.

Фотокопии.

7. Кәрі жілік. Жандаулет 40 ешкінің мүйізін сатып, ешкілерді қайта әкеледі. Базар Тург. газета. 1895. № 47.

8. Сараң Үштерек. Жүз сомынан 200 сом төлегені, баласынан айрылғаны, алым әкеле жатады. Текен – герой. Особые добавл. к Акмолинск. ведомстям. 1892. № 39.

9. Жұпар қорығы. Ел аузынан. Астрах. вестник. № 1316.

О хане женщине.

Рассуждения Алекторова. Хан болса да ақымақтығы күлкі болады. Сараңды да сүйтеді. Жауыздықты сынайды дейді.

10. Три девушки (ұзақ ертегі). Екі ана қастық етеді сіңліге. Құдайберген, Айсұлу екі баланы суға ағызады. Кейін жігіт әкесін табады, апаларды өлтіреді. Оренбург. листок. 1899. № 39, 40.

11. Айлалы шал 10 жыл патша боп, шөлді жойып, қала салып, өлмес белгі қалдырады және ажалдан құтылады. Волжск. вестник. 1885. № 219.

Караганд. экспедиция.

12. Төлебай салдың байды мазак еткені. Шаншар кызы – әзілдесу.

13. Өзгерген өмір. Шахтер туралы ертегі.

14. Қарынбай бай. Салдық, қазан, шокпар – ескі ертегі.

15. Зар жылатқан Зарлыбай. Ескі ертегіні жаңалау. Бай мен малай.

Ел аузынан анекдоттар.

16. Қонтай – Тонтай. Молдалар мазак.

17. Текебай қу. Жуан рубасылар.

18. Айдарбек. Қыз алып қашу.

19. Торсықбай. Байдың моласын, бата оқырын мазактау.

Сказки.

Сидельников.

1. Қабылан силач. Егін, су (канал), колхоз.

2. Бай и красноармеец Жура. Автобус, самолет, радио. Бай снят Сталиным, бывш. батрак Жура – предколхоза.

3. Ответ кюйши. Две женщины спорят, одна беременная, другая нет. Кто лучше?

4. Три задачи. Қыз үш тілек – радиоприемник, скульптура, самолет (синяя птица).

Сказки о животных.

5. Бараны волков пугают.

6. Почему верблюд оглядывается, когда пьет – должников ждет.

7. Почему у перепела хвост короткий – лиса откусила.

8. Кто сильнее?

9. Почему у зайца три губы – от смеха.

10. Савраска.

11. Лиса, верблюд, волк, лев, перепелка.

Сидельников.

12. Самый счастливый год.

13. Лиса, медведь и пастух.

14. Три товарища. Шибұт, Қағанакбас.

15. Джигит и волчица – үлкен, жақсы ертегі.

Ақ қасқыр.

16. Сорок небылиц.

17. Ушко (құйыршық әңгімесімен бір).

18. Бекболат – жақсы, үлкен. Түйе, балық, бүркіт, түлкі түктерін береді, қыз алады. Жасырынбақ ойнап жеңіп алады.

19. Скакун. Кедей тайы озады, балалардың тақияларын алған, сол айғақ болады. Бәрі де қырық жорға алып байқады.

20. Пока не вырастет хвост у коня – пара – Қожанасыр тәрізді.

21. О лентяе. Өртеніп өледі.

22. Кому корову кормить? Жена и старик муж.

23. Дурак.

24. Святой осел.

25. Бай и пастух.

26. Тулпар.

27. Хатымтай и его скакун.

28. Или и Каратал. Бұлар қыз бен жігіт, қыз әкесі сиқыршы. Балқаш өзі көл боп, анау екеуін су етіп жіберген.

29. Вор-невидимка. Искусный вор – помощник хану.

30. Пискун. Тоғыз тонқылдақ ұзын.

31. Золотая ослица и волшебный заяц (Абралы, Сабралы). Сабралы обманывает, похоже на приключ. Алдара Косе, продажа осла, зайца...

32. Жиренше и хан.

33. Бедный старик. Стал всем, а потом не исполнил порученное и лишился всего.

34. Старик и его дочка.

35. Хан и бедняк.

36. Сказки об Алдаре Косе.

37. Чудесная история Ал. К.

38. Жадный бай и Ал. К.

38. Алдар и скупой друг.

39. Ал. К. и черти.

40. Мудрый Аяз – ұзын, жақсы (Ғаяз).

II.

41. Три сестры.

42. Суд бия Бальтекея. Клад, верблюд, девушка, невеста, спор трех братьев – они сами наблюдательные, бии, но судит их Бальтекей младший, оправдывая воров – он и оказался взявшим 500 динар.

43. Три брата – Екі аға жаман, орыс ертегісі Сивка-бурка тәрізді.

44. Шұбар ат. Шамалған, бәйге. Шұбар ат.

45. Незнайка.

46. Три сына бедняка – үлкен, кызык, бәрі батыр, дос-бауырлар, хан болысады.

47. О колодцах. Адам қырылған, бытовая, из времен Кокандского владычества... историч.

48. Урочище Шом калган. Суранчи, кокандцы, их бегство.

49. Аламан–Жоламан. Похожа на “Кула Мерген”.

50. Хан и мудрый визирь.

51. Ермек – невеста – потеря.

52. Добрый и злой.

53. Асанқайғы. Жерұйық.

54. Красавица Кункей. Ер Төстік секілді, тыңшы, тау-соғар, желаяк, выпивало – Көлжұтар.

55. Богатый и бедный.

56. Ер Тостик. Вор-богатырь. Ветрогон, Чуткое ухо, Горокат, Озероглотатель, Всевидящий глаз, враг у Темир хана, Кещехан, сын Бабы Яги, Шоин кулак, дочь пери Бекторы. Ұзын, жақсы.

1. Бонч-Бруевич В.Д. Ленин о поэзии (Андреев Н.П. Хрестоматия. Русский фольклор. 1938. С. 39).

2. Ленин о литературе. Сборник. 1941.

3. Сталин. Нац. вопрос и ленинизм. Соч. Т. 11.

4. Сталин. Доклад по нац. вопросу. Соч. Т. 4. С. 33–35.

5. Сталин. Марксизм и нац. вопросы.

6. Горький. О литературе. Сборник. 1937.

7. Белинский. Разделение поэзии на роды и виды.

8. Чернышевский. Песни разных народов. Рецензия на сборник Берга. Соч. Т. 2.

9. Добролюбов. Статьи и заметки по народной словесности. Собр. соч. Т. 1.

10. Горький. Статьи и речи. 1928–36. 3-е изд. Под ред. Белчикова.

11. Сталин. Вопросы ленинизма. 2-е изд. С. 535–563. Решения партии о лит-ре 1925 и 1932 гг.

12. Крупская. Письмо фольклористам Сибири. Журн. “Будущая Сибирь”. 1933. № 6.

13. Пиксанов. Горький и фольклор. 1938.

14. Белинский. Общий взгляд на народную поэзию и ее значение. 1906. Собр. соч. Т. 6. С. 548–552.

15. Белинский. Русские народные сказки.

16. Белинский. Сказания русского народа.
17. Добролюбов. О степени участия в развит. рус. лит. народности. 1947. Избр. С. 23–53.

18. Добролюбов. О поэтич. особенностях великороссов.

II.

Ертегілер (архивтен).

1. Атымтай. 1. Аламан – Жоламан.
2. Төрт дәруіш. 2. Жерден шыққан Желім батыр.
3. Жанайдар хан, Сағат.
4. Күн астында Күнікей.
5. Әуез ханның 40 ұлы.
6. Алдардың көп әңгімесі.
7. Тоғыз тонқылдақ.
8. Айлалы тазша.
9. Тағы бір тазша.
10. Кесір хан мен тазша.
11. Тазшаның 40 өтірігі.
12. Мақта қыз бен мысық.
13. Ұры мен қаяр.
15. Патшаның кулығы.
16. Бақа.
17. Қаңбақ шал.
18. Ұр, тоқпақ.
19. Шал Сияз.
20. Жаналы.
21. Әби-Тәби.
22. Дарыш мергеннің ұлдары.
23. Алтын сақа.
24. Хан мен баласы.
25. Қылманның өнері.
26. Аяз би.
27. Жаксы әйел, қайыршы бай.
28. Молда мен сиқыршы әйел.
29. Ақылды жігіт.
30. Өгей шеше қастығы.
31. Өнерпаздық жарысы.
32. Хан қиянаты.
33. Тағдыр мен бак.
34. Ұрылар мен аярлар.

35. Момын бай, жеті қарақшы.
36. Патша құлағы.
- Салт ертегі (условно).**
37. Білгір адам.
38. Алпысқа келгеннен ақыл сұра.
39. Жақсылық пен жамандық.
40. Қарттың ұлына өсиеті.
41. Қылманның өнері.
42. Хан мен тапқыр жігіт.
43. Қыдыр, бақ, ақыл.
44. Ақылды етікші.
45. Үш ауыз сөз.
46. Жақсы әйел жаман ерді түзетеді.
47. Үш өсиет.
48. Данышпан Кәрім.
49. Қарасанның түсі.
50. Қамқор хан.
51. Ертегі марал.
52. Адам өмірі.
53. Жамандық неден болады?
54. Өнеге.
55. Момын бай мен жеті қарақшы (бар).
56. Қаратай.
57. Сиқырлы тас.
58. Хан мен баласы.
59. Екі жетім.
60. Кедейдің үш баласы.
61. Ұшар хан.
62. Қыран қарақшы (Потанин).
- Хайуанат.**
63. Қасқыр мен жігіт.
64. Мал тілін білуші.
65. Кедей мен қасқыр.
66. Түлкі, аю, қойшы.
67. Арыстан, қасқыр, түйе, түлкі, бөдене.
68. Түлкі мен маймыл.
69. Тышқан мен жылан.
70. Кім неден күшті?
71. Тепеңкөк.
72. Сырттан.
73. Сырттандар.

74. Алтын сақа.
75. Күшік пен мысық.
76. Көгершін ертегісі.
77. Байғыз.
78. Қарға баласын аппағым.
79. Ескендір Зұлқарнайын.
80. Хан Итбай.

Архивы фотокопии.

1. Акмолинские областные ведомости. 1892. № 23–25.
Данышпан уәзір. Уәзір чин патшасы Фағфурға әйел әпереді. Сурет. Қыз ерлер опасыз деген. Уәзір әйел опасыз деп, хан мен қызды, Рум патшасының қызын келістіреді.
2. Оренбургский листок. 1896. № 31. (Л. Исаков.) Фатьма.
3. Оренбургский листок. 1903. № 37. Л. Исаков. Благо-разумная Зулейха. С. 4. Бытовая сказка, но мораль – бери пример с ханской дочери.
4. Үш ағайынды жігіт. Оренбургский листок. 1894. № 49. Сын хана и богач (богач наказан).
5. Оренбургский листок. 1894. № 44.
 1. Ловкий обманщик, Алдар Көсе.
 2. Лиса и перепел – маңғыт.
6. Оренбургский листок. 1894. № 43.

Мнимый знахарь.

Жоғалған атты табады. Сандық пен алтынды табады. Екі рет құтылдым, үшіншіде тұтылдым деп Шегірткені біледі. Хан болады (қазақшасы бар).

7. Оренбургский листок. 1894. № 42.
Егіз (близнецы). Девочка ушла, побеждает жадного покупателя, который крал казну ее отца, потом хан осудил покупателя, но женился на умной девушке.
8. Акмолинские областные ведомости. 1888. № 43.
Жалмауыз кемпір. Үш қыз жалмауыздан айна, тарақ, инені тастап құтылады.
9. Особое добавление к Акмолинским областным ведомостям. 1889. № 5.
Жиренше, Алдар. Алдар Жиреншені алдайды. Шайтанды алдайды. Жиреншенің атын алдап мінеді. Жердің ортасын тамам деп алдап, жер ортасы көк төбе деген содан қалады.
10. Алекторов. Киргизская степная газета. 1896. № 39.
Сказка хан, екі уәзір. Шал ақылды, жұмбақпен сөйлейді. Уәзірлер жаман, оларды хан қуады.

11. Тургайская газета. 1903. № 9.
Добро и зло. Зло обижает, объедает добро, но добро нацелилось и стало ханом. Зло съели тигр и волк.
12. Туркестанские ведомости. 1910. № 272.
Божья воля. Бұқа жәйі, 8 жыл ту терісін толтырып алтын алады.
13. Киргизская степная газета. 1897. № 3—4.
Байбатша. Зейне заиб – кітаби әңгіме (өлең).
14. Киргизская степная газета. 1897. № 5. 1898. № 1, 2. С. 6.
Иди туда, иди сюда. Хан жұмбақ аспан туралы (ұзақ әңгіме).
15. Киргизская степная газета. 1894. № 30.
Старик Сияз (Шал Сияз) айламен алыптан құтылады. Түлкі, алып – шал алдайды.
16. Лиса и перепел. Киргизская степная газета. 1894. № 32.
17. Добрый хан. Киргизская степная газета. 1894. № 41.
Жеті уәзір елден елді жейді. Жүзге келген шал жұмбақ сыйлар ұсынып, уәзірлердің елді езетінін айтады. Ханым осыны шешеді, хан уәзірлерін жазалайды.
18. Киргизская степная газета. 1899. № 13.
Қарға баласын аппағым, кірпі баласын жұмсағым дейді.
19. Астраханский вестник. 1893. № 1253, 1281, 1288.
Алекторов. Сказка “Хитрость лучше богатства”. Внутренняя семейная жизнь, обстановка кибитки, положение женщины – все это выступает без всяких прикрас, на сцену в сказках киргизов, в которых слышатся иногда отголоски северных народов и фигурируют Баба Яга и говорящие животные, а иногда являются проблески чисто южной арабской фантазии (Алекторов).
Молла Омар. Еще несколько известных сказок.
20. Русские ведомости. 1894. № 71.
Хан Итбай.
21. Тургайские областные ведомости. 1894. № 47, 48.
Чудесный источник (Л. Исаков).
22. Особ. прибавление к Акмолинским областным ведомостям. 1888. № 52.
23. Тургайская газета. 1898. № 36. Борисовский Н.
1. Счастливый бедняк. 2. Наблюдательность киргиза (түс).

24. Тургайская газета. 1898. № 24. Брат и сестра. Карындасы Разия азады, ағасы Искандер көп бейнет кешіп, ақыры кек алады (ұзақ).

25. Тургайская газета. 1898. № 22. Дамрин. Богатырь Кубугул.

26. Тургайская газета. 1898. № 15. Мурзабеков. Добро – залог будущего блаженства.

Завещание отца.

27. Тургайская газета. 1897. № 107. Богатырь Ай Моко.

Брат, сестра.

28. Тургайская газета. 1897. № 140. Злая женщина и нечистая сила.

29. Киргизская степная газета. 1895. № 19.

Иванов. Хан Итбай.

30. Оренбургские губернские ведомости. 1890. № 52. 1891. № 5. С. 22.

Юдин. Этнографич. очерк.

31. Астраханский вестник. 1893. № 1310. Святой мальчик. С. 2. (Алекторов). Мотив – “Алтын сақа”. Лошадь лягает, жалмауз спасается.

32. Туркестанские ведомости. 1903. № 10. С. 60. А. Диваев. Алдар Косе надул черта.

А. Диваев.

33. Астраханский вестник. 1893. № 1308.

Алекторов.

Царь Сулейман о птицах.

Родные братья Камил и Алимбай. Камил ослепил Алимбая. Похоже на “Добро и зло”. Мотивы Шах Зинде. Пророк возвратил зрение Алимбаю. Камил сам ослепнет.

34. Астраханский вестник. 1893. № 1302.

Алекторов. Старик хан и джигит. Старик, его ответ загадкой о возрасте. Как отомстил Алатын за убийство своей матери.

Бытовая – күндестердің балалары шешелерін өлтіріседі.

Славный батыр Эргосай.

Кедей Қосай балтасына жазу жазып, 370 кісіні өлтірдім деп, содан атак, мал табады.

Лисица и заяц. Түлкі қоянның құйрығын алған.

35. Тургайская газета. 1896. № 96. С. 2. Алекторов. Вариант, бака сияқты еріксіз – тапқыр, знахарь болу.

Төлеген.

36. Тургайская газета. 1908. № 21. С. 2.

М. Бекимов. Маленький фельетон. Шал, үш дәу, түлкі.

37. Тургайская газета. 1904. № 18. С. 2.

Царь-девица и черный раб. А. Диваев. Султан Хусейн и визирь Мир Алишер. Похоже на сказ о Гаязе, только тут отгадывает черный раб. Шөп жаманы, құс жаманы, адам жаманы деп іздеген қыз жұмбағын шешу үлгісі – сонда құл шешкен.

38. Тургайская газета. 1895. № 12.

Гуси и девушка. Похоже на прежнюю сказку о хане и наказанной дочери. Жаман ерді жақсы әйел адам етеді.

39. Тургайская газета. 1895. № 47.

Бейсенов М. Кәрі жілік. Әке, базар, жәрменке, 40 ешкі береді. 40 кез бұл ал дейді. 40 ешкіні қайта әкел дейді. Қыз ақылымен бала Жандәулет мүйіздерді сатады, керегін алады.

40. Особое добав. к Акмолинским ведомостям. 1892. № 39.

Алекторов. Скупой Уштерек. Битекен вез в город податные деньги. Сараң Үштеректің жүз сом алып қондырғаны, 200 сом төлеп, баласын емдеткені, оның өлгені.

41. Астраханский вестник. 1894. № 1510. Алекторов.

Хасан.

Хасан аттыны өлтірмек. Бірақ Хасан бір оқыста сол Шахмет ханның қызын алады. Кейін хан өз бұйрығымен өзі өлтіріледі. Кладовойға барғанда өлтірілсін деген.

Хасан жөнінде хит. роль ойнайды. Қыз өлтір деген бұйрық орнына, қызымды бер деген бұйрық жазып, Хасанды құтқарған.

42. Киргизская степная газета. 1896. № 43.

Дюсембаев Р.

Верблюды, лисица, волк и тигр.

43. Астраханский вестник. 1883. № 10.

Иванов.

Нечаянно. Марал, знахарь, бақа сияқты.

43. Астраханский вестник. 1893. № 1.

Алекторов. Злой Кали бар (вариант).

44. Оренбургский листок. 1894. № 41.

Кедей шал. Балық, хан шабақ – шал жібереді. Болған ертегі, Тулақбай деген ат алады.

45. Тургайская газета. 1901. № 30.

Кобдагул (Мошенский).

Хан — 7 жен. Жена Айсулу, от нее сын Кобдагул. Сұлу Куртка, Шадрай хан қызы, соның сәулесі түседі. Бейнетпен Құртқаны алады.

46. Астраханский вестник. 1897. № 2543.

Алекторов.

Ильгезер батыр. Ильгезер үш ұры, батыр, дәу ұрлаған жылқыларын қуып, дәулерді өлтіріп, қатындарын әкеледі.

47. Киргизская степная газета. 1895. № 2.

Отчего зло на свете.

Қарға, көгершін, жылан, бұғы — қарға аштықтан, махаббаттан, ызадан, қорқыныштан үлеседі... Әулие денеден, нәпсіден құдайды ойлайық.

48. Киргизская степная газета. 1896. № 40, 41.

Алекторов.

Қаратай үш ағайынды. Қарға бойлы, ұзын сақал жер асты, үш қыз, ағалар жер жүзіне Қаратайды шығармайды. Үңгірде кітап оқып отырған Қызыр шығарады, кіші қызды алады. Діншілдік күшті. Алашыл, күнәні кешкіш, тақуа, дұғағөй геройлар.

49. Астраханский вестник. № 1316.

Алекторов.

О хане-женщине. Заман басқа, ата-баба басқа дүниені әйелдер, қатындар билейтін. Қатын хан Занай Самирам қаласында тұрған. Еркек балаларды соқыр кемпір аман қалдырған, бір баладан басқасын өлтіріп отырады. Жүзден бір ғана еркек бала қалады.

“Двуногий волк” Карамзина. Эту же сказку слышал Алекторов у киргизов 1-го Приморского округа Внутренней Букеевской орды. Хана женщину звали Ай-Камыс, город Уркеш.

Алекторов — ум и хитрость в казахских сказках — осмеивает глупых, хоть это ханы, и скупых, говорится о зле.

Салтқа керек.

50. Киргизская степная газета. 1894. № 48.

Сказка. Вариант о марале.

51. Киргизская степная газета. 1894. № 50.

Три сына.

Отец дает енші — сынайды, мораль. Отец — бог, сыновья — люди, — жизнь. Один умирает, проклиная бая, это

первый сын. Третий делает благо людям, тогда приходит бог к нему, как отец. Религиоз. философский вывод.

52. Оренбургский листок. 1894. № 3940.

Три девушки.

Романдай ұзақ ертегі. Екі ана сінліге қастық етіп, ұлы мен қызын суға ағызып жібереді. Құдайберген, Айсұлу деген екі жас өседі. Кейін бұларды жоюға аналар (патшаның қатындары) мыстан кемпірді жіберіп, көп қастық етеді. Ақыры Құдайберген әкесін еріксіз дос етіп, сырлар ашылады. Аналар өлтіріледі.

Күндестер.

Тургайск. обл. Илецкий уезд. Буртинский вол. аул № 1.

54. Оренбургский листок. 1892. № 45.

О Каргабае.

Сходна с Морским царем и Василисой Премудрой. В сказке сундук, самовар, колотушка; три предмета в руки — два сундучка, скот и плодов. деревья, условие — не открывать, пока не дойдет до дому.

54. Особое прибавл. к Акмолинским ведомостям. 1892. № 7—8.

Алекторов.

Три брата. Ашуланбауды шарт етеді.

55. Оренбургский листок. 1894. № 36.

Тоғыз тонқылдақ, бір шіңкілдек.

56. Волжский вестник. 1885. № 219.

Иванов Н.

Хитрый старик. Он жыл патша болып, сонда шөлді жойып, қала салып өзіне өлмес белгі қалдырады және ажалдан құтылады.

57. Этнограф. матер. Средняя Азия. 1911. № 1. С. 92—93.

М. Бекимов. Сказка. Лисица убила льва.

Карагандинская экспедиция.

I. Әңгіме Төлебай сал байды (саран) мазак етеді.

II. Әңгіме Шаншар. Қыз. Төлебай, әзіл. Құнажын, бұқа жайлы әңгіме.

2. Өзгерген өмір. Шахтер туралы ертегі (Шалабеков Дәкен).

3. Қарынбай бай. Ертедегі нар емес, басқа. Сандық, қазан, шоқпар әңгімесі — ескі ертегі.

4. Зар жылатқан Зарлыбай. Ескі ертегі, жаналау мотиві бар. Ақы, пұл бермейтін бай мен малай.

Хайуанаттар ертегілері.

1. Лисица и заяц. Түлкі қоянның құйрығын алған. Астраханский вестник. 1893. № 1302.
2. Кедей шал. Балық, хан шабак, шал жібереді, дегені болады. Тулақбай деген ат алады. Орыс ертегісіне ұқсас (сказка о рыбаке и рыбке Пушкина). “Василиса Прекрасная”.
3. Отчего зло на свете. Қарға, көгершін, жылан, бұғы, аштық, махаббат, ыза, қорқыныш, әулие адам деген, нәпсіден құдайды ойлайық дейді. Консервативн. Киргизская степная газета. 1895. № 2.
4. Лисица убила льва. Этнограф. мат. Ср. Азия. 1911. № 1.
5. Жылан, бақа (Березин).
6. Үш жігіт, түйе туралы. Жұмбақ ертегі (Радлов).
7. Қармақ салған жігіт. Ит, мысық, көмекші (зымырық тас, киелі). Радлов. Бұл сиқырлы тас ТӘИ-де де бар.
8. Мал тілін білуші (64).

ТӘИ.

9. Кедей мен қасқыр (қызық).
10. Тышқан мен жылан. Зорлық, жылан өледі.
11. Кім неден күшті? Құмырсқа күшті.
12. Тепенкөк. Иелерін босатады.
13. Күшік пен мысық. Күшік мақтаншак. Мысық мазақ етеді.
14. Көгершін ертегісі. Мысалы, жыланды өлтіріседі.
15. Байғыз.
16. Бараны волков пугают (Сидельников).
17. Почему верблюды оглядываются, когда пьют.
18. Почему у зайца три губы.
19. Савраска.
20. Ушко (кербыржық).
21. Бекболат. Түйе, балық, бүркіт, түлкі түктерін береді.
22. Скаун. Кедей тайы озады, балалардың тақияларын алған.
23. Тұлпар.
24. Шұбар ат.

В.В. Радлов. Образцы народной лит-ры тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Часть III. Киргизское наречие. Предисловие.

“Киргизы и по нравам, и по языку представляют одно целое”.

“Киргизы отличаются от других своих соплеменников особенной ловкостью в выражениях и замечательным красноречием”.

“В словарном отношен. кирг. яз. количеств. несколько обогатился под влиянием русских соседей на севере и сартов на юге”.

“Одна песня Джум-Жума более содействовала утверждению ислама между киргизами, чем сотни мулл, разъезжающих по степи”.

Батыр ертегі.

1. Хан Шентей.

“Таусылмас азык алды, тозбас киім киді”.

“Атса мылтық өтпесін, шапса қылыш кеспесін”.

“Жортқанда жолың болсын, жолдасың кыдыр болсын”.

“Қабырғанда қаяу жоқ, омыртқанда буын жоқ”.

“Маңдайым тасқа тиіп, табаным жерге тиіп”.

“Ұшқан құстың қанаты кетеді, жүгірген аңның тұяғы кетеді”.

“Қара құла атың астында, қара шашың басында, аң ашамайдың үстінде”.

“Бір заманда күндер болғанда Шайырқай, Шарқай, Қақтырқай батырлар аты (қызық) дөң жерді ой қылды, ой жерді тұман қылды (вариант дөң қылды)”.

“Майысқақ жирен (ат) астында, солқылдақ қызыл найза қолында”.

“Жесір жебір қып шабысады”.

“Қырық қыз, қырық жіп”.

“Қырық күн, қырық түн”.

“Қара құсқа қоң етін кесіп береді (жер астынан алып ұшады)”.

Хан Шентей. Үлкен, әсем қияли ертегі.

2. Еркем Айдар.

Қотыр тай ұстағанда, құнан жүгендегенде дөнен, ерттеп мінгенде бесті ат болады. Тар құрсақта жатқан, таласып емшек еміскен (қарындасы қиянаткер).

Ертегі.

3. Ежігелді.

Алдар сияқты қудың әңгімесі. Аяғы ханды ұрлаумен бітеді. Бір үш топ дарақы сөз.

Жақсылық, жамандық жолдас болған.

“Ай десе аузы, күн десе көзі жоқ”. Жақсылық патша болады, жамандықты қасқыр, түлкі, жолбарыс жеп қояды.

Ханның қызы.

“Жақсы әйел жаман ерді түзетеді”. “А, қатын, сен маған жоқ, мен саған жоқ.” “Үш күн мұрсат”. “Солай, солай”. “Қара көк атты байлады ыстолбаға”.

Түс сатқан тазша.

Темір етік, темір таяқ.

“Екеуі өкөшкөдөн сөйлесіпті”. “Сен шардің десятигінге хабар бер”.

Молданың үйінде оқыған бала.

Хан зорлығы. Оқушы балалар жетім балаға кепіл болады. Зорлықшыл хан өледі (ханды әшкерелеу).

Түлкінің алдағаны.

Қасқыр, жолбарыс, түлкі. Короттун іші – городтың іші (күлкі ертегі).

Дудар қыз.

“Әлім қылып пісірді, арса қылып түсірді”. “Ерте тұрды, беті-колын жуды”(Бар ертеkte бар осы сөйлем бір кісі айтқан болу керек. – М.Ә.). “Жүректей жерден жұлындай түтін шығады”.

Қасқырбай – қашу, азап.

Қыз қайғысы. Тәстік кейінгі байы. Азаптар, құтылу, амандық.

Жұмбақ.

Қыз жұмбағы. Кім тапса, соған тимек. Балқан тау да Балқан тау, басына шыққан кім екен? Жолда тұрған жоңышқа, ат семірткен кім екен? и т.д. Бұл Тәлімі қыз. “Сүйтіп жүріп олар барша мұрат басына жетті деп бітеді”.

Үш ұл.

Түс. Үш жігіт ақсақ, соқыр, қотыр екенін біледі. Үшеуі: патша, құл, иттің еті. ...өлген кісі сүйегінің үстіне шыққан. Қалыңдық, керен тамыр жігіт, қырық қарақшы. Қайсысы таза? Осы жұмбақты беріп, хан кіші інінің ұры екенін ашады. Жұмбақ ертегі.

Қармақ салған жігіт.

Зымырық тас – жасырын қуат иесі. Ит, мысық көмекші. Өзара суға түсіріп алады, кейін тауып, қайтадан бай болады.

Қара көз сұлу.

Из программы 1951 г.

1. Сказки – различные жанры – термин “сказка”.
2. Теоретич. основы науки – учение марк.-ленинизма.
3. Чайание, ожидание – выражение в худ. образах мировоззрения народа.
4. Коллектив – его роль.
5. Народные сказители.
6. Познават. значение нар. уст. тв-ва. “Начало искусства – слова” (Горький).
7. Основное идейное содерж. – выражение класс. ненависти к своим угнетателям, патриотизм, гуманизм, оптимизм, вера в тор-во своих сил.
8. Белин. Народное мировоззрение – “зеркало нар. души”:
 - историзм, отражение народной души;
 - об отраж. соц. борьбы в нар. поэзии;
 - о народе хранителе и создат. нар. словесности.
9. Требование Добролюбова: описание условий бытования, изучение отношения самого народа.
10. Ленин, Сталин о народ. тв-ве, их заботы о развит. нар. тв-ва.
11. Роль Горького в развитии методологии науки о нар. поэзии.

Сказки.

12. Условность классификации. Ленин о сказке (11 стр.). Горький “Эволюция сказочного эпоса в различные периоды феодализма”.

Из программы 1949 г. С. 15.

Горький и народное творчество. Учение Горького о специфике, генезисе, общ. и худож. роли нар. поэтич. тв-ва, о взаимосвязи с лит-рой (с. 26), антирелигиозные, антиповские, антиреалистичные сказки. Рабочие сказки. Сказы рабочих. Переоформление крест. сказок.

Луканов (автореферат). Бытовая сказка.

С. 4. – о принцип. возможности рисуемого сюжета;
– сказка-критика существ. порядка.

С. 5. – тема соц. борьбы;

С. 6. – демократ. настроения русского крест-ва;
– отражение в худож. образах класс. борьбы.

С. 7. – сказки в большинстве сатирические;

– вполне реалистич. обстановка и вполне реальные взаимоотношен.;

– соц. мечта народа воплощена в быт. сказке.

С. 10. – метод исследования метода истор. мат-ма.

С. 11. – о народ. мстителях.

Белинский “Поп на Руси для всех русских – представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества” (В.Г. Белинский. Письмо. СПб., 1914. С. 233).

12. Ленин, Сталин “О монархич. иллюзиях крест-ва, заключающихся в вере в хорошего царя”.

14. Советские сказки все бытовые, независимо от их фантастич. оформления.

Чокан.

51 – Только шесть сказок несходных с Афанасиевскими.

194 – О татарском периоде.

196 – О вреде мусульманского изуверства.

199 – О шариате, муфтияте.

278 – Джебтырнак.

299 – Жиренше шешен.

Сидельников.

Сказка играла огромную роль в жизни каз. народа. Горький – фольклорист: “Чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы ф-ра жили тяжело и мучит., рабочий труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь – бесправна и беззащитна. Но при всем этом коллективу как бы свойственны сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами.

Антибайские сказки.

9. Так, например, добывание души волшебника и тирана Шоин-Кулака и гибель послед. в сказке “Ер Тостик” напоминает Кашея Бессмертного и борьбу с ним Ивана-царевича из русских сказок. В основе сказки “Три девушки” лежит сюжет, напоминающий собою пушкинскую “Сказку о царе Салтане” и ее народ. варианты. Особенно близко начало сказки. Сказка “Три брата” по своему основному сюжету близка к русской сказке про Сивку-бурку...

Огромное сходство с русскими сказками мы находим в каз. сказках о животных.

Сказки о животных замечательны по своим худож. образам, сжатости, выразительности и прекрасно разработаны в диалогич. форме.

Ханы, бии, бай — олицетворяются животными, зверями в сказках о животных.

Статьи из “Сов. этнографии”.

Сатир. сказка дает прекрас. примеры нар. юмора. Острие их против коварных лам.

Добролюбов. Народные русские сказки. Собр. соч. Т. 1. С. 586–593.

590 — нам сказки важны всего более как материалы для характеристики народа.

Как одно из средств для опред. той степени развития, на которой находится народ. Передать обстановку. Человек, мечтающий о силе необыкновенной.

Чернышевский.

“Песни разных народов”.

Нар. поэзия только у народов энергичных и т.д.

— обвиняют в недостатке худож. формы неверно;

— устойчивые словопотребления (много примеров).

Архив Горького.

Фольклор — совокупность знаний. Поэзия, словес. худож. творчество возбуждалось прогрессом труда, развивалось вместе с ним, еще более возбуждало трудовую энергию.

Можно думать, что именно эта счаст. способность поэтизировать свой труд развила в древнем примитивном человеке еще более высокую способность предвидеть возможное. Это фантазия.

Трудно понять, кем созданы и кого пугают герои древн. сказок — физич. уроды — “лихо одноглазое” и т.д.

Труд был опорочен (238).

Некрасов. “Сказки бр. Гримм”.

Энгельс о задачах нар. книг. Идеи смирения и покаяния. Формирование героич. характера. Сами тоже д.б. храбрыми. Соц. и психол. мотивы. Трудолюбие падчерицы. Передать власть настоящему человеку. Только труд, деятельность может сделать человека счастливым.

Антиклерикальные против хитрых церковников. Любовь к народу, признательность людям труда.

Астахов.

Сталин: “Культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития об-ва”. Народное творчество — одно из звеньев. Проблемы худож. языка, худож. стиля нар. поэт. произведений.

Поставлен вопрос о путях развития и обогащения лит-ного языка и лит-ры.

Из проспекта “Очерки рус. нар. тв-ва. Сказки”.

Отражение в волшебной сказке нечто о свободном труде. Волшеб. сказка как соц. утопия, соц. сатира в волшеб. и сказке о животных, мотивы класс. борьбы.

Обличительные тенденции бытовых сказок второй пол. XVIII и нач. XIX в. Сказки антибарские, антипоповские и др. Поэтич. особен. различных видов нар. сказки. Реалистичность обстановки и характера действ. лиц в быт. сказках при необычных ситуациях.

Идейное, воспитательное и худож. значение народной сказки.

Легенда.

Выражен. в устн. нар. легенде характерной противоречивости крест. сознания: его прогресс. стороны и его ограниченности.

Развитие нар. сказки во втор. пол. XIX в.

Дальнейшее развитие сатир., быт. сказки, отражающей класс. борьбу. Переоформление волшеб. сказок, насыщение их соц. мотивами, связанными с расслоением деревни и обострением класс. борьбы. Усиление в бытов. и волшебн. сказках реалистич. изображения соц. действительности, значение волшебной сказки в жизни пореформ. крест-ва. Переход сказки о животных в разряд. детских сказок.

Русские сказочники второй пол. XIX в. и начала XX в.

Ертегі.

Түсіп Күзембаев. Қойтасбаев Адамқайыр, 87 г.

Джим Герберт. Әбіл деген ауру жұмысшыны еріксіз шахтаға түсіріп, шана тарттырған. Ол өлген. Кейін Степан бастап, бар жұмысшы қосылып, өлген адам үшін восстание жасайды.

Амангелдин Көлзак.

[.....]

Неустроев.

Сказки бр. Гримм.

Ф. Энгельс — ландшафты. О северно-немецкой степи, где, по его мнению, могли возникнуть в молничные ночи или с наступлением ночи исчезает человеческая жизнь, и жуткие бесформенные творения народной фантазии про-

носятся над местностью, пустынною которой пугает даже в яркий полдень.

Энгельс. “Немецкие народные книги” (Маркс, Энгельс. Соч. Т. 2. С. 33.)

Надо раскрыть подлинную соц. полит. функцию народной сказки, ее роль в конкретно-историч. национальных условиях.

Энгельс о задачах нар. книг говорил, что они должны прояснить его нравств. чувство, заставить его осознать свою силу, свое право, свою свободу, пробудить его мужество, его любовь к Отечеству.

Нередко проступает тенденция утверждения существ., общ. порядка, мысль о том, что бороться с ним не следует, так как зло отпадет само собой. В этих случаях несомненно наличие в сказках того чуждого идеологического налета, о котором, применительно к песням эпохи крестьянских войн, говорил Энгельс.

Тенденция, “проповедующая идеи смирения и покаяния”.

Разнообразна “животная сказка” и в стилевом отношении. Часто собственно волшебно-фантаст. мотивы и приемы описания непосредственно переключаются в ней в план соц. реалистический.

Однако фантастика и в них (в волшебно-фантаст. сказках бр. Grimm) очень часто носит ярко выраженный соц. и местный этнограф. характер.

Созданные в разное время, волшебные сказки отражали различные фазы и состояния народных воззрений.

Тема активного действия героя.

Героями, преодолевающими трудные препятст., часто выступают люди сильные и умные, истинные представители народа. (Энгельс о труде крестьянина.)

Формирование героического характера. Герои не должны рассчитывать только на “чудесную” помощь извне, но сами должны быть храбрыми, мужественными, способными на взаимопомощь.

Каждая сказка по-своему разрабатывает, углубляет соц. и психол. мотивы.

Трудолюбие подчеркнуть. Сказки подчеркивают целесообразность передачи управления госуд. (кроме власти),

именно такому настоящему чиновнику, солдату или бедняку крестьянину, хорошо знающему о тяжелой жизни трудового народа и способному по-наст. помочь ему облегчить его участь (этот герой долго правит мудро).

Логика труд. человека – только труд. деятельность может сделать чел. по-настоящему счастливым.

Антиклерикальные сказки обличают хитрых церковников.

Необходимой нормой в сказке является любовь к народу, признательность людям труда.

Поль Лафарг. “Очерки по истории культуры”. 1928. (Под ред. Шевердина.)

Свадебные песни и обычаи (этиод о возникновении семьи)... печаль, испытываемая женщиной при мысли о браке, ощущалась ею глубоко и искренне, ибо народная песня есть порождение праздной и не искренней фантазии, и чувства, которые она выражает, не искусственные вымыслы.

Приходилось применять насилие, чтобы принудить женщину следовать за супругом. Свод песен из Нижнего Пуату.

Насильственный брак.

Боязнь брака порождалась страхами, которые первоначально вызывала жизнь в патриарх. семье. Патриарх. семья была самост. самодовлеющей общиной-государством в госве, с собств. религией, особой неприкосновенной территорией с верховным правителем, царем базилеус, как его называли греки.

Мать-свекровь играет в нар. поэзии роль злого духа.

В Афганистане женщинами платили за убийство. За увечья платили тремя, четырьмя и т. д. женщинами.

Материалы Березина.

1. “Марал жігіт” үш рет айтканы келеді. Бақа сияқты ойда жокта келеді. Суевериеге күлу.

2. “Майлы Қарашаның” ертегісі.

Ағалар қастығы. Мұрны, көзі, қолы жоқтар кездеседі, бәрі де екі ағам бар еді, қастық етті дейді.

Оригинальные сказки. II дәуір.

3. Үш таздың ертегісі. Қызды алмақ, қыз сөзбен жеңеді, құтылады.

4. Қанай-Жанай (қиял ертегі).

Қыздар суға бас жуады, шашы ағады – сол себеп. Ағаларды қарындастар азып, жауға қол тұзақ ойнап, ұстап

береді. Қанай-Жанай құс, сексеуіл, жусан, тобылғы боп өзгере біліседі.

5. Кісі етіне жерік қатын (қиял).

Әке баласын сояды, жерік асын береді. Шеше өгей, қиянаткер, (қиял) ана рақымды.

6. Алакөз батыр.

Абылай, қырғыз-қазақ, батыр қыз Ботакөз, Алакөз, тұтқын қыз бірге қашады, жолда өледі.

7. Қағанақбас, Шибұт. Тұз, Қылкенірдек, (тұз) еріп кетеді.

8. Құйыршық.

9. Жиренше шешен (аяғы жоқ).

10. Шудалы торғайдың ертегісі. (Қотыр торғай әңгімесі тәрізді.)

11. Орыстың молдасы мен жалшы.

12. Жылан, бақа.

1. Атымтай Жомарт – ступенчатое построение сюжета. Біреуден біреуге жаңа сыр қылып жүріп отырады. Атымтай алып тұрады.

2. Төрт дәруіш – ол да ступенчатый, бір-ақ төрт бөлек ертегіні қосып айтқан. Аяғы қызық қосылады. Құрылысы аса қызық, роман құрылысты әңгіме.

3. Жанайдар хан және Сағат – ұста жұмбақ айтатын ғашық қыз. Бейнетті жігіт, ақылды дос Сағат. Жігіт ұйықтап қала береді, белгілер. Ақыры мұратқа жетеді. “Тозбас, азбас ат”, қоржын толы алтын – ертегі сөзі.

4. “Күн астындағы Күнікей сұлу” – Баланы қаскөй уәзір бір кеселден бір кеселге жұмсайды. Бала бәрін орындайды. Жер жамаған кемпір болысады, дәу болысады, Күнікейді іздетеді. Онда жолда “Ер Төстіктегідей” Таусоғар, Желаяқ, Құмырсқа қосылып көмектеседі. Ақыры қыз Күнікей өзі болысады. Сүйтіп хан, уәзір алдынан шыққанда бірін түлкі, бірін қасқыр етіп, бірін-біріне қуғызып жіберіп, өзі балаға тиеді.

5. Әуез ханның қырық ұлы. Қыз-ұл, кенже ұлы, қасқыр, айдаһар қыз. Түлкі түгін береді, құмырсқа тас береді, қысылғанда көмек етеді. Қыз ақылымен айдаһардың жаны – сандықтағы екі көгершінді өлтіреді. Айдаһар өледі. Қызды алады. Көп әңгіменің бір қайталауы бұрын.

6. Алдардың көп әңгімесі. Алаша хан Алдармен дос.

Көктен түскен кісі боп хан қызын алады. Қызықтау, тапқыр әңгіме.

7. Тоғыз тоңқылдақ, бір шіңкілдек. Шіңкілдек ағаларын алдап женеді. Алдардың кемпір жайындағы әңгімесіне ұқсайды.

8. Айталы тазша. Патша баласын өзі өлтіріп, соны амалдап байды, жасауылды құтқарып, алтын алады. Бақсы кемпірді тағы өзі өлтіріп, одан да құтылады, мақтанады.

9. Тағы бір тазша. Ұрлық жарыс. Таз шалдан ұрлық асырады, жауды төрт рет ұрлайды. Қызын масқаралайды, қолын ұстатып кетем деп қайыршы қолын ұстатады...

10. Кесір хан мен Тазша. Кесір хан деп басын үш рет көтерткенге тимек. Тазша үш әңгіме айтып, талас өнер жайын айтып, кімге қыз бұйырады, кім өнері артық деп сұрайды. Өзі теріс біліп айтып отырады. Қыз үш ақымақ екесің деп сөйлеп қояды. Тазға тиеді. (9-шы әңгімеде “ұзын елдің үйіріне, қысқа елдің қиырына хабар кетті” деген жақсы сөз бар.)

11. Тазшаның қырық айыр өтірігі. Белгілі қырық өтірік. Содан өтірік өлең айт дейді. Тазшаның өтірік өлеңі кетеді.

12. Мақта қыз бен мысық. Қотыр торғай сияқты біреуден біреуге бара беру. Аяғы қайта құлай жүру. Өрлеу, құлдау әңгімесі сияқты. Құйрығын қайтып алу шарасы.

13. Қотыр торғай.

14. Ұры мен аяр. Ұры өнерін асырады. Екеуі де қу. Бірақ бұл екеуін бір әйел алдап, ұзақ заман екеуіне де білдірмей бірдей қатын боп жүрген. Ұры мен аяр қайсысының өнері асса, соның қатыны боп қалмақ. Ұры ханды ұйықтап жатқан үйінде алдап отырып, аярды байлап қойып, бұрын қылмаған ептілікті қылып, қаруын алып шығады. Хан кешіреді.

15. Патшаның қулығы. Үш ұрыны алдап, өзі қосылып хан қазынасын талап, артынан барып ұстатып, өлтірмей серт алып босатады.

16. Бақа. Еріксіз көріпкел болатын Бақа деген момын шал. Үш рет Сәт құтқарады. Сәт көріпкел етеді. Ең соңғы сын Бақа өз атымен үйлес. Бұрын көп кездескен әңгіме...

17. “Қаңбақ шал” “Бар екен де жоқ екен, ерте-ерте” тақпақпен басталады. Қу шал болыпты, дәуді алдайды, түлкіні алдайды, жердің ішегін шығарады...

18. Ұр, тоқпақ. Шал: піс, қазан, құс, есегім, құс, ұр, тоқпағым, ұр...

19. Шал Сияз. Дәл “Қаңбақ шал” сияқты қайталау.
20. Екі еріншек. Шал мен кемпірі сиырға шөп салуға ерінеді, егес... кінәлау...

Салт ертегілері.

1. Білгір адам. Ақылды, ақылсыз салт әңгімелері.
2. 60-қа келгеннен ақыл сұра. Шалдарды өлтіреді. Бір ғана шал қалады тірі. Ақыл (екі) айтады. Хан өкінеді.
3. Жақсылық пен жамандық. Екі кісі. Жақсылық бай боп мұратқа жеткенде, жамандық қаза табады.
4. Қарттың ұлына өсиеті. Ай сайын жол жүр, жұма сайын қатын ал, қала сайын үй сал – бала басында түсінбей, артынан ұғынады.
5. Қылманның өнері. Зұлым патшаны ақылмен жазалау мысалы.
6. Қарт пен тапқыр жігіт. Жігіт аса ақылды шалға арқаласайық дейді. Егін желінген бе дейді. Өлген кісіні өлмеген екен дейді. Бәрінде үлкен мағына бар. Қыз шешеді. Жігіт қызды алады.
7. Қыдыр, Бак, Ақыл. Бұлар бір жындыға қонады. Аяғында Ақыл кейін қосылып, олқыны толтырады. Жұмбақ ертеқ тәрізді.
8. Аяз би. Ғайаз әңгімесі осында бар. Қызық әңгіме. Жаман деп әңгімеледі.
9. Ақылды етікші. Төрт сын табыс, төрт сын шығын – жұмбақ.
10. Үш ауыз сөз. Өсиет сату. Бала сатып алады. Бакытын ашады.
11. Жақсы әйел жаман еркекті түзейді. Хан қызы адам етеді. Қайғыға ұшырап тиген қыз.
12. Үш өсиет. Өсиет сату. Бір өсиеті өмір, ас болады.
13. Данышпан Кәрім. Бұнда өнер жайы... жолаушы жайындағы әңгімесінен.
14. Қарасанның түсі...
15. Жауыз хан...
16. Ертегі Марал. Түс көреді деп жалған атақ алады. Жаңсақ бак.
17. Адам өмірі. Қызық әңгіме, бірақ нашар айтылған.
18. Жамандық неден болады. Қарға, көгершін, жылан, бұғы, адам шешеді. Мағыналы... Кінә кімде...
19. Өнеге. Өсиет сату сияқты. Хан, шаштаразы, уәзір қиянаты. Өсиет құтқарады.

20. Момын бай мен жеті қаракшы. Бара жатқанның балтасын, келе жатқанның кетпенін ұрлайтын. Бар малын ұрлап алған жеті қаракшы...

21. Қаратай. Нашар әңгіме...

22. Сиқырлы тас. Ит, мысық, бүркіт, жылан. Баланың бір досы болады. Жылан сиқырлы тас болады. Тас барды істейді. Қатыны аяр кемпірге айтып, кемпір тасты ұрлап бақытын ұрлайды. Ит, мысық, бүркіт қайта тасты қара құл ханына алып келіп береді. Жігіт мұратына жетеді, кегін алады. Жақсы әңгіме.

23. Молда мен сиқыршы әйелі, сиқыр жарысы. Ит ету, ат ету, құс болу. Екі әйел сиқыр оқыған. Өз (дос) мұсылман перісімен оқыған. Сол ақыры ханды жеңіп құл етеді. Өзі молдаға тиеді. Молданың ит болған кездегі қасиеті тамаша болады. Соны – ит қасиетті ит болады.

24. Хан мен баласы. Наубай, аспаз деген сөзден бір түстік әңгімесі. Бала болмайды. Дуана үш қатыннан үш бала болады...

25. Екі жетім. Жетім, өгей шеше... қошқар, сиыр достық етеді.

Қасқыр мен жігіт.

Қасқырды қалыңдық қып алады. 40 күн кеп, сұлу болады. Хан қызығады. Үш рет киынға жұмсайды. Жігіт бәрін орындайды. Құтылады. Хан болады.

Мал тілін білуші. Сүлейменнен құстар тілін үйренеді. Бір өгіз, есек сөзін, ит, қораз сөзін ұғады. Қатыны сұрағанда айтпайды. Қораз сөзі ақылы болады.

Кедей мен қасқыр. Құдайдан мал сұрайды. Өзі сапар шегеді. Жолда ауру қасқыр, ауру ағаш, ауру бала кездеседі. Ауруларының себебін құдайдан қоса сұра деседі...

Түлкі, аю, қойшы. Алдасулар...

Арыстан, қасқыр, түйе, түлкі, бөдене. Түлкі бәрін алдап, мерт қып кетеді. Бірақ түлкіні бөдене алдайды. “Маңғыт” дегенде “аузына саңғыт” деп қасқырдан құтылады.

Түлкі мен маймыл. Түлкінің маймылды патша қылам деп алдап, қақпанға түсіргені. Балықты жегені – тілі қызық. Тепкілесен кетпейтін темір бақ қонды. Екі бақ бар – бірі басқа, бірі аяққа қонды. Шешен әзіл, мысқыл күшті. Түлкі тілі аса жақсы табылған. Аярлық, тапқырлық жауапта аса күшті. Тағамды алдын патшадан бұрын татпаймын, жол көрген бидің тұқымымын дейді.

Тышқан мен жылан. Зорлық, жылан өледі.

Хан неден күшті. Тақпақ. Құмырсқа күшті.

Тепенкөк. Ат бәйгеден кеп, кедейлік, аштықтан құтқарады.

Сырттан. Қасқыр сырттаны мен ит сырттаны туралы.

Сырттан дауы. Қасқыр, ит, ат, жігіт сырттандары (қызык).

Алтын сақа. Бала, қотыр тай тұлпар, жалмауыз кемпір. Құтылу. Ит құтқарады.

Күшік пен мысық. Күшік мақтаншақ, мысық мазак етеді. Балалар үшін күлкі.

Көгершін ертегісі. Көгершін, тышқан патшалықтары. Тышқанның көгершінді құтқаруы тордан. Тышқан айтатын мысал әңгіме жақсылыққа жамандық. Өрік ағашы би, өгіз би, аяғында түлкі би. Жыланды өлтіртіп, адамды құтқарады. Мысал жақсы. Тышқанды қарға жейді. Тышқан дән, әңгіме қызык. Оңтүстік Қазақстан ертегісі.

Алдаркөсе. Қалмақ заманында Алдар болған.

Тарихның алты юз тоқсан біріншісінде, Самарқан өлкесінде, Жәнібек...

І. Шайтандықта асқан шебер Алдар. Бар шайтанға зарарың келеді, ол “шор” дегіз деп шығып алдасады. “Үлкен балам өлген ібіліс, оны да алдаймысың” дегенде, “алдаймын, бірақ алдар қалтам үйде қапты, сен ескі қораны көтеріп тұра тұр, құламын, мен алдар қалтамды әкелемін” дейді. Есегін береді. Базарға әкеледі. “Тыш, ешегім, тыш” дейді. Артына ділда тығып қойған. Жүз мың ділдаға сатады. Олар алданады. Барып патшаға арыз етеді. Патша көсе кім еді деп сұрағанда, ол өзін қазақ елінен болсам керек дейді. Түркістан, Қазақстанды ырза етеді. Ақыры Үргеніш жолында, Рамадан елінде Алдардың аулын табады. Ол қашады. Қызын әкетпек болады, сонда қызы боп өзі барады. Патша қыздарының ішінде тұрады. Ер болуды тілеседі. Бар қызды бауз етеді. Көрші патшадан жаушы келгенде, емшегі жоқ, қарны жоқ жалғыз сау қыз көсе болып, патша баласына қалыңдыққа беріледі. Кейін ұялып қашып кетеді. Женгесінің қасына қарындасы жатады, кейін шешесі жатады. Содан білініп қалып, еліне қайта қашып кетеді. Өстіп көп бәле жасайды. Ол түрде шайтан балалары үнсіз қалады. Тек бір адам Алдарға келіп өлең айтады. “Быңы-быңы көсенің, көшенің, ағамай, құтылмай...”

Кітаби Дәдә Қорқуд.

Предисловие Арасли XI–XII ғасырларда Аз. культура-сы грекке жақын еді. Ескендір әңгімелері Низами, Хақани айтқан жайлардан тарап, халыққа аса мәлім еді.

Гәрәгөзә, Одиссеяда тәсадуп олумер геройлардың ант-тарында Аллах, пайғамбар жоқ. “Қылышыма доғранайын”, “Охума саншылайын”, “Иеп кими кәртләнәйін”, “Торпақ кими собрулайын”, “Оғлум доғмасын, доғарса он наси-на бармасын”, “Озан” (ашықлар) – жақсы сөз, қазақта озан салу, шалма озан, айытма озан. Қаралыға мән кызын, нәсинә гәрәк.

1. Мақта қыз бен мысық (қотыр торғай бір).

2. Қаңбақ шал – түлкіні, дәуді алдайды, хайуанат ертегісіне қосымшалар

3. Ұр, тоқпақ.

4. Шал Сияз – Қаңбақ шал сияқты.

5. Жамандық неден болады.

Қиял ертегісіне қосымшалар.

1. Күн астында Күнікей сұлу.

2. Әлез қашуы, Қарықұлы.

3. Сиқырлы тас.

4. Молда мен сиқырлы әйел.

5. Аламан мен Жоламан (Құламерген варианты).

6. Жерден шыққан Желім батыр.

7. Кедейдің үш баласы.

8. Ұшар қыран.

9. Қыран қарақшы (Потанин).

10. Черхан (Пот.).

11. Ешеналы.

Айтушы – Шу бойының адамы болу керек. Себебі “Бетпақдаладан қашқан 5 құлан Шу басына өтіп кетіпті” – дейді. Жошыға құланды Бетпақдаладан аулатады. “Еңкей”, “Қабанқұлақ” деген жер аттары Жошының құлы мінген аттар зорынып өлген жерлер еді дейді. Және “Солтүстік жаққа аттанды” – деген географиялық терминіне қарағанда, айтушы жаңа сөз енгізген. Ертеде “Күншығысқа, күнбатысқа, қыбылаға” – деп келеді ғой.

3. Ескендір Зұлқарнайын.

Қияли ертегі:

1. Ескендірде мүйіз бар. Мүйізде қиялдан туған керемет қасиет бар.

2. Ескендір өлімді жеңетін су табады. Ол суды құзғын ішіп қояды.

Ертегі ханға (қара күшке) халықты – басқа табиғатты қарсы қояды. Хан халықтан сырын жасырады. (Сыры, мүйізі – қолындағы әмірі). Шашын алдырған сайын бір парикмахерді өлтіреді. Ақыры парикмахер қулығын асырып, босанып кетеді. Ол кеңге шығып, Ескендірдің мүйізі бар екен деп айғайлайды. Бұл дауысты жел қамысқа жеткізеді, қамыс – суға, су – елге жаяды. “Отыз тістен шыққан сөз – отыз ру елге тарайды”. “Жалғыз ағаш үй толмайды – жалғыз жігіт би болмайды” – дегендей, халыққа қарсы қойылған ханның сыры ашылады. Бұнда ауа да, жел де, су да, қамыс та елге болысады. Ханның жаулары мүйізін кесіп алады. Хан өледі, халық жеңеді. Бұл ертегідегі ханға қарсылықтың үлкен түрі.

4. Хан Итбай.

Кітаптың әсерінен туған ертегілер тобына жатады.

Тұрмыс-салт ертегісі:

1. Адамның жан құбылысына (переживаниесіне) құрылған шындық – новелла.

2. Суретті, лирикалы, образы, теңеулері өмір шындығынан алынған – мөлдіреген моншақтай әдемі новелла әңгіме. Мұны, менше, ертегілер тобына қоспау керек. Жазба әдебиеттің түрі деп есептеу дұрыс.

5. Байғыз.

Қияли ертегі:

1. Персонаждары – құстар, пайғамбарлар (Сүлеймен, Мұса).

2. Мұсаның дұғасы арқылы өлген қатын тіріледі. Ертегі топас қара күшті ақылға, даналыққа жеңгізеді.

6. Қарға баласын аппағым дер, кірпішшешен баласын жұмсағым дер.

Балалар ертегісі.

Ананың балаға деген махаббатын көрсетеді.

Совет фольклоры.

22.ІІІ.43

16-жыл туралы.

1. Бекболат поэмасы (Иса Дәукебаев).

2. Майдан өмірін суреттеу (Біржан, “16-жыл” – дастан).

3. 16-жылғы көтеріліс жырларының ұсақ түрлері (сәлем хат, елден хат).

Қазақ совет фольклоры.

1. Рев. күрес кезіндегі өлең, жырлар. Революция, Ленин, Амангелді, Ақмолда, Күдері, Азамат соғысы.
2. Ауылды советтендіру дәуіріндегі көпшілікті үгіт өлеңдер, жырлар...
3. Колхоз, өндіріс өміріне байланысты халық әдебиеті.
4. Терме, мақалдар.
5. Қазақтың халық әдебиетінде Ленин. Нұрпейіс. Тау қыраны Сталин бейнесі.
6. Батырлық жырлар.
7. Халық әдебиетіндегі Аманг. бейнесі. Күдері, Орынбай, Шипин, Досмұхан.
8. Ерлік туралы жазба дастандар. Сұраншы, Өтеген, Ворошилов.
9. Отан соғысы кезіндегі жырлар. “Мәлік батыр”, Жақсыбай, Ер Төлеген, Нұрымбек, Нұрпейіс.

Потанин.

Казахские сказки.

1. Чингис хан.
2. Чингиснаме.
3. Алаша хан.
4. Происхожд. казахов.
5. Поколение казахов.
6. Аблай, Жидебай батыр.
7. Сабалак.
8. Жиренше шешен.
9. Алдар Косе.
10. Таласпай мерген (Қобыланды, Қараман да бар) (Анализ Пот.).
11. Ер Көкше, Ер Қосай (Кобланды, Ергосай, побеждает Кобланды).
12. Ергосай покори́л карақыпчаков (Анализ Потанина).
13. Ер Тостик (отец Болатбай, жена Ер Тостика Кенжекей, Шалкуйрык – конь) (Анализ Пот.).
14. Алеуе батыр – сын Алекея (большая сказка). Здесь Кодар табунщик. Алибай его сын. Орак, дочь Карлыгаш. Едут воевать с калмыками – главарь Кобыкты. Карлыгаш сама выбирает коня брату. Көделі, тобылғылы, жусанды, бүлдіргенді, балдырлы жерлер. Орак попадает в яму хитростью Кобыкты, биться боялся. Орак в плену. Птица гово-

рит, что Орак не вспомнил покровителя Баба Тукти. Кодар насильно хочет жениться на Карлыгаш. Орак вернулся, убил Кодара. Идет война с калмыками, побеждает Кобыкты и К. становится мусульманином. (Анализ.)

15. Мерген Дарыш. Победил трех великанов, трех жен получает...

16. Дети Дарыш Мергена. Братья добывают каждый своим искусством девицу. (Анализ Пот.)

17. Скази Айдоса.

18. Караман, Идель его сын. Вражда с Караман...

19. Шоже, Шортамбай.

20. Соломон.

21. Кызыр великое в природе.

22. Самое великое в природе.

25. Названия созвездий и звезд (Большая Медведица, Уркер (Плеяды), Уш Аркар (Орион), Есеккырған.

26. Кыран каракшы. Девушка, клятва именем Кокетай. Кыран убивает своих братьев. Дау крадет девушку. Кыран узнает Дерме дау. Это чебак. Сделав разрез в мешке, Кыран прячет туда чебаков. Дау служит ему.

31. Хан Баба (невеста требует у Батырхана). Көп күн, көп айлар өтті. Ұлы жокқа – ұл, кызы жокқа – кыз болайын деп едім. Мать Батырхана усыновила хана Баба. Батырхан прилетел на Самруке, Самрука. (Анализ Пот.)

32. Камень адам білмес. Джигит (голодный), рабыня – дочь пери. Хан отнимает. Поиски камня. Доставка камня. Корабай отнимает. Джигит снова отнимает. Обмен камнями. Вернулся хан, отнимает жену, джигит побеждает хана, берет свою жену – дочь хана. Родился сын, рассказывает сон. Все, оказывается, сбылось из сновидений...

33. Ку бала. Обманывает хана и сарта. (Анализ.)

34. Три совета. Старик-советчик. Мальчик, караван, богатство, вернулся, жена богата, при ней выросший 15-летн. сын.

35. Джаналы. Айдахар берет от отца обещание послать сына Джаналы. Бегство – спасение от Айдахара.

36. Джаурын. Кім үлкен деген талас жұмбақ (қызык ертегі).

37. Ұр, тоқпақ.

38. Темир сандық.

39. Лисица обман. ... стариков. Они обманывают Дау.
 40. Аби и Таби. Три дороги – три брата, уходят по ним.
 41. Череп. Про жизни восьмидесяти женщин...
 42. Дочь визиря хочет спасти жизнь девушки от тирана.
 Переодевание, победа девушки.
 43. Неверная жена. Хан, жена, девушка, сын...
 44. Звери-товарищи. Лисица, волк, верблюд, медведь.
 Медведь обманут лисою, пастухом.
 45. Визирь. Дочь...
 46. Ханский сын в гнезде. Опасность в 15 лет. Отсюда прячут его на острове. Другого сына такого же другого хана.
 Смерть его.
 47. Зада (что сделал Садуар с розой?).
 48. Три товарища. Қағанакбас, Қылкенірдек, Шибұт, их гибель.
 49. Одноглазый великан. Джеке батыр. Жезтырнак. Дальше в пещере одноглазый. Он уколол в глаз. Спасается в шкуре козла. Убивает.
 50. Предание об Искандере (2 предания).
 51. Алаша хан. Уйсун, Болат, Алчин. Три жуза.
 52. Жиренше. 1. Баба, девочка побеждают его. 2. Джанибек – Жиренше. Карашаш: родит ли мужчина? 3. Әттең, менің өз үйім. 4. Карашаш – Джанибек, она кормит молоком.
 53. Алдар. 1. Встреча его с Жиренше. 2. Алдар и черти.
 54. Асан Кайгы. Джанибек женится. Құлады мен ку...
 Асан – Жиделі байсын.
 55. Сказка о Байбай шале. Богатырь шал. Лиса и богатырь против стар. Он побеждает.
 56. Ак Джилан. Измена его жены. Хан и Ак Джилан. Хан узнает язык зверей. Жена скрывает, он сдерживается (баран и овца говорят о нем).
 57. Пророк Сулеймен. Запура-изменщица. Байгыз умный. Загадки: кто больше?

* * *

1. Ертегі не? Кімдер не пікірлер айтқан?
2. Қазақ ертегісі қандайлық, кімдер жиған, не деген?
3. Қазақ ертегісін ғылым жолымен зерттеуде қандай мін-

деттер түр? Қалай жазылу керек? Қалай жіктеліп, топталу шарт? Ертектің проблемасы бізде тіпті соны жатыр, жиналған түрлер бар ма, жоқ, азын азы. Әсіресе стиль мәселесінде ертегінің бүгінгі жазылған, жиылған қалпы дайындықсыз.

4. Анық ғылым жолы нені шарт етеді? Анре, Андреев үлгісі разрядтары. Орыс ертегісінің, батыс ертегісінің оқылу, зерттелу жағдайлары. Айтушыға қарап жіктеу, стиль, түр мәселелерін ғылым ретімен зерттеуге мүмкіндік болғаны, жалпы ғылыми жіктер.

5. Бізде осы жіктер бар ма? Қазақ ертегілерін қолда бар белгілеріне қарап, ізділеп тексеруге бола ма? Болады. Кей кемшін мағлұматтар кейінгі зерттеушілер еңбегімен, кейінге қойылатын проблемалармен толықтырылады. Қазақ ертегілерінің түрлері, жіктері.

6. Қиял-фантастика ертегісі. Хайуандар ертегілері, салт ертегісі. Ертегі-легендалар.

Ертегі туралы.

1. Фантастика ертегісі Ер Төстіктер, Желім батыр.

2. Аң, хайуан ертегілері... (жақсылық етуші түлкі, коңыр мерген. Сондай қасқыр да бар. Тотем бе екен?)

3. Салт ертегісі – Аязби, Білгірадам... (Өсиет, үлгі ертегі – бұрынғы проза). Шығайбай, Алдаркөсе, Ұры мен Қаяр (сықақ, юмор ертегісі).

4. Шығыстың кітап ертегілері Атымтай, Ескендір, Так Сүлеймен.

Вальтер, Андерсон, Император и аббат.

Тезистер.

1. Жалпы ертегінің мән жөні, өзгешелігі, ғылым жолымен жинап, зерттеп, ұғынудың жолдары. Белгілі ғылыми әдістер.

2. Қазақ ертегілерінің жиналу, зерттелу тарихынан.

Біздің ертегілердің жазылуындағы олқылықтар... Бірақ жиылған түрлер бай да мазмұнды. Енді зерттеу жіктеуден ба-сталмайды, әзір ертерек соғып, қорытынды айтуға мүмкіндік берілмейтін кемістіктер бар. Барлық ертектің өзі түгел жеке-жеке жиналып та, танылып та болған жоқ. Қорыту үлгісі, әуелі жеке топтардың негізгі айқын белгілері түгел саналып аталу керек... Содан, бірнеше топтың өз ерекшелігіне, жалпы қазақ ертегісіне хас өзгешелік, өзінше бітімді аңғару керек. Ол қазақ халқы кешкен ескі тарих, шаруашылық,

қоғамдық халдердің өзгешелігінен туған. Жаратылыс, дүние-тану жөніндегі көзқарас, сана танылады. Адам туралы түсінік, тілек танылады. Жаратылыс күштері, иелері турасындағы нанымдардың ескі түрлерінен бастап кейінгі өзгерістеріне шейін көрінеді... Дүние мен адам және солар араларындағы бұрын-ғы адам түсінігі, нанымы қалай-қалай ауысып дамығаны көрінеді.

Ертегі тәрбиеші есебінде қандай орын алған? Ертегінің көркемдік қиял жағынан әдебиеттік бағасы қандай болған? Болғанға, барға белгі айна, ескерткіш болумен қатар, қоғам тірлігі, ел тарихы үшін, білім, талап, даму үшін нені көксіп, неге меззегені – сол біліну, зерттелу керек.

Қазақ ертегісінде дүние жүзі ертегілерімен ортақ сипаттар қайсы? Шаруашылық, тарихтық жағдайы және халықтың өзгеше өзіне хас ақындық бітімі қандай? Осы танылмақ керек.

Ертегінің әр алуанына тиісті стиль, тіл. Бастау, аяқтау машығы. Бір тектес көп ертегіде жүретін ортақ, жатталып, айналыс сөйлемдер. Бір тектес ертегілерді белгілі әңгіме тақырып желісіне, мотивіне қарай танытуға болатындығы. Фантазиялық ертегілердегі қалыпты сюжет схемасы. Осы ертегілердегі үнемі жүретін өзгеше персонаждар. Олардың ішіндегі дос-қас күштер. Осы ертегідегі герой... Оның дос күштері, герой мұраты, ертегі түйіні. Жұмбақ жар... Оның хал құбылысы, әр алуан өзгеріс пен тартыс бетін өзгерту жолдары. Фантастика ертегісіндегі дүние жаратылысы – от пен су. Дүниенің біреу емес, бірнешелігі. Жер асты, көктегі пері мекені... Су асты, от дариясының ар жағы... Күн астындағы бір мекен. Шығыс елдерімен ортақ айтылатын, қыдырма ертектес... Бұлардың қазақ ертегісі қатарындағы орны. Ол да ел қазынасы. Бұл ортада жамалатын жамау, өзгеріс, қайталамалар. Келіп тарау жолдары мен тарихи себептері. Көркем проза есебінде әдебиет жұрнағы боп, тағылым үшін тарауы. Кітапта туған әңгіме сюжетінің фольклорға айналуы, халық ортасында, жаңа фольклорлық ортада жаңадан жанды тіршілік кешуі. Ғылымдық зерттеу үшін қызық жәй.

Түр, мазмұн өзгешелігі жағынын топталатын салт ертегілерінің қалыпты бейнесі туралы. Бұндағы персонаждар, стиль, тіл. Бұл көп түрлі ертегі. Саны да көп. Жіктеу әзір тиянақты, байлаулы бола алмайды, бір-ақ жасалу ке-

рек. Көп үлгісі жиыла түсу осы түрге әсіресе қажеттірек... Бұл ертегі ұшан-теңіз көп. Бері келе ол художественная прозаға айналады. Историческая повесть, историческая хроника, ең алғашқы новелла сюжетті аса қызық құрылысты әңгіме, өсиет әңгіме, күлкі әңгіме, шебер аңыз, көркем биографиялық әңгімелер (воспоминание – көркем естегі, батыр басынан кешкен хал). Болмыс, приключенческий, авантюрный әңгімелер... жорық, жортуыл әңгімелері, бері ұрылар әңгімелері. Осының арты атақты легендаларға ауысады. Жазба әдебиет алдында көркем проза қазақта аса... стиль, жанрлар, тауып, өсіп қалған еді. Соның өзін бүгінгі роман, повестердің өзінен де дәл табуға болады. “Абай” романы.

“Балуан Шолақта” айғақтары бар.

Көркем поэзияға ауызша поэзия қаншалық жіксіз, сағысыз кеп қор құйған болса, бүгінгі көркем прозаға да халықтың ауызша әңгімесі сондайлық жатық жолмен кеп араласып, айласып жатыр. Осы тексерудің ең бір үлкен өкімді пікірі есепті болу керек. Әсіресе бұл ерекшеліктерді тақырып тандап сюжет құрудан, адамды бейнелеуден және өте-мөте әңгімелеу тілінің, сөз кестесінің ұқсастық, туыстастық жағынан зерттеп, талдап айыра беру шарт.

Легендалар ішінде бітпейтін, ел тарихымен ілесіп жүре беретін, өсіп, молая беретін түрлері бар – ол Асанқайғы, ол Алдаркөсе, Қожанасыр. Бұлар төңкеріске шейіп бітіп тынбаған, үнемі қоспалар жамап, өскелеңдеп келген. Өлмес жандар туралы бітпес әңгімелер.

Күй легендасы айрықша зерттеп ұғынуды керек етеді. Бұнда махаббат новелласы, тарихы, хроника, ел апаты, ер қазасы – психологиялық проблема. Ақын, өнерпаз өмірбаянынан (Абыл) деген сияқты неше алуан көркем шебер прозаны көреміз. Ең қысқа әңгіме, бірақ ең шебер, сыры терең әңгімелер. Тіл, стиль өзгешелігі түрінің синкретизмімен де нық байланысты. Бұнда қара сөз, өлен сөз және музыка бір орындаушы өнеріне жиылады. Өзгеше бағаланып, өзге елде жоқ ерекше бітімі жағынан зерттелу керек.

1. Ертегіні үш жікке бөлу (хайуанат) керек емес.
2. Жеті, отыз, қырық – керек.
3. Орыс ертегі – хайуанат қана емес.
4. Совет фольклоры.

1. Салыстыру бар (совет халыктарында).
2. Фольклордың айту жолын атамаған.
Батырлар...
Кемшілік...
1. Өзбек акыны – арабтан деді (Жирмунский).
2. 105 – ...
3. 59 бет – араб, орыс.
4. Тарихи салыстыру...
5. 61 – мұсылман атаулы.
6. 63 – Арне – Андреев.
7. Каталог.
8. 104–105 – Салыстыру.
9. 60 – үлгі жәйі. (Соц. Қаз. 26 май, 48-жыл).
59– 1 абзац, 70–1 абзац.
60– 2 абзац.
61– 2 абзац.
62– 3 абзац.
65– 1 абзац.

Жолжазба

6 июнь.

Сағат 11-де паромға қарай жүрдік. Сағат 3-те мяскокомбинаттан шықтық. Жол бойы шөпті қақ, жолаушы жоқ. Кездескендер иесіз мәшине, анда-санда бір көлік, бұлдырықтар. Шардың суы, извес қазған жер. Троицкіден жақсы үлгі басталды. “Мырзабай” колхозы – екпінді колхоз, 332 гектар егісі, 95 үй, 80 сиыр, 60 ұсағы, 200 қой тұяғы бар. 30 жылқысы бар. Түстері көңілді. Қора алдындағы топ жұрт тұтас келіп, жай-күйлерін күле сөйлеп, ойын да айтысып жатты. Бізден сұрағанда тәуір көрерлік дос-жарандарын сұрайды.

Жарма (Жагор...) хабарласпаған. Райком хатшысы тез ұғыныса алмай, өзге жолдастары ұққысы келмейді. Біресе төсек жоқ, азық бергізу, тағы жиын... Бір араға тесіле қарап мелшиіп, меңірейіп отырып алады. Үлкен бойында мелитсеше қондық, арам еттік бар. Ойлағаны бір түрлі болса да, қолы істей алмайтыны тағы бар. Хатшыға келіп сырлап, артынан хат жазып, қайта-қайта хат жүргізіп, ештемені тындыра алмай, аяғы өз көрпесін әкелгізіп өз кабинетіне жайғызды. Баяғының “жамбысы жанынан” дегені тәрізді. Сонда да ішін ырза қылмайды.

Айрықша адам, алтын тісті мөлдір жігіт. Қара қас, үлкен көк көзді, бетінен майы шыққан, аузы толған алтын, шаруа бастығы, әсіресе снабтың бар тетігі қолында болуға керек. Көпке ұдайы қырсық жасап отыратын мыналарға және тұлданғыш және жағынғыш, әрі алдай білетін сынаптай толқыған түлкі жігіт болуға тиіс. Біз сияқты күні түскеннің сөзі соның “қаттылық, шаруаға мықтылық, пысықтық, көнбістік” сияқты қасиеттеріне кездескенде қайнайтын болу керек.

Түн. Райисполком бастығының кабинетінде. Таңғы салқын, аздан соң ана бөлмеде, мына бөлмеде саңқылдаған қаршығадай шарылдаған телефондар. Мұндай мазасыз,

мұндай ащы, мұншалық нервтің бір тетігін тепкілегендей шаншып түйреген мазасыздық болмас. Танертенгі кез, оның төсектері, қызыл шүпіректі үстел, тактай орындықтар.

Ақжал (г. Баймагамбетов).

Считают возникшим давно, но по-настоящему 45–50 лет тому назад. Старатели – 500 чел. в отдельной шахте. В Ақжале 800 чел., членов партии – 77 чел. Есть рабочие с 30-летним стажем. Бокин и Жолдабаров – отличники Ақжала. Бокин – 30 с лишним лет.

Приезд Кулумбетова. В честь его приезда вызвали Ақжал на соц. соревнование два передовых рудника – Балажал и Кулунжун. Досрочно выполнили полугодовой план. Сейчас Ақжал и Балажал хотят выполнить годовой план к годовщине. Когда приехали мы сюда 2 года назад, рабочих поднимали из шахты на бадье, были так истощены. Коров у населения не было. Баймагамбетов – из Института кр. профессуры – сектор подготовки кадров. Есть молочно-тов. ферма. Большое пригородное хозяйство. Рабочие получают айран, кумыс, овощи. Мясо из своей фермы.

В Алтайтресте:

1) Кулунжун.

2) Ақжал.

3) Балажал – передовой, перевыполняет план всегда.

4) Казанчункур – в 30 км от Георгиевки.

5) Даубай.

6) Синташ.

7) Алкабек – в Зайсанском районе.

8) Зыряновский рудник – золотоносный. В Карачункуре казах инженер Бутин, управляющий и глав. инженер.

Бөге – Ақбалтырдан 30 шақырым жерде.

Там работают старатели.

Школа в Ақжале 10-летка, 600 чел. учатся.

Директор казах, окончивший техникум.

Учитель литературы Емельянов знает литературу и казахскую.

Сулейменова – учительница, была на съезде деятелей культуры.

Ликвид. неграмотности по соц. соревнованию должна быть окончена к 15-летию. Бокину трудно дается грамота, но технич. учеба идет у него хорошо, прикреплен к нему инженер.

Есть клуб и кино.

130 репродукторов – затруднение в нем, не можем достать. Широкой радиофикации не можем добиться. Есть баня с пропускной способностью 150 чел. в час. При клубе 3 кружка – русский, украинский и казахский, есть и спорткружок. Книг до 2000, казахские – до 200 названий. Нужда в детских книгах. Есть столовая.

Свет через Жангизтобе, иногда и машины. Две спортплощадки – маловато казахов. Средняя школа молодежи. Человек 30 казахов, 40 русских. Вечерние и дневные смены – учение без отрыва от производства.

Для себя и для других рудников – горпромуч., учатся по преимуществу казахи. Стенгазеты – на машинке. Думаем издать многотиражку.

Ученица Куляш – ученица горпромуча, заварщица.

На электростанции – казашки. Спецпереселенцы – из Московской обл. – 150 семей. Все были на механизмах, сейчас большинство сняли. Есть прилично работающие, но меньшинство. Клаймакс – бурозаправочный станок, работает с осени 34 г. Работал американский рабочий Жел-Жерн, прикрепили к нему казахов и одного русского рабочего – и сейчас самостоятельно на этом станке работают казахи. Американец уехал.

Старатель – с лошадьё, сам ищет, сдает на обработку на фабрику. Мы даем техническую помощь. В массовом виде добывают руду. Установленная плата за норму руды оплачивается. Им золото на руки не дается. Его золото сдается в кассу и оплачивается ему качеством лучших товаров.

Они в большинстве члены профсоюза. Есть шахты, нами сознательно переведенные на старательные работы из хозяйственных рабочих из соображений рентабельной работы. Состав старателей постоянный. Обзаводим скотом рабочих. Вчерашние хоз. рабочие стали старателями – получают боны и берут на них продукты.

Перегибы – не осталось у рабочих коров, под видом обобществления – в МТФ.

На гибель самолета М. Горба рабочие шахты откликнулись, так что предлагали 2-днев., даже 5-дневный заработок.

Среди старателей есть золотомойщики, которые обрабатывают дома и продают исполу. Есть что, устраивают попытку артели Ветрова. Есть типы старателей, любящие налечь группой.

Перегибы — имели рабочие коров, овец до 20–30 гол. Вернули в 33 г. осенью коров. Восстановили. Начали с рудника Даубай, приходили жильцы, требовали коров. Решением райкома, крайкома начали возвращать. Вернули голов 120 коров и дали около 200 овец — дали старым кадрам рабочих. Остальные заводили сами. Сейчас насчитывается у рабочих на Акжале около 700 гол. Думаем осенью продать 90 гол. коров и 200 овец по твердой и конвекционной цене. Посл. от 600 до 1200 руб. По твердой цене руб. 60–80.

Помимо этого коров 10 дадим в порядке премирования. У Абдикерова — 2 коровы, 3 лошади (есть кумыс) и 12 овец, коз, ягнят 4. Брат и сестра учатся. Брат партработник. Старый работник, сам член партии. У Сасенева — 2 коровы,

2 лошади, 5–6 мелкого скота. Своя землянка, один из знатных людей.

Белдентаев Матайбай — батрак (в период конфискации у баев), с тех пор на производстве, 2 года учился в партшколе, закончил на “хорошо” школу. Был лентяем, забитым, глухим. Не знал, говорит, что такое жизнь. Сейчас ходит с газетой, ходит с тезисами, не бывает собрания, где бы не выступил. Смеется, сам говорит, что теперь выступает и с тезисами. Ему лет под 40.

Темиргали (Темеке) Жадыхов в 1916 г. был нанят вместо сына бая в окопы. Старый рабочий, 54 года. Хорошо говорит по-русски. Был в Кисловодске на курорте, отправили от рудника.

В отношении Бокина один минус: о знатных людях стали думать с осени прошлого года. Живет в старой своей зимовке, хотим построить квартиру из 3-х комнат. Наш минус — что до сих пор не устроили его с жильем. Он не хотел принципиально уходить из своей зимовки — норы. У него патефон, у которого все пластинки — фокстроты. Был Кулумбетов у него. Мы устроили встречу им в забое. Теперь сам начинает смущаться своего жилья теперешнего. Жадыхов весело пляшет при всякой музыке, фокстрот, мазурка, песня — все равно.

Квартира, окончание ее открывает юбилей Бокина. В годы перегибов снабжение было затруднено с прибытием откочевщиков из соседних районов. Помощи им никакой не было. Увеличилось число иждивенцев у рабочих. Помощи колхозников не было. Я дал список (в 1933 г., как приехал) в райком, список людей, голодавших и умерших тогда.

Религиозный момент — на курбан мейраме кое-кто слегка был замечен, но в русской части более заметна религиозность. Убит был Сегизбаев — рабочий в шахте, родственники просили, мы выдали, и его похоронили по-старому. Потом убит был Садыков — другой, его похороны мы провели торжественно. Это был сын старого рабочего, они сами не просили к себе, мы и прощание устроили в больнице.

Сегизбаев — каркаринский казах, пришел из Аягуза с одной стороны. Упал по неопытности, кроме того, по халатности руководства.

Подписчиков на газеты среди рабочих много.

Есть пишущие стихи и читающие произведения казахских писателей.

Дробилка.

Акжалская амальгамоцатная фабрика. Рудный двор. Дробилка на 50 мм.

Чаша бильдон. Сюда идут два потока крупных камней, случайно идущие обратно в дробилку. Идет гл. обр. размолотая руда. Пропускают сита дробилки 4 т в час. В вагонетках подается к чаше.

В чаше окончательное размельчение и проходит через миллиметровую сетку. Здесь же ртуть. От 3 до 6 г ртути на грамм золота в зависимости от руды. Каждая руда, идущая сюда, имеет свой паспорт: чья руда, какая содержимость.

Пропускная чаша 18 т, с учетом времени на съемки. Съемка в сутки 1 раз, в зависимости от количества руды. Свой общий для всех чаш есть свой двигатель внутреннего сгорания Зуигзеля.

Дальше лежат медные листы — шлюзы, покрытые медными листами, протравленные ртутью. Собирается золото самостоятельно, выскребывается, натирается снова амальгамой. Жидкость называется пульпа, от 50 до 70% улавливается здесь, остальное прорабатывается на химзаводе.

Трехбегунка — тоже чаша бильдон, но большей производительности.

Турарбаева Ажар, комсомолка, была раньше в Жанатасе, работала на огороде, сейчас в горпромуче, выйдет дежурным по смене. Будет работать на фабрике. Хочет ехать в Казанчункур, прикомандирована оттуда.

Бисеров — смотритель фабрики, старый мастер, здесь с 1911 г.

Шлихтовое золото.

В амальгаме от 30% до 50% золота. 80—85 г золота из 25 тонн. Шахта Сергей.

Сара.

Двигатель Зуигзеля. Здесь же другая машина стоит без работы и вредительских заказов, пришла из Франции, но не находит применения. Стоит Дейц — каждая из машин 150 лошадиных сил. Первая машина работает на нефти. Дизель установлен в 32 г., работает круглые сутки в 3 смены.

Механик — фамилия Александров — мастер. Обслуживают 4 машиниста, 8 слесарей, в смене работают 3. Слесарь, моторист, машинист.

Отдел зумпфы — место, куда стекают хвосты от пульпы или эфеля. Зумпфа — место водостока, бассейн. Сначала маленькие, дальше большие. Здесь осаждаются эфеля — в первых зумпфах. Содержание от 3 до 5 г на тонну.

Пульпа от малых зумпф идет в большую зумпфу. 5 зумпф малых. Часть эфеля уходит в большую. Первые наз. зумпфики и три большие зумпфы. В больших стоит с зимы. На дне зумпфы галька, тут стоит, пока не загустеет, не отстоится. Ил идет дальше. Садится эфель. Там в мал. более чистые эфеля. Лучше бы бетонировать, но нигде не делается. Лучше бы, если была река. Здесь воду загоняют снова в шахты и пускают в новый оборот.

Эфель в виде песка, ил остается глиной.

Здесь предполагается поставить классификатор, сгуститель. Вся пульпа будет поступать в классификатор, будет машина, будет по всему отсеивать, сама перебирает, это улучшает сортировку эфеля и ила.

С классификатора пульпа идет в сгуститель. И вода при этом будет чище, а не засоренной, как сейчас. В иле от 1 1/2

до 3 г на тонну. Ил пока залеживается. Все это – эфель и ил – хвосты золота.

На амальгаму, говорят, до 70 % содержащегося в руде золота.

В шахте давежный насос передает воду наверх в бак. Давление нагнетает в трубы, поднимает в бак и идет по водной магистрали вниз, и идет, распределяется в чаши. Верхняя труба временная. Вода возвращается обратно, теряя 25 %.

В розоватом золоте другой процесс прохождения золота. Здесь этого процесса нет.

Плакат к нашему приезду:

“Пролетарский привет от рабочих, ИТР и всех трудящихся Акжала – членам бригады ленинградских и казахстанских писателей тт. Соболеву, Лукницкому, Ауэзову!”

Вечер встречи с ударниками Акжала.

7-го июня

Люди Акжала:

- 1) Бокин;
- 2) Жолтабаров;
- 3) Абдикеров;
- 4) Сасенев;
- 5) Белденбаев;
- 6) Жадыков, Темиргалиев.

1904 жылдан бері мен жер астында істеп келем. Әрине, ыстығына күйдім, суығына тондым Акжалдың. Бұрын артта, осы күнде сатылап алға басып келемін. Бұрын басшы азамат жол басшылық көрсете алмады. Енді 34–35 жылдың басында план тола бастағаны – партия, өкімет жіберген жолдастардың жол басшылығы арқасында осы бет берісімізді кемітпейміз дегенді тұтас бетке ұстап отырмыз.

Өз жайы. Бұрын он екі сағат істейтінбіз, айына 15-20 сом. Бүгін енбегіміз бағаланады, бұрын бізді тәрбиелеуді ешкім ескермеген.

Жили в работниках в полном найме.

Считали за скотину. Жили зимой в зимовках в горах, летом в юрте. Раньше продуктов таких (как сегодня) мы не видели. В шахте работали в своем. Калым. Лет с 15-ти начали платить калым и умерла, потом в 25 лет женился. 12 лет жил у крестьян. Ему сейчас 53 года. 30 лет на Акжале. После революции на Кавказ, через Москву в Алма-Ату, Н-Сибирск,

Павлодар. Кино видел в 27 г. С Турксиба только видел ж. до-рогу.

Имя Ленина слышал в 17 году. Говорили рабочие между собой.

Жадыков – 33 года стажа на производстве. В 15–16 году – бедняков на мобилизацию. С большевиками работали. Пригнали в Пермь. Заставляли рубить лес. Оставили 1500 рабоч. Лягушки ели. Среди рабочих было волнение. Пришли с города большевики. Делегаты (4) пришли к большевикам. Отправили нас сюда большевики.

..... попался, по болезни попался. Руководил, говорит, Жадыков. Ты, сиди, лечись, говорит, в Крыму.

..... деле не попал на лечение, но отправляют в Алма-Ату. Рабочие раньше были под под.

Пенсионер. Из Ленинграда прежде приехал бы, в дверь говорит, не давали. Тогда нам учиться не дали. В 25 г. баи, кулаки мугалима били, серебром били, нас не учили.

Хочу учиться, но смотрю – глаза темнеют, говорю: “Не вреди, не порть бумагу госуд. Учи моих детей, племянников отравляй”. Бокин по техническому образованию, хожу к инженеру, хожу к Капалбаеву. Раньше машинное бурение было редко, было ручное бурение.

Исмагулова – машинисты, электромонтеры, спецпереселенцы мешали моему росту, не давали работы.

Измерит. приборы. Мы даем электроосвещение шахтам Кириленко, Красномусинской. Следим, чтобы не было перегрузки. Есть вольтметры. Держим на 400. Замыкало, бывает, когда как и много, когда ветер. Могут быть поэтому аварии. Отец был рабочим здесь.

Караулов Ныскагали – бурщик.

1909 жылдан бері Ақжалдамын. Күншығыс жағында ауылда тұрдым. Николай заманында төрт шақырым жерден жаяу келіп, 12 сағат жұмыс істеп, түн ортасында үйге барып, кеппей, төсек жоқ, сүйтіп жүрдік. Әкем өлгенде мен бесікте жатыппын. Үш ағам болды, бәрі жалшылықта жүрді. Солар мені асырап кепті. 12 жасқа келдім. 14-15-ке келгенде Ақжалда кеншілікке түстім. Айына үш сом алып тұрдым, 12 сағат айдадым атты шақырым жерден. 10-15 минут тыныс. Тамақ жоқ, байлар қарамайды. Байға барсаң, қарау жоқ. 1 жыл болды, ақырындап жүріп келем. Ыстыққа күйдік,

суыққа тондық. 18-жылы пулемет апарып, Жаңбырбикені аламыз деп шықты, тасқа қашып шықтық. Өзімізді айдап құртып кетті.

Тамақ жоқ, киім жоқ. Ақ кеткен соң қайта кеп жұмыс істеп жүрдік. 10 минут қалсақ жұмыстан дүре салу болды. Киім жұқа, су дегеніне де алып ұрып, тепкілеп сабайды, қуып жібереді, ертеңіне келсе, алмайды.

Сабет жұмыскер қолына алынғаннан бері бағым ашылды. 29, 30, 31, 32-жылы жұмыскерге бастық еткен. Енженер, замшақты басшылық ете алады. 30—31-жылы Ақжал төмендеп кетті. 34 жылы үлкен енженер, партия басшылығы арқылы көп түзелдік. Естімеген центр Мәскеу, Ленинградқа дейін естіліп отыр.

Түзелгеніміз бұл емес, 33-жылы Ақжалдан кетіп қалғанымызда болды. Партком басшылығы дұрыс болмаған соң, кетіп қалдым. Бийскіге бардым. Бәкең келген соң қайта келдім. Мен өзінің арқасында түзелдім, қазір жақсы орында отырмын. 4 кісі семьям бар.

Бұрынғы қазақ ғұрпында емеспін, орысша үстелім бар. Әйелім, балам да басқаша, бәріміз де көңілді.

Біреуден біреу жақсы тәрбие, тәлім алып отырмыз. Біздермен бірге отырып отырғанымыз жетілу, бұрынғы бай, бұрынғы қожайын паң еді. Бийскіге кету себебі — бастықтың баласы деп көзге шұқып отырды. Партбелетімді Нұрманұлы деген тартып алды. Зносымды төлемепсің деп, қалтасына салып алады екен деді. Жұрт кетіп жатыр Бийскіге, мен де кеттім. Тұрмысым жаман болды, кісі сарайында жаттым. Нұрманов...

Балам оқиды және ағамның екі баласы оқиды.

Конючков ие болды, ол сатып, екінші бай ие болды. Мусин деген бай сатып алды. 4 кісіні Қапабаев жолдасқа тапсырып еді, әлі реттеп оны ала алмай жүрміз.

33-жылдан бері ударникпін, белсендімін. Еңбекті бағалай білсек, өзімізге жақсы болатынын ұғамын. 34-жылы бәйге алдым, қозылы қой алдым. Қазір екі қой сауып отырмын, сиыр береміз деседі. Бала-шағам қуанулы.

Қазір шахтыда қрепiлшiл болып iстеп жүрмін. Біресе старатель, хозяйственный боп істеп жүре береді, біз ондай емес. Старатель бізден артық тұрады. 10-15 кісі бірігіп артель болады. Бір ай істесе, кем алғанда 200-250 теңге алады.

100 теңгесіне 20 тиыннан бұл алады. 50-60 метр сатса, бір ат, бір сиыр алатыны бар. Бізден казайски артық кой деп аналар айтады. Әйелім анау ілесебет алып жатыр деп те қояды. Мен де ілесебет сұрап жүрмін.

Казайски бір ілесебет берсе екен дейді.

Орта мектеп директірі Әділманов, продснапта Бұланбаев. Мектепте II класс орысша, 7 казакша. 40 % казак.

Апсадықов бұрын батрақ. Қазақ продснаб орнына сары завкомның орынбасары начальниктің Шашубаев.

1912 жылы тудым, 30-жылы осында келдім. Жасынан бай қолында батырақ болдым. 27-жылы шойын жолда істедім. 30-жылдан бері осында істеп келем. 32-жылы нашар болдык. Нұрманов салқын қарады. Жұмысшы қалына карамады. Өзінің ісін ойлады. Сонда да қайтып кетпедім. 32-жылы партияға енем деп анкет бердім, керегің жоқ деп алмады. Әкем 15 жасынан ішкі жақта Ресейде мал бағып жүрді.

19 жылдан өзім ілеймен деген байда жүрдім. Әкем менің қасымнан тамақтанды. Қазір бурщик боп істеймін.

Фабрикеде забойщик боп істедім. Екі жыл болды істегеніме. 18-демін. Профсоюзда бармын. Әкем кішкенеде өлген, шешем бермеді оқуға. Түк білмедім. Кішкене ғана латынша оқуды білдім. Осында жұмыс істегеннен бері оқып жүрмін.

Ақжал басына 32-жылы келгем. Қасымда шешем бар. Шешем өз асырауымда, кәрі. Осында сауатсыздықтан оқып жүрмін, бір ай болды.

Тулақов, Ақжалманов. 35-жылы март айында старатіл болдым. Бұрын қазыналықта едім. Ақжалға 13 жасымда келдім, ташке айдадым. Қазір 39-дамын. Әкем өлгенде жетім қалдым. Есімді білмеймін. 35 жасқа шейін забойщик боп істедім. 31—32-де ауыл қызметіне қойды райком. Партияға кандидатпын. 7-ауылдың ауыл кеңесі боп істедім. Баймен алысып жүргенде байлар кара орманды өртеп жіберуді ойлады. Ауыл кеңесі боп жүргенде атымды ертұрманымен тартып алды. Қанпескеде байды қуғаным үшін солардың ығындағылар оты жанымды өртеді. 24 сағатта орында дегенді айтатұғымыз. Бір күн түнде сағат бірде барымды өртеп жіберді, жалақтанып шыға келдік.

33-жылы үйде жай жаттым. Күн көруім — колхозда

істедім. 34-жылы негізгі қызметіме қайта түстім, енді ра-
ботник боп істеймін. 34-жылы 1 майда бір кой, сиыр ал-
дым. Шахты Кереленкеде істеймін. Құралғанда 93 кісі едік,
осы күнде 66-мыз, өзгелер табысымыз жоқ деп шықты. Қата
түсінгендер еді.

Айлық табысым 4 айда 12 сомнан келді. Бір сомы 10 сом
бағаланады. Ол сонда да қымбат боп жатыр. 20-25 тиындық
боп кетті табар, былтыр 9 тиын еді. Қазыналық болғанда ха-
лымыз жақсы еді, осы күнде казайскидікі жақсы.

Ұсақ артель жақсы. 20 кісі болса 30-40 сом, 80 сомға
шейін алатындар бар. Қазан шұңқырда 250-ге шейін ала-
тындар бар. Балажалда да сол бар, бұнда жоқ. Ақжалдың ал-
тыны жоқ емес, бар. Бұрын істеген байлар, қазірде де соның
кісілері қалған. Кешегі Кірнішті өлтірген кім, сол жаулар.
30–34-жылға шейін сол зиянкестер ісі болды. Енді ғана
өсіп отырмыз. Нурдаев деректір болған еді, бай баласы боп
шықты. 4 аяғынан ақсап жатқан жұмысқа Бәкең жәрдем
етті, планды толтырды, бар жағдайымызды, жұмыстың бас-
басымен әңгімелесумен кемшілігімізді жойып отыр.

Бай қалдығын тазарту арқылы Ақжал түзелді. Бір сиыр,
бір койым бар. Сиырымды 32-жылы фермеге алып еді, был-
тыр соны қайырып берді. Былтырғы майда бір кой алдым.
Гинуарда грамот книжке алғам.

Осы күнде латынша хат танитын болдым. Старатель-
ге шахты мені аударды. Старательдегінің кемшілігі – ай са-
йын сенімді, дәл күйі жоқ. Бір ай мен бір айы қат-қабат кеп
жатыр.

Старательдер Арбызов артелі ең тәуірі. Бұл 20 кісі.
Үздіксіз алады Владимир шахтасында. Старателдердің...

Жанай.

Продснаб и Бурцев – на комбинате, проделки их.

Конный двор – 120 лошадей, 12 кобыл с жеребятими
– 23 кобылы всего. В прошлом году погибло до 100 лоша-
дей. Сохранение поголовья отметил Кулумбетов и Нурму-
хаметов. Облисполком обещал при сохранении поголовья
дать лучшего жеребца. Клички коней мерин серый “Осел”,
“Венгерка”, “Горбунок”, “Абрам”, “Шмель” и т.д.

3 кобылы еще не ожеребились. Один верблюд.

Нурсултанов – зам. дир. рудника Боко, выдвинули в
этом году.

Химзавод – эфеля идут сюда и попадают в чан, рассеивая, забрасываются в чаны с цианистым натрием от 12 до 10%, I чан – крепкий, 10%, II – тоже, после чан не крепкий – 5%.

В каждом чану пролежит от 12 до 24-х часов, в первом – 24, во втором – 12, в третьем – 6 ч. Цианистый натрий растворяет золото и серебро. Получается жидкий раствор и идет по трубам в экстрактор. Сначала выпускается первый раствор после 24 ч., пробуются.

Медь, сульфат, золото, серебро – сюда добавляем известь.

В конт. с неблагородными металлами, как окись сульфида. Начинает разлагать окислы. Растворяет медленно. Цинк работает на золото, серебро, а известь – на отброс.

Раствор в окончание по трубам поступает в осветительные чаны, из них поступает в экстракторы.

В освет. чане.

Вместимость 12 баков – по 90 тонн эфеля и 35 тонн раствора.

Три растворных чана. Завалили эфеля. Здесь делается 10%-ный раствор, он поступает для заливки чанов с эфелем.

Раствор – ядовит для питья.

Чаны закачали, продержали 24 ч. 12,6 – происходит контакт. Экстракторное оформление. Раствор после простояки поступает в 7 отд., в осветительные чаны, фильтруется. Стружка фильтр. В них осаждаются цинк, гидраты. Стружка для осаждения окислов гидратов, примеси извести. Если цинк ниже 500 г, это плохо. Головные отделения экстрактора.

В каждом отделении происходит аналогичное, но свой процесс.

Цинковая стружка в экстракторе, на ней осаждаются металлы в виде налета черного цвета. Со стружкой происходит химическое изменение. Всего 12 отделений в экстракторе, бывают 8,12 отделений в разных заводах. К последнему отделению все местные осадения. Попутно делаем освинцевание.

Мочим стружку в уксусно-щелочном 5% растворе свинца, для того чтобы медь не осаждалась на стружке.

Чтобы не гуляла медь, мы ее ловим в первом и последних отделениях. В средних осаждаются спец. золото и серебро.

Длительность улавливания золота занимает количество времени, зависимое от богатства раствора, у нас месяц.

Кижэ Э.М. Галистрон. Руководство по циклированию золотых и серебряных растворов (работа хим. заводов).

Химич. формула NaCaAg № 3, тестирование химическим способом, довольно сложным.

Обогащенная стружка в особом чану, ее обрабатывание серной кислотой 1 к 5, 1 л кислоты на 5 воды. Растворный второй чан с растворенной серной кислотой добавляется, когда он острый, иначе осядет сернистое железо, три раза будет добавляться вода, удаляется серная кислота, первый чанный отстой горячий, поэтому дайте по 12 ч. Следующий ч. 4, третий – 2.

Три раза отсасывается вода. Остается шлам после отфильтрования, химчистки. Шлам – соединения золота, серебра и цинка. Теперь сушится. Потом шлам сушится в печи. 120–150 килограмм на 4 противнях.

Сушка длится часов шесть, получается сухой шлам с влажностью 10–15 %. Влажность шлам приобретает после сушки из окружающей атмосферы. Сухой шлам плавится. Мы запаковываем в ящики и отправляем в аффинаж золото (аффинажный завод). Аффинаж – обработка. Содержание в шламе в зависимости от обработки примерно 29 г на килограмм шлама. Это богатое содержание, а бедное – от 7 г.

Анализ на золото в хим. лаборатории при руднике, зав. лаборатор. Радзиковицкая. Лаборатория пробирного анализа. Берут пробы руды. Приносят руду, хвосты, эфеля и их шлам. Руда, хвосты – пробуются одним способом, а шлам – по-другому. Анализ руды ими опробован. Обычно получают один килограмм не измельченной руды. Ее дробильщик дробит на сите 8 меж. – в одном линейном дюйме 8 отверстий. Дробление ручное. Руда квартуется и сокращается. Руда квартуется, перемешивается, сокращается до 300 грамм. Эти 300 г поступают на дробильное сито 100 меж. (мелкое). Издробленная проба поступает вторично в квартовальную. Мешочки с этикетками.

Дальше идет в квартовальную. Взвешивают 1 кг на кле-

енке. Перемешав, разворачивается вновь, сбрасывается на конус, чтобы лучше получилось.

Опять разворачивается в поле и делится на клетки толщиной в полсантиметра. Из каждой клетки понемногу, чтобы в чашке получить 300 г. Этот весь процесс есть перемешивание и квартование, и сокращение. Получается средняя проба руды, идущая в анализ. Эти 300 грамм идут на сито 100 меж.

Дальше в квартовальной он предназначен для шлихтовки.

Шлихтовка — из 300 г берутся две навески по 50 г, дополнительно перемешиваются клетки, чтобы получилась средняя величина.

Вторая навеска контрольная — плавки две отдельно двух навесок. Шихта — смесь гнета (окись свинца), буры, соды, угля (75 г гнета, 50 г соды, 25 г буры, 1 г угля, причем бура обезвожена. Шихта высыпается на клеенку — 101 г, смешивается с 50 г руды и прибавляется 12 миллиграмм метал. серебра химически чистого, перемешивается. Высыпается в бумажный кулечек. Сверху посыпается смесью буры и соды щепотка — покрывка, чтобы при плавке не было пены, чтобы не ушло из тигля при плавке содержимое. На этой пробе идет проба.

Дальше плавится отдельно в горне. В горне ставятся тигли в ряд по три. Когда тигли раскипятся до кипения, спускаются вместе с горном пробы.

Плавится минут 20–30, температура горна примерно 1000° (градусов). Тигель вынимается, содержимое выливается в полые чугунные формы.

В горне при плавке золото улавливается свинцом, которое восстанавливается углем. И улавливает золото и серебро. Уловление свинцовым верблю. В составе его серебро, золото, свинец. Затем верблю выколачивается на наковальне. Верблю окружен шлаком (кварцевым стеклом).

Верблю околачивается молотком для копелирования, чтобы освободиться от шлаков и чтобы края не давали улечиваться золоту. Края откальваются быстрее.

Околоченный верблю кладется в копель, цементную чашечку. Идет в муфель, сжимается. Ставится в копели в муфельную коробку, они прокаливаются до белого каленья.

Когда копель накалится, кладется в него верблю.

В муфельной печи помещается 23 верблю. Копелирование длится 2,5 часа.

Муфель отапливается коксом, температура – 1065°, температура плавления золота. Крышка остается закрытой до окисления свинца, до появления бурных паров. Крышка открывается, кокс частично разгребается, и купелирование продолжается. Здесь химич. процесс частичного окисления металлич. свинца в глэт. Копель подается на один раз. Обрабатывается тоже. На копели остается порошок серебра и золота с булавочную головку, там серебро и золото. Стараются присадку делать с расчетом, чтобы в коробке оказалась 1 часть золота на 2 части серебра для дальнейшего процесса. Идет в разварку.

Королек раскатывается на вальцах (пластинка, мелкие, миллиметры), раскатанный королек называется карточкой. Берутся тигельки, наливается азотная кислота 1 к 4, ставится на электрич. плитку, нагревается до 60°. В эту кислоту опускаются карточки. Нагревается для отделения серебра, получается чистое золото. Стоит минут 20. Сливается деконтация. Приливается более крепкая азотная кислота 1 кг и доводится до кипения. Процесс остаточного деления серебра.

Сливается остаток, поливается дистиллированной водой, сушится, затем прокальвается. Прокальвается для освобождения от летуч. веществ. Карточка идет на шлифовку, точность весов до 1/100 миллиграмма.

Полученный вес поливается на 20 тигли как брали 50 грамм пробы. Получаем содержание на килограмм и дальше выставляется на торги.

Экспортная руда сразу на сито 100. Берем 2 килограмма. Берутся в навесок по 250 грамм. Каждая навеска помещается в банку литровую. Наливается вода 375 куб. сант., 17 г ртути, 3 г извести, все это перемешивается в течение двух часов. Затем отливается ртуть, поливается золото. Размешивается в азотной кислоте, промывается, прокаливается.

Хвосты после амальгамизации плавятся обычным порядком. Содержание в экспортных пробах считается золото 50 г на тонну (среднее).

Лаборатория пропускает в месяц 600 проб.

В лаборатории в смене работают дробильщик 1, квартовальщик 1, плавщик 1, лаборант 1, пом. лаборанта, плюс ученицы, уборщица и завед. лабораторией. Большинство женщины. Дробильщик казах. Плавщики – спец. переселенцы, квартовальщик старший – русский.

1) Шахта им. Кириленко, бывшая шахта.

2) Аягановская – по названию жилы, был обвал 1 марта 35 г.

3) Красномусинская шахта, № 3 шахта.

4) Шахта Новомихайловская.

5) Шахта “Сергей” – открыта в 35 г. Затопление шахты в начале октября в 1912 г. Хозяин имел шесть пудов золота, упаковал, оставил второпях там, ходит такая легенда. В шахте было много воды. Старик Бармин рассказал, что там повышенное содержание. Что там брали до 70 грамм золота. Легенда не оправдалась. Глубина шахты до 20 метров. Сейчас дает 4–5 грамм содержания химчистого.

6) “Красная” – вторая шахта – одна из старых шахт, называют ее также “красная старуха”. Работа идет в третьем горизонте, там 7 горизонтов, 210 метров глубины.

7) Шахта “Параллельная” – старая шахта, давшая много золота. Здесь тоже 200 метров. С этими двумя последними шахтами связано будущее Акжала.

Советские шахты: Новомихайловская, Красномусинская.

Старатели во всех шахтах, кроме Красномусинской, Новомихайловской и “Сергей”.

8) Владимировская шахта также старая шахта – прогорели на ней в одно время в 31–32 гг.

9) Фунтовая – старая шахта.

10) Садыковская шахта – старая, называется по жиле, открытой Садыковым. Жилы, идущие параллельно, тоже наз. Сад. вторым.

11) Шаульская ш. – старательская, открыл Шауль. Есть премия за открытие.

12) Ш. “Двойник” – в советское время.

13) Нарская жила – старое название местности.

Это основные объекты. На старые перешли с декабря 34 года. Рудник Боко исключит. на старательской работе.

Там была старая китайская разработка. Есть следы долбления руды. (Китайский разр. называется деловой.) В Боко — в 32 г. обнаружен самородок 2 кг 200 грамм. Там две шахты — “Красная” и “Акдингек”.

Казакты ұру. Хатшы елеусіз қарайды. Оны қоя беріп, Николаева деген столовый бастығының бір казакты боктағанын көргем жоққа салады. Ұзаққа ауысқан.

Шайзада. Телефонда істейтін Зағила Нұрлыбаева. Үш айлық екікабат қалған. Осында тұрады. Мамандар ілгері бастырмады. Қар үстіне пәтерден шығарып, баласымен лактырып тастады. Жауап бермеді. Қатын намысқа салды. Өзі де, баласы да (воспаление легких) болды. Шайзада араласады. Паломницковке хат жазады. Өзі Камзатовка, күйеуі екікабат қылып тастап кеткен. Артынан түсініп, Паломницков қалын тез түзеді, пәтер алды. Қазір курортқа барады. Исекең келгенде сол связда дежорнай еді. Үйден қазақша сұрағанда қосып отырғаны Исекеңе жақсы көрінген. Өте жақсы істейді. Бұрынғы күйеуі қажы баласы боп шықты. Артистік оқуында.

Тов. Бисеров.

Жанайдың әңгімелері.

Бұл жерде зиянкестік те болған. Амальгам фабрикесіне керек конденсатордың тарихы. Көп машинелер солай. Франциядан алғызған. Бірінен бірінің құрылысы, қалпы ерекше бөлек. Бірі бір түрлі, екіншісі екінші түрлі маймен жүреді. Специальный май керек. Ол табылмайды. Детальдары біздің жерде табылмайтындар. Машине өзі тұтасымен бұндай біздікіндей жерде қолданылатын машине емес. Бірі тоқтайды — екіншісі тоқтайды. Ұдайы жұмыс істеп тұратын, бар машиналары тегіс жүріп тұратын уақыт деген тіпті болмайды. Осы күнде сол машине тіпті істемей тұр. Жаңа келгенде көрген суреттері ең әуелі шірет. Қазақ бір шірет, орыс бір шірет. Аралары жаман. Қазакты тұрған орнынан итеріп тастайды. Приказчик орыс. Сол орыстың шіретін тауысқанша қазақ тұрады. Азық нашар. Столовойда бір-екі сасық балық. Қашысы адам көргісіз. Соны да түрегеп тұрып алақанына салып алып, сол жалаңаш алақанынан жейді. Продснабпен кездесу. Ол мас. Сенен сұрамаймын. Маған молдалық қылма. Айтқаның антипартиялық, антисоветтік сөз, — деп өзіме пәле жапқысы келді. Бұндағы ренжу, содан

астыртын хабар беріп, менің үстімнен пуркоролға материал жиғызыпты. Райкомда ғой орыстар. Олар жұмыла кірісті. Орнынан алғызбақ, партиядан шығартпақ.

Бұрынғы директор болған адамдар. Соңғы екі жыл ішінде бес директор ауысқан. Соның бірі 28 күн істеген. Мен Алматыға кетіп, қайтып келсем, бүлініп қапты. Ішкені ертеңді-кеш арақ. Үстелінің үстінде. Жұртты жағалай боқтап, қиратып, кейде кабинетіне кісі келсе, қолбандап шақырып ап, қасына алып бірге ішумен болады дейді. Сол кезде жұрттың қалы қиын. Отын жоқ, азық жоқ. Әсіресе пішен жоқ. Аттар да өліп жатқан. Жанай алғаш келген жылы азық, шөп, отын сияқтыны маңайдан өзі іздеп табу әрекетінде болған. Шайзада “сен завхоз боп кеткенсің бе”, – дейді екен.

Зиянкестіктің бір түрі: азық складына қарулы 4 атты кісінің келуі. Қарауыл мылтық атқан соң олар кетіп, динамиткеге барады. Сақтандырғанға қарамайды. Қарауыл атады. Кезек атыс басталады. Бір жұмысшы Ақжалға қашады. Паломицков соны ести салысымен ұшады, жаяу, жолдан бірталай адамды ерте кетеді. Осылардың келуінен қорқып банды қашып кеткен. Бірақ ұзап қашпайды. Машинелер бар, жақсы аттар бар – ұстау оңай еді. Аман кетті. Бастықтарға мылтық ату болған. Сөйлесуге келсең, жауаптан қашып, сөз қозғамай, бойын басып отырып алатындары да болды.

Адам партия мүшелерінің ішінен, соларды баулу арқылы зорға құрылды. Партия мүшесі Тулақов мінезі.

Бейсенов – кәрі жұмысшы. Бүгінде әлі кәрі мінездерінен ажырамаған.

Тетстің ісі. Кеше рудникте екі кісінің өлуі. Бұдан бұрын апрельде тоғыз сондай уақиға болған. Инженер Денисенко.

.....

В районе Желдыкара, в 60 верстах от Акжала обнаружена новая жила геологами из Ленинграда, обнаружена в прошлом году. Ездил казах – старый рабочий Акжала, привез кусок руды с видимым золотом. В последнее время работали 12 ч. Артель за месяц добыла 30 тонн высокой пробы (120 г на тонну), выходит жила на поверхность, идет шурфами по простиранию глубиной в 2 метра. Первая жила – Барантовская, вторая обнаружена на днях. Если жила будет просле-

жена в глубину, будет поставлен вопрос об углубленной разработке. Сейчас выяснилось качество пробы.

.....
Иргизбаев Ахмеджан.

Отец работал на пароходе. Я родился в 12-м ауле Джарлинской волости, родился в 1909 г. Отец с 1912 г. до 20 г. работал грузчиком в Барнауле. В 1921 г. работал в забое, был в начале пастухом, катсмен (на поверхности), потом в 31 г. в шахте забойщиком. Я до 23 г. не работал. Учился немного, 3-ю группу окончил. В 4-ю не пошел. Был первым хулиганом. В 24 г. отец заставил работать. Вначале возил воду. В 25 г. гонщиком на барабан до 27 г.

Потом стал приемщиком бадти, стал старательнее. Принял в комсомол Нурпеисов, секретарь комсомола. Одновременно работал в шахте кательничным (откатник).

Комсомольская работа, сборщик членов комсомола. В 28 г. избрали секретарем комсомола. Стал втягиваться во все работы. До 30 г. работал на этой работе. Читал устав комсомола, читать по-русски умел плохо.

Сделали меня сменным смотрителем фабрики. При дежурстве следить за процессом работы. При сливке снимать самому амальгаму. В 31 году профсоюз выдвигает меня на учебу в школу переподготовки профсоюзных работников. Проучился 3 месяца. Снова на профсоюзной работе. До августа 32 г. работал председателем Рудкома. Было трудно, просил более доступную моим силам работу. Послали в Син-Таш председателем шахткома. Там же оформился членом партии.

Казсоюзпроф хотел послать в высшую школу профдвижения в 33 г. Но райком задержал, послал обратно. К тому времени приехал Баймагамбетов. Жаловался в разговоре по телефону, он вызвал сюда. Вначале был секретарем маленькой ячейки. Дальше выбрали секретарем парткома.

Прочитал вопросы ленинизма, Ярославского, Ленина и т.д. Помощь Жаная. Он взял на буксир, помогал в повседневной работе советами, указаниями. Консультация в чтении сильно подвинула мои занятия вперед. Шайзада помогала в чтении литературы, Ленина шеститомника. Она в принудительном порядке заставила прочесть худож. лит. Начал на казахском. Прочел Абая. Пьесу “Кыз Жибек”.

В подготовке к партийному собранию. Когда не было Жаная, я выступал без подготовки к собранию. И не было активности у товарищей. Я ему написал. Он мне дал более исчерпывающий совет. Советовал готовиться не менее 5—6 дней к собранию. Ошибки мои исправлял. Я принял сочувствующих в комсомол. Он советовал узнавать людей поближе. Заставлял ходить на квартиры их. Вначале я ходил ко всем, как попало. Потом он советовал взять конкретно 3—4 человека. И я взял Бейделбаева и Абсадыкова.

Бейделбаев был в районе кателем, он старше меня. Не спит день и ночь, тащит на работу. Сейчас Б. читает книги, газеты.

Знает задачи члена партии. На собраниях выступает лучше, грамотнее всех. Недавно он, ссылаясь на речи Сталина, говорил о необходимости тех. учебы.

Абсадыков — секретарь ячейки. Третьим был Крауов — усиленно занимался с ним. Он и раньше был первым активистом профсоюза. И раньше был такой в 29 г.

Когда я приехал в 33 году, он был плохо одет, забит, вид был у него очень жалкий. Теперь становится все по-иному.

До сих пор не могу организовать свой день. Жанай учит и здесь, по его совету теперь организовывал свой день. Утром, как встаю, пишу все то, что должен сделать сегодня. Была моя ошибка такая, что все делаю сам. Теперь я привлекаю свой актив. Я один с большой работой при такой помощи справился в 6 дней. Проверка исполнения в начале совещания парторгов, отчет о том, что выполнил, что нет и что нужно делать. Еду на учебу в КУТВ. Остается Хакимов, секретарь парткома в Боко. Он работал в районе вместе со мной, но в 31 г. уехал в Кр. Армию. В армии вступил в партию. В 33 году вернулся к нам снова, стал на общ. работе.

В районе я был хулиганом. Были здесь рабочие, как Безналов, Селиверстов, они знали меня раньше. Не признавали меня. Были трудности, которые устранялись благодаря Баймагамбетову. Стал читать, и я перебивал на многих занятиях. Перебил Селиверстова. Читал до 3-х часов ночи, брал к себе кого-нибудь и вместе с ним занимался.

Заменили мы здесь из директоров Нуждаева — я раскрывал бюрократизм его. Мы с Жанаем наедине сговаривались так, что надо его поддерживать, а на собрании делал так, что не сдерживал себя.

Тихомиров – директор пьяница.

Партийный коллектив 60 ч. Есть человек 20, как Жолтабаров, Бокин и др. непартийные большевики – Сасенев Косай, Жадьков. Они бывают на наших партийных собраниях. Они показывают пример работы в шахтах. О непартийном поведении коммунистов они приходят и говорят нам. Конфликт с Адилевым, партгруппоргом у Бокина. Бокин хотел пробить три забоя. И перевыполнить план. Тот не хотел, стоя на официальной цифре. Поссорились в шахте. Партгруппорги обижаются, что мы больше слушаем не их, а беспартийных. Сейчас есть мать, отец умер. Матери 60 лет. Ее отправили к брату. Жену отправил к ней домой.

Я не освобожденный работник. Работаю по разным заданиям. Веду литературную переписку.

Рассказ Шахизады и Жаная об отношениях Иргизбаева и Хакимова.

Бұлар бұрын құрдас, жолдас болған. Хакимов бір жиылыста парткомның отчеты жөнінде айтысқа шыққан кісілердің сөзін орысшаға аударды. Баяндамашы Ырғызбаев болған. Анау бұған қарсы сөйлеген сынды терендетіп өз жанынан қосып аударды. Жанай бұның не десе, керек дейді. Басқа бір жиылыста тағы сөйтіп сөйлей береді. Ахметжанов ыза болады. Жиылыста райком Ахметжанов та бар. Сонда ыза болған Ырғызбаев қазақша “кет, чорт” деп ұрсады дейді. Ахметжанов ішек-сілесі қатып күледі. Хакимовтан Ырғызбаев білімдірек.

Хакимовтың қатын алуы. Шайзада оны телефонмен іздеп хабарландырып тұрады. Кировтың өлімі, Горький самолетінің қазасы жөнінде хабарландырған.

Шайзада Ахметжановтың қатынына үйіне барып, тазалық сақтау жөнінде, үйде қалаша тұру ретінде насихат айтып, жәрдем етеді. Сөзін тындамайды. Орыс болмаймын дейді. Жерде отырады.

Хакимов жалғыз қызын алмақ боп сонда қосыла келеді. Жанай онысын білмеді, қайда жүреді деп күдіктене береді. Артынан қатынын алған соң анықталады.

Бисенов – қызық адам. Сөзді білмейді. Бір жиылыста сен үлкенсің, кәрі жұмысшысың, сөйле дегенде, шығып ап: темекі тартпандар, жұмыста балтайт етпендер – сөйлеп түседі. Өзі осы айтқанын істейді. Бір жастардың сүйісіп

тұрғанын көрген, біреудің дәретке отырғанын көрген, соған ыза болады.

Ырғызбаевтың Абсадықовты жағасынан алып сүйреп әкелгені. Ол Ахметжан шақырса, жиылысқа келмейді. Соны үйден сүйреп әкеп, Жанайға көрсетеді. Бір уақтысында сағасында жұрт жиылмайтын болған соң Жанай келе жатыр екен деп, бастап алдап жүргізген нағыз батыр.

Ахметжановтың тапқан металы. Бұ да жақсы қызық күйде.

Ахметжан худож. лит. дегенді білмейтін. Кейде оқыдым деп өтірік айтады деп күледі Шайзада.

Ахметжанов пен Абсадықов екеуінің араздасуы, мінезі қызық. Мұхаметқали Әбілкерев ананы бұрынғы әдетпен елемейді, тілін алмайды. Бір күні Ахметжан партиядан шығарам деп мәселе қойып отыр. Мұхаметжан мен Жанай әңгімесі. Бұның әке-шешесі бар. Оны оқуға жіберем. Жармаға оқуға баруының өзі үлкен мәселе болады. Бірақ жақсы оқып қайтты. Оны Ахметжан таяды, сүйеді, бастағысы келеді деп қақшандайды. Ол Ахметжанды төбемді отады дейді, қатар өскендіктің таласы.

Больница, 4 кабинета. Стационар на 50 человек.

Врачи – терапевт, зубной, окулист, гинеколог, хирург, врач по охране материнства. Амбулатория здесь же, в день 200 посещений.

Распростр. малярия. Отравлений с химзавода нет.

В месяц из района проходят до 300 ч. Из них 10 ч. с гонореей и 5 сифилитиков. Казашки – часто не желают рожать в больнице, много туберкулезных, часто среди детей костно-суставной и желез. Это же и среди взрослых.

Столовая чистая, на 250 ч. Интересная картина масляной краской сделана своим художником. Все с деревьями. Деревья зимой и летом, контраст с тем, что нет ни одного дерева здесь.

Клуб “Горняк”, 3 кружка: русский, украинский, казахский, ставили “Чудный ребенок”, “Чудесный сплав” и т.д. Жантай. В библиотеке 500 назв. беллетристич. произв. На русском яз. 400 наз., каз. – 75 беллетрист. произв. Читательей 757 ч. Из них 123 женщины.

Хакимов Толымхан: с 22 г. до 25 г. служил батраком у Мамырбаевых в Уланской волости.

В 1928 году здесь были конфискованы Сагындык, Сакпан. Их дети Мамыркан, Кали.

Иван Петрович.

Записан инженером взрыва в Главзолото. В Боко находим ступку каменную. Есть китайские пистолы. Шли без динамита, делали пожогы. Старинный огненный способ, существовавший давно.

Старатели — их нежелание идти по пустым породам. Вертелаж. Штреки. При калькуляции мы придерживаемся калькуляции, присылаемой Главзолото. Взрывн. работы и старатели. Мы подвозим руду его к фабрике. Все расчеты со старателями идут золотом.

Производим разработку руды по калькуляции. Все инструменты старателей. Бур стоит — 50 к. кило стали. Цены Главзолото. Даем им электроэнергию. Водоотливы, даем воздух — компрессор. Спец. одежду они тоже получают. Их снабжение идет через Золотоскупку. Расчет в двух видах, за экспортную и обыкновенную. За экспортную с содерж. от 25 до 50 г даем по 55 %. За руду свыше 70 до 100 даем 65%. Чем меньше содержание, тем невыгоднее для него. К примеру, за 3 грамма мы берем 1,8, плюс перевозка, взрыв, материалы. Ему остается $\frac{1}{4}$ грамма. Характерный пример руды с содер. 20 г — тогда мы взываем $7\frac{1}{2}$ г плюс те расходы, тогда ему остается около 11 г. Свыше $2\frac{1}{2}$ г идет в экспорт.

Каждая артель имеет свой лицевой счет. У нас бухгалтер, табельщик, счетовод. Они ведут свой контроль наших записей.

Экспортная руда в мешках взвешивается после дробления. 19 лопат + 1 лопата на пробу. На фабрике учитывается по поданным вагонеткам.

Артели стараются, чтобы мы пропускали руду почаще, мелкими весами.

А нам выгодно пускать крупнее. Они заинтересованы быть в меньшем числе артелей. А нам легче иметь дело с крупной артелью. Крупная артель не рассыпается. Артель Тулакова на Боко 68 ч. Кириленко — 70.

Старатель, проходящий по горно-подготовит. работе, получает от нас поддержку в виде аванса до 15% на период того года под добытую руду в будущем. Артель не пойдет на проходную работу больше 5—6 метров. Если проходка

больше, то договариваемся особо. Обязательна для старателя горно-проходная работа по приказу Главзолота.

С Кириленко проходим на жилу Бабииковскую и мы платим старателям по 25 г. Снабжаем лесоматериалами и др. необходимым. Техперсонал за наш счет. Случай химической разработки есть. Но наш технический, горный надзор ведет, наставляет их. Мы имеем вначале план месяца. И каждая артель дает свой план прохождения вершлака, руды и т.д.

В случае невыполнения артель сама рассыпается. План прорабатывается в каждой артели. Дорабатываем заранее. Если значительно превышен план, мы даем льготную обработку до 10%. Таких случаев было 6. Так было с артелью Орлова, они превысили на 30%. Мы дали льготы 20% обработки, 20% с мешка.

Перспективы Акжала.

Был Таежник – завгеолого-разведочных работ, был пьяница.

Сергеев – начальник геолого-разв. работ Алтайзолота. Та же песня. Не верно. Мы имеем запасы на 10 лет по запасам А.В. и С.

Они избирают легкий путь. Разрезная работа. Снять сверху без капитальных работ и уходят.

В 5 километрах месторождение кварцита.

Обещали дать американскую фабрику. Не осуществилось. Вторая пятилетка для Акжала не приносит капитальной перестройки. Так, по-видимому, по всей системе Алтайзолота.

Старое руководство, осужденное руководство (Глинский, Бородулин) было вредительским руководством. Составляло оно план, работая совместно со старыми хозяевами (часовщиками и др.) как попало. Работали на жилах, разрабатывавшихся в районе, у нас известно 78 жил, из них разработано 35 жил.

Не поощряли новооткрывательство. Быв. директор Нуждаев.

Скрывал от парторга директивное письмо Главзолота о первооткрывателях. За открывание новых жил премируются.

Вчера по жиле “Сов. писатель” Баранов приказал мне премировать старого рабочего-открывателя Байбурина. Ему

лично премия будет примерно 100 р. золотом и до 1000 р. со-
взнаками. Ездил с партией СНИГРИ.

По приказу открывателю мы платим до 10000 р. Из них
30% золотом. Акт советскими 3 тыс. р. золотом. Премиро-
ван Бедарев за открытие жилы Жарсай 25 р. золотом. Теперь
мы бьемся вовлечь в первую очередь старателей системой
премий и помощью в разработке этой жилы.

Большой заброш. рудник Сункар. Хорошее отношение
к старателю. Создание почета первооткрывателю. Жанай не
был раньше у Мирзояна. Так выполняли план. Говорить о
перспективе было нельзя. Поэтому не было возможности
идти просить о больших делах. Теперь дело другое. Отно-
шение везде было невыносимое. Даже в системе самого Ал-
тайзолота. Говорили бывшие офицеры из этих систем, что
будто мы вышли в январе из прорыва благодаря прятанно-
го того металла, который мы добыли в декабре. Были здесь
офицер Коровин, Ермолин – уполномоч. треста. Коровин –
плановик. Устинов – старый купец. Растратчик. Все они
на наше выполнение плана смотрели как враги сов. власти.
Мы их выгнали. Имеем “Нарский”, им. Кириленко – рен-
табельные шахты, еще “Сергей”, им. Садыкова – до 40 г
содер. Самодуров, инженер-геолог, бросил ее в 33 г., дает
40–20 г Шаульская (объект) жила.

Боко – ряд новых жил. Там идем на третий горизонт.
Будет большой процент экспортной руды. Открыта новая
жила имени старого рабочего Альмуха, в районе гористом
еще жилы.

Восстанавливается жила гористая. По Боко приступи-
ли к разработке разведанных месторождений. Против про-
граммы – 35 г., уже можно проектировать с превышением
на 35–40%. Не отпустили на строительство. Нет никаких
перспектив. Ни на культурное, ни на бытовое стр-во не от-
пущено ничего.

Приезжал зам. Серебровского, говорил, у местных ра-
ботников крепко засела новоявленная философия о том,
что нельзя выполнить план без номинального культурно-
бытового обслуживания людей. Серебровский в ответ на те-
леграмму Кулумбетова сделал жест – говорят, в телеграм-
ме, что выполнение плана Акжала произошло за счет улуч-
шения бытового положения, там клуб, кино, библиотека,

столовая, магазины, баня, школы — все нужно наладить как следует. А средств нет.

Из перспектив — в районе много месторождений, жил. Основной вопрос — перспектива — упирается в глубокое исследование. Или дайте денег нам самим или ведите исследование. Не дали на жильеустройство.

Кокпекты.

Секретарь тов. Бектасов, зам. предрик. Малышев, заврайзо Карпов.

Самый крупный совхоз в районе. Это пастбища.

- 1) Чигилек — степное горное село и частью заливное.
- 2) Коминтерн — тоже, рог. скот.
- 3) Караганды-куль.
- 4) Большевик — одинаковые.

В каждом совхозе есть своя газета многотиражка — на каз-м, русском яз. Раз в пятидневку и районная “Красный скотовод”. Колхозов 41, направление района — животноводческо-земледельческое. Есть силосование, но не привилось как следует. Зимой скот на сене. Скот — овес, пшеница, ячмень. У 4 колхозников в индивид. пользован. есть до 10 голов мелкой, в Чубарчи есть и до 20 гол. Есть колхозники с 5 коровами, как Смагулов Мухаммед в колхозе “Кедей”. По колхозам общее число поголовья 30 тыс., из них крупный, мелкий. Колхозы появились с 28, 29, тов. Бектасов с августа 34 г.

На 1 января 36 г. по государ. плану должны быть 7228 без совхозов, овцы 17910, козы 1625, свиньи 1416, лошадей 1911, верблюдов 64, а всего 30154 голов. На 1 января было — кр. рог. скот 5186 г., овцы — 1448, козы 1143, свиней — 745, лош. — 1707, вер. — 54. Весь скот идет на мясокомбинат. Здесь упоминаем его. Покупает по твердым ценам. Есть база Заготскота в Кокпекты. В интересах колхоза выгодней сдать в удобное для себя время. Дефект в самом плане. У них нет откормочной базы. Даже при равномерном поступлении у них худеет скот. Необходима лучшая организация базового хоз. самого мясокомбината.

Главная эпизоотия — сап по лошадям и повалка непродуктивного скота (алаокпе). 283 лош. погибло от сапа. Проводится маленизация. По мелкому скоту — сибирка, ящур.

Эпидемия гл. обр. по навалке летом. Выявленных убиваем, для здоровых проводим прививку.

Шерсть сдается Союзшерсти. Остается и для себя. Шерсть Чубарчи идет по госзаготовкам. Каракуль идет шкурками. Все идет по линии централизованной заготовки. Только сортировка. Пушнина — лиса, хорек, волк, сурок. Непосред. сношения с Китаем нет. Но закупленный на ярмарке скот попадает к нам.

10 тыс. га поливного. В воде недостатка нет. Электрофикации почти нет в районе. О турбине мельницы обсуждение с облисполкомом. Разведку по запасам прекратили прошлой зимой. 4 новые месторождения в Кокпекты есть. У них есть общее с кендырлинскими запасами. До 2 м запасы грубо, ориентировочно определяет разведка Алтайзолота. Рассыпное золото кустарным способом промывают в горных речках. Развернутых разведыват.-строит. работ по нашему району нет. Они ведутся в смежных районах — Балажал, Самарский, Курчумский.

ВМЖС (только один) в Букони — 8 груз. маш., 2 легков. Тракторов 53, из них 5 ЧТЗ, остальные — колесные. Комбайн — 1, ожидаем штук 5.

Два колхоза — “Ворошиловский” и “Червонный Гай” (украинск.) имеют груз. машины, купленные ими на хлеб.

Есть колхоз “Бессарабия” — болгарский колхоз из бывших военных и летных. Колхозов русско-казачьих — 4, казахских — 17. Смешанные остальные. Болгарские — из переселенцев времен русско-турецкой войны 1877 г. Переселились в 1914 году сюда, до этого были на Кавказе. Говорят по-турецки — по-карски.

Школы — 3 неполные сред. школы 7-летки. Учатся около 400 ч.

Учителя — с образованием средним и низшим. 1 казахская, другая русская. Сельских школ по району 42 — по колхозам. В совхозах совхозуч. — одна школа для разной квалификации.

По здравоохран. — больница на 32 койки. Один врач — на весь район. Еще 2 фельдшерских пункта. Один в Букони, другой в Ивановке, в Ворошил. колхозе населения насчитывается 22 тыс., 4 ветфельдшера, в совхозах ветврачи. В совхозе “Чигилек”...

Райисполком, 9 сельсоветов и 2 поселковых. Есть рай-милиция.

Радиофикация — связь. Телеграф. Телефон — с Буко-нью. В этом году будет связаны с с. Большевик, Чубарчи, Караганды-куль. Будет в этом году устроен радиоузел, стро-ится.

Клуба в полном смысле нет.

Библиотека — плохо дело обстоит с книгоснабжением. Идет через потребкооперации. Хотели открыть отделение книгоцентра. Думаем приобрести колхозную библиотеку. Привезли недавно книгу Голощекина (речь в 32 г.). Центр. газеты получаем неплохо. Но нет лимита на центр. газеты. В прошлом году не лимитировались центральные газеты. Сейчас уже лимитированы. Учебники для школ поступа-ют, а для ликбеза очень скверно. В прошлом году поступило только 9 книг. На съезд деятелей культуры ездили зав. рай-оно и еще один работник. Беспризорных детей нет. Какие были, собраны здесь, их около 300 детей. Ясли есть в “Чи-гилеке”. Бюджет района 900 тыс. рублей. Пионер. организа-ции во всех школах. Число партийцев — 242 ч. В районе чле-нов, кандидатов комсомола 650 ч. Жилстроительство — леса нет, возили с расстояния 150 км. В колхозах, за исключе-нием “Красный Гай”, строительство есть. Очень трудно в совхозах.

Есть одна кинопередвижка. Последняя картина “Весе-лые ребята”, немой вариант.

Самодоят. драмкружки при клубе здесь и в совхозе “Чи-гилек”. Заготовка продукции охоты: заготпушнина — горно-стай, волк, лиса, хорек, мехсырье — каракуль, овчина, кро-лик и т. д., частично есть сурок.

Обществ. питание в совхозах организовано, в колхозах постоянно действующего нет, есть только во время полевых работ.

Цифры поголовья на 1/1 34 г.

Крупный рог. с. 1081 гол.

Недостатки в здравоохранении — гл. обр. в кадрах, в культработе — гл. обр. в деньгах и еще в кадрах. Строит. клу-ба начато, надо бы использовать средства самообслуж., в этом наша вина. Медич. меры идут удовлетворительно.

Горячее — самое больное место в нашем хозяйстве — получаем из Жангизтобе.

Поголовье на 1/1-34 г. 35 36

Круп. рог. скот

Овцы

Козы

Лошади

Свиньи

Дальше по эпизоотии.

Краевые газеты:

Соц. Каз. — 150

Казправда — 100

Ленинск. смена — 60

Пионер — 80

Пионер (на каз.) — 50

Кызыл аскер — 100

Област.:

Прииртышская правда — 250

Екпінді — 200

Приходит “Казах адебиети”

Центр.:

Правда —

Известия —

На пленуме т. Бектасов ставит вопросы из хозяйственных вопросов: внедрение машин — вендродер. Делает завод (“Россельмаш”).

По уборке хлеба — просим 14 штук, дают 2. Планируют нам больше комбайнов. Берем тракторные лобогрейки. Рабочие прицепляли конные лоб. Они ломаются.

Второй вопрос: насчет культуры.

Пишем докладную в обком, крайком. Раньше вопрос о хоз. подъеме. Колхозы стали на ноги. Но получается разрыв между хоз. положением и культурой. Радиостанция — вне плана области. Организация книготоргующей сети. Не

попадают образцы худож. литературы – главным образом. Потребители негодуют. Правда, трудности есть с зимней транспортировкой. Колхозная библиотека будет налажена.

Совхоз “Чигилек” теперь совх. им. Кирова – поселок Б. Буконь, речка Буконь.

Герифорды – из Америки, завезены 633, к нам попало 16 штук. От них поколения 34–35 г., послед. квартала 34 г. и 1-го квартала 35 г.

Т. Минаков – зам. директора, приехал из ЦЧО. Директор Авдеев – я работаю со дня основания совхоза. Авдеев работает 2 года, был раньше гигант, назывался Коктерекский совхоз, после разбился на 7 совхозов.

Зоотехник работает 2 года.

Сейчас у них поголовье до 4 тыс. (3969) с молодняком, есть 100 овец, лошадей 75.

1-я ферма, 2-я ферма, где производилась метизация с местными коровами. Мясо-молочное направление. Работает в совхозе 450 ч.

Разница в весе телят?

Основная масса служит гуртоправами.

Сельские хоз. рабочие.

Ферма № 4. Управляющий фермы и агротехник, помощники зоотехника по животноводству и агротехникам – агроном и ветеринар. На каждой ферме 4-5 гуртов, во главе гурта старый гуртоправ – бригадир, в его распоряж. младшие гуртоправы. Еще у него доярки, на 15 коров одна доярка (сухойстой их коров 5). Средняя нагрузка на доярку 20–22 коровы. Доярки и пастухи – штатные. Сдаем во вторую сдачу на мясо в конце июля. Первую сдачу провели раньше. Сдаем в Троицке. За 12 дней мы перегоняем до Троицка.

Молочное хозяйство, его план имеется, по фермам дается трестом. (В.К. мол. трестом). Мы сепарируем и сдаем на маслозавод сливки, маслозавод кочует вместе со скотом. Отел начинается с апреля, мая, а частичный отел идет круглый год.

Бык-производитель каждый год покрывает по 80 коров.

Первые телята ноября 34 г. пойдут в случку первый раз в конце 36 г. Ожидать новой группы производителей нельзя. Искусственное осеменение не применяем. Опыты были неважные, был большой % яловости. Специалистов тоже нет. Герифорды распределены по фермам. Пасутся днем вместе,

вечером отделяются. Все время держать вместе с коровами нельзя. Износятся быстро. Может сделать садку много того дня одной корове, тогда как достаточно одной садки.

На 1-й ферме в группе 1 выделена хорошая группа коров.

Глотов — с мая 33 года. Из Москвы мобилизован в апреле. Был доцентом на кафедре, изучал Японию, экономику Японии.

В совхозах перемены чувствовались меньше, почти не чувствовались.

Согнали скот в один район кучей. Очень много скопилось скота. Не было ни базы, ни сена. За зимовку 30/31 г. в “Гиганте” погибло 13 тыс. голов скота, 6 тысяч забито, 7 тысяч погибло. Поголовье 1930 г. согнали 45 тыс. гол., в декабре пригнали 15 тыс. голов, которых не приняли.

Поголовье в 1933 г.: с 1 января до марта сост. 2638 отелей и коров, на ноябрь 1933 г. — наличие 4211 общего поголовья, на 1/V—34 г. — 4106 гол.

Динамики роста по годам не получили.

На сегодня 4048 гол.

Шефствуем над колхозом “Коминтерн”. Культурное шефство, поставки.

Многотиражка “За социалист. животноводство”.

В 33 г. очеркист написал “Огонь, вода и мотор”, автор неизвестен.

Многотиражка и на каз. языке. Школа есть при совхозе. В 33 г. приходили откочевщики из соседних районов и из Китая. Хлебоуборка и ряд других работ шли за их счет.

Основная работа политотдела — выращивать ударников. Опираясь на коммунистов, их 36 человек. Комсомола сейчас осталось 75 чел. и на ударников кроме еще администр. и специальный состав.

1-я ферма. Кызылкаин — первое урочище. Дальше горы до осени. Горы — Калба. Зоотехник Ершова — из Ленинграда.

Окончила Агропедагог. ин-т., 4-й год здесь. Есть совхоз-уч., через которые пропустили 45 чел., кроме того, из каждого совхоза было чел. по 10. Здесь сеяли 80. База в Буко-ни.

Казахск. телята каз. весом 18 кг.

От герифордов 28 кг.

Герифорд – “Чигилек”. 4 года, в 33 г. из Америки, вес 707 кг, природный местный – 450. Через Одессу. От “Чигилека” приплод – десятки.

2) Комсомолец, нет 4-х лет.

3) 757 кг, “Большевик”.

4) “Максим Горький”.

5) Грозный, масть темно-красная с белой головой и хвостом.

Молочность герифордов – 4000 л в год, 2000 л и казахск. дают. Есть рекордистка местная доярка – 14–15 литров в день. Нормально в год каз. 700 л – 1000 л.

Абенов Жилкибай – старый гуртоправ 1-го гурта 1-й фермы. Ездил в Москву на годовщину Октября. Пробыл 25 дней. Видел на демонстрации т. Сталина. Старый гуртоправ Тугелбаев Омар – младший гуртоправ.

Шұбарши бауырындағы ат жарыс. Құлымбетов колхозы.

Колхоз ең алғаш 29-жылы құрылған. 32, 33-жылы колхоз мүшелерінің саны 300-ге жеткен. Осы күні 113-і бар. Жаны 500 – қызметке жарайтындар 300 (подростоктармен). 33-жылдан 150-і өлген, көшкен. Былтыр іс қозғалып, Ахметов дегендер сотталып кетті.

Ударниктер:

Кәрібаев Күнасыл – пермі бригадасы.

Дәрібаев Доспол – шабан бригадасы.

Қасенұлы Қалиахмет – о да.

Дәулетов Қалиақпар – о да.

Әлімбетов Оспан – о да.

Бәтима Оспанның әйелі премиеге бұл, ақша, тоқты алды.

Досполұлы Мәркен жасы 8-де, әкесімен бірге қой бағады. 1400 қойы бар.

Қүзетшісі – ударник Мұқаш Мұсаұлы.

Қойымызды әйел қырқады. Бар қойды солар қырқады. Нормылары – 20 қой күніне. Күніне 50-60 қой қырқатыны бар. Қырықтығы – қайшы.

Тұрақан қызы Дәметқан – о да күніне 30 қой қырқады.

Пасекан Иван Карлович. 29-жылы акционер обществосы құрылғаннан бері. 28-жылдан бері істеген. Профессор Есмолиннің шәкірті. Бұл содан халыққа басшы, ие болып қалған. Жүніс 33-жылдан істейді.

32-жылы қой саны 4 мың, 4 мыңға жақын болған. Қазір 9 мың.

34-жылдың 1-жартысында 6639 бас, 35 жылдың 1 июнінде 9115. Бізде ет салығына ет береді. Бірақ аз алады. Биыл бірінші кварталда 2 шошқа бердік.

Қазір 18 шошқамыз бар. Күтушісі – орыс әйелі Даниленко Авдотья.

Еңбеккүні былтыр 2 сомнан оралды, аз болды. Биыл он сомнан келе ме дейміз.

13 түйеміз бар. 7-уі боталы. Құрмекеш Түбеков, әйелі Рәш 6 түйені аман боталатты.

Колхозда жеке меншікте 500 қой бар. Үй басына жақсы сиыр бар.

Екі бас шошқа күзетеді. Көшеге бүгін де қасқыр келді. Берсең қоңынан, мына жерінен деп сұрап жейді дейді. Майқы, түге, әй деп қалып ем, каша жөнелді. Шошқа да жаман қорқады екен.

5-ші жылдан бері осындамын. Мына базды да мен құрдым. Ақынды берем деді, алдау әкпар, берген жоқ. Иван мен Мергенбайлар қайда жібергенін білмедім. Өзімді тонап кетті былтыр. Бар киімімді алды, кеудеме мініп ап, пышақты бүйтіп жұлыныма тақап алып кетті. Күні бүгінге дейін, міне, ашып босқа жүрмін, киім түгіл, түгім де жоқ. Қайда дейді. Кім әкеткенін кім білсін. Үш бердім өтінішімді, онда да қағазымды жыртып тастады Ахметов Оразай.

Екі қасқыр қораға түсіп, таң ата кісі шақыра кетсем, терезені сындырып тасып кетіпті. Неге сұрамаймын?

Алексей Верещагин – учетчик поголовья.

Здесь член колхоза с прошлого года. Пришли из Зыряновского района.

Еңбеккүні – ақшаға есептеледі, сүтті 20 тиыннан есептеп береміз. Сол еңбеккүнінен шегеріледі. Астықты 30 тиыннан алады. Күнде алады. Өз қойларының жүндері өздерінде.

Әйелдер көңілді, өндері тоқ, күйлі адамның өңі. Көп күліседі. 4 әйелді шаруа бөлімінің бастығы Дүйсеновтер үгіттеп ертіп кетіпті. Қой түрлері: каракөл, ленгол, мегнорке.

Қазақ қойын арденский дейді. Ешкі – ангор ешкісі.

Уголок бар. Басқа мәдениет ошағы жоқ. Ликбез бір рет болды. Мұғалім, қаржы жоқ. Биылғы құрылыс планында школ саламыз, колхозда үйлер саламыз деп отырмыз.

4 үй мен баз саламыз. 34-жылы 5 үй салдық. Енді кино передвижке, радио орнатуға заявкі беріп отырмыз.

Екі жылда үш қоздататынымыз бар. Оған мың қой бөлінген. Биыл күз астық жиыны тоқтағанда сол оқотымыз басталады. Бізде совхоз зауыты бар. Таңертенгі сүт 260 литр, кешкі сауын 365 литр. 365 литрден 60 кило сыр шығады. Онда бір қазақ әйелі мамандыққа үйреніп жүр. Колхозымызда бір білімі дұрыс адам жоқ. Бұрындары да болмаған, қазір де жоқ. Балалардың ұмтылысы бар.

Қазір екі бригада: шөп шабатындар мен үй салатындар. Колхоз бастығы Нөтбаев Қали, парторг Нұрланов Кебек – екеуі де Алматы комвузынан. Үйрек, кролик сияқты малдары да бар. Көкпектінің бұрынғы бұл арадағы елі Қарауыл қасық. Өлке тұтасымен Шұғылбай деп аталған. Көкбастау – Шұғылбайдың бас жағы.

Ахметжанов Нұрсапа – оқыған жігіт. 33-жылға дейін осы арада қызметкер боп жүрген. Осы Шұғылбайдыкі. Бухгалтер-счетовод боп жүрді. Аяғы былтыр 34-жылда да сондай жолдастарымен “Үшкөмей” колхозының 5 жылқысын зелений кілітпен тиіп әкетті. Және жолдан екі ат әкетті. Белсенділер қуып ұстай алмай қалды.

“Қиыл” совхозында жастарды құрып постановке қоямыз. Ударниктерімізге премие береміз. Кинопредвижке әкеп, сурет көрсетеміз. Обед әзірлейміз. Қызыл тақта, кара тақтамыз бар. Қарыз бар.

Бригадтар: отарский бригад 2, чабанский 10. Бір отар осы маңайда, екінші отар Тассайда, онда валух (валох) бойдақ.

Отардың қойы массовый көбіне, бұрын 33-жылдан тоғытпайды екен.

Колхоздың қиын уақыты оқот. Егінді атпен саламыз. Көлігіміз 80-ақ. Әлі бір трактор, не бір машинамыз жоқ. Сенокосилкеміз бар. Осы күнде 26 сенокосилке, екі лабогрейкеміз бар. Бізге 2 трактор, 2 керек. Жоспарды орындап, бұл колхозды былтырдан бері біле бастады. Нұрпейісов былтыр келді. Мына екі комвуз шәкіртін сол жіберді.

Қалиев Садуақас – заппермі.

Былтыр парторг боп келген, бұрын мелитсиезде нар. следователь және НКВД-да істеген. Бандамен алыс деп жіберген. Аудан бастығы, мысалы, капрор, сот сияктанып шауып келеді де, шаба жөнеледі. Тірі қатынас, живой

катынас жоқ. Жер бөлімі жоғарыдан біз тілейтін тілекті қостамайды.

Бектасов қолынан келген көмегін аямайды. Жер бөлімінде әкесі 10 жылға айдалған би балалары бар, соларды тыңдайды дер бөлім басшылығы.

Колхозшы тілі, бұрынғы азамат тілі жоғарыға жете алмайды әлі. Насколько технический күш жоқ болғандықтан. Жер бөлімінің азаматтарын, Маторнин агроном сияқты, Знаменкенің байының баласы болған жігіт жетектей береді.

Ахметов Үшкөмейде мүше болған. Ахметжан ұлы сонда бірге істескен. Ахметов уақытындағы колхоз көшкен ауылдың қорада азық, мал, қолда қой тарағанда, 150 үйі шығып қалады. Әкімшілікпен қолданғаны. Қамшымен ұрып айдап кеп Өзі бай орында тұрып ұрылармен байланыс жасаған. Бір жағы Шәуешекпен, Нұрсана сияқтымен байланысқан. Өз пермісінен алыстағы өзге көрші колхозды ұрлатқан. Осы күнге шейін осы колхоздың 75 мыңдай дебиторский задолженности бар. Мал сойып, аудан қызметкерін дайындау уақытында бай колхоздан азық апарып беріп, пуркорор, сот адамдарын алып, колхозға байларды кіргізіп, осындай екі жақты іс істеген.

Ахметов өзі Тоқабай деген, 14 жыл болыс болған байдың баласы. Бұрын өзі Көнші деген ел. Қарауыл қасықтан болса Көнші ішінде Бұзаубай, Жаманбай, Ерсалы. Бұлар Жаманбай екен. Бұлар ылғи атқамінер боп Бұзаубай мен Жаулыбайды аналар қанап құртады екен. 31–32-жылы өзі ауыл кеңес боп, дырдай белсенді боп жүреді. 29-жылдан бастайды. Ескіше, қазақша оқыған жігіт. Пуркорор Үдембаев деген жігіт болды, он жылға айдалып кетті. Онан кейінгі Райымқұлов о да айдалып кетті. Зоя Пульгир о да сотталды. Осылармен бірге істеген Ахметов – бір аты Сөлкебаев, сонан Ахметов болған.

150 үйдің бірталайы Қытайға кетті, басқа ауданға кетті. Осы күнде қайтып жатыр. Колхоз ішінде еті тірі шығып, асарлау кісі болса, оларды құртып жіберіп отырған.

Біздің колхозда қыз түсіретін бір мүшесі бар. Қозымек келіні Бияда тота деген. Бұрын қой сауған, қой қырыққан, шөмеле салған, егін алысқан – ударнек еді.

Было общ. “Овчина”.

Были козы – около 30 гол., кулундинки.

Зимой 1929–1930 гг. привезли линкольнов штук 10–15. Их привезли с Жангизтобе. На бричках. В дороге буран, Иван Карлович насилу их доставил. Буран застал около Каражала. Иван Карлович Пасекан приехал в 1929 г. Приехал к проф. Смолину из г. Кургана. Там служил на бэконной фабрике. У него нет спец. образования, но с детства интересовался животными. Один год в бескормицу он долгое время прожил вместе с ягнятами, козлятами. И в этот год 33–34 – “Чубарчий” сохранил поголовье гораздо больше, чем другие колхозы. Был сильный пом. зоотехника. Тогда всего поголовья 800 гол., сейчас 10 тыс. Ежегодно свыше 167% прироста – дали 500 откочевщикам.

Дойка до нашего приезда не проводилась. Кроме сыра, мы выручаем много на мерлушках. В первый год дойки делали брынзу. Сыроварный завод организовали в апреле 1931 г.

На экспорт идет шерсть с линкольна, козы и мерлушка. Предварительной обработки мерлушки здесь нет, производится только сушка. Премирован Иван Карлович в 34 г. двухмесячным жалованием. Получает 350 руб. Я работаю на трудодни. 3 семьи казахские в колхозе. Некоторые женщины стригут по 10–11 шт. овец. Тұсақтың орнына ярка дегенді кіргізген биыл.

Доярок – 36, норма – 50 овец, метраж – 50 метров, перевыполняют.

Начальник охраны – Балгожин Баймухан.

В его распоряжении 12 чабанских бригад. Стоянка одна, поэтому отара одна и в одном месте. Днем по 500, 1000 овец пасется по отдельности. На 500 овец – 2 ч., на 1000 – 3 ч. пастухов.

У бухгалтера “Чубарчий”.

С 1933 г. в 32 г. стадо овец насчитывало 4767 гол. на сумму 55 тыс. 188 руб. от Казживхлебсоюза. Лошадей 5, верб. – 2. Купил Казхлебживсоюз для двух колхозов от акц. об-ва “Жанатурмуш” и им. Ворошилова.

Акт.

Овец 4176, коз 239, всего 4415.

Колхоз прибавил своих 21 гол. овец. Март – 2518 гол., выбраковали 109 гол. Осенью, в октябре, применяли искусств. осеменение 2400 маток, из них окотилось в 1932 г. в

марте 2057 маток и получили ягнят и козлят 2493. Зарезано взрослого поголовья для нужд фермы — 137 гол. Сдано госуд. — 784 гол., продано колхозам как племматериал 11 кошаров.

Забито из числа молодняка на мерлушку — 415 гол. Разные отходы — сиб. язва, общ. забой — 96. Осталось на 1/1 33 г. — 4834 гол. Вместо 5 января колхоз им. Ворошилова добавил 59 маток. Ярок 31, баранов 4, ягнят до 1,5 возраста 25 гол. На 10 января поголовье 4928 гол. За период с января по 10 октября отход 2 гол., сиб. язва — 2 гол., от воспаления вымени — 6 гол. Кражи, легкие злоупотребления — 3 гол. Съедено волками 7.

Утеряно пастухами 14, пало от разных болезней 42, прирезано по угрозе болезни 33, племнастриги — 11, продано откочевщикам 833, возвращено колхозам 14 гол. Расход, зарезано на мясо — 245—323. Итого отхода 150 штук.

Племматочники — 800, продано разным учреждениям — 22. Выдано колхозам на мясо — 15, возвращено колхозам — 14, выдано колхозам в счет трудовой — 152, сдано на мясо — 280. Случная 33 г. началась 27 октября 32 г. — окончилась 15 декабря 32 г.

Маток было 3001, выбраковано 105, искусств. осеменено 2737, естеств. — 159. В период беременности прибыло 157, выбыло 54, осталось всех маток 2901, выбыло в период окота 56 маток. Осталось к концу планового окота 2845. По плановому окоту окотилось 2566. Родилось ягнят 3759, или 146,8%. По внеплановому окоту окотилось 106 маток. Ягнят от них 137, или 121,6%. Осталось яловых маток 173.

Случайно осеменившиеся ярки — 115 гол. 32 г. рождения: 152 ягнят, или 131,8%. Всего окотилось маток без ярки 2372. Ягнят от них 3896 гол., или 145,7%. Выбыло молодняка со дня окота до конца окота 59 шт. и мертворожд. 99. Слаборожденных и в тот же день павших 80 штук.

Со дня окота по 1/1 1934 г. выбыло по разным болезням молодняка 128. Утеряно пастухами 66, злоупот. — 6, похищено волками — 20 шт., увечья — 8. Вынужденный порез по болезни — 58, прочие отходы — 294. 7 продано откочевщикам, 200 возвращено колхозам, всего 12. Забито на мерлушку 501 гол., или 17,6%.

Переход на 1934 г. Взрослые — 3041, молодняк — 2820. Всего поголовья — 5961, с 1/1 34 г. и 1/1 35 г.

Со стада взросл. 5961 гол. поступило в течение года.

1. Отходы: неблагополуч. окот – 4 матки, сиб. язва – 89, восп. легких – 39, восп., вылеч. от раз. бол. – 32, увечья – 8, съедено волками – 29, утеряно пастухами – 89, из них в один день утеряно 62, злоупот. – 1, всего в отходе 283.

Расход – зарезано для нужд колхоза 137. Продано 109 в другие колхозы, торговля, по угрозе бол. – 98. Передано колхозам – 265 (возвратили колхозу им. Ворошилова при его выделении). Продано разным бригадам – 20 шт. Продано колхозам как лимит 4. Продано колхозникам – 17 шт. В Заготскот – 153 на мясо поступило, добавили ему же – 170, променяли им же 41 на телку. Выдано в премию 11 шт. Всего в расходе 1025 шт. Итого отхода принес 1308.

На 1/1 – 4654 гол. взрослых. Осеменено было каракул. 1807. Минкойлов – 595, ярок 33 гол. – 102, коз – 163, всего 2667 маток.

Выбыло в период беременности: каракулевых – 43, мелких – 20, коз – 2, всего – 65.

Яловых каракулевых – 74, минкойлов – 22, коз – 6, всего яловых – 102, всего 167. Окотилось каракул. маток 1690, минкойлов – 553, ярок – 102, коз – 155, всего 2500 ягнят: каракула – 2400, минкойлов – 777, от ярок – 119, козлят – 234.

Всего 3530 гол. молодняка. Из них забито на мерлушку каз. 745 (5%), выкидыши – около 122, мелких – 28.

От ярок – 4, от коз – 10, всего 164,

мертворожд. – 46, мелких – 18, от коз – 37.

От ярок нет, всего 101,

павших во время окота карак. 61, мелких – 31,

от ярок – 6, от коз – 24, всего 122,

слаборожд. – 4, павших от коз – 3 шт.

осталось живых каракул. – 1376, мелких – 700,

от ярок 109, от коз – 160, всего живых 2345,

отходы после окота – пало от разн. болез. – 133,

увечья – 1, злоупот. – 1, утеряно пастухами – 41, съедено волками – 55. Всего отхода – 211. Расход молодн. выдали колхозу шкуры, в индив. пользовании 51.

Возвращен Ворош. 90. В премию – 11, всего – 152. Осталось 1975 (наличие молодняка). Всего поголовья осталось 6629. На 1/1 35 г.

На 1 июня 35 г. Наличие взрослого поголовья 6508, молодняка — 2534. Всего на 1 июня — 9042.

На 7 июня — 6498, молодняк — 2617.

Всего 9115 (10 голов продали двадцатке).

(Расход 34 г. — 152 гол. молодняка.)

В этом году на мерлушку мы забили 1226 гол. Еще 3 переданы колхозам, 13871 было бы, за три года общий отход в % приблизительно выражается в 11%. Особенно зима 33/34 г. была исключительна по отходам. В индив. пользовании у колхоза было в 34 г. — 109 гол., в хоз. — 270. В 35 г. — 500 шт. (В 33 г. было незначительно.) Мы в прошлом году прибавили 90 гол., остальное — собств. прирост.

Трудодень — в среднем чабан получает 1 руб. 45 коп., есть семьи с трудоднями в 1000 дней, оплата трудодня 34 г. 2 руб. 20 коп.

В этом году разница будет большая, ориентировочно от 3 до 5 руб.

В прошлом году доходность колхоза была 419 тысяч.

В 29 г. поголовье было всего 800 гол., рост до 35 г. больше, чем в десять раз.

Мы продали совхозам в этом году свиней на 60 тыс. руб., они еще не уплатили 22 тыс. своей задолженности.

Продали “Большевику” и “Караганды-кулю”. Последнему 215 т на 11 825 руб. “Большевику” — на 4300 руб. 430 тонн.

Второму — 460 т на 25 300 руб., свинину мы в этом году думаем продать на 100 000 руб. Должно быть 150 центнеров. В 34 г. — 80 ц масла, 4 ц 19 кг урды, 1759 кг шерсти в 34 г. 157 ц 44 кг. В прош. году 79 ц 2 кг, сдали госуд. 110 центнер. Шерсть сдаем в Союзшерсть. Дали разным организациям (детдому, совхозам), колхозникам и т.д. Мерлушки в этом году — 60 т. В прошлом году дали меньше, но отоварились на 100%.

По мерлушкам в этом году перевыполнили план.

На 1/1 — 35 г. верблюдов было 23, прибыло 1 взрослый приплод. — всего 30 верблюдов, лошадей на 1/1 — 35 г. — 94, отход 13 (11 выбыло по маленизации), приплод 9.

Рогатый скот — с повалкой, отход 32% .

Аудандык мамандардың былжырағы көп. Біресе халқында ауру жоқ деп кетеді де, біресе қайта кеп құрып кетеді.

Бізде ясли, мектеп, клуб бар.

Пасекан — силосованияға қарсы.

Екі жылда да окот жақсы. Бірақ оған жақсы азық әзірлеп отырған жоқ.

..... осеменен 1800 овец. Все двойняшки. Қошқарды койға мінгізіп қашыртып тұрып, содан алған іспермін түтікке ағызып алады. Балын қарайды, қанша іспермі барын анықтайды. Оны содан искусств. осемениеде қолданады.

При естеств. осеменении он мог бы осеменить за сезон 80—100 овец.

По совхозу “Большевик”.

Лучшие люди.

1) Тюменев, 42 лет, гуртоправ 4-й фермы, бригадир.

Работал у бая много лет. Уроженец Аксуского района, за 4 года, с 30 до 34 года пала только одна голова — до апреля 35 г. При перегоне скота пали два больших теленка. План по молоку выполняется все время.

Метод работы — не только работает сам хорошо, но хорошо организовал всю работу бригады. Из его бригады выдвинулся старш. гуртоправом один рабочий.

2. Ботажанов. Сам Тюл. премировал очень много раз. За 35 г. два раза выдавали телочек. Последний раз премию выдали — месячный оклад и путевка на курорт. В конкурсе на лучшее проведение зимовки по ежегодному конкурсу вся его бригада была премирована: двум гуртоправам — месяч. окладу, дояркам — матер. на платье. Он не замкнуто работает в животновод. работе. С начала посевной поехал и завербовал 30 чел. рабочих на посевную свою работу. С общ. задачами связана жена, работает дояркой, не было кухарки на полевою бригаду, и он послал свою жену на месяц. Грамотно сам ведет зоотехнич. учет удоя за день от каждой коровы. Здесь прошел ликбез в совхозе. Здоровье сейчас неважное. Больные легкие. Беспартийный. Бригада вся партийная — 9 чел. Зимой было меньше, до 7 чел.

Выше среднего роста, сухощав, опрятен, весь легкий, чистый, в юрте чисто. Очень гостеприимно. Скромный, стеснительный. Все хорошо работают. Если кто отстает, я ему помогу, и все будут работать лучше. Все время помогает организовать работу в бригаде выдвигенцу из его бригады. Мешает грамота, иначе был бы на первой ферме завфер-

мой. На первой ферме Тулеуканов, в совхозе с июня 1934 г. До апреля не было ни одного случая падежа и приреза скота. План по молоку выполнял все время. Упитанность скота и телят хорошая. В 35 г. премировали 2 раза. Один раз телкой. Второй раз — с/х благодарность и мес. оклад. Благодарность — 1, гурт 1-я ферма был очень слаб.

Поставили исправить Тулеуканова. Через короткое время прекратилось падение, и гурт стал выполнять плановое задание. Принял в группу сочувствующих. Лет — 36. Из батраков. Ведет учет по молоку. Состояние бригады зимой: из его бригады 6 чел. заболело малярией. Осталось в бригаде 3 чел. здоровых. Я приехал из Семипалат. и поехал к нему в бригаду, в базу, думая, что там развал. Но обнаружил тот же порядок, который был раньше при них.

Две доярки из его бригады тоже премировались — отрезом на платье.

Грамотный. Родом тассайский, семья есть, жена, двое ребятишек, жена доярка. Есть телка.

3) Истыбаев — старший гуртоправ 2-й фермы. Вначале работал с гуртом молодняка. Пришел скот чесоточным, неочищенным. Заработок двух гуртоправов — от 200 до 225 руб. Жена — доярка, от 160 до 180 руб. Такой же заработок и у Истыбаева. В гурте был большой отход. В бригаде были лодыри, разгильдяи. Постоянный беспорядок. Вымирал гурт.

В феврале собрали бригаду с нач. политотдела поговорить по-товарищески, показали им результаты их работы. И спрашивали, кто доводит до этого. Они на совещ. указали на двух рабочих лодырей и потребовали выгнать из бригады. Тех выгнали, решили о переводе в бригаду 2-х комсомольцев. Двоих премировали, премии выдали тут же в ночь. Бригада дала слово, что больше отхода не будет. Через неделю собрали всех рабочих фермы с докладом о работе бригады. Ответа не было. Перед всеми рабоч. бригады и совхоза выступ. Истыбаев. Дали премию с правом выбора любой телки с фермы. Он работает и сейчас. Семейный, жена доярка. Лет — 26. Учится в ликбезе. Работает в совхозе с 32 г. Работ. % на 45—50 с 30—32 гг.

В 33 г. была тяга рабочих из совхоза в колхозы в связи с неурожаем. Наряды отпускались нерегулярно. В 34 г., наоборот, обратный прилив шел с Тарбагатая и остановились в совхозе.

На 1-й и 2-й фермах факты — приход людей с семьями. Весной 33 г. уходили из совхоза в колхозы.

Рабочие предъявляют все большие требования. В колхозе зажиточная жизнь, животноводство. Хотят этого и наши рабочие. Мы выдали 40 телочек в премию. Обещали помочь в содержании, в кормах. Но соблазняет колхоз большими доходами. Вопросы индивид. животноводства и строительства там лучше. Требуют помощи кредитом. Эти вопросы в системе с/х хоть и ставятся, но не решены у нас в зерновых совхозах. Там есть на стр-во кредит. Большая тяга к огоро-ду. Ставятся эти вопросы и предо мной, но у нас нет огород-ных площадок.

Сеяли на чужой земле.

У нас будет там 120 т одной картошки. Трудна доставка. Нет и овощехранилища. Я могу встретить поддержку со сто-роны самих рабочих.

Обещаю садоводство. Прошу, чтобы они сами у себя по-строили погребы. Это освободит от большого овощехрани-лища.

При выполнении плана до 7% молока дать на внутрен-нее потребление. Мы планы эти выполняем.

Возможности больше с тарбагатайскими выпасами. Но трест увеличил нам план маслопоставки. 380 ц было, теперь установлено 486 ц.

Мы его тоже выполним, мы выдаем молоко только на больных.

В полеводстве снабжение не плохое. Полеводческая бригада снабжается лучше. Привозным снабжаются все одинаково.

О перегибах по совхозной системе.

Гигантомания. Был Кокпект. совхоз от Жангизтобе до Зайсана. Сопутств. моменты — большие капиталовложе-ния, нецелесообразное их использование. Машины не да-вали эффекта, не использовались. Основное: отход скота был очень большим. Была вредительская система. Прививали сиб. язву. Вредители пролпартии. В ряде совхозов вы-явлены вредит. прививки. Скот был заражен повалкой. Из 9 тыс. гол. 6 1/2 тыс. гол. я принимал повалочного состава в Ишимском. С 30 г. о скоте не было заботы. Директор Игем-

баев. Скот продавали, распивали, разбазаривали. Он осужден на 10 лет с хвостами.

Басмачество было развито в 30-е годы.

В аксуатской части было безнаказанно все время. Бандитизм был развит очень сильно. Терроризировали. Были в 32 г., 33 г., уходили помногу туда и уводили скот.

Характерный был момент в Зырянском районе. Нач. политотдела Нейте выпустил антипарт. листовку. Содержание: “Колхозы бедные, не идите туда. Придете обратно, мы не примем, не увлекайтесь вредными, временными подачками колхозов”. Оперативное руководство Данилов – Зкаян не говорил, не отвечал на вопросы. Идет сеноуборка в период хлебоуборки.

В белом кителе нач. политотдела, жена в шелковом красном платье. Данилов в шляпе. Берут патефон и едут в бригаду. А в бригаде – тухлая рыба и ничего больше, на запросы рабочих о продуктах, сыграли Жаз Мексика. Уехали, ехали долго. Дни отдыха во время уборки. Сами спят и люди не работают. Постановили устроить выходной день. Сняты оба. Но Данилов работает помощником облпрокурора в Оренбурге, а сам состоит под судом по приказу наркома совхозов за развал совхоза. Заведено уголовное дело по ст., ст. 101, 109 – бесхозяйственность. А он сидит на группе совхозов и МТС в Оренбурге. Окончил ИКП, выехал в неизвестном направлении. Так написано при снятии с учета в Кокпекты.

Тов. Гепетанов. Мы много списали колхозам по старой задолженности. Случай выявляется часто. В полевой бригаде мы иначе производили ежедневный расчет деньгами. Нас премировал трест на тысячу рублей. Мы раздадим рабочим. Предположение дать директорам и политотделу. Совещание при тресте решило так.

План посевной и паров раньше всех закончили мы в области.

Речь Л. Сергеевича на вечере встречи с рабочими – ударниками Акжала.

Мне радостно, пользуясь правами, данными мне как рук. ор. писателей, передать горячий привет от ленинградск. писателей.

Кроме нас двоих еще четверо. Выступление их тоже будет. Мы едем в Зайсан. В стране едем ошупью, но везде мы встречаем интересное. Но наша задача:

1. Показать в ряде рассказов, очерков остальной части Союза Казахстан. Представления везде не точные, создать точное представление.

2. Связь с казахст. писателями. По инициативе т. Сталина съезд советских писателей. Взаимное ознакомление. Другие познакомились с грузинскими – Тихонов, Пастернак. Мы будем переводить казахских писателей. Вы знаете, как ставится вопрос о знатных людях в нашей стране. Мы обязаны рассказать о вас. Наш материал – подобен тому золоту, которое идет через амальгамную фабрику. Для этого надо нам поговорить. Плакат – факт дружбы, любви к незнакомым людям. Вы расскажете о себе. Как попали в Акжал. С этого начнем. Как ставится вопрос о культуре? Кадры решают все – сказал т. Сталин. В Каз. в особенности.

Худож. воспит. не только посмотреть, прочитать, должен вас развивать. Хочу сагитировать литер. Нужно уметь находить.

Пьеса

С Ы Н С А Ғ А Т Т А

**Сара тартар төрт актылы,
сегіз суретті геройлық пьеса.**

**“Сын сағатта”,
бірінші редакциясы, август 1941**

Адамдары

Ербол – 25-те.

Назым (Наз) – 34-те.

Рәш – қызы, 12-де.

Сәт – ескі шахтер, шахта директоры.

Ескендір – инженер, 40-та, шашына ақ кірген.

Тәнеке – учаске бастығы.

Мәрияш } жұмыссыз қатындар.
Қадең }

Ира – медсестра.

Нұрлан Бектасов (Бек) – майор.

Потапенко – дивизия командирі, генерал-майор.

Бақтияров – военком, татар.

Малышев – лейтенант, танк бөлімінің командирі.

Шаршен – зенитчик, қырғыз.

Скиба – навалоотбойщик, белорус.

Звездов – летчик, аға лейтенант.

Рубанов – армия врачы.

Асанов – шахта парткомы.

Тұтқын жандарал. Түсте көрінетін кісі, штаб адамдары, патриоттар, қызыл әскер.

I АКТ

Бірінші сурет

Көп пәтерлі тас үйдің нобайы. Сахнаның бір жағы Назым пәтерінің бір бөлмесі. Соған жалғас асты да, үсті террасалар.

Олар көрші пәтерлердікі.

Назым бөлмесі кітапқа толы. Жұмыс кабинетінде дәрігерлік аспап, инструменттер де бар. Ашық терезенің пердесі түрүлі.

Кен, жұмсақ кушеткеде Назым, Ескендір отыр.

Кеш батып барады. Тыста соққан салқын лептен анда-санда терезенің жұқа шілтері желпінеді... Бөлмеде шам бар.

Террасалар алакөленке.

Бірінші көрініс

Е с к е н д і р. Көңілді көптен жеңген мұным еді, Наз...

Н а з ы м. Ұғамын. Ұғамын да іркілемін, Ескендір.

Е с к е н д і р. Неге? Нені күдік етесіз?

Н а з ы м. Күдік... Күдік дейсіз бе? Жоқ, ойымдағының аты ол сөз емес.

Е с к е н д і р. Енді не?

Н а з ы м. Тек... айтылмаса нетуші еді осы жәйді...

Е с к е н д і р. Наз... Назым, сіз екінің бірі емессіз. Кімге тіл қатып отырғанын ойланбады дейсіз бе? Талай түндер тоқсан толқытқан, көп бөгелген күдігімнің несін айтайын... Жан жүзінен жасырып келген, айтпай-ақ әкетейін деген өз ішімнің көп әлегін не қылайын.

Н а з. Сіз жақсы жансыз, Ескендір.

Е с к е н д і р. Рақмет!

Н а з. Бірақ бұл сөзіңіз маған тосын?

Е с к е н д і р. Шын-ақ менің осы сөзімді күтпеп пе едіңіз?

Наз. Мен көп тілектен тыйылған жанмын, күтіп нетем?!
Ескендір. Бірақ мені әкелген қай тілек, тыңдауыңыз керек емес пе?

Наз. Тыңдаймын ба, жоқ тыңдатпай-ақ қойсаңыз екен деп өтінейін бе, Ескендір?!

Ескендір. Наз, әлдекімнің арзан сөзін айтар дейсіз бе?

Наз. Ойланайын, тыңдайын ба, жоқ па?

Ескендір *(қолын алып сипап отырып)*. Ойланыңыз!.. *(Террасада Қаден бағанадан бой созып қарап тұрған... Жоғары террасаға Мәрияш шығады.)*

Қаден. Мәрияш!

Мәрияш. Қаден!

Қаден. Қолындағыдан әкелші! Бері келші!

Мәрияш *(қолында дым жоқ)*. Түс көріп тұрасын ба, әй, қатын! Ақ сөйле, байғұс.

Қаден. Е, тұр ғой өне қолында! Тықпай-ақ қойсаңшы. Әкелші, мұнда келші! *(Көзі Наздың терезесінде.)*

Мәрияш. Құтырар мына қатын... Денің сау ма, ой, өзіңнің? *(Еңкейеді.)*

Қаден *(қарсы созылып, сыбырлап)*. Құдай төбеңнен ұрсын, Мәрияш! *(Күледі.)*

Мәрияш. Ой, тіліне шок түссін.

Қаден. Түс бері, уа, бері жүр мұндар... Әне... *(Өзі тез ынтыға басады.)*

Мәрияш. О не, ой, қуатым-ау, не көрдің?

Қаден *(терезенің тұсына Мәрияшты ақырын ертіп кеп)*. Жарасуын қарашы екеуінің... Былай тұр! Осыны керек қып отырған немедей. О несі, өбісіп!

Мәрияш *(тамсанып)*. Астакем-ай, мынау екен ғой, бәсе, “бай керек қымайды, бай керек қымайды” деседі.

Қаден. Е, бай керек қымай бітеу болып кетті деп пе ең, жайнап отырған жесір қатын.

Мәрияш. Инженер қандай көрікті. Құдай қаны, осы екеуі тіпті тең-ақ.

Қаден. Шашы қандай әсем өзінің.

Мәрияш. Инженердің бе? Ұшын тек азырақ қылау шалғаны болмаса.

Қаден. Инженерді айтпайым, Назды айтам. О несі, шал бас болса да, жабығы жас дегелі тұрсын ғой, емешен құрғыр.

М ә р и я ш. Е, жас емей не деп ең, кырыққа да ілінбеген.
Не десіп отыр екен, а?!

Қ а д е н. Ел жатсын деп отырмаса. *(Күледі.)*

М ә р и я ш. Әй, байғұсым-ай, сенен ақыл сұрар ма еді...
(Бірін-бір қойғылап күліседі.)

Қ а д е н *(сыртқа қаран)*. Ой, анан қара, Ербол келді. Жүр
былай... жүр айтайық.

М ә р и я ш. Уа, қойшы, шүйінші тілейін деп пе ең?

Қ а д е н. Е, қызық көрсін, жүр!.. *(Ертіп террасаның ар
жағына кетіседі.)*

Е с к е н д і р. Бір кезде жалыны жалау атқандай. Үміті
мол, қызығы көп жастық бар еді ғой. Шын қуаныш таптық
па? Жоқ, елесіне мәз бе едік. Әйтеуір, ыстық шағын
кешірген едік, сонымен өтті, бітті дегеніме көп болған.
Қимай, қиналып қана еске алушы ем. Жалғыз-ақ, жеңіл
желік жеңбейтін боп еді. Тыныш едім... Ол қазір соның
бәрі бастан-аяқ қайта бір алай-дүлейге түсті. Бар көрдім де-
ген қызығымның бәрі болымсыз ғана боп, нәрсіз, нұрсыз
бүрісіп қалған тәрізді өңсіз күймен өткеніне анық бүгін ғана
өкінбестен көз салдым. Болжап, шолып байқаймын да, шын
қуаныш бүгін таптым деймін. Көңілімде ең алғаш, жалғыз-
ақ жол, рақат, бақыт сезем, Наз...

Н а з ы м. Сырыңыз сондай жақын, соншалық ыстық,
тереңсіз, Ескендір. Шын айтайын, қызықтыратын да сыр.
Бірақ менің өз көңілімнің бір салты бар. Мен ойсыз сезімді
кінәлаймын. Құмарлықтан жиренемін.

Е с к е н д і р. Наз, менің әкелген сырым...

Н а з ы м. Білемін, ол емес, бір-бірімізге не тілеп, не
ұсына аламыз... Несін айтайын?

Е с к е н д і р. Мен бар тілек, бар тірлігімді ұсынамын.
Ендігі өміріңе өмірімді қоспақпын. Ойлаңызшы, бізді бір-
біріне сай емес дерлік жан болар ма еді?

Біріккен өмір, еңбекпен біз жай үйдің іші емес, шын
бақытқа шарықтамас па едік, жетпес пе едік, соған жалғыз-
жалғыз жеткен қандай?

Н а з ы м. Мен өмірімнің ендігі барлық отын басқа
нәрсеге арнағам. Сірә, бұл салқын жүзді еңбек күніне
қуаныш, рақат қанатын бітірмексіз... Сіз әкелген шындық.
Мені қуантатын іс. Мен сізді өзге жаннан өзгеше, ерекше
кадірлейтінім де рас. Ендеше, несі бар? Көрер көзге бөгет

қайсы дер ең? Бірақ, Ескендір, менің басынан тартынғаным сол. Мен ендігі тірлігі өз басының еркі өзінде тұрған жан емеспін.

Е с к е н д і р. Неге олай дейсіз, бөгет кім?

Н а з ы м. Мен бірер адам алдында қарыздармен. Ол қарыздан аттап өтпек жол емес. Сырт бөгет емес, басқа тұсауым бар. Еркім өзімде, басым бос. Бірақ іштей аса алмайтын асуларым бар.

Е с к е н д і р. Наз... Дәл таныған болсам, сіз қарыздар болған жанның алдында бар тірлік, бар еңбек, бар қуатыммен мен де қарыздар болайын. Оның қамын қаны бір туысынан кем ойламаймын. Көңілім сіздің ай сәулеңіз түскен жердің қайысынан болса да, айналмаса, айнымас... жаным, Наз!

Н а з ы м. Жоқ, Ескендір... *(Бірақ өзі қызыққандай.)* Сондай жақсы, сондай жақын, сондай сүйікті Ескендір! *(Паузадан соң.)* Жоқ... жок... *(Ескендір үнсіз... Наз тағы да қимай, қиналып, қайта толқып.)* Жас күнімде есімде қалған бір өлеңнің басында: “Жай тұрған жүрегіме салдың уайым” деуші еді, ауызға қазір сол орала береді. *(Тез орамалын алып, жылағандай мұңайып қалады.)*

Ескендір құшақтап, шашын сипайды. Терезенің сыртынан шешен домбыраның әсем құлақ күйі келеді. Үйдегілер елемейді.

Шұғыл айқай ән шығады. Әннің алғашқы сөзі “Ал баки!”

Терезеге сыртын беріп, ән шырқаған біреу көрінеді. Жұмыстан жана шыққан шахтер кимінде. Бұрылады, ол Ербол.

Е р б о л *(үйдегілерге күле қарап, басын изеген күйде ән шырқайды. Беті қап-қара күйе. Тісі аппақ болып ақсиып тұр. Әні.)*

Ал баки, а дегенде әнім салты,
Ағайын, әнге бірге құлақ салшы.
Жарасқан жайлауында асылдарым,
Ініден жақсы тілек қабыл алшы.

Н а з ы м. Бұл кім осы?.. Жаным-ау, осы менің көршім бе?

Е с к е н д і р. Ербол ғой.

Е р б о л. Өзі ғой, айып менен, ағалар... Тек ақырын ұрсындаршы.

Н а з ы м (*терезеге жетіп барып*). Жок, Ербол, түк ұрыспайым.

Е с к е н д і р. Ой, өзін бір ақынсың ғой.

Е р б о л. Үндемеңіз, ойымда әбден бар. Осыдан стаханов бола алмай қалсам бар ғой, ең жаманы ақын болам.

Н а з ы м. Тағы айтшы, Ербол!..

Е р б о л. Наз, ендеше, рұқсатың болса, дәл қазір кара өзегімді қақ жарған бір мұным бар, соны айтсам ба екен, Есеке?

Е с к е н д і р. Айт!

Н а з ы м. Дәл соны айт!

Е р б о л (*домбыра безілдейді, әндетеді*). Ал бақи!.. (*Соға жөнеледі.*)

Нұр жамалың жадымда, жан-жананым,
Қол жетпейді, қиналдым, бар ма амалым.

Бу бұркырап қайнаған қызуыңнан
Айналсоқтап кете алмай, жан-жананым.

Бакида, уа, дариға, жан-жананым,
Қара өзекті қуырдың, бар ма амалым.

Аш қадірін тоқ білмес айтқанменен,
Аяр болсаң даяр бол, жан-жананым.

Н а з ы м. Жананым, жан-жананым, қандай жақсы сөз!

Е с к е н д і р. Үзілуін қарашы.

Н а з ы м. Ал, көрші, осыншалық өзегінді талдырған о кім өзі?

Е р б о л. Әттең десеңізші, әттен ғана.

Е с к е н д і р. Жөнін айтшы, тым құрмаса.

Е р б о л. Жай, ішімдегі бір күй ғой, аға. Іші бардың бәрінің күйі... Құлақ күйім.

Н а з ы м. Бәрінікі емес, өз ішіндегі болғаны жақсы ғой.

Е р б о л. Өзімдікі болғанда, қарнымдыкі.

Н а з ы м. Не дейді? Жүрегімдегі десеңші.

Е р б о л. Жо, жоға...

Е с к е н д і р. Қой қарны несі? Көңілдегі десеңші.

Е р б о л. Е, мына сығыр, құдайшылыққа, қарнымдыкі.

Н а з ы м. Ойбой, ендеше мардымады ғой?

Е р б о л. Неге, апатай-ау?

Н а з ы м. Шарықтап тұрған көңіл шабыты ма деп ем.

Е р б о л. Ә, оның рас болар. Әнімнің өзі сүйтіп шарықтап ұшқанмен, шатқаяқтап қона салады. Құданын құдіреті.

Н а з ы м. Қой, қарын ашырады екен мынауын.

Е р б о л. Қарын ашырады дедіңіз бе? Міні-міні, дәл таптыңыз.

Е с к е н д і р. Уа, не деп тұрсың өзің? (*Алыстан дауыстаған әйел: “Ербол, ет пісті” – дейді. Қаден жүгіре шығып: “Ербол, ет пісті” – дейді.*)

Е р б о л “Пісті!”. Уай, лебіңнен айналайын, ағалар, айыпқа бұйырмандар, әннің тілеуі келді... айыпқа бұйыр...

Н а з ы м (*күліп.*) Бұйырмаймыз, бірақ қайтып кел.

Ербол жөнеледі. Назым мен Ескендір күледі. Сәт пен Тәнеке кіреді. Тәнеке басын азырақ танып алған, жүдеу. Сәттермен сыйып амандасып, жайласып отырған соң күледі.

Жаным-ау, әлгі не деп кетті? Қалай қызық өзі. (*Күледі.*)

Е с к е н д і р. Ғажап. (*Күліп.*) Тұрған бойы жұмбақ...

С ә т. О кім?

Н а з ы м. Әлгі менің көршім, Ербол.

С ә т. А, Ербол ма? О нетіп жүр?

Е с к е н д і р. Осында терезеден кеп, әдемі ән салды.

Т ә н е к е. Япыр-ау, ән салатын қауқары әлі бар екен-ау.

Е с к е н д і р. Әні қандай, үзіліп тұрып жан-жананым, жан-жананым деп, өзегі талғандай зарлайды. Бұл біреуге ынтық екен. Сонысын айтып тұр екен деп ек... сөйтсек жанағы үздігіп, талып, өлердей ынтық боп тұрғаны осы боп шықты ма дедім. Ет пісті деген хабар кеп еді, ғашығына қарай аласұрғандай зыта жөнелді. Бұнысы қалай?

С ә т (*күліп.*) Ойбай, оның жөні бар...

Т ә н е к е. Ой, азаматты қойсаңшы, тілеуің бергір ғой.

Н а з ы м. О не етіп еді?

С ә т. Бүгін сол қайтып келе жатқанда, ол ер қайратымен келе жатқан жоқ па? Бұрын Қарағанды көрмеген қарқын жасап шықты. Екі сменді бір-ақ созып, 16 сағат тұтас істеп шыққан жоқ па шахтыдан.

Т ә н е к е. Және екі сменнің екеуінде де 350 проценттен аса нормы беріп шықты.

Н а з ы м. Жігіт смен арасында ас ішпеп пе еді?

С ә т. Асқа қараған жоқ. Жалғыз кило нан жеді де, үйге

сәлем айтындар, үш кило ет асып қойсын деп, екі сменді үзбей тартқан.

Н а з ы м. Е, бәсе... *(Күліп.)* Қарным дегенде тіпті қаймықпайды. Ынтық етер жөні бар екен-ау.

С ә т *(Ескендірге бір пакет береді.)* Ескендір, мына бір қағаз саған. Осыны бір шолып өтші. *(Ескендір алып оқиды.)* Сонан соң, жолдас мына Тәнеке мені әдейі ертіп келді саған. *(Пауза.)* Айтатын сөзім бар, бірге жүр деп еді.

Н а з ы м. Иә!

Пауза.

С ә т. Ал, қарт, отырамысың өстіп, ендігінді өзін айтпаймысың, тегі.

Т ә н е к е. Е, айта... айта берсеңші.

С ә т. Е, тәңір, тартыншақ түйедей жетектей бермесем сені... Айт өзін!

Н а з ы м *(күледі)*. О не, жаным-ау!

Т ә н е к е. Қарағым, қарындасым, бұны бұлданып қайтем, өзім айтам. Жасым елуге келді менің, тегі, біздерге бір тірлік еді, осы күнге шейін естіген мен білгенім. Ал менің басым...

С ә т. Қысқа қайыр.

Т ә н е к е. Тек отыр енді.

С ә т. Түү, сонау туғаныңнан бастайсың. Өзің босаң табаны күректтей тап елуге кепсің, сенің бар хикаяңды тындап болғанша түн жарымы өтеді ғой.

Т ә н е к е. Өтсе, өте берсін. Қарағым, Наз, әке мен шеше берген бір өмір бар еді. Жасым елуге жеткенде мен сонан айрылып қап едім-ау! Өлмеді деген кім бар еді мені: сол бір марғау кеткен жерден қайырып әкеп, қайта тірлік берген кім? Сенсің ғой, айналайын. Сенің асыл білімің, епті қолың ғой, шахтының бір кәрі шалын аман алып қалайын деп, тура қауышқан адал жүрегің ғой, алғыс-алғыс деседі ғой. Білемін, сенің менен дәметерің жоқ, менің берерім де жоқ. Естимін! Ұғамын. Атаң-анаң көптен жоқ екен... Енді ең әуелі жан аямас ағаң-дамын... атаң-дамын. Жаман ағаңның бар тапқан ақылы сол. Анау ақылды маңдайыңды бері тақашы. *(Өзі қозғалады. Наз ұялып қарсы басады.)* Қалған өмірдегі қарыздарым өзіңсің. *(Маңдайынан сүйіп.)* Айналдым... асыл айнама. Қадірлі қызым. *(Тағы сүйеді.)*

С ә т. Қап, мынаның қиялап кеп тапқанын-ай, тағы да бұлай бітер болғанда, өзім-ақ айтар едім-ау жаңа. Ескендірге бұрылып. *(Күлкі.)* Жә, сен жаңағы қағазды, сол сүйтіп, жым-жырт окисын да, жым-жылас жауып қоясың ғой, тегі.

Е с к е н д і р. Енді қайтеміз?

С ә т. Қой, шырақ!

Н а з ы м. О не қағаз еді?

С ә т. Сырт сын білмеймін, бірақ ішінде наркомның атынан арналған бес мың сом сыйы бар еді, осы кісінің өзіне.

Н а з ы м. О, қайырлы болсын! Ескендір, бірақ мына кісі өзі не деген қызық, Сәт аға. Өстемекен, жаным-ау!?

С ә т. Тіпті шіміріксе десеңші, оқышы өзің. Наз, бұны қой, өзің оқышы.

Н а з ы м. Кәні, бері ап келіңіз. *(Алып оқиды.)* Қарағандының 18 шахтасында (...) * құрылысына аса бағалы жаңалық кіргізіп, тапқырлық еткені шын, әрі инженер-механик, әрі геолог-инженер. Осы құп! Ескендірге айрықша бес мың сом сый берілсін. (...) Осы табысы рационализация есебінде, (...) механикалы шахтыларына тегіс тез қолданылсын. Қымбатты еңбек еткен инженер-самоход айрықша сыйлыққа ұсынылсын. Союздық көмір өнерінің комиссары... *(Қуанып кетіп.)*

Ескендір, родной! *(Ескендірдің шашын уқалап, басынан құшақтап, бетін сипайды.)* Ой, келіңіздер, той етеміз бұны. *(Шафқа ұмтылады, үстелге жемістер, тарелкалар қояды. Ішкілік шығарады. Жайнап жылдам қозғалады. Сәт, Ескендір көмектесіп жүреді.)*

С ә т. Е, бәсе, бірақ мына Ескендірдің өзі ме? Батыр-ау, бұл осындай мызғымас екен-ау, әлі.

Т ә н е к е. Ой, қарағым, соның асыл да, желікпеген ер де.

Е с к е н д і р. Енді қайтер? *(Ұялғандай күле береді. Ербол кіреді. Жақсы киініп, жұтынып алған, тап-таза.)*

Е р б о л. Уа, қуаныш қайырлы болсын! *(Үйдегінің бәрі қуана қарсы алады.)* Осының исін мұрным бағана бір шалып еді.

Бәрі де Ескендірмен соғысып, көтерісіп жібереді.

* Бұл жердегі сөз оқылмады. — Е.Қ.

Назым. Оның рас болса, ән салып жібер, жан-жананым, жан-жананым.

Сәт. Құттықтау айт, мынау Ескендірге.

Назым. Шабытың бітіп қалған ба, батыр-ау, бағана?

Ербол. Бәсе, шабытым қайтып қапты.

Тәнеке. Айт, сілте барыңды. Өзінді өзім құттықтаймын, ерім, сілте!

Ербол (*түрегелін*). Ал баки! (*Әні шықпайды.*) Бәлі, қайда кетіп қалған? Ал баки! Масқара-ау, бұл қайда жүр? (*Күлкі.*) Қап, қара жарыс болмаса, той дегенде бір тойпаным болушы еді.

Ескендір. Жарайсын, еттің астында қалды десеңші.

Ербол. Ойбай, дәл тапты, астында қапты.

Бакида, уа, дариға жан-жананым,

Қызығына қуанам жақсы ағаның.

Тойға той ұласатын шағың қайда?

Мені қашан табасың, жан-жананым!

Қуаныш, күлкі, алғыс, ішіседі. Ира жүгіріп кіреді. Қуанышты.

“Кел, кел, Ира!” – деседі. Ира келеді.

Ербол (*Ираға күлін*).

Жас тілегі жолына, жан-жананым,

Жаудыр көз, жалындырды қалқа жаным,

А дегенде сен келдің аласұрып,

Өзің болшы өзге емес, жан-жананым.

Күлкі. Ира түрегеледі.

Ира. Жолдастар, достар, мен үлкен қуаныш әкелдім топтарыңа. Әсіресе, тамаша Наз... қымбат Наз, саған, саған әкелдім.

Ескендір. О не? Айт, айт жылдам, Ира!

Сәт. Ирошка!

Ира. Ол міне. (*Қағаз ашады.*) Оқы... Оқындар!

Ескендір (*алып оқып*). Мәскеудегі Дәрігерлік ғылымдардың Жоғарғы кеңесінен жазылыпты. Назым Бердиева жолдастың Қарағанды шахтері Тәнеке Смайыловты емдету, өзгеше ірі тәжірбиесі туралы, тас түсіп, бас сүйегі

ойылып, миына зақым келген ауруды... Миға бірінші рет ірі батыл операция жасап, жазған еңбегін Жоғарғы кеңес дәрігерлік жүзінде ерекше ғылымдық табыс деп санайды. Жолдас Бердиеванның ғылыми кандидат болуға талап етіп жіберген еңбегі мен мынау дәрігерлік тәжірибесін еске алып, Жоғарғы совет оған сырттан-ақ ғылыми кандидат атағын береді және академик Бурденконың ұсынысы бойынша, Бердиева жолдасты бұдан былай военно-полевая медицинаның докторлығына әзірлеуге Жоғарғы кеңес барлық жағдай жасауға қаулы етті. Және бұдан әрі жолдас Бердиева военно-медицинский институттың айрықша тізіміне тіркелсін... Тағы, тағы сондайлар. Қол қойған военно-полевая хирургия кабинетінің профессоры, армияның бірінші ранг врачы Рубанов! *(Жұрт шат, тегіс Наздың қолын алып жатады. Сүйіседі.)*

Қандай тамаша! Ал енді, Наз, біреудің басына келген біреуге де келеді. Сәт те келгені мұндай жақсы болар ма? Жаңа сіз жақсы бастап едіңіз. Бірақ, құдай ақы, аяқтауын баяу аяқтадыңыз, танбаңыз! Солғын тынып еді. Мен болсам, қуанышымды өйтіп сылап-сипаумен тарқата алмаймын. *(Күлкі.)* Тура шаттанам да, шарт сүйемін. *(Қушақтай алып сүйеді. Наз тартына қысылады.)*

И р а. Тек онша ұялтпай-ақ сүй... *(Күледі.)*

Е р б о л. Е, бәсе, шарт сүйсең де, шақ сүй дейтін жан бар ма! Қап, туу, тағатым қалсашы-ау!.. *(Жыбырлап, айнала беріп, Ираны сүйіп алады.)*

И р а. Ербол, менің жазығым не?

Е р б о л. Е, айналайын-ау, енді сиыр су ішкенде, бұзау мұз жаламасын ба? *(Күлкі.)*

Н а з ы м. Рақмет, достар! Ол сөзімен тұрсын да, енді басқа жәйға көшейік, Сәт аға!

Т ә н е к е. Бәсе, Назға!.. Назымға бермеген атақ-абыройды ит жесін демес пе ем!

Н а з ы м. Ну, енді қояйық, Тәнеке (...)

Е с к е н д і р. Ә, енді өзіңіз қысыла бастадыңыз ба?

Н а з ы м. Жок, Ескендір... Ол жағы жетеді. Мен Ербол үшін, Ерболдың бүгінгі ерлігі үшін ішемін.

Т ә н е к е *(Сәтке)*. Әй, Сәт, бұл қалай осы? Анау абырой алғанда, осы шелтиіп, асып-тасып, әбігер боп қалушымек. Мына екеуі құр ұялып, үндемеуге тырысады, бұлары несі?

С ә т. Ой, достар, айтты-айтпады, сендер тіпті шын қайран қалдырасыңдар ғой.

Е р б о л. Атамаңыз, өзіміз болдық па? Жанағы жерде жалғыз Ескендір емес, осы отырған жұртты жағалай, кем қойса, үш-үштен сүйіп шығар. Құдай ақы, Наз апа! (*Күлкі, шу.*)

С ә т. Қайран қаламыз дей ме, ә?! Бірақ ойлана келсе, осыларың өзі ақыл. Екеуің бірің үшін бірің қуандың. Өз бағана өздерің мақтанбай, мазатсымай, сабырлы болдың. Қайта қысылып ұялған сияқты. Осы өзіміздің асыл Абайдың аса бір жақсы сөзі бар деген еді. “Дүниеде мақтан кернеген өзіміздіктен без”. Жақында өзіміздегі тәуір атағы бар ер адамдарды көріп ем. Аты баспаға шығып жүрген, ел білетін жандар. Соларды байқасам, олай салса да өзім, тағы бірді айтсаң, тағы өзім. Әйтеуір, бір салада содан өңге жан жоқ. Осы мақтан мен менмендікке лық толы. Тырсылдап тұр. Дәл бір шымшып тіккендей жарылатынын бақтым да, ойға қалдым. Мынау жанның көзі онан басқа дүниені көруден қалған екен-ау, пақыр! Күні-түні терлегені де, ынтығы да өзі ғана, нені көрсін? Бірақ бара-бара бұл көз бұдан ары да біте береді-ау! Онда осы сорлы да, өзін көрер де құр қалмайды-ау! Қайда барады? Пұшайман екен. Бір кезде саңлақ болса, енді бітті, ештеңкені аңдау да қалмайды-ау дедім. Міні, достар, мақтан, менмен, масаю, айта берсең, өзі тіпті сүйегі ағармаған надандықтың тумасы ма деп ойладым. Міні, қызық тойға қуаныш айтудың орнына, бір қызық емес, қызжал кенесім айтып кеткен. Осы, мына отырған сен екеуің, онан соң, міні, мына Ербол, ерекше Ербол. Үшеуіңнен де аса бір қуаныш алып, ризалық көрген жайым со болды. Үшеуің де жақсы жаса! Бақытты бол! Ел-жұртыңның бағына жаса!.. (*Үшеуін де сүйеді, ризалық үндер.*) Ал соңғы рет көтермейік! (*Көтеріседі. Гудок.*) О, смен бітті! Қозғалу керек.

Д а у ы с т а р. Рас, рас! (*Бәрі қозғалады. Сәт, Тәнеке, Ербол қоштасып шыға береді.*)

Е с к е н д і р (*соларға*). Қарыз, менде қарыз жетер. (*Ира, Наз үшеуі қалған.*)

И р а. Ал, Наз, мен де қайтам.

Н а з ы м. Жо, сен қайтпа, отыр!

И р а. Қайтамын, бірақ алып келген жақсы хабарым үшін түк бермеймін деп тұрмысың өзің? Осы мен соған қайранмын?

Н а з ы м. Оңашада айтармын деп ем... Бірақ ал, Ирош-ка, не тілесен де ал!

И р а. Рас па?

Н а з ы м. Әрине!

И р а. Ендеше, мына хабарға қарағанда, сен орын ауысарсың. Сонда қайда барсаң да, мені өзіннен қалдырмай, баржы қып бірге ала жүр деп сұрамақпын, не дейсің?

Н а з ы м (*құшақтап*). Ира, ол сұрағаның аз, бұл сен сұрайтын нәрсе емес. Менің өзім сұрайтын іс емес пе?

И р а. Не дейсің, Наз?

Н а з ы м. Енді қалай деп ең? Сенсіз мен қайда барушы ем.

И р а. Ендеше болды. (*Сүйіседі.*) Болды, өзгенің бәрі сөз емес.

Н а з ы м. Құп! (*Ира қоштасып кетеді. Наз құшақтап барып шығарып салады.*)

Е с к е н д і р. Наз, міні, осы емес пе, менің онаша, өзіммен-өзім ғана боп құпия қиял ететінім.

Н а з ы м. Ескендір, өзім де қуаныштымын.

Е с к е н д і р. Рас па? Наз, шын ба? Ендеше, бақыт, шаттық баршасы жайнап, жарқырап бір-ақ тасып жетті ғой... Назым, Назымтай! (*Жақындай береді.*)

Н а з ы м. Ескендір, жалғыз-ақ олай деменіз, деменізші?

Е с к е н д і р. Неліктен? Тағы не?

Н а з ы м. Асықпаңызшы... асықтырмаңызшы...

Е с к е н д і р. Асықпасқа тағатым жоқ. Қиялым өмір боп, шат шындық боп, өзің боп келмеді ме оң қарап?

Н а з ы м. Шындық емес, қиял десеңізші. Қиял жүзі жарқын да, шындық жүзі сынық қой әлі... Қиял, менің де қиялым сондай ракат күйдей. Бірақ шыным.... байлауым әлі алыс, әлі қиын, әлі қатты, қысып ұстап, босатпай тұр ғой. (*Үнсіз. Тыста Мәрияш, Қаден.*)

Қ а д е н. Ой, онаша қалыпты екі пақыр... (*Күлкі.*) Шерменделер...

М ә р и я ш. Түстері де шын шерменде сияқты. Ой, анау келеді, Рәш келеді... Қап!

Сахнаға Рәш жүгіріп шығады. Терраса жанынан доппен ойнап, өз үйлеріне қарай жүгіріп өтіп бара жатады.

Қ а д е н (*лып етіп*). Әй, Рәш, тоқташы қалқам!..

Р ә ш. Иә, немене? *(Қалт тоқтап, әдеппен бұрылады.)*
Қ а д е н. Қалқам Рәш... Үйге асығамысың? Маманды сағынғансың ғой, а?

Р ә ш *(күлкі)*. Оны неге сұрадыңыз?

Қ а д е н. Жоға дейім. Мамасын кісі көп көрмесе сағынады ғой.

Р ә ш. Сіз мен туралы ғана емес, өзіңіз туралы да айтады екенсіз ғой. Қандай қызық. *(Күледі.)* Өзіңіз де мамасыз, ал маманызды және ұмытпағаныңыз. *(Күледі.)*

Қ а д е н. Бәлі, маманы айтасың түге, кісі папаны қандай керек етеді...

Р ә ш. Папаны ма? *(Ойланып қалады.)*

Қ а д е н. Түу, папа мамадан қымбат қой, айтпақшы, осы сенің папаң бар ма? Тірі ме, Рәш?

Р ә ш *(салқындап...)* Әкем туралы мен сізге ешбір жауап айта алмаймын. *(Тез.)* Айтпаймын да...

Қ а д е н. Ойбой, кісіге бәрінен керегі папа ғой, керек қой саған да, ішің біледі ғой, айтпағаның болмаса, папаң болғанын жақсы көресің ғой... *(Күледі.)* Солай емес пе, Рәш?

Р ә ш *(ыза боп, өзгеріп қап)*. Фу, жеңге, сіз қандай едіңіз?

Қ а д е н *(күліп, Мәрияшты тұртін)*. Е, қандай екем?

М ә р и я ш. Қой, көңіліне дақ салма, уа, қойшы, сен де тіпті?

Р ә ш. Ендеше, мен сізден әке сұрағам жоқ. Тіліңізге ие болыңыз, үлкен кісісіз, сөйлесеніз, ойлап сөйлесіңіз. *(Үйіне жөнеле береді, тіпті солғын, жүдеу.)*

Е с к е н д і р. Әлде, әзірше артық болар айтарым.

Н а з ы м. Тек ренжімеңіз, Ескендір.

Е с к е н д і р. Олай болса, онаша қалдырайын өзіңізбен өзіңізді.

Н а з ы м. Сүйт, сүйтіңізші, Ескендір!

Рәш жүгіріп кіреді. “Мама! Мама!” – деп, шешесін көре салып, алғашқыдай қуана басады. Ескендір Назбен қоштасып, жолшыбай “Рәш, милая Рәш!” деп қолынан сілкіп амандасып, шашынан сипайды да, қайта қоштасып жүріп кетеді. Рәш жүгіріп келіп, Наздың мойнынан құшақтайды. Екеуі күліп, шат боп табысады. Назым біртүрлі жалынмен қуана құшақтаған сияқты.

Р ә ш. Мама, мамушка, мен бәрін есіттім.

Н а з ы м. Нені, Рәш? *(Қысылып қалғандай.)*

Р ә ш. Нені? Әрине, сенің Мәскеуден алған хатынды. Қуанғаныңды естідім.

Н а з ы м. Кімнен естідің?

Р ә ш. Ира айтты. Мен сені құттықтауға асықтым. Міні... міні енді! (*Мойнынан құшақтап, сүйін.*) Поздравляю, поздравляю, мамушка! Енді сен профессор боламысың?

Н а з ы м. Қой, Рәш... жок, бос айтады Ира.

Р ә ш. О, жок, жасырма (*Күледі.*) Профессор мама! (*Күледі.*)

Н а з ы м. Неге күлесің?

Р ә ш. Әрине (*кулкімен*), профессорды қасқа бас, немесе шашы ағарған, сакалы мынандай үлкен-үлкен, өзі тіпті сұлу емес, өзі кәрі шал деп білетұғым. Сөйтсем, мамандай шашы қап-қара, өзі мама, өзінің шашы және бұйраланған, сондай жас, сондай сұлу...

Н а з ы м. Жә, қой енді оны.

Р ә ш. Иә, рас! (*Басқа бір ойға түскендей өзгеріңкіреп, салқын.*) Мама, айтпақшы, тағы бір нәрсе сұрайын ба?

Н а з ы м. О не?

Р ә ш. Осы жаңағы кеткен дядя... Ескендір жақсы кісі ғой, ә?

Н а з ы м. Рас, жақсы кісі.

Р ә ш. А, ол сенің жолдасың ба?

Н а з ы м (*тоқтан*). Ну... жолдас!..

Р ә ш. Қандай жолдасың?

Н а з ы м. Қандай?.. Өзің жолдас дегенді қалай түсінесің?

Р ә ш. Қай жолдасты?

Н а з ы м. Ал, мысалы, мектептегі жолдасты айтайық.

Р ә ш. Ол біртүрлі жолдас, үлкендердің жолдасы басқа ғой.

Н а з ы м. Иә, оның рас, басқа да, әртүрлі болады.

Р ә ш. Мәселен, күйеуі мен әйелі... мама... о да жолдас емес пе?

Н а з ы м. Рәш! (*Күліп.*) Қалай ойлайсың, қызым! Осы сен өсти-өсти мылжың боп кетпес пе екенсің осы!

Екеуі де күледі, бірақ Рәш қайта салқын тартады.

Р ә ш. Мама, сен менімен мазақ етпей, шын сөйлесер деп ем.

Н а з ы м. Солай ма? Ал сөйлесейін.

Р ә ш. Ендеше, күйеуі мен әйелі жолдас па дейім?

Н а з ы м. Олар жолдас болуға тиіс, жақсы жолдас болу керек.

Р ә ш. Ал, олай болса, Ескендір саған қандай жолдас?

Н а з ы м. Сенің білгің келе ме, Рәшім?

Р ә ш. Иә.

Н а з ы м (*келіп құшақтап, кушеткаға әкеп, алдына алып, сүйіп отырып*). Жаным Рәш, Рәшім менің... Сен биыл 12-ге шығасың. Дәл сендей күнімде менің анам да жалғыз еді. Екеуміз ғана едік. Бірақ ол менімен көп сөйлеспеші еді.

Р ә ш. Сенің мамаң әділ болмаған екен.

Н а з ы м. Сен екеуміз көп сырласамыз... солай емес пе? Өйткені бір үйдің ішінде екеу-ақпыз ғой. Сен сұрадың, мен сенен жасырмайтын, жасыруға болмайтын жәй бар. Жалғыз-ақ, сен ренжімей тыңдап шық. Және ойыңа келгенді түгелімен тұп-тура айтып шық маған, жарай ма?

Р ә ш. Иә, жарайды.

Н а з ы м. Сен менен дядя Ескендір жайын сұрадың. Мен саған айтпасам, жасырсам, жарамайды. Біздің арамызда әзір сен сұрағандай жолдастық жоқ. Бірақ ол мені жақсы көреді. Оның маған күйеу болғысы келеді.

Р ә ш. Ал сен ше? Мама, сен... сенің тигің келе ме?

Н а з ы м. Мен сенің кішкентай күнінде сені аяп, ешкімге тигем жоқ. Бірақ мен әлі де кәрі емеспін... Мен сол дядяға тиім десем, сен не дер ең? Жалғыз-ақ шыныңды айт.

Р ә ш. Мама, менің сенімен болғанда еш уақытта ішім пыспайды. Әлде сенің менімен ішің пыса ма?

Н а з ы м. Ол ғана емес, Рәш... Мен де, өзге күйеуі бар жандардай, достық, жолдастық тілесем қайтеді?.. Не дейсің?

Р ә ш (*өзгеріп, Наздың алдынан босанып түрегелін*). Мама, мен бұған қарсымын. Менің рұқсатым жоқ. Ол саған жақын болса да, маған бөтен... бөтен... Мама, жаным... тастама мені! (*Жылап жібереді.*)

Н а з ы м. Жаным, Рәш, тек жылама!

Р ә ш. Мен қорқамын... Мен жетім болам... Жетімдіктен қорқамын. Өзгеден қорықпасам да, жетімдіктен қорқамын, Мамушка! (*Жылайды.*)

Н а з ы м (*құшақтап алып, бауырына қысып, сүйіп-сүйіп*). Жаным, жаным, ендеше тоқта, жылама. Тыныш бол...

Сен жетім болмайсың. Бітті, болды... Сенің жазығың жоқ, ренжімеуің керек.

Р ә ш. Мама, маматай, рас па?

Н а з ы м. Рас, жаным, тек сен жылама... Мен сенің бұндай көз жасыңа шыдамаймын.

Р ә ш. Жаным, мамам! Рақмет, ал бірақ неге қайғырдың? Мама, неге? Бұ не? Мама, жылайсың ғой.

Н а з ы м. Жоқ, жоқ... жәй әншейін... Тек сенен бір нәрсе сұрайын, бұл сөзді бұдан былай сөйлемейік.

Р ә ш. Әлде, мама, мен сені ренжіттім бе? Теріс істедім бе? Бірақ мен шынымды айттым ғой...

Н а з ы м. Жаным, қой... тоқтат, керексіз сөзді... Маман өмір бойы сенің қасыңда болады.

Р ә ш. Мама, ендеше, тағы бір соңғы ғана сұрауым бар...

Н а з ы м. Айт... айт, Рәшім... алтыным!

Р ә ш. Мама, менің папам, өз папам қайда осы? Өлген бе, бар ма?

Н а з ы м. Папаң өлген жоқ, бар...

Р ә ш. Оны маған неге айтпадың сен?

Н а з ы м. Мен сені аяп айтпаушы ем? Бірақ айтпак едім осы жылдар. Сен үлкейдін ғой, ақылды болдың ғой, енді айтамын.

Р ә ш. Өлмесе, бізді неге тастап кеткен?

Н а з ы м. Ол тастаған жоқ, екеуіміз ықтиярымызбен айрылғамыз.

Р ә ш. Неге айрылдындар?.. Кім кінәлі еді?

Н а з ы м. Кінә болғанда ешкімде де жаман ауыр кінә жоқ еді. Ұрыстық та, айрылып кеттік. Ол да, мен де қыңырлық еттік. Болмаса, ақылды болсақ, үлкенірек болсақ, айрылатын нәрсе жоқ еді.

Р ә ш. Ол қазір қайда? Менің барымды біле ме?

Н а з ы м. Сенің барыңды біледі... Сені жақсы да көретін. Бірақ қазір қайда екенін білмеймін, бірнеше жыл болды хабарсыз кеттік.

Р ә ш. Неге? Ол мен үшін алимент төлемей ме? Онысы несі?

Н а з ы м. Төлеуші еді. Соңғы жылдар мен қызметке шыққан соң: “Жібермей-ақ қой, тапқаным Рәш екеуімізге жетеді” деп өзім арашы еттім.

Р ә ш. Мама, папам, менің папам... жақсы адам ба еді?

Н а з ы м. Жақсы адам еді, Рәшім.

Р ә ш. Ендеше, саған шынымды айтайын, маматай... Мен әкемнің түрін ұмытып қалсам да, сағынамын оны... Бар баланың әкесі бар, өз әкесі бар... Әкем керек. Ол керек маған. Мен сондай жақсы көремін. Іздеймін оны. Мамушка, өтінемін, жалынамын... Қайырып бер менің өз әкемді! *(Жылап жіберіп, тізесіне тұра қалып, екі қолын төсіне қояды, көзінен жас тамшылап тұр.)*

Н а з ы м. Жаным... жаным... Рәшім менің. Мен сені кинаған екем... Өзімнің орынсыз оңаша, өзімшіл тілегіммен кинаған екем сені, кешір мені...

Р ә ш. Әкем, туған әкем қайда?

Н а з ы м. Бұл сөзінді, бұл түрінді ұмытпаспын. Іздермін әкеңді. Қарыз тұттым, жаным, тұңғыш тілегінді. *(Қатты қысып сүйеді.)*

Ш ы м ы л д ы қ

ЕКІНШІ АКТ

Екінші сурет

Бір жақта Назым үйі. Алысырақта шахтаның аузы. Орта тұсы кендеу алан. Шахтерлердің үлкен тобы сменге барғалы әзірленіп жатыр. Араларында әйелдер де бар. Жиын ортасында Сәт те киініп жатыр. Етік киіп, (...) шәпке киіп жүріп, сөйлеп жүр.

С ә т. Үнсіз түйілген қабақ, түтіккен жүздерің өзі де жүйрік тілден жетігірек қаныңды кернеген қайратты айтады. Ызалы, ашулы қайратты айтады. Білесің, ұғасың тегіс, дәл бүгінгі күнде, дәл осы сағатта сен, сан миллион еліңмен бір кеудемен тыныс алып тұрсың. Тындап шықтың, жаңағы әні әлі құлағыңда тұр. Достарым менің деді. Еркек, әйел, кәрі-жас, орыс-қазақ бәріңсің — ол айтқаны, Қарағанды шахтері сенсің — ол атағаны. Өздеріңнің атыңнан барып, кездескенім көз алдымда. Өзгенің көбі Қарағандыдан келдім десең, не дейді? Табыс қалай? Өнім қайсы? — деп келеді. Ол адамның ең алғашқы сұрағаны тіпті бұл емес...

Сұрағаны: жұмысшының күйі қалай, көңілі қалай еді? Достарым деп бастағанда, досы шын сен болатынсың, сенің де ұлы жанды үлкен досың сол өзі. Жалынды үні жәй жауап емес, жан жауабын тілейді. Бар жүректе бір тасқын, бар кеудеде бір-ақ үн. Барлығымызда бір-ақ ұран екені рас, ендеше, ендігі серт пен сын да біреу-ақ. Барынды бірге сай, ол бірің ісі – еңбек ісі, іс жауабы. Міні, сондай жауаптың бірін қазір осы өз ортаңнан шыққан бір азаматтың алдына тартады. Ол өзіміздің осы қауым өсірген өктем жас – Ербол. Қазір оның сменесі кезегін аяқтап, шахтыдан шығып келеді. Шығып келе жатқан бригадасының ізімен азаматтық зор жарастық айғағы бірге ілесіп келеді. Бүгін ертемен радионың ең алғашқы хабарын ести сала кетіп еді. Содан бері шахты ішінен диспетчерлер сағат сайын (...) тұр. Жеті сағат өткенде бригадасы, биыл, жыл бойы, ешбір бригада беріп көрмеген әр табысының белінен асыпты. Өз басы сол кезде төрт жүз проценттен өтіп еді. Қазір қаншаға жетіп шықты білем. Анау солар, Ерболдар емес пе? *(Шахтыдан бір топ адам шығып келе жатады. Күрек-қайлалары бар. Ортада Ескендір мен Ербол. Тәнеке күліп келе жатады. Қолдарында лампалары бар. Бұндағы жиын қуанып қарсы алады.)*

Д а у ы с т а р. Әне шықты өзі де!

– Кел, кел енді!

– Айт тез, өніміңді айт!

– Ербол, Ербол, білдір бізге!

– Инженер айтсын! Ескендір айтсын!

Е с к е н д і р. Кесек істің тілі де келте. Сырының өзін айтсаң, барлық тілден сол шешен. Қарағанды шахтерлерінің жауға берер жауабының әзірлігі, алды осы. Барлық учаске бастықтары, бригада бастықтары және өңшең ірікті станхановшылар, осындасың. Тек қана бірнеше қадау-қадау кездерді естеріне салайын. Былтырғы жолы бар Қарағанды шахталарына осы Ербол бір бәйгелі бір цифр көрсетіп еді. Ол күні 50 тонна берген-ді. Оның өзін ерен қимыл деп едік. Күздігүні соны кеп, Пенкин басып озды. 57 тонна беріп еді. Бәріңнің де есінде, биыл көктемде басына тас түсіп, жардар болатын күні ең үлкен рекорд нормыны карт шахтер Тәнеке беріп еді. Оныкі 67 тонна болатын. Ал Ербол осы он күн ішінде екі түрлі үлгі көрсетті. Жақында ғана арасына жік салмай, демалмай, екі сменді бір-ақ тартып шығып

еді. Ол қимылын ертегідей көрісіп ек, бүгін, міні, баска бір кияға қыранша екпіндеп шығып тұр. Білдіңіздер ме? Қазір Ербол бригадасы тұтасын алғанда 400 процент берді. (*Жұрт сүйсінеді.*) Ал Ербол өзі бес жүз отыз процентін толтырып, 80 тонна беріп кеп тұр. Бұл табыс соңғы жылдардың ең үлкен цифры. Навалоотбойщиктердің қайсысын алсаң да, бұндай көмірден дәл осындай өнім беріп көрген жоқ. Ербол табысы жалғыз Қарағанды емес, барлық Донбасс, Кузбасс сияқты үлкен өнімдердің барлығы үшін ең алдағы, ең зор рекорд. Навалоотбойщик Ербол Союзде бірдің өзі боп шыққанын қазір радио, қазір біздің Нарком барлық Одаққа паш етеді. Білдірмегім осы-ақ. Бүгінгі біздің елдің, еңбек елінің ашуы үнемі осындай серпінмен бет қойса, қарсымызға шыдап қалар қара күштер жоқ. Осы табысына қалай жеткенін Ербол өзі айтып берсін сендерге.

Д а у ы с т а р. Ербол, Ербол!

— Ал баки, айтып бер!

— Айт, өзің айт!

— Азамат! Ербол! Айт кәні, айт!

Е р б о л. Ал тоқтай қал, айтайын! Қалай жететінді айтайын. Достар, менің де осы тұрған өзге бәріндікі сияқты адал, момын әке-шешем болған еді. Өмірлерінде көп-көп тілек тілеп, азғантай мұратқа жетпей, күңіреніп өткен көп шерменденің бірі еді. Сол бейшара, жазықсыз ата-ана тұңғыш ұлының атын Бибол қойыпты, екіншісін Байбол депті, кенжесі мен екем — Ербол депті. Тұңғышы Бибол, “би бол” десе де, би түгіл, керек десе, бір күн бүйірі тояр күй көрмей, құл болып өліпті. Байбол, Байбол деген екінші баласы да бай бола алмай, бай қойының шетінде 25 жасында, ақпанның ақ түтек боранында, ел-жұрттан адасып, ығып кетіп, осы бүгін Қарағанды тұрған жерде тоғыз күнде, елсіз ит жонда үсіп өліпті. Ал үшіншісі, бар қалғаны, ендігі тірісі мен, Ербол! “Ербол” деп соншалық жазықсыз тілекті өле-өлгенше өзгеше тілеп өтіпті. Жә, осы, бір емес, екі емес, осы бірде-бір тілегі келмейтін сол менің әке-шешемнің жазығы не? Ата-ана Ербол деген тілекпен (...) комсомолы мені ер болғанда былай деп тәрбиелеген жоқ па? Қалың қауымым! Қадірмен халқым! Қарағанды бесігім!.. Менің енді бүйтіп жүре беруім жол емес, уа, бірдеме болуға керек.

Т ә н е к е. Бірдеме дейтінің не, ер боп тұрған жоқсың ба?

Е р б о л. Жок, ол емес, мен үмітті өрге айдадым. Ұлы достың бүгінгі өзгеше үнін естіген соң мен бұл жерде қалмаймын. Міні, достар, мен өзімнің әскери бөлімімнен, зеңбірек полкінен телеграмм алдым жаңа. Мені майдан шақырады!.. Соған аттанам, ақтасам шындап сонда ақтаймын сенімді. Ал және бір серт айтайын... Жау танкісі, әзірейіл бір зеңбірек бар. Мен соның әп-әдемі мергені, атқышы болатұғым, тура әрбір нысанам фашистің бір-бір танкісі болсын, міні, жортқанда жолың болсын дейтін тілек, талабым осы болсын...

Д а у ы с т а р. Уа, жолың болсын! Бақытты бол, ер болып қайт!

– Азамат, асыл азамат!

Е р б о л. Ал, мынау менің бүгінгі рекордым, бар ғой, мен қайтқанша тапжылмай бір орында тұрып қалмасын. Ағайын, айтып қояйын, үйтіп мені сыйламай-ақ қойындар. Былтыр 50 тонна берілгенде соны да жардай көріскен едік. Биыл содан талай жан басып озды ғой. Бүгінгі 80-де сол, жеткізіп озындар. Бір ер кісі емес, көбің жетіп озындар. Ал жауды жайлап, қайтып келген соң, шынымды айтып қояйын, озғанынды ұзатып мен де қоймаймын. Келген соң рекорд үшін қайта алысам. Ал жақсы, мінеки, достар, тәтті сөзбен айтысқан риза қошымыз осы болсын. Қош, ағайын!

Жұрт шулап, құшақтап көтеріп алғандай болады.

Осыдан аз бұрын Назым келіп, Сәт, Ескендір,
Тәнекелермен амандасып сөйлесіп тұрады.

С ә т. Япыр-ай, мен мынау сменмен бірге шахтыға түскелі жатыр ем. Тығыз болды-ау.

Н а з ы м. Жо, түк тығыз емес, Сәт аға! Осы жерде қош айтысам да жүрем, биттей бөгелмеңіз.

С ә т. Жоға, тоқташы.

Д а у ы с т а р. Немене, Наз! Назым! Наз апа!

Е р б о л. Наз, немене, хабар бар ма?

Н а з ы м. Бар.

Е р б о л. Қандай?

Н а з ы м. Өзіндей.

Е р б о л. Айналайын, ер апа!..

С ә т. Тоқтандар, шахтерлер, сендер бүгін Отаныңды қару ұстап қорғауға, майданға барып қорғауға ер-азаматты

бір аттандырсаң, енді міні, тағы бір ер қарындас бауырыңды да аттандырасың. Батыр — ұлдан ғана шықпайды. Батыл жүрек елінің қызыңнан да шығады. Осында басың ауырып, балтырың сыздаса, сүйенішің Наз еді. Талабыңды ажалдан да алып қалған аяулы еңбегі бар еді. Асыл қарындас Наз, біздің шахты коллективінің үлкен білгір, азамат, сүйікті ері еді. *(Назым жүргелі тұр.)*

Д а у ы с т а р. Не дейд, қазір ме?

— Майданға ма?

— Наз, қашан байладың? *(Жұмысшылар қоршалайды.)*

Т ә н е к е. Наз қарағым, сен қайда жүрсең де, майдан ерінің жұмысын атқарушы ең. Мұнда да азаматты ажалдан алып қалған еңбегің аз ба еді? Сенен бұрын біз барсақ нетті?

Н а з ы м *(күліп)*. Дос жүрегің жақсы екенін білемін, қайран Тәке! Бірақ неге барам деп күдік айтып кідіретін күн емес, жөнім айқын, жолым жарқын. Ел Отанды ер қорғаған, ер өмірін біз қорғаймыз. Қанша тілеулес болса да, кетпе деген кемшін тілек болмас па еді?!

Т ә н е к е. Қарағым-ай! Айтарымның ар жағындағыны өзің көресің. Не дейін бірақ, әттен, кешегі сені тапқан шешен, немесе одан арғы әжең сорлы көрер ме еді, бүгінгі сені!.. Тым құрыса, арада бірнеше (...) аралаған жоқ, солардың ғана күл түбекті күйкі бесігінен туып, сенің бүгін осындай бөгде бітімді адам боп шыққаныңа сенер ме еді?! Сол бауырлар не дер еді?

Н а з ы м. Тәнеке-ау, оны мен туралы ғана айту керек пе екен. Осы тұрған өздерің, тіпті осы туған Қарағандың туралы неге айтпайсың? Балалығымыз осында өтті. Кеше ғана осы Қарағанды, Балқаш орнында не бар еді? Бұдырсыз жонда бөгетсіз ескен жел мен еңсесі төмен ел бар еді. Көл бетінде көбіктей, ана сайда бір көпіршіп шығып, ана бұлақ басында бұрқ етіп көрініп, артынан сол көбікше жарылып, басылып, панасыз киіз үйлерге не жүреді... осы ит жонның жотасында Арқа желі айдаған қаңбақтай тиянақсыз, тұрақсыз, әлсіз елдің айналасыз тірлігі бар еді. Арманды әжелер, аңыраған аналар өтті. Күндік, көрбалалық, сатымсақтық күйде қыздар өтіп еді. Сол бұдырсыз белдер, бүгін байтақ, балқын Қарағанды болды. Жиырма жыл бұрын туса, я көп қатынның бірі, я жаралы жүрек жесір, немесе жылаулар, күң болып мен өзім де жүрмес пе ем?! Осындай окшау күн елімнің Отан тапқанын,

ұл емес, қыздың асқар асу бел асқанын өзгеше танытып тұр. Таныған бақ, жақсылығымды соншалық ыстық, сондайлық нұрдай жарқын етіп тұр жүрегімен. Сондықтан, кешегі күй болған ананың, бүгін гүл атқан қызы мен болсам, әсіресе сол аналар атынан, аналардың бүгінгі өскелең, өзгеше қыз нәсілдері атынан, тура Отан қорғаймын деп аттанам. Жігіттен ер шықса, қыздан сол еріңізге дос, майдан досы шықсын дейім. Халқым, елім, Отанын қорғар қыршынын қызынан да көрсін... Көрсін де сенсін, жарық, нұрлы күшіне сенсін! Күнгірт тартпас, күмілжімес күшіне сенсін... жігері асын, кеудесі өссін! Ерлік қажырмен сіздер қалыңыздар (*күлін*), сіздерден алған от-жалынмен біз тартайық, бакыл болғын, осы болсын, аға мен інілер, апа менен сіңлілер?!

Д а у ы с т а р. Қайран алтын қарындасым-ай!

– Қадірлі, аяулы Наз!

– Жолың, жолың болсын, қарағым Наз!

Т ә н е к е. Сенің мынау сұңқардай саңлақ серпініңе тым құрыса, мұндағы еңбегіммен ілеспесем, ағаң болмай қалайын, қарағым!..

С ә т. Жолың болсын... Жақсы Наз, асыл Наз! Аттанарда бір-ақ нәрсені көңілде тұт... артында асқар алып елің жатыр, арланым деп аттандырмайды, алтыным деп жөнелтеді сені. Қандай қиын күйлер шеккен шағында, көңіліңе көңіл қос, ерлігіңе еңбегің қос, айнымас дос, жұртым жатыр деп бар. Өр тепсенге өрімдей боп өрлей біткен қарағайдай қалың қол... Қарағанды халқым жатыр деп біл!.. Қай қиында қасында ұмытпайтын, тастамайтын досың бар, жадында тұт осыны. (*Күліңкіреп.*) Ал, енді еркіне жіберсең, мына Тәнеке тағы ұмтылады. Осы жолы барша шахтер туысыңның атынан, өкілі өзім боламын, бері тақа, қарағым, Назым! Анау ақылды мандайынды енді өзім сүйем! (*Сүйеді, Ерболға.*) Кел бері! (*Оны да сүйеді, ажарлы түспен.*) Қарағанды шахтеры тілек-талабын жалынып айтып көрген жоқ. Жалындап айтатын шарт сол-ақ. Ер боласың, ер болмай кім боласың?! Бұндағы жұртынның саған айтар жол болсыны сол... ал екеуіңнің екпінің мұнда, еңбек басында қалатын бізге, бастан-аяқ бәрімізге, ер сертімен тең болсын. Ендігі қайрат-қажырмен қарысатын қайсар күннің толқыған аса түбі болсын! (*Жұрт тегіс қостайды.*)

Бағанадан топ ішінде Қаденмен қатар тұрған
Мәрияш ілгері басады.

М ә р и я ш. Әй, жігіттер, тарқамай тұрып, бір ауыз сөзімді тыңдаңдаршы. Менің қайным Ербол сапар тартып барады. Жаңадан тамырымды қайнатқандай, мынау Наз сіңлімнің де сөзін ұқтым. Бұл күнге шейін бұланысып кеппін. Таңертеңнен бері толқып жүр ем, енді мен де шахтыға түсем, ана қайнымның орнына өзім барам. *(Жұрт сүйсінеді.)* Бармай нетем, ертеден қара кешке байым қызмет етеді, қайным қызмет етеді деп, құрдан-құр бір террасыдан бір террасыға, бір есіктен бір есік, бір терезеден бір терезеге жүгіріп, Қаденге еріп өсек, жыр тасып жүрем бе? Жазыңдар, алыңдар мені!.. *(Жұрт қостайды.)*

Қ а д е н *(тамсанып)*. Ойбай, сорақ! Түс көріп тұрмысың, әй, қатын! Ақ сөйле, байғұс.

М ә р и я ш. Түсті малдансаң, өзің малдан енді.

Қ а д е н. Өсек деп, Қаден деп, өсек... Қаденге жабысып қалған талақ қой деймісің... Маған, Қаденнің о шолжыңы кең-байтақта шығар. Сен танығанды мен тайпамайды ғой деп пе ең? Ендеше, өсектен саған жетекші болсам, әлде болса алдына шығам. Сол еңбектен де жетекші сен болмайсың. Мен болам. Жаз мені де, ал мені, Сәт!.. Ана Ербол істеген набалатбойға жібер тура... Өсек! Өл де маған... ол ет пен терінің арасында жүрген бейбіт күннің бір желігі шығар. Көрсетейін мен саған, айда қазіргі сменнің өзіне жүр, бітті. *(Спецовкаға ұмтылады.)*

Д а у ы с т а р. Уай, ерлер!

— Сөз-ақ!

— Жаса, жалында! Жаса біздің жеңгелер!

Сәт бар барлық жұмысшы Ербол, Назбенен қоштасып, Қаден мен Мәрияшты ертіп шахтыға тартады. Ербол ілгері кетеді.

Ескендір екеуі ғана Наз оңаша қалған.

Е с к е н д і р. Наз!

Н а з ы м. Ескендір... *(Қисайғандай үнсіз қарасып қалады.)*

Е с к е н д і р. Білемін, ендігі сөздің бәрі бос, бәрі артық.

Н а з ы м. Дос тілеуі артық емес, Ескендір.

Е с к е н д і р. Нені айтам, қиналамын, қимаймын.

Қызғанам да, қызығам, Наз!

Н а з ы м. Қызғана?

Е с к е н д і р. Соншалық сұлу серпіп, қанат қақтыңыз, қасымда тұрғандай, жақын сияқты едіңіз, кара үзіп шырқап кетіңіз, тым құрыса, ере кетсем, бірге көрсем нетті.

Н а з ы м. Сіз мұнда керексіз, орныңыз мұнда.

Е с к е н д і р. Жалғыз ғана жан тынысымды айтуға рұқсат беріңіз. Ұмытпаймын, ұмыта алмаймын... сақтаймын, сақтаған бойда алып өтем... Барлық ұзақ айрылудан, барлық бұлдыр күннен алып өтем, айнымай, Наз!..

Н а з ы м. Ескендір, өзіме-өзім түйген шындықты жасырғаным жөн емес... айтпай кетсем, жарым көңілмен енжар болып кетер ем, арылып, ашылып кеткім келеді. Әділет соны тілейді. Мен сізді сүйер көңілімді балам үшін, Рәшім үшін тыйғамын... аса алмағам... аналық арымнан, біліңіз, ұғыңыз, жаным, осыны!..

Е с к е н д і р. Солай ма еді. (*Үнсіздік.*) Несін айттыңыз, бірақ мен құпия тілегімнен тыйылмаймын бәрібір.

Н а з ы м. Жоқ, мен мынандай сапарға бірыңғай, бірбеткей, кең көңілмен кетем... Сол шарт, сол қажет, тоқтай білейік осымен...

Е с к е н д і р. Тым құрыса... соңғы, ең соңғы “кош!” дер сөзді өз жүрегімнің күйімен айттырсаңыз етті...

Н а з ы м. Біз кінәсіз, кіршіксіз жақсы, жарқын дос көңілмен: “Қош, кош!..” десеміз! Міні! (*Ескендірді сүйеді де, қолын қатты сілкіп “Қош!” дейді.*)

Ш ы м ы л д ы қ

Үшінші сурет

Партком хатшысының кабинеті, алды коридор.

А с а н о в (*жалғыз өзі. Аздан соң Ербол кіреді*). А, кел, Ербол, сенің майданға аттануыңмен жалғас, мұндағы комсомол жұртшылығың, партия жұртшылығың жақсы байлау жасады. Соғысқа кіргенде партияның нағыз ұлы боп кіремін деген өтінішінді қабыл көрді, бүгін горком бекітті. Документің, жұмысың, бәрін реттетіп жатырмын.

Е р б о л. Жарады, жақсы. Ризамын! Сәлем деңіз, сондайлық сенім көрсеткен аға жұртшылыққа!

А с а н о в. Күп, күп! Жә, бүгін жүремісің?

Е р б о л. Бүгін.

А с а н о в. Бұнда тапсыратын жұмыстарың... әлде бірер туыстарың бар ма?

Е р б о л. Туыстар, әке-шешемдер болса, оларым жоқ. Шүйкебас десе, ол әлі оралған жоқ... *(Күліседі.)* Кез болмадық қой, өз обалың өзіңе деп тұрмын... сөйтіп бірінен ерте айрылып, бірін әлі таппай жүрген дер кезім еді.

А с а н о в. Иә, басқа қыздарың жоқ па еді?

Е р б о л. Жақыным, осында жалғыз жеңгем Мәрияш еді. Ол егесем, Ербопыңнан өзім озам деп шахтыға түсті.

А с а н о в. Иә, естідім.

Е р б о л. Сол... *(Назым кіреді. Асанов түрегеп қарсы алады.)*

А с а н о в *(Назымға.)*. Ал, отыр. Рушет жөнін тапсырып едім... білдің бе?

Н а з ы м. Документімді беріп шықтым, реттеп жатыр.

А с а н о в *(екеуінің қасына отырып)*. Ал, екеуің бүгін аттанасың, достар! Бір ғана сөз бар, үгіт емес, үгіттеген сөзден де өздерің үнсіз істеген осы істерің, осы мінезің сонауғұрым зор өнеге, анық үлгі... екеуіңнен бір-ақ жайды сұрайын... бүгін Отан өңшен аяулы жандарын аттандырып жатыр, зауыттан, шахтыдан, ғылым-өнерден, қалың колхоздан кетіп жатқан ұл-қыздың ішінде бірің асыл емес адамың, аяулы емес азаматың бар ма? Шетінен бірін мыңға балайтын емес пе еді? Совет адамы деген адам... Міні, солар қатарында сендер де барасың, бірақ көп бөлек болса, сол көптің ішінде сендер тіпті бөлексіңдер... бөлек болатын жайларың да бар. Үмітпен ұл өсірген, құрметпен қыз өсірген Қазақстан халқың бар. Бірақ, шынын айтайын, анық ұлы дүбір дүниелік сайысқа түспеді. Ол бұрын асқар менгерген алып денелі, алтын Отанның ақ мұраты үшін алысқанды көріп пе еді, біздің ата-баба?! Жоқ еді ғой... Бірақ жарыққа шықпаса да, бойына құт-қазына, ер-қайрат жиып келген қадірлі халық еді сенің де халқың! Сол жұртың бүгін де қаны, жаны қайнасқан, туысқан 200 миллиондық бауырлармен білек біріктірді, иық сүйесті. Біз Отан үшін намыс етсек... оның ішіндегі бұрын бойдағы қайрат, ойдағы қасиет, өктем күш сыналмаған, алғаш сыналғалы отырған халқымыз үшін тағы намыс ететін мезеттеміз, өзгеден өзгешесің дейтінім сол. Аяулы асыл еліңнің тұңғыш, тұнық

күшін, тұңғыш тасқын ерлігін сарапқа салатын сендермісің деймін! Білемін, екеуіңді әкетіп бара жатқан өзгеше ұлы сана бар. Жаңа адамның жан көрмеген қасиетін ашады бұл күндер.. сендер соны сарапқа салғалы барасың, өзге дүниеде анау, жау жағында соғыстан бұрын жеке адамда бір өмір болады да, соғыспен бірге үміт те, тірлік те, барлық бастан-аяқ өмір де тамыр түбі қобырайды, күрт құлап өзгереді. Біз де, осы соғыстың өзі де совет адамының өмір, еңбек жолындағы у-ду өрлеуінің бір сатысы ғана сияқты. Біздің адам соғыстың үстінде де өзінен жұрты үміт еткен сапасын табады. Осылай емес пе? Сендер де осындай ірі сана, өзгеше, үлкен, жігерлі жүрек бастап барады деп білем. Ендеше, дәл осы халде өз көңілдеріңдегі анық шын күй қандай? Екеуіңнен соны естісем деп едім... Айтсаңдар нетеді?

Н а з ы м. Жаксы сұрау, ал бірақ осыған әуелі Ербол айтса екен.

А с а н о в. Рас, Ербол бастасын.

Е р б о л. Жо, жоға, жолдастар, әуелі мен емес, Наз, Наз апа!..

А с а н о в. Е, тегі, немене?

Е р б о л. Е, енді бұл кісінің жолы үлкен ғой.

Н а з ы м. Жарайды, мәнісің бас берейін деп пе ең? Айт, сен баста.

Е р б о л. Жоға, апатай.

А с а н о в. Үй, бұның не?

Е р б о л. Япыр-ау, тым құрыса бір көйлекті бұрын тоздырғаны бар ғой, Наздың. Ұғынып өнеге алмаймын ба?

А с а н о в. Ойбоу, мынаны қоя тұрайық.

Н а з ы м. Ендеше, Асанов жолдас, сіз осы күнде адамның ішінде жүрген бір күйді, айтылмай ойда жүрген бір тілді қозғадыңыз. Мен бұның жауабын тура ашық бір сырдан бастайын. Сыр дейтінім рас, анық өзі еді. Тұтас, айқын, бір шындықпен кеткім келеді. Сондықтан айтам... Соғыс жарияланардың алдында мен өзімнің оңаша, бойдақ өміріме бір тосын өзгеріс кіргізуге тақап қалған кезім бар еді. Іштегі жүрек күйінің соңына ере бастап ем... солай бір толқып барып қалған кезімде, балам, қызым жайы ойға салды да, жеңіл жүрек тілегін аналық қарызына жүгіндіріп ем. Бала, бала қасында ана... деген халда бір ерекше қасиетін танығандай, жалындап танып ем. Бүгін болса, енді сол

женіл көңілді де, сол аналықты да басқа бір биік қарыз жемді. Ақылмен, толғанумен, толқумен жемем жок. Осы күндерде айналадағы дос-бауыр бар, баршасына соншалық бір жақсы, жақын жанасып, сырын сыртқа қосқың келеді. Сондықтан айтам, жаңа ниетке, осы жолға бет қойғалы, жүрегіме өмір бойы бітпеген бір қанат біткен сияқты. Тірліктің әншейіндегі ұсақ, өткінші, оңғақ мақсұты бәрі басылып, іштей үлкендікке, өзгеше бір, ірі үлкендікке басқан сияқтымын. Бар тірлік-қуатым ағарып өскен сияқты, одан соңғы, іштегі, екінші сезім-санам не? Оны өзің айттың, жақсы айттың, мені жетектеген күйдің бірі сол, өзің айтқан екені рас. Міні, мен осылай дер ем...

А с а н о в. Рас-рас, дұрыс! Ал, Ербол, сен ше?

Н а з ы м. Кәні, сен айтшы.

Е р б о л. Мен бе? Мен айтсам “Ал бақи, а дегенде әнім салты” сияқты.

А с а н о в. А, айтпақшы, осы сенің “Ал бақи” дейтінің немене өзі?

Е р б о л. Е, ол өзіміздің әлгі шудасын басқан ақ бурадай, ақын Тасубай бар емес пе, соның бір өзіме жаққан лебізі еді. Қайран қарт, қартайды ғой деп, әдейі мұра қып ұстап жүрмін.

А с а н о в. А, солай ма? Ал, иә.

Е р б о л. Сөйтіп, “ал бақи дегенде әнім салты” дегендей, мен осы соңғы кезде, соғыс басталғалы бір ызаға міндім бе? Ашумен алып ұшқан арыным ба? Әйтеуір, осы, үнемі ойыма ерлік жаю оралады да тұрады. Сөйлесем соны ғана сөйлегім келеді. Жаңа өзіңіз жақсы айттыңыз, халқың, жұртың бар... ол ерлікті қасиет тұтқан, намыс, елдің намысы деген сөзіңіз әсіресе ұнады. Мен қазір, бүгінгі ер мен бұрынғы ерлерді үнемі түсімде көрем тіпті. Сонда азапты мазақ, қатерді қалжақ еткен анау ер Жәнібек, анау ер Қобыланды, мынау Шанез Шапаевты бар ғой, қазір осы аса жақсы ұққан сияқтымын. Қысқасы, ел ұялмас, ер ұмытпас жол тапсам керек дейім, осы жолы. Бір тәуір іс бастайтын сияктанам да тұрам өзіме, ал енді, онан соң шынды айтыстық қой бәріміз де, ойда жүрген соң ұят та болса ірікпейін, талабым тіпті-ақ зор. Тым құрмаса, дәл осы Қарағандының соғыстан соң туған бірнеше ұлының атын “Ербол” қойса екен деген киялым және бар. Сөзім сол-ақ, ұрыспандар тек.

А с а н о в. Дұрыс, дұрыс екеуіңнен де жақсы лебіз, жан сөзін естідім, жалынды жандардың сөзін естідім. Қызығар да, қуанар да сөз екен. Бақытты болсын, зор бақытты болсын сапарларын... *(Өзгеріп.)* Ал, айтпақшы, Наз... сенің қызың, Рәшін, жүретініңді біле ме?

Н а з ы м. Біледі, білген болар қазір... *(Рәш пен Ира кіреді.)*

Р ә ш. Мама, мен естідім, мама.

Н а з ы м. Иә, ал не дедің? Не дейсің?

Р ә ш. Рас айтайын, әнеугүні ақылдасқан сөзің бар еді ғой, есінде ме, әнеугүні түнде?

Н а з ы м. Есімде, Рәшім.

Р ә ш. Ендеше, ол сөзді, ондағы ойынды естігенде жыласам, мынаны естігенде жыламаймын. Рас, мен сені қимаймын, аяймын. Бірақ, тағы бір жақтан қуанам, білесің бе, сен үшін, менің сондай жақсы мамам үшін мақтанамын. Қуанып мақтанамын... Мама! *(Құшақтайды.)*

А с а н о в. Рәш, Рәш! Жігітсің сен, осындай жақсы мықты жігіт екенсің-ау, сен! Жарайсын. Ал сен екеуміз бұл арада көп жұмыс етеміз.

Р ә ш. Рас оныңыз, жұмыс бар. Бізге де жұмыс, міндет көп, мама, бұған көмек те көп керек, дядя Асанов, сіздің көмегіңіз. Сәт ағаның көмегі керек.

А с а н о в. Жақсы айтасың, маманды жүргізген соң біз екеуміз білекті белсеніп тұрып, іске кірісеміз. Ал, Ира, Ира, сіз де жүресіз бе?

И р а. Жүремін. Назым екеуміз бар жерде бірге болмақ сертіміз.

А с а н о в. Мақұл, жолың болсын, ер санатта атың шықсын, Ира!

Барлығы Асановпен қоштасып шыға береді.

Наз бен Рәш коридорда, Ербол мен Ира бір.

Р ә ш. Мама, жүресін... жолың болсын, бақыт, үлкен бақыт тілеймін саған.

Н а з ы м. Жаным, Рәшім! Тыныштық уақытта мамаң сен үшін бар дүниені қияр еді. Анаң балам, Рәшім деп қана тұра алар еді, ол қазір соғыс келгенде сенің анаңның анасы, үлкен анамыз, бәріміздің анамыз – Отан-ана мендегі қарызын тілейді: аналық қарызын тілейді.

Р ә ш. Сен ол қарызын жақсы атқар, өзің үшін де, мен үшін де атқар, мама... (*Сүйіседі.*) Онан соң, маматай, менің энеуегі тілегім, әкем, әкем турасындағы тілегім, шын тілегім болатын.

Н а з ы м. Оны мен түсінемін. Қатты ұғынғам, Рәшім... Іздеймін, ұмытар деп ойлама. (*Екеуі құшақтасып жүре береді.*)

Е р б о л (*Ираға*). Ира, алтын шаш, айнам Ира.

И р а. Қой сен, қиын сапарға жүргелі тұрмыз, қылжақсыз сөйле.

Е р б о л. Мен өзім бақсы, балға сенбейім, бірақ бар ғой, мына бір жүретінімізге сондай ризамын. Есінде болсын, оның түбі тек болмайды.

И р а. Фронтта да айырылмасақ екен, жақын бөлімде, немесе тіпті сенің бөліміңнің қасындағы санчастьта болсам екем. Сондай қуанар едім.

Е р б о л. Аумин дейік. Жарадар болайын. Жарадар болсам, жанымда жақсы Ирам болсын. Ризамысың осы байлауға.

И р а. Ербол, қызық... Қымбат Ербол, тек бір бөлімде болсақ екен! (*Екеуі қол ұстасып қозғала береді.*)

Ш ы м ы л д ы қ

III АКТ

Төртінші сурет

Майдандағы армия. Шымылдық ашылғанда, төбеде шүйіліп жүрген самолеттердің мотор үні естіледі. Бірде жақындап, бірде алыстағандай. Жым-жырт сахнаның орта тұсында, алысырақ төрінде бір кішілеу шырша тұр. Беріде, сол жақ шетте кішкене көкшіл төмпешік бар, шөмеле сияқты. Оң жақ шетте, алысырақта аласалау ақ қайың бар. Сахнаның орта тұстары қалың көк шөп.

Орылған шөп сияқты. Төрдегі шыршада ары бір түп үлкен қарағай, соның бұтағының арасында бір ғана командир жасырынып, бинокльге қарап тұр. Басы, бойын қарағаймен, бұтағымен шырмап, қалқалап алған. Сахнаның ең бергі шеті, оркестр орны батарея адамдарының паналау орны – укритиясы

сияқты. Самолет моторлары гүрілдеп жүрген кезде сахна бойына сол жақтан, оңға қарай созыла шығып, қатты сыбырдай, айқын естіліп тұрған келте-келте сөздер келеді. Қарағай басындағы жақын сақшының үні. Әредікте, алыста зениткелер атылып, снарядтар жарылғаны естіліп-естіліп қояды. Жанағы дауыс осы үндермен кезектесіп келеді.

С а қ ш ы д а у с ы. Жау самолеттері! Шолғыншы самолеттер! Тақап келеді. *(Алыста зенитке атады.)* Самолеттер қайта бастады. Тағы оралды, қайта кетті, жау жағында қозғалыс! Шабуылға әзірленді.

Осы кезде көк шөптер арасынан жапырақтар мен бұтақтарды басына, иығына қондырған майор шенді Нұрлан көтеріледі.
Қасында адъютанты, политругі бар.

Н ұ р л а н *(команда береді)*. Дивизион, соғысқа!

Сол командамен сахна тегіс жанданып кетеді. Жер астынан шыққандай боп старший лейтенанттар, лейтенанттар, сержанттар, жай әскерлер көтеріледі. Төрде, алысырақта тұрған шырыш ағаш жылжып қозғалады да, соның орнынан бірінші зеңбірек көтеріледі. Айналасына командасы жиыла қалады, бергі сол жақ бұрыштағы төмпешік жылжып қозғалады. Астынан екінші зеңбірек көтеріледі. Бұл екі зеңбірек дивизионның оң жақ флангісіне уступ ретімен орналасқан, сол команда бойынша оң жақ шеттегі ақ қайың орнынан тайқып пулемет ашылады. Нұрлан командасын батарея бастығы Ербол қайтарып айтады.

Е р б о л. Батарея, соғысқа!

С ы р т т а ғ ы к о м а н д а. Взвод, соғысқа!

– Бірінші зеңбірек, соғысқа!

– Екінші зеңбірек, соғысқа!

Ш ә р ш е н *(пулемет бастығы)*. Пулемет, соғысқа!

Осы командалар бірі артынан бірі аз-аз іркіліспен айтылады. Сахнаның оң жақ шетін ала, берірек, биікше жерде, ақ қайынды тасалап тұрған Нұрланның алдында үш аяқты өлшеуіш аспап бар. Қасында телефон, бұның бұйрықтары телефонмен де айтылады. Сол жаққа қарай созылып, қатарласып орналасқан зеңбіректер бар болып сезілуі керек. Зеңбірек, от позициясының оң флангісі осы жаңағы командалар уағында сахнадағы екі зеңбірек пен

пулеметтің маңайларында шапшаң, ширақ қозғалыстар болады.

Наботщиктермен барлық нөмірлер орын-орындарында тұрып-тұрып қалған. Кейін соғыс уағында сахнадағы екі зеңбірекке қызыл әскерлер неше алуан гранат, шрапнель, узрибатель, снарядтар әкеліп беріп жүреді. Кейде жәшікпен, кейде қолдасып әкеледі. Соғыс уағында Нұрланға связьдің адамдары келіп, донесение жеткізіп, қайта бұйрықтар әкетіп отырады. Бактияр мен адьютанты бұл істердің бәрін де қабыл алушы, ақылдасушы есебінде көмек етісіп жүреді. Нұрлан көбінесе өзінің нысанасына қадалып, бинокльге тұнып отырады. Жанағы соғысқа деген команда. Ербол алдындағы зеңбіректері жетісімен, наботщиктер зеңбіректерін нысанаға дәлдеді.

Ербол екі зеңбіректі шапшаң қарап шығады.

Ербол. Бірінші зеңбірек наботшигі даяр! Екінші наботщик даяр! *(Екі зеңбірек командирлері Ерболға қарап, қолдарын көтереді.)*

Ербол “Стоп” дейді. Осыдан кейін Ербол, Шәршен, тағы бір сырттан да бірнеше лейтенанттар Нұрланның қасына жиылады.

Нұрлан. Жаудың екі күннен бері біз ойрандаған, далдал еткен 27-ші танк дивизиясы бүгін қосымша күштер алып, қайта құралып, шабуыл жасамақ. Мынау өзеннен өтпек. Танк дивизиясының командирі, фашист генералы Гольц мотоколоннасы танктердің алдынан, 41-ші жаяу полкы артынан қозғалмақ. Біздің жаяу полктің міндеті – қатарындағы өзге полктермен қанаттасып, ауыр танкілер колоннасымен қатар қимылдап, жау дивизиясын жайрату, жаяу полкін жоқ қылу. Қазір болатын соғыста ер летчик, командир Звездов...

Дауыстар. Звездов, Звездов!

Нұрлан. Звездов бастаған истребительдер эшелоны осы біздің участоктегі соғысқа қатысады. Бізбен міндетті атқарысып, генерал Гольцтің бомбардировщиктерін жоқ қылуға көмек, қайрат көрсетеді. *(Ерболға қарап.)* Бірінші, екінші батарея жаудың танк колонналарын бері шығысымен ұрады. Өзенге жеткізбей тойтарып басады. *(Өзге командирлерге қарап.)* Төртінші батарея жау самолетін, зениткасын, әлдебірі жаудың зеңбірек оты шыққан жерлерін дәл тауып,

соны таптайды. Үшінші батарея шрапнельмен мотоколоннаны құртады. Пулемет мотоколоннаны тосқын отпен, семсер окпен жапырады.

Дауыстар. Түсінікті, жолдас майор!

– Түсінікті, жолдас Нұр.

– Түсінікті, жолдас Нұр, жолдас майор!

Нұрлан. Есте болсын, алдыңғы күн, кешегі күн біз Гольц дивизиясын, фашист танктерін дәл байлап, бек ұрғамыз. Сондағы угломер, сондағы уровень, сол нысаналар ұмытылмасын, ескерілсін. Кешегі өлшеу жазуларды қайтадан тез қарап өтіндер.

Сақшы даусы (*қарағайдағы сақшы*). Мотоколонна, танктер шықты!

Нұрлан. Орындарына!

Жұрт тез-тез орындарына барады. Бірнеше командир шығып кетеді. Орындарына кетіседі. Нұрлан нысанада... біресе бинокльге кадалған. Бактияров та, Ербол да бинокльге қарап тұр. Нұрлан команда береді. Адыютант сол команданы телефонмен ақырын қайтарған сияқты. Ербол телефонмен тыңдап алып, “да” дейді.

Нұрлан (*команда береді*). Бірінші батарея, екі зеңбіректен бір-бір оқтан алға, оңға таман. Шолақ терек тұсына тура төсесін, алыс атар бір бронь бұзар гранатпен алдыңғы екі танкіні бетке ал! (*Жаңағы ретпен тыңдап алып.*)

Ербол (*Скибаға*). Тоқта! Алғашқы оқты мен өзім атып берем. (*Бірінші зеңбірекке жетіп кеп, дәлдеп ап команданы береді.*) Бірінші зеңбіректен тура төсеп, фашистің алдағы оң жақтағы бірінші танкісін байла... нысана 1400. (*“Огонь” деп қолын төмен түсіреді. Бірінші зеңбірек атылады.*)

Қарағайдағы сақшы даусы келеді.

Дауыс. Бірінші танкі жайрады!

Нұрлан (*команда ретінде*). Нысана дұрыс!

Ербол (*Скибаға, Нұрлан командасынан соң*). Жаз өлшеулерді. Зеңбіректің қалқанына жазып ал. (*Скиба шапшаң жазып жатады. Ербол екінші зеңбірекке кеп.*) Тағы өзім атам! (*Тез өлшеп болып.*) Екінші зеңбіректен тура төсеп, фашистің алдағы бергі танкісін байла. Нысана 1350. Огонь!

(Қолын төмен түсіреді. Екінші зеңбірек атылады. Сақшы даусы.)

Д а у ы с. Фашистің екінші танкісі жайрады.

Н ұ р л а н. Нысана дұрыс!

Ербол тез зеңбірек қалқанына өлшеуді жазады.

Д а у ы с. Мотоколонна!

Н ұ р л а н. Пулемет, мотоколоннаның алдыңғы қатарына тосқауыл от төк!

Ш а р ш е н *(көзден)*. Тосқауыл от пен фашист колонна. Нысана 1200. Огонь!

Пулемет бір минуттай өчіред береді.

Д а у ы с. Нысана дұрыс. Жайраған жетеу. *(Аздан соң.)* Жау колоннасы көбейді. Танктер қаптады!..

Н ұ р л а н *(команда)*. Бірінші батарея, бар зеңбіректерден жау танкілерін алыс ұрар, бронь бұзар гранатпен, зеңбірек басы он снарядтан залппен. Әзірлен!

Е р б о л. Бірінші батарея, бар зеңбіректен тура төсеп, танктерді байла! Нысана 1200.

Сырттағы үндер осындай батареялардың командаларын сездіреді.

Н ұ р л а н *(командасын соза беріп)*. Үшінші батарея, бар зеңбіректен жаудың мотоколоннасын шашырағыш узрибательмен, зеңбірек басы он снарядтан залппен, әзірлен!.. *(Сыртта команданы қайталаған шолақ үндер. Нұрлан пулеметке.)* Пулемет, мотоколоннаға семсер оқты әзірле! Төртінші батарея, бар минометпен, жаудың зеңбірек позициясына он снарядтан залппен, әзірлен! *(Командалар жеткен соң.)* Дивизион! Отан үшін! Сталин үшін! Огонь! *(Ербол “огонь” деп қолын түсіреді.)*

Сахнадағы екі зеңбірек, бір пулемет және сахна сыртындағы толып жатқан зеңбірек минометтерден от боратқандай болады. Біраз уақыт атылып тұрады. Нұрланға бұл уақытта связь кісілері кеп, тез бұйрықтар әкетіп жатады.

Н ұ р л а н *(тағы команда)*. Стой! *(Атыс басылады.)*

С а қ ш ы д а у с ы. Жаудың алдыңғы танктері жайрады!
Арты тірелді, іркілмей бұрыла қашты!

Н ұ р л а н (*тағы команда*). Дивизон, бар батарея, бар зеңбіректен жеті снарядтан қашқан танктерді байлап ат!
(*Командасын Ерболдар өз бөліміне жеткізіп жатады.*) Огонь!
Стой! (*Атыс басылады.*)

С а қ ш ы д а у с ы. Тағы жиырма танкі жайрады. Қалғаны қашып тоғайға кірді. (*Самолет моторларының үні етіледі.*)
Жау самолеттері көтерілді! Біздің танктерді атқылады. Біздің эшелон көтерілді, қарсы айқасты.

Е р б о л (*аспанға қарап тұр*). Звездов, эскадрилья араласты. Үске шықты, ұшырды. Өшірді бірін.

Ш а р ш е н (*орнынан*). Салды сайысқа. Звездов, шапшаң шерім!

С а қ ш ы (*зенитке*). Жау зениткесін ата бастап, бізден бір самолет шығын, жаудың екі самоләті құлады. Жау батареясы бізді ата бастады. (*Снарядтар жарылады.*) Көздегені біздің үшінші батарея.

Нұрланға связь келеді, бұйрық алып кетеді.

Нұрлан телефонмен сөйлейді.

Н ұ р л а н. Үшінші батарея, үшінші батарея, не хал? Қайда түсті бірінші зеңбірек? Адам шығыны қандай? Жаралы қанша? (*Тағы снаряд. Нұрлан адъютантына.*) Үшінші батареяға тез жетсін. (*Адъютант телефонда. Тағы снаряд.*)

С а қ ш ы д а у с ы. Тағы үшінші батареяға атты!

Н ұ р л а н (*қасына связь келеді, хабар алған.*) Үшінші батарея, не хал? Батареяның старшинасы Игусей жау оғына ұшты. (*Қағазына қарап өзгеріп, команда береді.*) Екінші батарея, бар зеңбіректен, гранатпен, снарядтан жау батареясын бетке ал! Төртінші батарея, бірінші, екінші минометтен, бес снарядтан жау зениткесін алдағы шоқ қайыңның түбін байлап, алыс ұрар минамен бетке ал! Нысана 2500, әзірлен! (*Команда қайтарылғандай уақыт өткен соң тағы команда.*) Пулемет, жаудың жақын самолетін байлап, әзірлен!

Ш ә р ш е н. Жау самолетін семсер оқпен тос! (*Нысананы өзі алады.*)

Н ұ р л а н. Огонь!

Ш ә р ш е н. Огонь! (*Өзі атқылайды. Минометтен атылған үн келеді. Біраз атыстан соң дыбыстар тоқтала береді.*)

Н ұ р л а н. Стой! (*Барлық атыс тоқтайды.*)
С а қ ш ы д а у с ы. Жау самолеттері кетті. Пулемет
оғынан бір фашист бомбардировщикі өртеніп түсті!
Е р б о л. Шәршен, құттықтаймын!
Ш ә р ш е н.

Жауды сайсақ бір сайдық,
Ертегі өткен Манастың
Қай жерінен кем сайдық, Ербол ботам!

С а қ ш ы д а у с ы. Жау танктері тығылды, жаяу әскері
шықпады, самолеттері кетті, біздің самолеттер қайтты.
Н ұ р л а н. Дивизион! Апробация!
Е р б о л. Батарея! Апробация!

Команданы кайталап жатады. Жұрт тегіс еркін қозғалып, бейбіт
жайға келеді. Командирлер Нұрлан айналасына жиылады.

Н ұ р л а н. Жау шабуылы тойтарылды! Дивизионның
өзіне тапсырылған міндетті орындауы қанағаттанарлық.
Дивизион! Штаб атынан бірінші батарея старший лейте-
нанты Датов Ерболға, бірінші зеңбірек командирі, кіші лей-
тенант Скибаға, жақын сақшы лейтенант Малышевке, пу-
лемет бастығы сержант Бегешов Шәршенге және төртінші
миномет батареясының старший лейтенанты Смирновқа
алғыс айтам! (*Қолдарын алады, бар командир қатты риза.*)
Еркін!

Осыдан кейін жай кенесіп кетіседі.
Нұрлан барлық жолдастарына қарап.

Жолдастар, Звездов, ер летчик, майор Звездов қалай?
Жау самолеттері бізге беттеген еді. Міндеті — біздің оттарды
жою, біздің оттарды басу еді. Звездов жеткізбей араласты.

М а л ы ш е в (*сақшылықтан ауысып келген*). Жолдас Нұр,
жаудың екі бомбардировщикін дәл Звездов өзі, өз оғымен
құлатты.

Е р б о л. Кешегі қимылы қандай?

Ш ә р ш е н. Соны айтсаңшы! Мен маскара боп өзі
құлайды ма деп ем, аңғарсам, дәл бидайықтай төбесінен
шәншіліп кеп, жауырынынан ұра бұрыпты кеп. Фашист

аспанда лашын тепкен дуадақтай тетігі тегереп кеп, күрс берсе, кәні, бір фашист!

Н ұ р л а н (*күліп тыңдап тұрып, Ербол Шәршенмен аңгімелесіп ілгерірек басып*). Шәршен, сен Қырғызстанның қай жерінде тұрғансың?

Ш ә р ш е н. Талас, Таласта туғам, жолдас Нұр!

Н ұ р л а н. А, ер Манастың Таласы ма? Шоң Таластың бойы ма?

Ш ә р ш е н. Дәл өзі.

Жерібіз кең қол, кең Талас,

Атабыз өткен ер Манас, –

дейтін, деміне тоқаш пісетін, қызу қырғыз біз тұрбайбы, жолдаш Нұр! (*Күлкі.*)

Е р б о л. А, а! “Ал бақи, а дегенде әнім салты” – деп, өзің түп-тегіңмен ер екенсің ғой, жақсы Шәршен!

Ш ә р ш е н. Фашисті ойрандағалы келмесем, ойнағалы келгем жоқ.

Е р б о л. Шыным сол-ақ де! Уа, жолың болсын! Ома қаптыр. Өсте бер. (*Күліседі.*)

Н ұ р л а н. Ербол, сен қай жерденсің?

Е р б о л. Мен Қарағандыданмын.

Н ұ р л а н. Қарағанды!.. Шахтер ме едің?

Е р б о л. Дәл өзімін, жолдас Нұр.

Н ұ р л а н. Забойщик пе ең?

Е р б о л. Навалоотбойщик бригадир ем.

Н ұ р л а н. Стахановшы едің ғой, солай ма?

Е р б о л. Десуші еді.

Ш ә р ш е н. “Ал бақи, а дегенде әнім салты!” – деп, Ербол досым-ай, шын жақсы өзің тұрбайсың бұ?

Н ұ р л а н. Қарағанды. (*Ойланады.*)

Е р б о л. Болған ба едіңіз?

Н ұ р л а н. Естігенім көп еді?.. (*Ойланып қалады.*)

Ш ә р ш е н (*Ерболға*). Бұ Қарағанды Қазақстанның қай жері деп аталады?

Е р б о л. Сарыарқа делінеді. Естігенің бар ма?

Ш ә р ш е н. Ұққаным бар. Ел:

Сарыарқаны жайлаған,

Келістіріп кермеге
Кертөбелді байлаған... —

деп біздің ыршылар ырлаушы еді.

Осы кезде сахнаға Звездов шығады. Нұрланға қуанып,
ұмтыла басады.

З в е з д о в. Нұр! Қымбат досым!

Н ұ р л а н. Звездов! Саша, Сашенка! (*Екеуі сүйіседі.*) Мен саған алғыс, алғыс айтам, бар дивизион атынан.

З в е з д о в. Но, но... ну! Ол емес, мен үш күннен бергі ер кимыл, дәл оқтарың үшін, ең әуелі сенің өзіңе қуаныш білдірем. Екінші, бүгін маған көмек еткен, айта берсең, мені құтқарған екі кісіңе айрықша алғыс айтқалы келем! Мино-метпен жау зениткесін жойған кім?

Н ұ р л а н. Смирнов, мына төртінші батарея. Старший лейтенант Смирнов.

З в е з д о в (*Смирновтың қолын сілкіп*). Мен зениткенің қайшы оғына оқыс барып қап ем, алғашқы самолетті қуып, мезгілімен өшірдіңіз. Рақмет! Екінші, соңғы самолетті түсірген пулеметшің кім?

Н ұ р л а н. Ол мына Бегешев Шәршен... Бір шреті бос кетпейді.

З в е з д о в. Білесіз бе! Байқадыңыз ғой, соңғы самолет, мен анамен алысып жүргенде, соңымнан қатты қадалып, келіп қап еді. Жақсы қақтыңыз... Мені ажалдан да сіз қақтыңыз. (*Сүйеді*).

Ш ә р ш е н (*Ерболға*). Ақ келте! Ошондой тұрбайбы ақ келте! Мен өзімнің ақ келтеме ырза болдым, ендеше. (*Екеуі бірыңғай сөйлеседі.*)

З в е з д о в (*Нұрланға*). Білдің бе, Нұр, дивизия командованиясі сенін дивизионыңның үш күннен бергі қайратына, әсіресе сенің сенімді, катесіз командаңа сондай риза, генерал Потапенко сені қазір аузынан тастамай отыр. (*Нұрланды қолтықтап алып, оңашалау басып.*) Онан соң, Нұр... тағы бір қуанышым бар.

Н ұ р л а н. Кәні, айтшы?..

З в е з д о в. Үйден, үйімнен, әйелімнен хат алдым. Соншалық қымбат. Сағыныштың исі, балам-ұлым, он бір

жасар ұлым, мына бар ғой, соның сәлемі, әсіресе үлкен сыйдай. Хаты сондай қайрат береді.

Н ұ р л а н. Жаксы. Жаксы екен, түсінемін, Саша!

З в е з д о в. Сен хат алмағалы қанша болды?

Н ұ р л а н. Маған жолдастардан хат бар. Ал үй, әйел... менде жоқ қой. Алар-ақ ем, қуанып алар ем, осы күндерде... Сені соншалық жаксы түсінем... бірақ жоқ қой.

З в е з д о в. Иә, қызың ше? Қызың бар емес пе еді?

Н ұ р л а н. Бар... бар еді қызым... Бірақ ол екеуіміз де хабарласпаймыз ғой. Ал өзін осы күндер аса ыстық көрем. Көп жылдай көрмесем де кейде қатты сағынам.

Екеуі жүріп кетеді. Сахнаға бір жаралы әскер көтеріп,
арқалап санитарка Ира шығады.

И р а. Жолдастар, көмек етіндер!

Е р б о л (*жетіп барады*). Ира?

И р а. Ербол! Көмек ет! (*Екеуі жаралыны дұрыстап жатқызады. Ира асығыс перевязка істеп жатады.*)

Е р б о л. Ира, алтыным, қайдасың? Қайдан кеп шықтың?

И р а. Өзге санитарлар басқа жаралыларды алып кетіп еді. Мына бір адам оқшау қалған екен.

Е р б о л. Сен алдыңғы қатардан келдің ғой. Соғыстың дәл ішінде жүріпсің ғой. Бәсе, бір боласың деп едім. Қай бөлімдесің?

И р а. Осы өздеріңе таяу жаяу полктің медпунктындамын.

Е р б о л. Наз қайда? Бар ма?

И р а. Бар, дәл медбатальонда. Біздің медпункт соларға байланысты. Наз күніне талай келіп, біздің пунктте де ем жасайды. Ол алдыңғы позицияда әлденеше рет болды. Өзің ше? Қымбатты Ербол, амандығыңа қуанамын. Сендердің дивизоның туралы бүгін көп мақтаулар, алғыстар естідім. Өзің қорықпаймысың? Ермісің? (...) шыныңды айт.

Е р б о л. Жаман атағымды естімессің, Ира. (*Ираның қасына санитар келеді. Перевязка біткен. Ира мен санитар ауруды көтеріп алады.*) Қош енді! Мейірдушка, Назға сәлем айт.

И р а. Қош, мықты бол! Әрдайым аман бол, сау бол, Ербол!

Е р б о л *(кете алмай.)* Сау бол, жаным Ира!.. *(деп артынан қарап тұрып қалады.)*

Бұл кезде сахнадағы жұрттың бәрі жылдам қозғалып, фронтқа тұрып қалған. Сырт қарап, кадалып тұрып қалған Ерболды Шәршен қатты шақырады.

Ш ә р ш е н. Ербол, қатарға!
Е р б о л *(атқып кеп, тұра қалып).* О не?
Ш ә р ш е н. Генерал, біздің дивизияның генералы келеді.
Д а у ы с т а р. Генерал-лейтенант... Дивизия командирі...
Генерал Потапенко!

Аздан соң генерал Потапенко шығады. Қасында кейінірек Звездов, Нұрлан және штаб адамдары.

П о т а п е н к о. Амансыздар ма, жауынгерлер, командирлер!

Д а у ы с т а р. Амансыз ба, жолдас генерал-лейтенант!

П о т а п е н к о. Үш күннен бергі қатты соғыста 141-ші зеңбірек дивизионы көрсеткен ерлік, қайрат үшін командование атынан барлық жауынгерлерге, барлық командирлерге, политруктерге алғыс айтамын. Дивизия командованиясын айрықша атап, приказбен алғыс жариялайтын кісілері: бірінші, батареяның отын дәлдікпен, тапқырлықпен, есеппен жақсы жұмсап, қатесіз басқарғаны үшін дивизия командирі майор Бектасов Нұрланға алғыс жарияланады. Екінші, сақшы ісін жақсы басқарған командир-лейтенант Малышевке; үшінші, жау танктерін дәл байлап, көп жайратқаны үшін бірінші батареяның старший лейтенанты Датов Ерболға; төртінші, пулемет отын қатесіз, шапшаң басқарған сержант Бегешев Шәршенге; бесінші, зеңбіректің нысанасын дәл ұстағаны үшін бірінші зеңбірек командирі кіші лейтенант Скибаға алғыс жарияланады. *(Нұрлан аты аталғандарға белгі етеді. Олар ілгері шығады. Потапенко бәрінің қолдарын алады. Аздан соң еркін әңгімелесіп, жаңағы адамдардың пішініне қарап алып.)* Бегешев, сіз қай жерден едіңіз?

Ш ә р ш е н. Мен Қырғыздың Алатауынан едім, жолдас генерал-лейтенант!

П о т а п е н к о (*Ерболға*). Сіз ше?

Е р б о л. Мен Қазақстан сахарасынан едім, жолдас генерал-лейтенант.

П о т а п е н к о (*Скибаға*). Сіз ше?

С к и б а. Мен Белоруссиядан, Борисовтан едім, жолдас генерал-лейтенант!

П о т а п е н к о. Дұрыс! (*Нұрланға*.) Сіз ше?

Н ұ р л а н. Мен Батыс Сібірден, Омск өңірінен келдім, жолдас Потапенко.

П о т а п е н к о. Дұрыс, дұрыс. Біріңіз орыс, біріңіз белорус, біріңіз қырғыз және бірлеріңіз казак... Ал менің туысым украин. Өскен жерім Батыс Сибирь еді. Совет зеңбірегінің айналасында, Отан туының, қаһармандық намыстың жолында біздің бәріміз бірігіппіз. Білектер біріккенде, жүректер шын табысқан туысқан... қандай мағыналы бірлік! Сіздер ол уақытта жасырақсыздар. Бірақ менің есімде, ұмытылған жоқ. Жас бала күнімде патшалық үкіметі бізді, әкешешемізді барлық қаласымен аз жердің өзінен қуып, Украинадан Батыс Сибирьге айдап салып еді. Сонда көршілес казак ауылдарымен біздің крестьяндар арасында жалғыз-ақ десятина шалғын үшін төбелес боп, екі жақтан кісі өліп, көп жан жараланып еді. Менің өз әкем сонда қаза тапты. Кішкентай поселке, азғантай ауыл жер үшін бір-біріне жат болып, жау болып асыл қандарын арман емес, болымсызға, тырнақтай татымсызға төгіп еді. Сол аталардың нәсілдері біз... аз дүние үшін алысамыз ба? Күнгірт күнге көнерміз бе біз! Жарқын күннің игі нұрын қаптал құшқан халықтармыз: “Қара түн қайтпақ емес, қайта батыр қарасын” – деп аттандырды бізді. Бауыр етіп аттандырды бізді. Біздің бірлік біздің барлық халықтарымыздың достығынан туған. Арысы асыл нұрлы күнімізден туған... Берісі осы майданда ер ұлдардың адал қанымен суарылып, сонымен қайнасып нығайған. (*Тоқман*.) Қазір біздің қарсымызда шендесіп тұрған жаудың ерекше тасыр, омырау бір дивизиясы бар. Фашист генерал Гольц басқарған танк дивизиясы талабы зор, осы фронттағы шабуылдарының ең мықты деген ұрынғыш тобы сол. Ол әлі де омырау жасап көреді. Қатты қимыл жасайды. Біздің міндет – сол шабуылқұмар жандаралды бар штабымен тұтқын ету, барлық машиналы күшін талқан етіп жайрату. Міне, осы жолда бірнешең

емес, біріннің де өзгеше боп өктеп шығуыңды күтемін. Бәріңе де биік қасиет, үлкен бақ тілеймін! Берік болындар, достар! (*Жүре береді.*) Майор Бектасов, майор Звездов, сіздер менімен жүріңіздер! Бөлімдеріңіз жаңадан төтенше міндет алады. Қош болындар, жолдастар!

Д а у ы с т а р. Қош, жолдас генерал-лейтенант!

Е р б о л (*Шәрсеннің қолын сілкіп*). Ерлігің қайырлы болсын, қыраным Шәрсен!

Ш ә р ш е н. Ерлігің еліңді қуантсын, Ербол батур!

Е р б о л. Уау, осы бірдеме шығады... Бірдеме болуымыз керек осы біздің!..

С а қ ш ы д а у с ы. Жау жағында қимыл басталды! Қайта шабуылға әзірленді!

П о л и т р у к (*Нұрланның орнына тұра қалып, команда береді*). Дивизион, соғысқа!

Е р б о л. Батарея, соғысқа! (*Сыртта командалар кетіп жатады. Сырттағы команда.*) Взвод, соғысқа!

С к и б а. Бірінші зеңбірек, соғысқа!

Ш ә р ш е н. Пулемет, соғысқа!

Ш ы м ы л д ы қ

Бесінші сурет

Майдандағы армия, соғыс орны өзгерген сияқты, бірақ дивизионның орналасуы сол ретте. Маскировканың белгілері ғана өзгерген. Шымылдық ашылғанда батареялар атылып, пулемет өчіред беріп жатады. Қайнар соғыс уақыты, дивизион командасын басқарып тұрған Нұрлан емес, бұрынғы кіші политрук.

П о л и т р у к. Дивизион, тоқта!

Командалар кетеді, атыс тоқталады. Соғыс болып жатқан жақтан Нұрлан шығады, алыстағы атыстың сарыны бар. Нұрлан команда орнына әрең келгендей, оған оқ тиген.

П о л и т р у к (*қарсы ұмтылып*). Жолдас Нұр! Сіз жардарсыз ғой? (*Адьютант кейін ұмтылып, біреуді шақырады.*)

Н ұ р л а н. Ақырын, оқа емес.

Ира жүгіріп келеді.

И р а. Бері, бері шығыңыз. Шешініңіз, жолдас командир! *(Нұрланды көтеріп алмақ болады.)*

Н ұ р л а н. Жоқ... аяғым... Аяғым ғана! Денем сау... Таңыңыз...

И р а. Сіз ауыр жаралысыз. Қан көп кетіп жатыр. *(Тез шешіп, таңуға кірісіп жатады.)*

Н ұ р л а н. Таңыңыз, сол болады, кетпеймін.

П о л и т у р к. Жолдас Нұр! Сіз әлсірейсіз ғой?

Н ұ р л а н *(қатты)*. Дивизион тағдыры шешіледі қазір! Әлсіремеймін. Мықтымын! Ең алдыңғы қатарға жетіп, барлық қажет деректерді алып келдім. Жасырын жерлерін білдім. Өлшеулер мен мөлшерлер қолымда. *(Ауырсынып.)* Қазір... тұр-тұр... Қазір! *(Перевязка бітеді. Нұрлан жолдастарына.)* Бар шабуыл бізді көздеп келеді. Біздің танктер, колонналар жібермей алысып жатыр. Әзір болындар, зеңбіректері бізді көздер. Танктері бізге беттеген. Самолеттері де бізді жоюды мұрат етер... Әзір бол! *(Таңу bimti.)*

И р а. Мен тастамаймын сізді... Қасыңыздан кетпеймін... Қиын, ауыр...

Н ұ р л а н. Токтаңыз! болды... Рақмет, болды!

С а қ ш ы д а у с ы. Жау танктері, алдыңғы соғысып жатқан танктеріне көмекке тоғайдан тағы қалың лек шықты.

Н ұ р л а н *(тез орын алып, өлшеп, қатты команда берді)*. Дивизион! Бірінші, екінші батарея, бар зеңбіректен, сегіз снарядтан, алыс ұрар, бронь бұзар гранатпен, тоғай алқымын тосып, алдыңғы танктерді байлап, залппен әзірлен! Үшінші батарея, бар зеңбіректен, шрапнельмен, он снарядтан әзірлен! Төртінші батарея, тында... төртінші батарея, бар минометтен, жау зеңбіректеріне, үш қайыңның түбін байлап, он бес снарядпен залппен, әзірлен! Пулемет, үш қайыңның түбіне тосқын оққа әзірлен! Дивизион! Огонь!

Ербол команданы батареяға береді, “огонь” деп қолын төмен сілкеді. Патырлаған оқтар, аздан соң саябырлап тоқтайды.

Нұрлан тағы команда береді.

Төртінші батарея, бар минометпен, тағы да сол нысанамен, он снарядтан беглйй, огонь!

С а қ ш ы. Жау зеңбіректері саябырлады, аман қалғаны бізді атқылап жатыр.

Үсті-үстіне шрапнель келіп жарылады. Сахнадағы бірнеше адам жарылады. Нұрланға тағы оқ тиеді, Ира ұмтылады.

И р а. Тоқтаңыз, шығыңыз енді, жолдас Нұр!
Н ұ р л а н. Қолым! Қолым ғана... шықпаймын!

Тағы да шрапнель жарылады. Санитар алып кетеді.
Нұрлан команда береді. Политрук жығылады.

Бірінші, екінші батарея, бар зеңбіректен, ондағы үлкен шырша түбіндегі жау зениткесін байлап, он снарядтан, бронь бұзар гранатпен, төртінші батарея, үш қайыңның түбін байлап, бар минометтен, тағы залппен, он снарядтан... Сол нысанамен! Огонь! *(Атылады.)*

С а қ ш ы. Жау зеңбіректерінің оты азайды... Бір-ақ зеңбірек қалды... Танктер іркілді...

Тағы снаряд. Нұрланға үшінші оқ тиеді. Денеден тиген.
Ира ұмтылып құшақтайды.

Н ұ р л а н. Жоқ... әлі... әлі бар... *(Команда.)* Төртінші батарея, бар зеңбіректен, бес снарядтан, үш қайыңның түбін байлап, залппен... фашистің соңғы зеңбірегін байлап! *(Үні әлсірей береді, күшін қайта жинап.)* Отан үшін, Сталин үшін огонь! *(Атылады.)*

С а қ ш ы. Ойран болды... Басылды жау зеңбірегі, танктер тоқтады, қалғаны қашты.

Н ұ р л а н. Жаңыласың, ала алмайсың бізді... Арам болар! Датов Ербол, ал команданы. *(Әлсіреп құлайды.)*

И р а. Асыл Нұр! Сүйікті Нұр! Бауырым! *(Құшақтап алып, көтеріп алып кетеді.)*

С а қ ш ы. Жау самолеттері. Бомбардировщик, истребитель эскадрильясы... бізге беттеді.

Е р б о л *(команда)*. Дивизион, бар батарея, маскировка!.. Шапшаң маскировка!

Команда кете береді. Сахнада шапшаң қозғалыстар, бар қару тез маскировкаға жатады... Адамдар да сырттарын өсімдіктермен бүркеп алып, тапжылмастан тына қалады.

Сақшы. Біздің истребительдер қарсы шықты. Айқасты. Жаудың екі бомбардировщигі бізге қарай тақауда.

Снарядтар жарылады.

Тімтініп жүр. Тақады... Төмендеді... шүйді!

Снаряд.

Ербол (*команда*). Төртінші батарея, төртінші минометтен жақын бомбардировщикке он снаряд, әзірлен! Пулемет ондағы жақын бомбардировщикке тосқын отпен! Огонь! (*Атқылайды. Шәршен ұзақ өңіред береді.*)

Сақшы. Тайды... Ұзай бастады!

Ербол. Төртінші миномет, маскировка!

Шәршен. Айқасты. Звездов шүйді! Тепті. Кетті бір самолет!

Алыстан ағып, жайнап түскен самолет елесі.

Скиба. Тағы... тағы пулеметпен ұшырды. Көк қаршыға!

Шәршен. Қабылан ерім, Звездов... Шұмқарым!

Ербол. Көк қаршыға... Көкжендет! Есіл ер! Үшіншісін, үшіншісін бетке алды.

Шәршен. Өзіне, өзіне де бәрі оқталды-ау! Шабуылға айналды-ау... А, а, біздің өзге екі-үш самолет көмекке, көмекке салды.

Ербол. Япыр-ай, жабыла бастады-ау!

Бір кезде аспанға қараған бойда Назым жүгіре шығады.

Қасында бір санитар.

Ербол (*жалт қаран*). Жасырын... Қозғалма! (*Қаран, танып.*) Наз, апатайым Наз!..

Назым. Ербол, бауырым... (*Қасына жетіп кеп, сүйін алады.*) Аманбысың, саумысың, бауырым!

Ербол. Өзім аманбын... Бірақ не керек, несін айтайын, Наз апа... Жаңа командиріміз, есіл ер командиріміз қатты жаралы боп кетті.

Н а з ы м. Ол қайда, қайда жатыр?

Е р б о л. Ира, Ира алып кетті жаңа.

Н а з ы м. Қап! Асығыс көмек боп, осында берер ме едік!
Мен мына самолеттегі, мынау ерге көмегім керек болса,
жақын тұрам деп, осында жеттім.

Е р б о л (*аспанға қаран*). Наз апа, ол ер... нағыз ер... Звездов қой ол. Әне ұшырды...

Ш ә р ш е н. Тағы ұшырды, қан құстырды фашиске!

Алыста жанып, ағып түскен үшінші самолет байқалады.

Әттегене, әттегене-ай... Өзін, өзін көздеді-ау анау шұм...

Е р б о л. Япыр-ай... жазым болды-ау!

Н а з ы м. Есіл ер-ай, жанды ғой самоләті, құлады ма?

Е р б о л. Жанса да жауды тағы құлатты... Соңғы оғымен
ұшырды.

Ш ә р ш е н. Әй, бірақ өз оты басылмады-ау... Маскара,
құлай бастады ғой.

С к и б а. Құлаған жоқ, сонда да штурвалын ұстап келеді.
Жанды... жанып барады.

Н а з ы м. Жерге жетсе екен... Бізге қарай тартты. Осылай... Осылай жетіп қоншы, иә, сәт!..

Осы кезде жанған самолет елесі сахнаның бір жағынан, биігінен
екінші жағына түгіндеп, жанып кеп қонғандай болады.

Н а з (*санитарына*). Жүр! (*Ұмтыла береді.*)

Е р б о л. Наз, алдың жауып тұрған оқ, сақ болшы!

Н а з. Бәрібір, қош!..

Е р б о л. Бұқ, бұғып баршы тым құрыса!..

Н а з. Өліміне ара түссем, арманым жоқ, жүр! (*Жөнеледі.*)

Е р б о л. Жауып тұрған оққа кетті-ау. Скиба, жібер, қос
үш кісіні! Шапшаң, Наз, қайран Наз, ұмытпаспын! Япырай,
аман, аман кетіп барады. (*Жым-жырт аз тыныстан соң.*)
Жетті, ашты есігін.

С к и б а. Кабинаға өрт жеткен.

Ш ә р ш е н. Әй, өлген ғой.

Е р б о л. Үсті жанып жүр ғой. Өртеніп отырып, өз жеріне
жетіп қонған.

Тым-тырыс. Аздан соң Наз бір жағынан өзі арқалап, Звездовты
алып келеді. Санитар оқ тиген Звездовты жерге қойып, үстіндегі
киімдерін айырып-айырып жіберіп, асығыс камға кіріседі.

Жаны бар ма, Наз!

Назым. Ауыр... ауыр. Тез, тез алып жүр! Токташы!
(Звездов көзін әрең ашқандай.)

Звездов. Қайдамын?

Назым. Өз жеріңдесің, өз адамдарыңыз.

Звездов. Құтқарғанға соңғы тынысыммен алғыс айтам.

Назым. Соңғы тынысыңыз емес... сіз өлмекке жол емес, ал, алып жүр, шапшан! (Жөнеліседі.)

Ербол (телефонда). Мен! Дивизион командирінің орнындағы лейтенант Датов... Адам шығыны бар... батарея тегіс түгел. Жаудың зениткесі мен зеңбірек батареясын өшіруімізге себеп болған командир майор Бектасовтың дәл командасы. Өзі алдыңғы қатарға барып, есепті дәлдеп әкеліп, өзіне үш рет оқ тигенше команданы тастамай, жау оттарын тегіс бастырды. Қазір санчасть алып кетті. Звездов ауыр жаралы. Доктор Бердиева от арасынан барып, алып шықты. Пунктке алып кетті. Дивизион командалары жеткілікті. Дивизион бар құралдарымен шабуылға әзір, жолдас генерал-лейтенант, қазір!..

Телефонды токтатып, команда береді.

Дивизион, шабуылға! Әзірлен! (Командалар кетіп жатады, асығыс қозғалыс.)

Ш ы м ы л д ы қ

ТӨРТІНШІ АКТ

Алтыншы сурет

Түн. Брезенттен істелген ұзын палатка. Ол орталықта. Оң жақ шетте екінші палатка. Бұнда жаралы Нұрлан жатыр, басы-колы ораулы. Біріншіден емделген, бинт оралған, ауруларды әкетіп жатады. Назым жөнелтіп жатады. Бұл палаткада жалғыз ғана ауру қалады. Ол — Звездов. Екі ауру да екі халде. Сахна ашылғанда, Ира Нұрланның қасында отыр. Назым асығыс әзірлік жасап, үстегі әскер киімін тастап, ақ халат киіп жатыр. Үстелде

спиртовкалар жанып, аспаптар кайнатылады. Простыня,
орамалдар әкелтіп жатыр. Наз қасында көмекші
фельдшер-санитар жүр.

Н а з ы м (*Звездов қасына барып қайтып*). Бол! Тезірек,
жарықты күшейт! Қан көп кетіп барады. Тездет! Жарық,
жарықты молайт, санитарлар... жарық әпкел... тез!

Фельдшер асығады. Санитарлар жүгіріп жүріп, жарық әкеледі.

И р а (*Назға жүгіріп кеп*). Наз! Тындашы, Наз! Майор
Нұр әлсіреп барады. Қан тыйылмай жатыр...

Н а з ы м. Мұнда да сондай, Ира... Қазір!

И р а. Майор сондай ерлік еткен, сондай қымбат.

Н а з ы м. Ира, білемін.

И р а. Наз, кешікпеші!..

Н а з ы м. Ира, асықтырма... сабыр тап, састырма мені.
Жауапты операция... (*Фельдшерге.*) Шапшаң кәні, үстелге
әкеліндер.

Санитарлар мен фельдшер Звездовты үстелге әкеле береді.

Генерал асығыс кіреді.

П о т а п е н к о (*қолын жуып, резинка қолғап киіп, бетін
оратып жатқан Назға асығыс кеп*). Доктор! Сіз доктор Бер-
диевасыз ба?

Н а з ы м. Иә, жолдас генерал!

Г е н е р а л. Сіздің ерлігіңізді естідім. Ракмет, доктор!

Н а з ы м. Бірақ мен операцияға кірісем, асығыспын.

Г е н е р а л. Кешіріңіз, майор, дивизион командирі,
майор сізде ме? Звездов... летчик сізде ме?

Н а з ы м. Қазір соның операциясы.

Г е н е р а л. Екеуін де, екеуін де құтқарыңыз, доктор!
Дивизионның мақтаны екеуі... құтқарыңыз, доктор, менің
екі сұңқарымды, екі асыл арыстандарымды...

Н а з ы м. Генерал, мен операцияға кірісем.

Г е н е р а л. Қазір көмекке, сізге көмек етуге армия
врачын шақырам. Ол осында болмақ, қазір профессорды
жіберем... жіберем бе, доктор?

Н а з ы м. Тез жіберіңіз, консультациясы... жәрдем
кажет... ал, рұқсат етіңіз.

Г е н е р а л. Кірісе көріңіз, құтқарыңыз, доктор... екі арыстанымды. *(Жөнелді.)* Армия врачын тез... шапшаң... профессорды! *(Кетеді.)*

Н а з ы м *(көзінде үлкен көк көзілдірік, беті-мұрны таңылған, үстелге жақындап, шапшаң қимылдан).* Ира, мыналар жетеді... Сен майорға, майор жанына бар. Сонда бол, демін үздірме... бар, жүрегін, тамырын бақ!

Қасында үш көмекші бар, шапшаң қозғалып, қайшымен, ланцетпен, операция пышағымен кезек қарекет етіп, іштің операциясын істей бастайды.

И р а *(Нұрлан жанында, аурудың жүрегін тыңдап).* Қазір, қазір көмек жетеді... Қымбат Нұр... қазір!

Ербол шығады. Ираға қарай жүгіреді.

Ербол, тоқта! *(Қолын созып, отырып белгі етеді.)*

Е р б о л *(ақырын басып, тоқырап).* Жайлары қалай? Жөнін айтшы, тым құрыса?!

И р а *(қасына кеп).* Белгісіз, халдері ауыр.

Е р б о л. Дәрігер не дейді? Наз не дейді? Қарады ма?

И р а. Звездовка операция жасап жатыр. Мәлімсіз.

Е р б о л. Нұрланға ше?

И р а. Қазір, анау операцияны болысымен, бұған да істейді.

Е р б о л. Мынау Нұрлан ба? Есі қалай? Таныр ма еді? Бір ғана... бір ауыз ғана хабар айтсам қайтеді?

И р а. Жоқ, Ербол! Доктор көрмей, рұқсат жоқ. Залал келтіреміз...

Е р б о л. Жақсы хабар... Радио хабары еді. Ира?

И р а. Жоқ, Ербол болмайды. Шабуылға кетіп ең ғой? Солай емес пе еді?

Е р б о л. Солай, бір сағаттай қатты шабуыл жасап, үлкен іс қып келдік.

И р а. Тегіс аманбысындар?

Е р б о л. Шығын аз ғана. Жаңа тынығуға қайттық та, әдейі осында... асығып ем... япыр-ай, Ира...

И р а. Отыр, тос! Қазір Наз шығады. *(Өзі орнына барады.)*

Асығыс Рубанов шығады.

Рубанов. Доктор қайда?

Ира. Операцияда. *(Рубанов халат кие бастайды.)*

Рубанов. Операция қайда?

Ира. Мұнда, бірақ сіз... сіз кімсіз?

Рубанов *(документін көрсетіп)*. Армия врачы профессор Рубанов! Әдейі операцияларға, консультацияға келдім.

Ира. Ендеше, міні, кіріңіз.

Рубанов *(кіріп, Назға кеп араласа бастан)*. Амансыз ба? Армия врачы.

Назым. Келіңіз, ақыл қосыңыз. *(Өзі қарамай істеп жатады.)*

Рубанов *(ақырын сөйлеп, аурудың жөнін өзі сұрап, өзі жауап беріп жатып)*. Дұрыс... батымырақ. Жақсы... тамыры қалай? Дұрыс... Жүрегін бағу қажет. Қан... қан керек. *(Фельдшерге.)* Әзір ме? Ауыр операция! Ерлік еттіңіз, доктор...

Назым. Оқ, міне, а, тағы бір оқ!..

Рубанов. Жақсы... дұрыс. Енді таза. Тез, тез, қан... қан жіберіңіз *(Өзі көмектесіп, қан құйысады)*. Жақсы, жақсы, кабыл алынды. *(Аз тыныстан соң.)* Бітті!

Назым. Түсіріңдер, төсекке апарыңдар! *(Өзі апарысып жатқызады. Ауру “уһ!” дегендей.)*

Звездов. ...Не болды?

Назым. Тыныш болыңыз, жақсы, халіңіз жақсы.

Звездов. ...Операция қалай өтті?

Назым. Жақсы өтті... Оның белгісі осы сөйлеп жатқаныңыз. Ал енді қозғалмай тыныш болыңыз.

Рубанов *(Назбен қол жуысып жатып)*. Доктор, мен сіздің операцияңызға қатты ризамын... Ерлік те, шеберлік те тең болды. Ғафу етіңіз, қай докторсыз?

Назым *(бетіндегі байлауын, көзілдірігін алады)*. Есенсіз бе, Алексей Иванович! Мен өзіңіздің шәкіртіңіз...

Рубанов. Бердиева Назым! Құттықтаймын! О-о, дұрыс-дұрыс... Осылай болу керек. Мен биылғы Қарағандыдан жіберген тәжірибенізді ұмытқам жоқ. Шәкіртім үшін сонда да қатты қуанғам.

Ира *(жүгіріп кеп)*. Наз, майор халі ауыр. Жүрегі солғындап барады.

Назым. Тағы бір жауапты операция бар, Алексей Иванович, көмек етіңіз. Асығыс! *(Екеуі тысқа шыға береді.)*

Е р б о л. Наз... Назым...

Н а з ы м. Ербол жаным, асығыспын... *(Тез жүре береді.)*

Е р б о л *(асығып, ілесе жүріп сөйлейді)*. Сол жаралы адамға жалғыз жақсы хабар бар еді. Еміне сеп болар еді білдірсем. Міне, Мәскеуден. Радиомен бір жұмадан бергі асқан ерлігі үшін 181-ші дивизион командирі майор Нұрлан Бектасовқа...

Н а з ы м. Нұрлан? Нұрлан... Бек... Бектасовқа?

Е р б о л. Ленин ордені берілген.

Н а з ы м. Нұрлан... Бектасов, ол қайда? Қайда қазір?

Е р б о л. Е, әне...

И р а. Анау майор сол емес пе?

Н а з ы м. Болды! *(Ұмтылып.)* Нұрлан... жаным... *(Келе перевязкасын шешіп жатып.)* Нұр... дейді.... кім? Кім атады үйдеп... білсем... білсем етті. Нұрлан жаным! *(Рубанов төніп, жабысып, қатты зер салып қарайды.)* Александр Иванович, қатер ғой!

Р у б а н о в. Қатерлі, қан біткен ғой... кешігіппіз ғой!..

Н а з ы м. Қымбатты ұстазым, көмек етіңіз... Кешігіппін, қайырып беріңіз маған бұл жанды... Қан, қан, шапшаң әкел!

Р у б а н о в. Қан жібергеннен басқа шарам жоқ. *(Қанды алып өзі құяды, екеуі әрекет етеді.)* Есін жиса, аз уақытқа жиса, о да іс қой... Ауыр ғой... Әй, үмітсіз ғой. *(Тосып тұрысады.)*

Н а з ы м. Кішкене әл кірді.

Р у б а н о в. Сізді таныды ғой. Жақындаңызшы.

Н а з ы м. Нұрлан жаным!.. Мен Наз, Назың ғой. Айтармысың жалғыз сөз!

Р у б а н о в. Соңғы тынысымен бір нәрсе айтпақ сияқты. Сізді білді ғой.

Н а з ы м. Мені білуші еді... Жақсы білуші еді, профессор... айтса екен...

Р у б а н о в. Ендеше, осыдан басқа шарам жоқ... Сіз тыңданыз сөзін... Мен керегіңізге әзір тұрам. *(Кейін кетеді.)*

Н ұ р л а н *(жүзіне қадалып, төніп отырған Назға әлсіз үнмен)*. ...Бармын ба?

Н а з ы м. Барсың, жаным Нұрлан.

Н ұ р л а н. Түсім бе?

Н а з ы м. Түсің емес, қасыңда Наз... Назың сенің.

Н ұ р л а н. Шын ба? Менің Назым ба?

Н а з ы м. Сенің Назың! Сенің алдында арым таза, сақтап келдім. Жүрегіме сақтап келдім сені мен.

Н ұ р л а н. Мен... мен де сақтап ем... алғыс... Соңғы тынысыммен алғыс айтам... Рәш!.. Рәшім бар ма менің?

Н а з ы м. Бар... жақсы өсті... Сені сағынып еді, іздеп еді. Маған әкемді тап деп қарыз етіп еді. Мен сені таппаққа ант еткен ем... жаным!

Н ұ р л а н. Ризамын... Ендеше, тілегім... Назтайым, бар тілегім... балама, қызыма телеграмма соқшы! Әкесінің... табылған, сағынған әкесінің атынан телеграмм соқшы. Әкең сені тапты деп соқшы. Уәде берші...

Н а з ы м. Орындаймын... Нұрлан қуатым! Бердім уәде.

Н ұ р л а н. Болды... *(Әлсіреп барады.)*

Н а з ы м. Қаталық, ақымақтығым болып еді, кеш мені, Нұрланым! *(Сүйеді.)*

Н ұ р л а н. Кештім... сен... сен де кеш!

Наз жабысып сүйген күйде Нұрлан үзіледі.

Бұл уақытта Рубанов Ербол, Ираларды алып кеткен.

Н а з ы м. Жаным! Жан жарым, Нұрланым!

Өлген Нұрланның басын құшақтап, алдына алып, қадалып, катып отырып қалады. Сахнада қараңғылық қоюланып барып, меңіреу кара түн түседі. Сахна жым-жырт. Тек октын-октын суық бір түннің жат бір күрсіні сияктанып, алыстан атылған зеңбіректің “у-у-ух!.. у-у-ух!” — деген үндері келеді.

Айнала айқындалып, аздап көріне бастайды. Алғашқы бір халде,

Нұрланның басын құшақтаған Наз отыр. Жарық молаяды.

Таң атты, үнсіз сарылып отырған Наздың осы бір түн ішінде қап-қара шашы тегіс аппақ боп ағарып кеткен.

Наз тапжылмайды. Аздан соң Потапенко шығады.

Қасында Рубанов, артқарақ Ира, Ербол.

П о т а п е н к о. Япыр-ай, шын ба? Шын-ақ айырылдык па? *(Жақындап кеп қалтағын алып, иіліп ұзақ қарап тұрып Нұрланның маңдайынан сүйеді.)* Бақұл бол, жауынгер дос! *(Ербол да бас киімін алады.)*

И р а *(Ерболға)*. Не болған? Назға не болған, Ербол! Неткен өзгеріс!

Е р б о л. Бір-ақ түнде бар шашы аппақ боп кеткен. Наз...
Қасиетті Наз!

Рубанов та көріп, қатты сес қылады.

Р у б а н о в. Доктор, сіз кінәлі емес едіңіз ғой...

И р а. Наз! Сүйікті Наз!.. Саған не болған, бар шашың
аппақ қой? *(Нұрланның басын Наздың алдынан қозғап,
төсекке жатқызады.)*

Н а з ы м. Ира, тоқта!.. Тимеші!

Бірінші палатка алдында қозғалыс, аздан соң дөңгелек креслоға
отырған Звездовты бір санитар алып келе жатады.
Звездовтың басы, кеудесі ораулы.

Р у б а н о в *(көріп, шошынып)*. Тоқта... Бұ не? Кім қозғады,
кім рұқсат етті?

Н а з ы м *(жалт қарап, атқып тұрып)*. Бұйткен кім? Сізге
кім рұқсат етті? Ира!

З в е з д о в. Ғапу етіңіз, профессор, доктор! Кінәлі мен...

Н а з ы м. Сіз қозғалуға рұқсат жоқ. Бұ не? Қатер!

З в е з д о в *(ажарлы үнмен)*. Рұқсат сұрамайтын сағат
бар... мынау сол, жақындатыңыз. *(Генерал рұқсат еткен-
дей... Санитар Нұрланға жақындатады.)*

З в е з д о в. Нұр! Қадірлі Нұр!.. Жай өмірде жан аямас
жолдасым... майданда жауынгер досым! Қош, Нұрлан ба-
уырым! Бауырым менің. *(Еңкейіп маңдайынан ұзақ сүйеді.)*
Отанның ері еді ол!..

Н а з ы м. Ол Отанның ері еді... Менің жарым еді...
(Барлық жұрт қатты қайран болады.)

З в е з д о в. Түсіндім... Шашың да ағарған... Түсіндім
бәрін! *(Наздың шашына маңдайын иіп.)* Қарыздармын!
(Ажарлы.) Біріңнің өлімің, біріңнің қасиетті қайғың кек
құйсын, кемімес кек құйсын біздің жүрекке. Қайта шығар!..
Қайта шығаршы, мені тез аспанға, қадірлі Наз!..

Ш ы м ы л д ы қ

Жетінші сурет

Шахта директоры Сәттің кабинеті. Ұзын үстел
айналасында, дивандарда Сәт, Ескендір, Тәнеке, Асановтар.

Учаске начальниктері, кейбір бригадирлер. Аздаған
стахановшылар. Осылардың ішінде Мәрияш, Қаден.

Жұрт радио тындап отыр.

Радио. СССР Ұлы Советі Президиумының Указы:

СССР Ұлы Советі Президиумы жаудың 141-ші танк
дивизиясын ойрандауда өзгеше ерлік көрсеткендері үшін
төмендегі жауынгерлерге, командирлерге және дәрігер, са-
нитар қайраткерлеріне үкіметтің жоғары дәрежелі сыйын
беруді қаулы етті.

Ленин ордені:

1. Бектасов Нұрланға – майор, дивизион командирі.
2. Звездов Александр Егоровичке – майор, истребитель
эскадрилья командирі.

Жауынгер Қызыл Ту ордені:

1. Датов Ерболға – лейтенант.
2. Малышев Иван Семеновичке – старший лейтенант.
3. Бегешев Шәршенге – старший сержант.
4. Скиба Матвей Ивановичке – кіші лейтенант.
5. Бердиева Назымға – екінші ранг военный врач.
6. Светлова Ирина Яковлевнаға – медсестра.

СССР Ұлы Советі Президиумының председателі

М. Калинин.

СССР Ұлы Советі Президиумының секретары

А. Горкин.

Мәскеу, Кремль.

Радио тоқтайды. Ербол мен Назым, Ира аттары аталғанда,
тындап отырған жұрт қатты қуанған, таңырқаған. Бірақ
бірін-бірі ымменен тоқыратып отырған жайларды көрсетісіп еді.

Сәт (*қуанып*). Міне, айтпап па ем!

А с а н о в. Бәсе, кешегі ерлік эпизодтарын естігеннен осыны тосып ем... Ерлер!.. Жауынгерлер!

М ә р и я ш. Қалқам, садаған кетейін, қайным Ербол!

Т ә н е к е. Қалқаларым... ұл мен қыз туса, сендердей тусын! Назым, алтыным!

С ә т. Ира ше?

Т ә н е к е. Өркені өссін оның да. Еркек осылар деп ем... Жүрерде де әншейін емес, оттай жанып, шоктығы шығып кетіп еді тегіс!

Е с к е н д і р. Ел-жұртының намысын қолдарына шамшырақтай ұстап кетіп еді.

Қ а д е н. Қасымызда жүргенде қадірлерінді білсекші, асылдарым-ай! Айналайын!..

А с а н о в. Ал, анау Бектасов Нұрлан... Нұрлан дейді ғой... Ол кім болды?

Е с к е н д і р. Ол бәрінің командирі... Майор... өзгеше қайрат соныкі емес пе? Естідің ғой кеше.

С ә т. Бектасов... Нұрлан... Бектасов!..

М ә р и я ш. Назды айтсаңшы... От астынан өзі алып шығып, өз емімен өлімнен алып қалған.

Т ә н е к е. Үш жерден оқ тигенше қайтпаған, жаным-ау, от па бұл жүрек!..

Қ а д е н. Соны айт, соны құтқарған Иранның асылдығын айтсаңшы!

Т а н е к е. Осыны... сол Бектасовты қалай емдеді екен? Қалай құтқарды екен...

А с а н о в. Бәсе, соны айтпады-ау осы.

С ә т. Нұрлан... Бектасов!.. Білетіндерің бар ма осы адамды? (*Жұрт үндемейді.*) Япыр-ай, осы атты мен бір естіген едім. Жаңылмасам, Наздың аузынан естіген сияқты ем. Көмескілеу бір айтқан сияқты еді. Қарағандыға соңғы рет қайтып келген күндерінде Наз осы атты бір атаған сияқты еді...

Е с к е н д і р. Кім болса да тек тірі қалсын! Тірі болса екен өзі!

Т ә н е к е. Қайран, асыл ерім-ай... Кім болса елдің сынын танытқан, ел мақтаны болатын ұл ғой.

Рәш жүгіріп кіреді. Қатты қуанышты. Үй іші тез жадырап, қуаныса қарайды.

Рәш. Сәт аға, рұқсат па?
Дауыстар. Кел! Кел! Рәш! Рұқсат... рұқсат.
Рәш (*Сәтке*). Мешайт етпеймін бе?
Сәт. Кел... шапшаң кел, Рәшім! (*Қасына Рәш жүгіріп келгенде.*) Немене, бір қуаныш хабарың бар ғой! Солай емес пе?

Рәш. Бар...

Сәт. Айт шапшаң.

Рәш. Бірақ, Сәт аға... (*Айнала көптен ұялыңқырап іркілгендей.*)

Сәт. Айт кәне. (*Рәш тоқырап, қысылыңқырап тұр.*) Ал сен айтпасаң мен айтып қоям, менің де саған айтар үлкен қуаныш хабарым бар.

Рәш. Рас па? Ендеше, сіз айта қойыңыз...

Сәт. Жоқ, әуелі өзің айт.

Рәш. Жоқ, сіз.

Сәт. Жоқ, сіз өзің... (*Күлкі.*)

Рәш. Ыңғайсыздау ма әлде? Бірақ, Сәт аға, Асанов аға, өзім қуанған соң екеуіңізге де айтайын деп ем.

Асанов. Айт, Рәштай!

Рәш. Айтам... Ендеше, менің мамам папамды тауыпты. Білесіздер ме, мен оны сағынып ем. Мамам уәде беріп еді... Енді менің анам... менің әкем де бар. Олар... олардың екеуінен маған телеграмма келді. (*Телеграмды қолына ұстап тұр.*)

Асанов. О-о, зор қуаныш екен, Рәшім!

Сәт. Қуанышың әбден орынды... Сондайлық үлкен зор, зор шаттық... Құтты болсын, Рәш.

Рәш. Ал, Сәт аға, енді сіз... сіз айтыңызшы?

Сәт. Айтам енді. Сенің мамаң, жақсы ер мамаң, майданда үлкен ерлік етіп, жауынгер Қызыл Ту орденін алыпты.

Рәш (*ыршып қуанып кетіп*)? Рас па? Не дейсіз, шын ба! Сәт аға!.. Асанов аға! (*Асановты құшақтай алады.*)

Асанов (*бетінен сүйіп*). Рас... рас, қайырлы болсын, көрдің бе, әне анаңды.

Сәт. Әнеки, сен қандай ананың қызысың...

Рәш. Мама милая... Родная мамочка!

Осы уақытта Сәтке бір телеграмма келеді.

С ә т (*телеграмды қолына ұстап, ашпай тұрып Рәшке*).
Кәне телеграмынды көрсетші. Айтпақшы, сенің папанның
аты қалай еді осы, Рәш?

Р ә ш. Менің папамның аты Нұрлан... Нұрлан Бектасов!
(*Үйдегілер тегіс.*) Нұрлан? Бектасов Нұрлан?!

С ә т (*бұл телеграмды қарап шығып*). Нұрлан! Ә, рас
Нұрлан... Иә... (*Өз телеграмын қарап, тез өзгеріп, тағы қарап
шығып күрсінеді. Асановқа береді.*)

Қ а д е н. Нұрлан? Е-е, жанағы, апыр-ау (*дей бергенде.*)

С ә т (*Қаденге*). Токта, Қаден! (*Рәшиті бауырына қысып,
шашынан сүйіп.*) Ал, Рәш, сол енді...

Р ә ш. Сол болды... Мен кетем. (*Тоқырап.*) А, рас, мама-
ма ұялмай хат жазу үшін мен өзіміздің форпостың ісі тәуір
болса, сөз айтар ем.

С ә т. Айт, қарағым... жақсы істейім деп жаз.

Р ә ш. Бірақ ол әзірше шын емес қой әлі, Асанов аға.

А с а н о в. Онысы рас, Ескендірге тез беріңіз. Не ке-
рек болса, бәрін тез тауып бергізші, Ескендір. Рәш ынталы
жақсы пионер (...) көмек етші.

Е с к е н д і р. Жарайды, Рәш! Айтшы ендеше, не керек
еді өзіне? (*Екеуі оңашалана береді.*)

Р ә ш. Жақсы, олай болса. Бірақ сіздерде жұмыс бар ғой...
Қазір бөгемейін, екі сағаттан соң тізім жасайын да, өзіңізге
келейін, жарай ма, Ескендір... Ескендір аға?!

Е с к е н д і р. Жарайды, Рәштай! (*Құшақтап арқаға
қағады.*)

Р ә ш. Білесіздер ме, Ескендір аға! (*Тоқырайды.*)

Е с к е н д і р. О не, Рәш? Айтшы!..

Р ә ш. Қазір мен сізді де сондай жақсы, жақын аға
көремін.

Е с к е н д і р. Қазір ғана ма, Рәш-ау? Бұрын ше?

Р ә ш. Шын айтайын... бұрын ондай емес едім... Біл-
меймін... Бұрын әлденеге сізден мен қорқушы едім... Ал
қазір тыныш боп тұрмын... Сондай! Әлде мен ақымақшылық
сөз сөйледім бе? Білмеймін.

Е с к е н д і р. Жоқ, Рәш, жақсы... Соның үшін мен қайта
бетіннен сүйейін. (*Сүйеді.*) Ақылды Рәш!

Р ә ш. Ну, ендеше, дос болдық, Ескендір аға!

Е с к е н д і р. Құп, Рәш! (*Рәш жүгіріп кетеді. Үйдегілер
үнсіз отырып қалған.*)

С ә т (*Асановтың қолындағы телеграмды алып*). Көрдiңдер ме мынаны? Жаңа Рәш, өзі алған телеграмды көрсетіп тұрғанда, мына телеграмма жетті. Бұл Наздан! Нұрланды тауып ем, бірақ Нұрлан қайтыс болды. Қолымнан жөнелттім... Тек Рәш білмесе екен депті... өтініпті!..

Д а у ы с т а р. Қайтыс бопты! Нұрлан!

Жұрт жым-жырт.

С ә т (*үлкен ойда сияқты*). Бұл не? Не дейді бұл күй?! Жаңағы бала... ғазиз бала... Соның жүрегіндегі тулаған қуаныш, соның көзіндегі жанған үміт от, сол бір бала емес, бар баламызды, тіпті келер нәсілімізді ойлатпай ма? Бүгінгі қайрат күтер ересек буын бұнда болайық, майданда болайық, қандай сында тұрмыз біз? Кеше осы күнді адал қанымен әперіп кеткен әкелер алдында не дер ек!.. Жаңағы өзгеше боп жайнап келе жатқан өмір гүлі алдында не дерміз! Осы міндет алдында біреудің амандығы, біреудің тыныштығы, біреудің өзiмшiл күйбеңi – жиып келгенде, бәрі жабық көңіл жадысы – күл болсын демес пе ең, соның бәрін де? Өлген ер ғана емес, сол майданда тірі жүрген азамат анау Ербол, анау Наздың жүзін көруге ұялмасам екен тек... Еңбегім мен тірлігімді енді сонда ғана демесем, нем азамат енді?

Пауза.

Е с к е н д і р (*шұғыл жылап жібереді, жұрт ішінен “үй, бұ нең?” дескен үндер шығады*) Жок. Ж-ок! Орынсыз бір жас! Жай бір ұйтқын... жас керек емес... бір тамшы жас керек емес. Серпін, өзгеше серпін... Қарағанды, Қарағанды болғалы көрмеген, ел, Отан алдында ер қарызын актарлық бір қайрат табайықшы... Соған бастайықшы бәріміз.

Т ә н е к е. Соны айт, соны тап... Сөз қысқа! Ер басы екі нормадан асырдык, ел мақтады деп отырмайық, тағы өрлейік, тек жолын айт!

Б р и г а д и р. Жан аямас жалынды біздің білегіміз әлі де асқындытып ата алады.

Қ а д е н. Шахтерлер жиылды әне... Соны айтшы бізге...

А с а н о в. Айтатын сөзді біреу ауызға салмай-ақ, біздің жұрттың өз жүрегі нұсқайды бүгін! Алтын ана қойнындай

ұлы ұяңа туған сын күн, қатал күн, қатер күн ашып отыр. Кеңшілікте ет пен терінің арасындай бергі жерде жүретін ұсақ тілек, мардымсыз машық – баршасын сол күн жуыпшайып ап кетті де, биік қасиетті бөлек адам, ұлы адам шықты. Міне, дәл осы күнде... біртіндеп шыққан жоқ, миллиондап шықты Отаннан. Ол адам майданда ғана емес, осында да отыр... Тұр әне тегіс жиында... Жүріндер... Сендер ата деген серпінді қазір соның бірінен емес, бәрінен естисің... Ойға алған өрді алғанын көресің қазір!

Б р и г а д и р. Қарағанды кенінің бар шахтасы бастайтын, бәріне үлгі тастайтын сын атайық.

Е к і н ш і б р и г а д и р. Жалғыз Қарағанды кені емес, бар Қарағанды облысы, анау Балқаш, анау Жезқазған – барлық осы облыс өндірістерін тегіс өктем іске шақырайық!

Т ә н е к е. Жок, ендеше, Қарағанды облысы ғана емес, бар Қазақстанның қорғасындай Лениногорын, қорғасындай Шымкентін, мұнайлы Ақтөбесін, алтынды Алтайын, бар-бар ұлы өндірісті өлкесін түгел шарқ ұруға шақырайық!.. Жүр!

С ә т. Жүр шахтерлерге!..

А с а н о в. Жүр халыққа!

Ш ы м ы л д ы қ

Сегізінші сурет

Майдандағы армия. Дивизион флангісінің құрылысы бұрынғыша... Жер басқа. Маскировка да өзгерген.

Сақшы Малышев орны қазір жалғыз шошақ жақпар тас. Шымылдық ашылғанда, Шәршен пулемет өңіретін беріп жатады.

Е р б о л. Стой! (*Пулемет тоқтайды. Ербол бинокльге қадалған.*)

С а қ ш ы. Тоғайға қайта кірді!

Е р б о л. Дивизион! (*Қасына Скиба, Шәршен, тағы бірнеше командирлер келеді.*) Генерал Гольц те ендігі қалған күшінің баршасын жиды да, тоғайдың арғы шетіне қарай жөнкілді. Тіптініп, түрттініп жүр. Қоршауға іліккенін аңғарған, торға түскен шабақтай жүйткіді енді ол шеттен бұ шетке. Қазір оң флангісін 345-ші полк алды, артынан 21-ші танк батальо-

ны тас қабырғадай тіреліп тұр. Алды біздің жаяу полк пен біздің дивизион. Жалғыз сол флангіден үміті бар, ол шеті бес шақырымдай. Ағылып солай барады. Бірақ ол жеткен шақта алдынан 215-ші полк әзір болмақшы, тықсырып кеп қайта бастырады. Сонда... сонда ол қамауды бұзып өтуді ойлау керек. Басқа шығысы жоқ. Кімнің үстінен өтем дер екен, көреміз.

Ш ә р ш е н. Біздің тұсты байқап өткені сол ғой.

Е р б о л. Дұрыс... Сол... Біз әдейі екі зеңбірек пен сенің пулеметінді ғана сөйлеттік. Бұл жерде дивизион емес, болымсыз взвод қана бар екен деп ойласын... Келсін... Кімнің үстіне келсе, соның бағы. Гитлердің имперский дивизиясының барлық соңғы күшін, бар штабын, әсіресе, әттен, Гольцтің өзін соңғы сокқымен жаныштап, тұтқын қып алған бағы емей, немене? Хал осы, түсінікті ме?

Д а у ы с т а р. Түсінікті, жолдас командир!

– Түсінікті, жолдас Датов!

Е р б о л. Ендеше, орындарына барып, маскировканы жақсы етіп отырындар. Командирлер, көптен бері ұйқы жоқ қой, кезектеріңді мықты қып қойып, 40 минуттан мызғып алындар... Орындарыңа! (*Шәршенге.*) Жаңағы соңғы лық берген бір толқынын сенің оғың қайырды, Шәршен аға.

Ш ә р ш е н. Мен ақ келтеге... ақ келтеге сенем ғой, нысанаға жеткенде алдынан жер жыртқандай дәл түсіп, жарты қадам бастырмады ғой, ақ келте!

С к и б а (*бұлардың қасында қалған*). Бегешев, “Ақ келте, ақ келте” деп неге айтасың осы, сен?

Ш ә р ш е н. Ақ келтенің мәні бар, бірақ бәрін айтсам, алты ай керек.

С к и б а. Алты ай? Онда екеуіміз әңгімелесіп отырғанда соғыс та бітіп қалады ғой.

Ш ә р ш е н. Солай, сөйтіп, қысқасын айтайын... Ақ келте – Манас батырдың мылтығының аты. Ақ келте мылтығы, ақ олпок сауыты. Мылтығы осы сенің бірінші зеңбірегіңдей болу керек... Ал менің пулеметім кімнен кем?! Сүйсінгенде бұны да ақ келте деймін.

Е р б о л (*ұйқы жеңгендей, алға қарайды*). Титтей белгі жоқ. Бұ қашаған генерал көп күттірер ме екен тағы да?!

С к и б а. Қуғанымызға үш күн болды, енді қашуы баяулады ғой.

Ш ә р ш е н. Тұйғын келіп шалғанда, қоянның адымы қандай бүрісуші еді, бауырынан ынтыға алмай... солай ма?

Е р б о л. Токта, Шәршен аға! Қоян емес, қашқан қасқыр титықтап болып, қуғын жеткенде, бар пәрменімен қарсы шапшып, қауып та түсетін...

Пауза.

Көрінбейді. Қарағай жым-жырт, бүйте берсе ұйқы да басар.

С к и б а. Айтпақшы, жолдас командир, Ербол, сіз ұйықтамағалы тура, міне, екі жарым сөтке болды. Мызғып алыңыз.

Ш ә р ш е н. Рас, дер кезінде нысанадан жаңыласың! Көзің бұлдырайды... Мызғып ал...

Е р б о л. Скиба, сен тұр ендеше... Дәл 35 минуттан соң оятыңдар!

Бері келіп, бір кішкене түп ағаштың бауырындағы аласа таска отырады да, қалғып кетеді. Ұйқыда. Сахнада көкшіл мұнар.

Арғы жақтағы көріністің бәрін сол мұнар басады.

Ерболдың қасында Сталин тұр.

С т а л и н. Сен ұйықтап отырмысың, Ербол?

Е р б о л (*сасып қан*). Жолдас Иосиф аға...

С т а л и н. Оқа емес... оқа емес. Тынықпай бола ма екен? Қысылу керек емес. А, а, сендер мынау үшін күнде жаман кимыл еткен жоқсыңдар... Қатты қайрат етгіңдер.

Е р б о л. Тек тиянағы... тап жоғары жағы жақсы болса екен, Иосиф аға!

С т а л и н. А, соны айт, соған әзір болыңдар... Бар күшті жиып, бір-ақ ырғу бар... Сол ырғығанда және ажалдай соғып, бүріп түсу шарт. Сіз жымда жатқан ызалы, алып жолбарыстың, анау өздеріңнің Балқашыңның қалың қамысында жатқан жолбарыстың қалай шапшитынын естіп пе едіңіз?

Е р б о л. Дәл, дәл, Иосиф аға, бала күнімде Балқаш жағасында жолбарыстың бір-ақ шапшып бір түйені, үлкен жардай сары атанды бүктеп түскенін естіп ем.

С т а л и н. А, мұнда мысал түйе емес. Түйе ол үлкен де болса, момын... Мұндағы ол емес, қабан дейік. Қырыс,

касқой, хабарың болса, көп енбекпен егін егіп, сол егінін жайқалып өсіп қалғанда теріс азуымен жақсы, лық жерін дал-дал айырып кеткен қабан болса... сол қабанды жымда тосып жатқан жолбарыстың қандай шапшып барып, бас салып бүргенін көрсен, қандай сүйсінер ең... ендігі сендердің бірғуларың ел-жұртыңды сондай сүйсіндірсе...

Е р б о л. Ендеше, бұл қабан аман кетпес-ақ, Иосиф аға!

С т а л и н. Бірақ ол оңай емес. Жығыла беріп жарып кететіні де болады.

Е р б о л. Бәсе, бір сөз сұрауға рұқсат етіңізші, Иосиф аға!

С т а л и н. Сұраңыз.

Е р б о л. Осы қабан құтырғандай қатты ұмтылып, тісі тиіп, қан шығарып тұр-ау бізден. Солай емес пе?

С т а л и н. Бұныңызға мен екінші бір мысал айтайын. Сіз гректің ескі мифінен Самсон деген аса алып жайын естіп пе едіңіз?

Е р б о л. Иә, иә, естіп ем. Қызыл әскерде алғаш істегенімде Петербургте суретін де көріп ем.

С т а л и н. Сол Самсонның бүйіріне шапшып кеп жабысқан арыстан бар еді ғой... бір аяғының тырнақтары алыптың санын бүріп, тырнап жатыр, бір аяғы белінде, ер бойынан қан ағып тұр. Жыртқыштың аузы енді ішке жабыспақ еді, сонда Самсон шалқасынан қайырып ап, алмастай тістерінің арасына екі қолын сап жіберіп, бүгіле созылып, аш арыстанның арандай аузын қақ айырып тұрған жоқ па еді? Аз заманда соны көреміз.

Е р б о л. Бәсе, сөйтіп бітіреміз! Жеңеміз... жеңеміз ғой!

С т а л и н. Жеңеміз, жеңбей басылмаймыз! Оған кепіл өздеріңнің өр кеуден! Біз жаңа көктемнің өзгеше өктем тасқынымыз, ол тасқынның ағысын бөгеймін деп, жолына шөгіп жатқан қабандар бөгемек емес, бүктетіліп, талқан болып езілмек.

Е р б о л. Солай... Солай! Сөз жоқ солай... Япыр-ай, Иосиф аға, сондай жақын кеп, соншалық қуанттыңыз ғой. Мен... мен... бір ғана көрсем деуші ем.

С т а л и н. Көру! Көруден оңай не бар?

Е р б о л. Тағы бір нәрсеге қайранмын, Иосиф аға! Сіз қазақша да біледі екенсіз ғой, естімеп ем?!

С т а л и н. А, мен, олай десеніз, қазақша бір ән де білем.

Е р б о л. Қандай ән екен?

С т а л и н. “Ал бақи, а дегенде әнім салты” деген ше?

Ербол мәз боп, күліп жібереді. Осы кезде мұнар қоюланады.
Сахнада ешкім көрінбейді. Аздан соң мұнар айығады.
Сталин жоқ. Ербол алғашқы халінде ұйықтап отыр.
Аздан соң ұйқысынан қатты, қуана күліп оянады.

Е р б о л (*қуанып тұрып ұмтылып*). Жолдастар, достар,
біз жеңеміз. жеңеміз біз... достар!..

Ш ә р ш е н } О не?.. Қалай?.. Не дейсің, Ербол?
С к и б а }

Е р б о л. Кейін айтам... Ұлы командир өзі айтты. Түсіме
кірді.

Ш ә р ш е н. Дегенің болсын, Ербол ботом.

Е р б о л. Кәне! Кәне енді!.. (*Өз орнына отырады. Теле-
фонмен.*) Командирлер, жолдастар... Бар батарея, бар жау-
ынгер, әзірлен! (*Сахнада барлық қару маскировкасын алып
әзірленеді. Команда.*) Дивизион, соғысқа!

Командалар кетіп жатады. Бірнеше адам мен
Потапенко шығады. Оң қатарында Звездов.
Ербол қарсы тұрып рапорт бергендей болады.

П о т а п е н к о (*Ерболға*). Генерал Гольц қайта серпілді.
Осы сендердің тұсына қарай беттеді. Осы арадан бұзып
шықпақ. Мен де осы тұстан тосамын. Әзір отырындар.
Звездов қазір бар қырандарымен аспанға шығады. Жау
самолеттері Гольцті құтқаруға ұмтылар. Соларды сендердің
үстеріне жібермей жапырады...

З в е з д о в (*Ерболға*). Мен жүрем, мынау өзіңе... Қол
тапсыратын белгілерім, түсіңе үлкен шортан келеді, Ербол!
Аспанына мен жауаптымын.

Е р б о л. Ендеше, жер үстінде кездесе, сол қара жауды
жермен-жексен етуді біз де міндетке алдық. Жолың болсын!

З в е з д о в. Нұрлан кегін есінде тұт!

Е р б о л. Ұмытпаспын! Есімде!

З в е з д о в. Ер қайратқа... әпкел қолды.

Е р б о л. Әпкел! (*Қол алысады. Звездов жөнеледі.*)

П о т а п е н к о. Әуелі бар зеңбірегінді жұмсама. Ал,
тіпті, жақыннан шығып қалса, оның қамын тағы ойлап қой.
Тосқынға, ер тосқынға әзір болындар.

Е р б о л. Әзір, жолдас генерал-лейтенант! (*Потапенко
жүріп кете береді.*)

Сақшы (аздан соң). Шықты! Бар легі бізге қарай шықты. Қатты келеді. Біздің танктер көрінді.

Ербол (команда орнында). Үшінші батарея, бар зеңбіректен шрапнельмен, он екі снарядтан жаудың мотоколоннасын тура төсеп, (...) әзірлен! Пулемет! Семсер окпен мотоколоннаға әзірлен! Бірінші, екінші батарея, бар зеңбіректен, алыс ұрар, бронь бұзар гранатпен жаудың танктерін тура төсеп, залппен, әзірлен! (Командалар кетеді.) Огонь! (Атыс. Бұл жаққа да оқтар түседі. Жығылған, жараланғандар бар. Атыс арадігінде.)

Сақшы. Таяп қалды. Самолеттер шықты. Біздің эскадрилья алдын тосты. Айқасты...

Ербол. Төртінші батарея, бар минометтен, бес снарядтан әзірлеп, даярлан! Үшінші батарея, бұрынғыша тағы да бес снарядтан, залппен әзірлен! Пулемет! Штаб машиналарын тосқын окпен! Огонь! (Тағы осындай екі команда. Қатты соғыс.)

Сақшы. Ұйлықты. Реттері бұзылды, тастады! Машиналарын тастады. Жаяу... жаяу қаптады...

Ербол. Пулемет! Семсер окпен. Нысана 300. Огонь! Дивизион! Барлық жауынгерлер, бар командирлер, тында... тында... Барлық дивизион, бетпе-бет соғысқа әзірлен!

Өзі атқып винтовка алады. Ұшында қанжары бар. Барлық сахнадағы әскерлер солай қаруланған. Ербол командасы.

Дивизион! Фашист дивизиясының командасына, штабына қарсы атақаға!.. Отан үшін, Сталин үшін! Соңымнан ер!.. (Ұмтылады.)

Сахнада көп әскер өте жүгіріп жатады. Осы кезде зеңбіректердің үстінде жаңа, биікте жарық қызыл жазумен “За Родину!”, “За Сталина!” деген ұран жазулар жалт-жалт беріп кезек жанып тұрады. Сахнада қарулар қасында азырақ кісі қалған.

Сыртта, қатты соғыс шеті қашқалақтап шыққан фашист офицерлері. Бастырып, жайратып кем жатқандардың алды – Ербол өзі. Сахнадан бір айналтып өтіп, қайта айналып шығып қарап, басып кеп, соғысты тоқыратады. Бір жақта бар штабымен соғысып шыққан Потапенко келеді. Генерал Гольцті бірнеше кісі штабымен, Ербол бастап, конвойлап әкеледі.

Сахнаға Потапенколар тұрған жаққа осы шақта Назым, Ира да қуана жүгіріп кеп жеткен.

Е р б о л (*Гольцке*). Фашистің сен кәрі қасқыры болсан, біз жаңа көктемнің жайың табар жар тасқыны... Бөгемек түгіл, бүктетіліп өлерсің! (*Бұйрық.*) Алып өт!.. (*Тұтқындарды тарта береді.*)

П о т а п е н к о (*Ерболдың қолын сілкіп*). Құтты болсын зор абырой, үлкен ерлігің, қымбат командир Датов! (*Қозғала береді. Ира мен Ерболды құшақтап кезек сүйіседі.*)

Ш ы м ы л д ы қ

**ҒЫЛЫМИ
түсініктемелер**

“Выступление Мухтара Ауэзова (На совещании в ЦК КП(б)К по вопросу о казахской литературе)”

Соғыстың артын іле-шала ұлттық Ғылым академиясын ашу мәселесі көтеріле бастады. Ол көп ұзамай, 1946 жылдың жазында ашылып, толық мүшелігіне сайланғандардың бірі Мұхтар Әуезов болды. Бұл жаңа құрылымның академигі болу ауыр жүк, жаңа міндеттер жүктеді. Осы жүкті сезінген Мұхтан өзінің жазып жүрген дүниелерінің біразын ысыра тұрып, академияның тапсырмаларына, іс-шараларына бар ынта-ықыласымен кірісіп кетті. Алдымен “Қазақ ССР тарихы” мен “Әдебиет тарихының” бірінші, екінші кітабына тараулар жазуды қатар қолға алды және жалпы редакциясын басқарды. “Қазақ ССР тарихына” – “Қазақтың ауыз әдебиеті” (“Дара ақындық творчествосының туып, дами бастауы”, “Халық ауыз әдебиетінде тарихи оқиғалардың бейнеленуі”), “Ұлы ақын-ағартушы Абай Құнанбаев”, “Әдебиет тарихының” бірінші кітабына – “Ертегілер”, “Қозы Көрпеш – Баян сұлу”, “Қыз Жібек”, екінші кітабына “Әбділда Тәжібаев” туралы зерттеу мақаласын жазды. Осындай қарқынды еңбек, ізденіс соңында жүрген шағында көңіл-күйін нілдей бұзған әрекеттердің шет жағасы қылтия бастады. Ол 1947 жылдың 21 қаңтарында “Социалистік Қазақстан” газетінде “Қазақ ССР Ғылым академиясы Тіл және әдебиет институтындағы өрескел қателіктер” деп аталатын Орталық партия Комитетінің қаулысынан басталды. Орталық партия Комитеті тарапынан “Қазақ әдебиеті тарихы” кітабының қолжазбасы мен Ә. Мәметованың “Қазақ билерінің шешендік сөздері” деп аталатын диссертациялық жұмысы өрескел қателіктер ретінде сыналды. Халықты тұншықтырушы Кеңгірбай, Қараменде, Шорман сияқты ірі феодал-байлар мен билер олар үшін ел қамқоры, қорғаушысы болып көрінгені аталды.

“Социалистік Қазақстан” бетінде С. Бәйішевтің “М. Әуезов өткен қателерінің шырмауында” деген мақаласы отқа май құйғандай боп, жағдайды ушықтыра түсті. Әлі де жазылып бітпеген кітаптың қателіктері үшін айыпкер М. Әуезов болып шықты. Осылардың астарында отызыншы жылдардың салқыны жатқанын сезінген жазушы СОКП Орталық Комитетіне, И. Сталиннің өзіне хат жазды. Ол “В ЦК КП(б) товарищу Сталину. От члена советских писателей Казахстана и действительного члена Академии наук Казахстана – Ауэзова Мухтара” деп аталады. Ал осы жылдың қарашасындағы қаулыдан кейін өткен Қазақстан Орталық партия Комитетінің Пленумында қазақ әдебиетінің жағдайы, қазіргі күйі туралы мәселе қаралып, қаламгерлердің шығармашылық жауапкершілігін арттыру ісі арнайы сөз болады. Осыдан кейін сол Пленумда көтерілген мәселе жөнінде кеңес өткізіп (1948 ж. наурыз), негізгі баяндаманы М. Әуезовке жасатады. Өз сөзінде ол әдебиеттің қазіргі жай-күйін баяндаған соң, негізгі ойын қаламгерлер қарым-қатынастарындағы келеңсіздіктерге аударды, ал өз жөніне келгенде, егер мүмкіндік туса, онда алаңсыз еңбектеніп, ойға алған романдар сериясын аяқтайтынын айтады. Ондағы жоспары мынау: соның алғашқы үш кітабын Абай жайындағы романдар сериясына жатқызады да, төртінші кітабы 1916–1922 жылдар оқиғаларын, ұлтшылдар мен алашордашылар жайын, бесінші кітабы – 1927–1932 жылдар, алтыншы кітабы – 1937–1941 жылдар, жетінші кітабы – соғыс жылдары оқиғаларын камтиды. Сонда бұл ойға алғандары әрқайсысы жеке-жеке шығарма сыпатында қалыптанады. Негізгі ой, жоба бойынша бірсыпыра кейіпкерлері кітаптан кітапқа ауысып, олардың ұрпақтары да жаңа қоғам, жаңа орта шындықтарына араласады. Ал қазіргі бар уақытын алып отырған Ғылым академиясы тарапынан жүктелген жоспарлы жұмысты дер кезінде орындай алатынына сенді. Егер басшылық ұсақ дау-дамай, айтыстар тартыстар ағынынан аулақ ететіндей жағдай туғызса, алансыз еңбектенуіне моральдық қолдау көрсетсе болды, одан өзгені тілемейді де, қолқаламайды да.

Жазушы мұрағатында осы баяндаманың екі нұсқасы бар: біріншісі – 206-бумада (32–61-бб.), екіншісі – 242-бумада (1–25-бб.). Ондағы жекелеген сөз-сөйлемдерден бастап, абзацтық деңгейде толықтыру, қосулар болған, кей тұстарына жаңа ойлар қосқан, енді бір жерлерін, сөйлемдерін, жалпы құрылымын қайта құрған. Стенограммадағы алғашқы сөйлем “Доклад тов. Омарова, исходившего в своих основных положениях, оценке и определениях задач нашей литературы из решений последнего пленума ЦК КП(б)К, объективно верно и полно отразил

состояние казахской советской литературы на сегодня” (32-б.) деп басталса, екінші нұсқасы – “Я хочу остановиться главным образом на той части решений последнего Пленума ЦК КП(б) К, которая отражает состояние и задачи казахской советской литературы. Хочу высказать свое понимание о тех ответственных, творческих задачах, которые еще раз и вновь, как исторические требования наших дней, поставила партия перед нами – писателями Казахстана” (1-б.) деп келеді. Яғни бір-бірінен өзгеше екені байқалады.

Стенограммадағы “Но подчеркивая это, я должен сделать оговорку, существенную оговорку о том, что не одними только романами буду заниматься ближайшие годы. Помня о той огромной ответственности писателей, на которую указывает руководящая общественность по поводу репертуара театров, по поводу создания сценариев для кино, я буду в эти же годы работать и для этих видов искусства” деген жолдар кейінгі нұсқасында жоқ. Осыдан соң бір беттен аса жаңа ойлар (мәтіндер) қосқан. Соңғы беттегі бір-екі абзацты стенограммадағыдан басқалау құрған, ең соңғы мына жолдар толықтырылған нұсқасына енген: “Вот вкратце те мысли и соображения, которые я счел необходимым довести до сведения нашего руководства, исходя из одной лишь цели содействовать и помочь росту казахской советской литературы, чтобы этот рост был достойным ответом на ту искреннюю и глубокую заботу, которые проявляет ЦК Коммунистической партии Казахстана в отношении советской литературы социалистического Казахстана” (12-б.).

Осы екі нұсқаның бір-бірінен жоғарыда айтылған айырмашылықтары бар, соған қарағанда, біраз ойларын сөйлеу барысында қысқартып, енді бір тұстарын өзгерткіреп жеткізіп отырған.

Т. Әкім

**“Выступление М.О. Ауэзова
(На дискуссии по казахскому эпосу
13 апреля 1953 года)”**

Осы сөйленген сөздің машинкада басылған бір данасы қолжазбалар қорының 196-бумасында (1–26-бб.) сақтаулы тұр. Онда автор кейбір сөйлем, абзацтардың тұсына сызып белгілер қойған. “Керуен” журналында (2007, 21–41-бб.) осы дискуссияның стенограммасы берілген.

Екі жыл бұрын шығып кеткен (1951 ж.) Зоя Кедринаның “Мұхтар Әуезов”, Темірғали Нұртазиннің “Сәбит Мұқанов творчествосы” атты кітаптары жөнінде Павел Кузнецовтың “Величание вместо критики” (“Сынау орнына – мадақтау”) деген мақаласы “Правда” газетінің 1953 жылғы 30 қаңтардағы санында жарияланды. Бұны республиканың орталық газеттері көшіріп басты. Осыдан кейін Қазақстан Жазушылар одағы мен кейбір ғылыми мекемелер сол жөніндегі өздерінің жиындарын өткізді. “Правда” жарияланымына қатысты талқылаулар жүріп жатқан кезде “Вестник АН КазССР” журналында С. Нұрышевтың “До конца искоренить буржуазно-националистические извращения в изучении творчества Абая” (№ 43. 13-б.) деген мақаласы шықты. 14 ақпанда Ғылым академиясының Президиумына берген ғылыми есебінде “Қазақтың батырлық эпосы” деген тақырыптағы конференцияға дайындалып жатқанын айтқан. Ол конференция 2 сәуірде өтеді, өзі әсіресе негізгі сөзінен басқа “Қобыланды” эпосы туралы бірнеше рет шығып ойларын, дәлелдерін айтады, негізгі баяндаманы Мәлік Ғабдуллин мен Мұсатай Ақынжанов жасайды. Осыдан аз кейін Қазақ мемлекеттік университетіндегі оқытушылық қызметінен де, “За бездеятельность, срыв работы по 1-тому “История казахской литературы” вывести из бюро отделения общественных наук действительного члена АН КазССР М. Ауэзова” (6 сәуір) деген бұйрықпен Тіл және әдебиет институтындағы жұмысынан да босатылады.

Мұханның “Литературная газетада” 16 мамырда ашық хаты жарияланды. Осы мәселе бойынша КСРО Жазушылар одағында А.А. Сурков төрағалық еткен мәжіліс өтеді. Эпосқа арналған жиынның қорытындысы туралы Климович сөйлейді, мән-жайды терендетіп Әуезовтің өзі түсіндіреді. Баяндамашылар мен өзінің арасында айтыс-тартыс болғанын, сондағы екі баяндаманың да дйттеген жерге жете алмағанына тоқталады. Енді сол мәселе бойынша Константин Симонов басқарған секретариаттың мәжілісі өтеді, оның құрамында Н. Тихонов пен В. Кожевников бар еді. Конференцияда баяндама жасаушылар мен С. Нұрышевтың бірыңғай қаралау, айыптау сарынына бой алдырғандары айтылады, осылардың жөнсіздігін көрсеткен хабарламаны “Литературная газетаға” беру керектігі жөнінде шешім қабылданады. Өз ризалығын білдіру үшін М. Әуезов үлкен түсіністік көрсеткен К. Симоновқа мынадай қысқа хатын жазады:

“Дорогой Константин Михайлович! Чтобы не беспокоить Вас личными звонками и визитами, пишу пару слов перед отъездом, и, прежде всего, приношу Вам свою самую искреннюю и глубочайшую благодарность за все человеческое, принципиальное и серьезное отзывчивое Ваше отношение к моим делам, которые одновременно являются делами Союза.

Одну только просьбу высказал бы напоследок: это о выходе статьи в ближайшие время. Необходимость этого вызывается теми благоглупостями, которые нагромождают одну на другую нурышевы, не встречая себе отпора. А высказанное на страницах органа Академии уже выдается ими же как авторитетное мнение от науки. Следуют обсуждения, перепечатки, пересмотры в программах вузов, учебных школ.

Так и получается как Суфы Аллаяр: “Порвешь одно покрывало — порвутся тысячи за ним”. Вот почему очень и очень просил бы ускорения выхода статьи, чтобы хоть на дни уменьшить пытки на обнаженных нервах.

С приветом, Мухтар Ауэзов” (36 в бума, л. 26).

Жазушы Ғылым академиясының Президиумына ақпан айында берген ғылыми есебінде “Қазақ әдебиеті тарихына” жазған “Ертегі” атты бес баспа табактан тұратын зерттеуіне жоғары баға берілгендігін айтады. Ал аз уақыт өтпей қызметтен босатарда ол ғана емес, басқа да дүниелері, еткен еңбектері жокқа шығарылып, түкке алғысыз етіледі. Академия 4-тамызда эпосқа арналған дискуссияға байланысты өзінің қаулысын шығарды. Онда халық ауыз әдебиетін зерттеудегі соңғы кездерде орын алған буржуазиялық-ұлтшылдық бағыттағы кемшіліктер мен олқылықтарды М. Әуезов, С. Мұқанов,

Ә. Марғұлан, Б. Кенжебаев, тағы басқалардың мойындағысы, түзегісі келмейтіндіктері айтылған.

М. Әуезов фольклорды ұзақ жылдар зерттеді, зерттей жүріп бүгінгі заман, бүгінгі сұранысқа лайықтаған “Еңлік-Кебек”, “Айман-Шолпан”, “Қаракыпшақ Қобыланды” сияқты дүниелерін жазды. Ал Едіге, Қобыланды, Ер Сайын, Кенесары жөніндегі зерттеулерінде қателіктер, кемшіліктер болғанын, Вс. Миллер, Катюялла, Шамбинаго сияқты ғалымдардың буржуазиялық мектебін қайталамау керектігін айтады.

Елдегі саяси ұстаным, әкімшілік қаулы, нұсқаулар жақын қарым-қатынас, пенделік сыйластықта болған жандардың арасына сызат түсіріп, салқындық орнатты. Сол жақын сыйластық, сырластық шақтарды қалпына келтіруді көздеген М. Ғабдуллин, М. Әуезовтің өзі айтқандай, “сұрақ хат, жауап хат” арқылы бұрынғы қарым-қатынасқа оралғысы келді. Оралғанда да, әдебиет мәселесін қозғау арқылы оралғысы келді, көп кідіріс жасамай М. Әуезов ықыласы мен ойын жауап хат ретінде қайтарды.

Т. Әкім

“Товарищи! (Дореволюционный Казахстан...)”

М. Әуезовтің баяндама түріндегі материалы (“Әуезов үйі” ҒМО-ның қолжазба қоры. 228-бума, 107–118-бб.). Сарғыш қағазға машинкамен басылған. Автордың қолымен күлгін сиямен, кара қарындашпен жасалған түзетулері бар. “Товарищи!” деп баяндаманың үстіне қолмен жазып, бөлектеп қойылған. Осы томға кірген екі баяндама да осылай басталғандықтан, тақырыбы ретінде беріледі. 228-буманың 64–74-беттеріндегі аттас тақырыппен берілген баяндама мен 107–118-беттердегі баяндаманың таза әдебиетке қатысты екінші жартысы сөзбе-сөз бірдей болмағанмен, негізінде ұқсас. Тек мұнда кейбір ақын, жазушылар, кей шығармалар қамтылмаған. Қарастырылған авторлар мен шығармаларға қатысты ой-пікірлер ұқсас. Баяндаманың алғашқы бөлімі бұл материалда әлдеқайда көлемді және жан-жақты баяндалған. 228-буманың 64–74-беттеріндегі баяндамада Қазақстанның тарихы, халқы, әлеуметтік жағдайы, мәдениеті, білім беру жүйесі бір сөйлем, бірер сөйлеммен, негізінде сандық деректер арқылы қысқаша баяндалса, мұнда сандық деректер мүлдем қысқартылып, тарихи-әлеуметтік, ғылыми-танымдық талдаулар жасалынған. Аттас екі баяндаманың бірінде таныстыру, ақпараттық сипат басым болса, мұнда, екіншісінде, ғылыми сипат айқын басым екендігі көрінеді.

М.О. Әуезовтің академиялық толық басылымының бұл томына машинкамен басылған нұсқа автордың өз қолымен жасаған түзетулері ескеріліп, дайындалды.

1. 45-б. “...при двухпроцентной грамотности населения” – Патшалық Ресейдің жергілікті әкімшілігі сол кездегі қазақтардың орысша сауаттылығын айтқан. Кенес өкіметі тұсында осы мәліметті жаппай қолдану үрдісі болды.

Р. Әбдіғұлов

“Тезисы выступления М.О. Ауэзова”

1950 жылы “Правда” газетінің 26 карашадағы санына “За марксистко-ленинское освоение вопросов истории Казахстана” деген мақала шыққан. Мұнда Кенесары бастаған ұлт-азаттық көтерілісіне байланысты ауыр сындар айтылады. Осыған орай, Қазақ КСР КП(б) Орталық Комитеті арнайы қаулы да қабылдады. Бұл қаулы “Хан Кене” пьесасы арқылы өзін айналып өтпейтінін жақсы білген М. Әуезовке жедел түрде өз басын аршалап қалатын баяндаманың жоспарын жасауға мәжбүр етті.

Ал 1952 жылдан басталған қазақтың әдеби тілі турасындағы тілші-ғалымдармен (М. Балақаев, Ғ. Мұсабаев) арадағы айтыстар аталған қаулыдан кейін тіпті ушығып кетті. Е. Бекмахановтың кітабындағы буржуазиялық-ұлтшылдық қателерді тексеру мен осы бағыттағы еңбектерді қайта қарау “науқаны” әсіре белең алып кеткендігіне С. Нұрышевтің, С. Бәйішевтің атышулы мақалаларын ғана атасак жеткілікті. Бұлардың бәрі де М. Әуезовтің адресіне бағытталған болатын. Ал жазушы тарапынан жазылған қарсы мақалалар, баяндамалар, тіпті “Литературная газетаға” жазған ашық хатына дейін еш нәтиже бермеді. Олардың көбі машинкада жазылған күйі жарыққа шықпай, жазушы тартпасында қала берді. Соның бірі – төмендегі “Выступление М.О. Ауэзова” баяндамасы сияқты ешбір жерде жарияланбай, жазушы мұрағатындағы 336-бумада “Тезисы выступления М.О. Ауэзова” деген атпен машинкада басылған күйі сақталып қалады. Мұнда автордың өз қолымен, күлгін сиямен жасаған түзетулері бар. Көптеген сөздер мен сөйлемдер қысқарған, жөнделген, сәйкесінше жаңадан абзацтар қосылған. Бұлардың барлығы дерлік саяси түзетулер болып келеді.

Міне, осы қолжазба дерлік нұсқадан басқа, 336-бумада оның түзетілгеннен кейінгі таза басылған машинкалық бір данасы да сақталған. Ал қолжазбасы жартылай машинкада терілген. Бұдан басқа 252-бумадағы машинкада

басылған үш дана баяндама да (бұларда автордың қолтаңбасы жоқ) сақталып, олар “Выступление т. Ауэзова М.О.” деген тақырыппен жазушы шығармаларының толық жинағының 44-томында шықты. Оның негізгі мазмұны “Тезисы выступления М.О. Ауэзова” баяндамасымен бірдей болғанымен, өзара біршама айырмашылықтары бар. Олар: “Правдадағы” мақалаға байланысты Қазақ КСР КП(б) Орталық Комитеті қабылдаған қаулының 4-пункті; “Так как на собрании коллектива Казахской Академии наук на тему об этом своем произведении как о работе литературно-творческой, а не научно-исследовательской я останавливался недостаточно подробно и имел ввиду высказаться полнее на данном, сегодняшнем собрании среди литераторов, то и считаю необходимым сейчас осветить шире вопрос о пьесе Хан Кене и о своих политических ошибках того времени” деген абзац; “Не в пример другому критику, советовавшему мне тогда переделать пьесу, сделав содержанием ее борьбу против царской России, тов. Мусрепов ориентировал меня правильно, заявив, что борьбу казахских трудящихся против царизма нужно показывать не на движении Кенесары, а на фактах 1916 года. А по поводу Кенесары он дал верную оценку, назвав его реакционером, ханом с чуждыми народу и враждебными к нему намерениями и действиями” деген сөйлемдер; тағы да “Зная этот последний факт т. е. о моем авторстве по указанным разделам, тов. Джумалиев не упоминая моих трудов, в своих учебниках и составляемых им программах литературы XIX в. систематически упоминает об ошибках моих по поводу оценки Махамбета” деген абзацтың басы. Міне, осы сияқты сөздер мен сөйлемдер, бүтін абзацтар аталған екі баяндама мазмұнының да әртүрлі екенін айғақтайды.

Сондықтан 336-бумадағы “Тезисы выступления М.О. Ауэзова” баяндамасы өзге де тақырыптас, мазмұндас, бірақ әртүрлі сөйлеген сөздерімен (225-бумадағы) өзара текстологиялық салыстырулардан өткен соң және біршама айырмашылықтары кездескендіктен, жазушы шығармаларының толық жинағына тұңғыш рет енгізілді.

Е. Қаныкейұлы

“Выступление М.О. Ауэзова (1952 г.)”

1952 жылы қазақ тіл білімінің кейбір мәселелері төңірегінде қызу пікірталастар мен айтыстардың күрт көбейіп кетуіне И.В. Сталиннің “Тілтану ғылымындағы марксизм жөнінде” деп аталған еңбегі түрткі болды. Міне, осы еңбекке байланысты М.О. Әуезовтің әуелі “Қазақтың әдебиет тілінің кейбір мәселелері жайында” (Коммунист. 1951. № 3) деп аталған мақаласы жарық көрді. Іле “Қазақтың әдеби тілі туралы” деген атпен толықтырып, осы жылы “Әдебиет және искусство” журналының № 4-санында жариялаған жазушының бұл мақаласын “Дружба народов” (1951. № 6.) альманағы мен “Литературная газета” (1951. 4 қазан) орыс тіліне аударып (“Некоторые вопросы развития казахского литературного языка”) басты. Осы аталған орысша жарияланымдар М. Әуезов пен тілші ғалымдардың арасындағы дискуссияның басты тақырыбына айналып кетті.

Бұл бағытта көптеген жақсы ойлар, орынды пікірлермен қоса, ұрда-жық, солақай сындар да болмай қалған жоқ. Онсыз да түрлі-түрлі қаулылар мен қарарлардың қауіпті қармақтарына ілініп қалмау үшін сан түрлі сақтыққа жүгініп, әбден зәрезап болған жазушыны “Литературная газетадағы” аударма әрі қысқартылып басылған мақаламен төпей жөнелген Ғ. Мұсабаев М. Әуезовті қандай қатерге душар ететінін білмей қалған жоқ, білді. Ал 1953–1954 жылдардағы кезекті қуғын-сүргінге өз үлесін қосқан осы айтыс-тарғыстар М. Әуезовті Москваға кетуге мәжбүр етті.

Және Мұсабаев баяндамасында аталған сындардың көбі негізсіз екенін жазушы нақты мысалдармен, тіпті кітап бетіне дейін көрсете отырып талдаған баяндамасы (жауап ретіндегі) 1952 жылдың 5–9 ақпан аралығында өткен мәжілісте жасалған сияқты. Бұған дәлел – осы жылдың 6 ақпанында М.О. Әуезовтің “Қазақ тілінің кейбір мәселелері” атты кешкілік жиында баян-

дама жасағаны туралы нақты дерек бар (М.О. Әуезовтің өмірі мен шығармашылық шежіресі. Алматы: Ғылым, 1997. 450-б.). Бірақ дәл қандай баяндама екені белгісіз. Ал жазушының мұрағат қорындағы “Выступление М.О. Ауэзова” деген атпен 225, 252-бумаларда сақталып қалған бұл баяндама еш жерде жарияланбаған және қолжазбасы сақталмаған. Біз қолжазба ретінде ұсынып отырған аталған екі бумадағы баяндамалар машинкада терілген және өзара айырмашылықтары жоқ, бірдей. Және бұлардың соңындағы “Алма-Ата. 1952 г. Февраль” деген дата жоғарыдағы ойымызды нақтылауға тиіс.

Аталған баяндамалар бір-бірімен текстологиялық салыстырулардан өткен соң, таза, анық және жақсы сақталған нұсқа ретінде 252-бумадағы баяндаманы жазушы шығармаларының елу томдық толық жинағына ұсынып отырмыз.

Е. Қаныкейұлы

“Выступление на литературной декаде в г. Москве (1949 г.)”

М. Әуезовтің 1949 жылы Москвада өткен қазақ әдебиетінің онкүндігінде сөйлеген сөзі (228-бума, 64–74-бб.). Сарғыш қағазға машинкамен басылған. Түзетілген, редакцияланған жерлері жоқ. Сөздің көлеміне қарағанда негізгі баяндама емес.

Сол кездегі саяси, идеологиялық жағдайға, берілген уақыттың мөлшеріне орай Октябрь революциясына дейінгі Қазақстан халқының әлеуметтік жағдайын, тұрмысын, мәдениетін, білім дәрежесін уақыт талабына сай баяндайды. Сандық деректердің мол берілуі республика жайында аз көлемде жан-жақты мәлімет беру қажеттілігінен болу керек. Өндіріс, ауыл шаруашылығы, мәдениет, білім беру саласы, ғылым, баспасөз, әдебиет жайы бірдей пропорцияда қысқаша айтылған. Бұл – кіріспе бөлімі. Сөз иесінің орыс әдебиетінің әсеріне ерекше тоқталуы, біріншіден, іс жүзінде солай болды, екіншіден, сол кездегі идеологиялық жағдайдың, КСРО астанасы Москвада өтіп жатқан декада атмосферасының әсері. Қазақ әдебиетіне қатысты негізгі бөлімде де уақыт жағынан, жанр түрлеріне, жеке авторларды талдауға қатысты бөліктерінің көлемі, пропорциясы өте дәл. Шағын көлемді сөзде қазақ жазба әдебиетінің қалыптасуы, дамуы жайында энциклопедиялық тұрғыда дәл, нақты мәліметтер берілген. Бұл жерлерде заманның идеологиялық талаптарынан да сырт қала алмаған. Жеке авторлардың өндіріс тақырыбына арналған, қазір ұмытылған, идеологиялық сипаты анық, көркемдігі төмен шығармаларды атауы да сол талаптардан туындаған.

М. Әуезовтің академиялық толық басылымының бұл томына 228-бумадағы мәтін түгелімен беріліп отыр.

1. 76-б. **Игенсартов Ғабдиман** (1902 ж.т.) – акын, Қарағанды, Қарқаралы өңірінде кенес, партия қызметінде болған. 1920 жылдан акындық жолы басталады. 1962 жылдан Қазақ КСР халық акыны. «Ақ бидай», «Лавадағы өмір», «Шахтер сөзі», «Шынар», «Арман», «Тың дала», т.б. поэма-дастандары бар.

Р. Әбдіғұлов

“Выступление М.О. Ауэзова (1950 г.)”

М. Әуезовтің 1950 жылдардың аяғына таман жасаған баяндамасы (“Әуезов үйі” ҒМО қолжазба қоры. 228-бума, 19–31-бб.). Сарғыш қағазға машинкамен басылған. Түзетілген жерлері жоқ. Ешқандай дата қойылмаған. Баяндаманың мәтінінде “Очерк казахской советской литературы” жұмысының кіріспесі жайында ойлар айтылады. “А тот факт, что этот труд выходит от имени Академии наук Казахстана” деген баяндама сөзіне қарағанда, әңгіме 1958 жылы Қазақ КСР ҒА “Ғылым” баспасынан шыққан “Очерк истории казахской советской литературы” еңбегі (486 б.) жайында. Дәл осы кітап 1960 жылы Мәскеуде КСРО Ғылым академиясының баспасынан шыққан. Мұнда тілге қатысты бір тарау ғана қосылған. Басқа тараулары бірдей. Баяндамадағы “Об этих недостатках нужно говорить со всею полнотой особенно сейчас, когда труд не опечатан и когда в первой своей редакции представляется на наше обсуждение” деген сөзге және Сталиннің айтылуына қарағанда, “Очерк истории казахской советской литературы” жұмысының қолжазбасы 1956 жылғы әйгілі съезден бұрын талқыланған. Әуезов баяндамасының мазмұнындағы әсіре идеологиялық тұстар да елуінші жылдардың ортасына таман ушығып кеткен идеологиялық қысымның әсерінен екені көрініп тұр.

Талқылау кезінде, Әуезов баяндамасында “Введение” деп берілген бөлім 1958 жылы “Ғылым” баспасынан шыққан кітапта “Становление казахской советской литературы”, “Литература периода довоенных пятилеток”, “Литература периода Великой Отечественной войны”, “Литература послевоенных годов” (Проза, Поэзия, Драматургия, Критика и литературоведение) тақырыптарымен берілген (17–166-бб.). Әуезов баяндамасындағы ойлармен, сыни пікірлермен кітаптағы мәтінді салыстыра қарағанда, кей тұстарда Әуезов сөзіне орай өзгертілген, жөнделген тұстар бар сияқты. Бұл “Введениедегі” поэзия, проза, драматургия жанрының талдануында орын алған диспропорцияның жөнделіп, проза мен драматургияның өз деңгейінде қаралуы турасында. Осыны М. Әуезовтің өз

шығармашылығы жайында да айтуға болады. Баяндама мәтінінде айтылған жазушыға қатысты төмен бағалар, солақай сындардың біразы баспадан шыққан кітапта анық азайған.

М. Әуезов санамалап тұрып айтқан бес кемшілік (социалистік реализм теориясына жауап бермеуі, буалдырлық, айқындықтың аздығы, орыс әдебиеттанушыларының қазақ әдебиетіне қатысты жұмыстарын ескермеу, ғылыми тереңдіктің жетпеуі, жеке авторларға субъективтік көзқарас) бойынша еңбектің редакциялық тобы біраз жұмыс істеген. Дегенмен аталған іргелі еңбек – елуінші жылдары етек алған солақай идеологиялық саясаттың ықпалы айқын көрінетін көлемді ескерткіштердің бірі.

Баяндама М. Әуезов мұражайы архивіндегі (228-бума, 19–31-бб.) нұсқа бойынша берілді.

Р. Әбдіғұлов

“Тезисы к докладу “Опыт социологического введения в историю казак-киргизской литературы”

М. Әуезовтің бұл тезісі қай жылы жазылғаны нақты көрсетілмеген. Мәтіннің қолжазбасы жазушының мұрағатындағы 244-бумада (14–22-бб.) сақтаулы. Басқа да материалдармен қосылып түптелген, сақталуы жақсы.

Жазушының 1930 жылы 18 наурызда САГУ-дің аспиранты болып жүрген кезінде жазған бір жылдық қорытынды есебінде мынадай мәліметтер бар: “Аспирантом Востфака я работаю с 1/III—1923 года. Этот первый год аспирантуры моя работа протекала по двум направлениям. Одно из них — продолжение учебы, дальнейшее углубление полученных за время пребывания в университете предварительных знаний. Другое заключалось в опытах более или менее самостоятельных исследований, с применением изучаемых мною научных методов анализа, по линии своей специальности.

Причем работа в первом смысле для меня как будущего специалиста по истории литературы среднеазиатских тюрок, в частности по истории литературы казахской, киргизской, распадается на две отрасли, с одной стороны, как основное задание — изучать в историко-литературном плане литературные факты у казахов, киргиз, узбеков, туркмен и татар, с другой стороны, изучать в порядке дополнительного задания необходимые для моего предмета языки и углубить свои знания в области общего языкознания как смежной для литературоведения научной дисциплины” (М.О. Әуезовтің өмірі мен шығармашылық шежіресі. Алматы: Ғылым, 1997. 110-б.). Бұл үзіндіні келтірудегі мақсат — М. Әуезов аспирантурада оқып жүрген кезінен қазақ-қырғыз әдебиетінің тарихын зерттей бастағанын көрсету. Сондай-ақ тезис мәтінінің мазмұны да сол кезеңге жақын келеді, яғни 1929 жылы жазылған сияқты.

Бұл тақырыпты жазушы мақала етіп бермеген сыңайлы, дегенмен кафедрада баяндама жасауы да мүмкін. Өйткені ұстазы М.Ф. Гаврилов өз аспирантының жұмысымен жақсы таныс екенін мына сөздері арқылы дәлелдей түседі: “Он может быть ценным научным работником в области казахско-киргизской литературы. Работу ведет систематически и по плану”.

Тезистің өзі көлемді, ішінара бірнеше тақырыпшаларға бөлінген. Бұнда жазушы қазақ-қырғыз әдеби үлгілерін кіші және үлкен формаларға бөліп қарастыруды, оларды жанры бойынша тарихи дәуірлерге бөліп зерттеуде қандай қорытынды жасап, қандай әдістерді қолдану керектігін сөз еткен. Зерттеуді неден бастау керек дегенде, ең бірінші кезекте екі елдің тарихындағы ортақ экономикалық бағыттарына тоқталуды көздеген.

Тезистің рим цифрымен белгіленген бірінші бөлігінде үш мәселені айтқан. Әдебиет үлгілерін тарихи тұрғыдан зерттеуді, бір жүйеге келтіріп, ғылыми қорытынды жасауды ұсынған. Екінші бөлікте бұл баяндамада айтылған ойлар соңғы қорытынды сөздер емес, өзекті мәселерді көтерумен ерекшеленетінін білдірген. Сонымен қатар тарихи дәуірлерді жанрлық жағынан жіктеп, әдебиеттің кезеңдерін айқындау керек деген. Оны үшінші бөлігінде бес тақырыпқа бөліп көрсеткен.

Сонымен бірге “Устная поэзия”, “Лексика – эпитеты, метафоры”, “Торговый капитализм русских”, “Влияние русского промышленного капитализма”, “Методологические проблемы изучения каз. и кир. литер.”, “Литературоведение одна из ветвей науки об идеологиях”, “Органическая включенность в литературу других идеологий в процессе их становления” деп тараушаларға бөліп, қысқаша әр тақырып бойынша қарастырылатын мәселерді айқындап өткен. Соңында “Социологическая поэтика” деген тақырыппен тоқтаған.

Бұл тезис – М. Әуезовтің өз қолымен, күлгін сиямен, көк қарындашпен жазылған автограф. Арасында қызыл қарындашпен жазғандары да бар. Көп сөйлемдері түсініксіз, оқуға қиын, қысқартылып берілген. Мәтіндегі қысқарған сөз, сөйлемдерді қалыпқа келтіріп, қазіргі талапқа сай етіп, жазушының елу томдық шығармалар жинағының осы томына ұсынып отырмыз.

А. Болсынбаева

“Тезисы к выступлению на вечере поэтов”

М. Әуезовтің бұл тезисі 17 бөлікке (пунктке) бөлінген. Бірінші бөлігінде жазушы берілетін уақыттың қысқалығын ескере отырып, жеке-жеке ақындардың шығармашылығына тоқталмай, тек Ұлы Отан соғысы жылдарындағы қазақ поэзиясының жайы туралы өте қысқа ғана баяндайтынын білдірген.

Жазушы сұрапыл соғыс басталғанда Қалмақан Әбдіқадыров, Мәлік Ғабдуллин, Тайыр Жароков, Қасым Аманжолов, тағы басқа да ақындар өз еріктерімен қызыл әскер қатарына қосылып, қан майданда ерлік көрсеткендерін, біразы жоғарғы мемлекеттік сыйлықтарға ұсынылғандығын айтқан.

Сонымен қатар елін қорғау, Отанға деген сүйіспеншілік, қаһармандардың ерлігі, жауға деген өшпенділік сынды тақырыптар поэзияға жаңа серпіліс бергенін сөз еткен. Көбінде соғысқа қатысқан ақындар өз поэзияларында осы тақырыптарды жырласа, тылдағы ақын, жазушылар Қарағанды кеншілерін, Қазақстандағы мал шаруашылығының жетістіктерін айтқан. Осы тақырыпта А. Тоқмағамбетовтің “Мұнай бер” деген өлеңіне, Ә. Тәжібаев пен С. Мұқановтың шығармашылығына тоқталуды көздеген. Соғыс жылдары ақындар тек қысқа өлеңдермен шектеліп қалмай, поэмалар да жазған. Бұл тұрғыда Ғали Ормановтың “Халық қаһарман” деген поэмасын атаған. Сондай-ақ, Жақан Сыздықов, Ғалым Малдыбаев, Сапарғали Бегалин, Қажым Жұмалиев сынды ақындардың шығармашылығындағы поэтикалық және қаһармандық рухтың ашық бояумен сомдалғанына тоқталған.

Тезис — күлгін сиямен жазылған автограф, ішінара қарындашпен жазылған тұстары да бар. Пункттердегі кей сөздердің астын қызыл қарындашпен сызып, белгі қойған. Елу томдық шығармалар жинағының осы томына қолжазба нұсқасын ұсынып отырмыз. Мәтіннің қолжазбасы жазушының мұрағатындағы 244-бумада (6–13-бб.) сақтаулы. Басқа да материалдармен қосылып түптелген, сақталуы жақсы.

А. Болсынбаева

**“Стенограмма вечернего заседания научной
дискуссии, посвященной вопросам абаеведения
в Институте языка и литературы Академии наук
Казахской ССР и правления Союза советских
писателей (1951 г.)”**

Стенограмманың машинкада басылған нұсқасы жазушының өз мұражайындағы қолжазбалар қорының 201-бумасында (1–39-бб.) сақтаулы, бұл 1951 жылдың маусымында болған ғылыми конференцияның мәжілісінен “О достижениях и недостатках в изучении наследства Абая” деген атпен жазылып алынған. Осы жиын алғаш мамырдың он бесінде өткізілетін болып белгіленген еді, бірақ әртүрлі себептермен маусымның ортасына ысырылады, бұл жөнінде Академияның президенті Қаныш Имантайұлы Сәтбаев Мәскеуде жүрген М. Әуезовке телеграмма арқылы хабарлайды. Бес күн өткенде (15 маусым) тағы да есіне салып, қатысуы тиіс екенін ескертіп қояды. 29 мамырда М. Ғабдуллин баяндаманы “Абайдың әдеби мектебі” деген тақырыпта С. Мұқанов, “Орыс әдебиетінің Абайға әсері” жөнінде С. Нұрышев жасайтынын, жарыссөзге біраз жолдастардың қызу дайындалып жатқанын хабарлайды.

М. Әуезов өз баяндамасын 14 маусымдағы кешкі мәжілісте жасайды. Жиынды басқарып отырған Қ. Сәтбаев М. Әуезов сөзінен соң: “Таким образом 4 доклада заслушали. Я думаю, что выражу мнение большинства участников дискуссии, если скажу, что все 4 доклада глубоко продуманы и подготовлены. Таким образом дана основа для дальнейшего творческого обсуждения поставленных вопросов. Я призываю Вас выступить в прениях именно на основе смелой, свободной и принципиальной критики не взирая на лица.

Сейчас объявляется перерыв” деп үзіліс жариялайды.

Бұл мәжілістің бірнеше күнге созылғанын қорытынды жиынның Жазушылар одағының үйінде 22 маусымда өткен-

дігінен көруге болады. Мұндағы кеңесті Совет Одағының Батыры Мәлік Ғабдуллин басқарады. Ол Абайдың әдеби ортасына, мектебіне, шәкіртіне кімдерді жатқызу, жатқызбау туралы ойларды қорытындылау керек екенін ортаға салады. Осы мәселелер бойынша М. Әуезов бірнеше рет сөйлеп, онда өзінің Ақылбай, Мағауия, Әріп, Көкбай, тағы басқалар туралы ойларын жан-жақты талдап, таратып, жетілдіре жеткізеді.

Баяндаманың стенограммалық нұсқасының ара-арасында кейбір ойларын, толғауларын қазақша айтқандығы көрсетілген, олар мынадай сөйлемдерден кейін келеді: “Масгуд” известную часть собственных мыслей, настроений и переживании” (18-б.), “В этом числе об одном Кокпае мы знаем несколько его стихов” (26-б.), “И после этого у меня лично не будет никакого упорства” (27-б.), “Это все стихи, посвященного поэтам его ближайшего окружения” (32-б.), “И в своем вчерашнем докладе т. Муқанов вместо признания этих своих и Джумалиевых ошибок, решался сказать только одну полуфразу” (32-б.). Осы көрсетілген беттердегі қазақша сөйленген сөздердің қағазға түспей қалуы өкініш тудырады.

Осыдан бірер ай бұрын (9 наурыз) Тіл және әдебиет институтында Қ. Мұхаметхановтың “Абайдың әдеби мектебі” деген тақырыптағы диссертациялық жұмысы талқыланған. Сонда С. Нұрышев Абай ортасы, айналасы, мектебі дегенге қатты шүйлігіп, жұмысты мүлде жарағысыз етіп, жоққа шығарған. Бұл жерде М. Әуезов Көкбайға Абайдың айрықша ықыласпен қарағанын, өзінің досы, шәкірті санағанын, ал Көкбай өз өлендерінде Алаш қайраткерлерін сынап, Ленин туралы өлендер жазғанын, Әріп поэма арнағанын айтып, тағы да ақтауға тырысты. 1948 жылдың қазанында Ғылым академиясы Президиумының мәжілісі ерекше белсенділік көрсетіп отырған С. Нұрышевтің “И. Крыловтың шығармашылық мұрасы және XIX ғасырдағы қазақ әдебиеті” (“Творческое наследие И. Крылова и казахская литература XIX века”) деген тақырыптағы диссертациялық жұмысының жетекшілігіне Мұханды бекіткен болатын. Енді оның қандайлық шәкірт екендігіне көзі жетіп отыр.

Өзі үшін бұл жыл да ауыр болды. “Правда” газетіндегі “За марксистко-ленинское освещение вопросов истории Казахстана” деген қаулының бір ұшығы өзіне тиді, басқа да жүйке-жүйені тоздырған сәт-шақтар көп болды, біраз мекемелер өзін қатыстырып, соған арнаған жиналыстар өткізді, осылардың себебінен өзі сұранып, Ғылым академиясы Президиумының мүшелігінен босады, өйткені мойын бұрғызбастай іс-шаралар көбейіп кетті. Бейбітшілікті қорғау комитеті тарапынан тап-

сырмалар беріліп, академик Несмеянов қырғыз астанасында КСРО Ғылым академиясының ұйымдастыруымен өтетін “Манас” эпосына арналған ғылыми-теориялық конференцияның іс-шараларына қатысуға шақырды, баспа директоры Ғали Орманов “Дворян ұясы” романы (И. Тургенев) аудармасының жайын сұрап телеграмма соғып жатты. Осындайлардың қатарында көңіл-күйін маркайтып, серпілткен жағдайлар да болды, ол өз шығармаларының 9 томдық жинағын шығару жөніндегі шешім еді. Орталық партия Комитеті мен республика Министрлер Кеңесіне Қазақстан Жазушылар одағы өздері қабылдаған шешімнің көшірмесі мен қандай шығармалар қамтылатындығы жөніндегі тізімді қоса ұсынды. Онда бірінші, екінші томдарға – “Абай” романының 1–2-кітаптары; үшінші томға – “Ақындар ағасы” (2-кітап); бесінші томға әңгімелер мен повестер: “Шатқалаң”, “Іздер”, “Жуандық”, “Барымта”, “Құм мен асқар”, “Білекке білек”, “Бүркітші”, “Асыл нәсілдер”, “Хасеннің құбылыстары”, “Балдан соң” (Л. Толстой), “Булька” (А. Чехов); алтыншы томға – “Абай”, “Түнгі сарын”, “Қобыланды”, “Октябрь үшін”, “Айман-Шолпан”, “Тас түлектер”, “Намыс гвардиясы”, “Сын сағатта”, “Төлеген Токтаров” (либретто), “Ақ қайың”, “Шекарада”, “Бекет”, “Еңлік-Кебек” (35 баспа табак); жетінші томға – аударма пьесалар: “Отелло”, “Асауға тұсау” (В. Шекспир), “Ревизор” (Гоголь), “Любовь Яровая” (Тренев), “Аристократтар” (Афиногенов), “Офицер флота” (Крон); сегізінші томға – Горький, Шота Руставели, Жамбыл, қырғыз эпосы “Манас”, Науаи, казак ертегілері, казак лиро-эпосы, айтыстар, казак совет жазушылары туралы ғылыми-зерттеу еңбектері; тоғызыншы томға Абай шығармашылығы туралы мақалалар, зерттеулері енетіндігі көрсетілді.

Осыдан екі жыл бұрын (1949) Қазақстан Орталық партия Комитеті қазақ әдебиетінің мәселелері туралы өткізген арнайы кенесінде өзінің берген уәдесінен шығып, мақалалар мен ғылыми зерттеулерін, прозалық, драмалық шығармалары мен “Абай” романының жалғасы “Ақындар ағасының” бірінші кітабын жазды. Бірақ сондағы өтініп сұраған тыныштығы өзі ойлағандай, армандағандай орнай қойған жоқ. Қайта оның жылдан-жылға үдеп, ұлғая түскеніне осы өтіп отырған жиынның өзі-ақ дәлел бола алады.

Т. Әкім

“Пометки к докладу Сталина к 25-й годовщине Октября”

“Әуезов үйі” ҒМО архивінде сақталған қолжазба (228-бума, 62–63-бб.). Сарғыш қағаздың екі бетіне М. Әуезовтің өз қолымен жазылған. Бірінші парақтың екі жағына екі баған етіп, екінші парақтың бір бетіне жазылған. Күлгін сиямен, кара қарындашпен жазылған қолжазбаның үстінен жазушының өзі жасаған түзетулері бар.

Бірінші бетінде “6 ноября 1942 г.” деген дата қойылған. Сталиннің баяндамасынан екі сөйлем цитата алып, әрі қарай пункттерге бөліп, нөмірлеп, болашақ баяндаманың жоспары, тезистері, ойлары түріндегі жеке сөйлемдер, абзацтар берілген. Бұлардың мазмұнын М. Әуезовтің 1949 жылы Москвада өткен қазақ әдебиеті мен өнерінің онкүндігінде жасаған баяндамаларынан және “Қазақ әдебиеті тарихының очерктері” жұмысына қатысты сөйлеген сөзінен кездестіреміз. Аталған баяндама мен сөзді осы қолжазбадағы тезистермен, ойлармен салыстырғанда, дамыта отырып пайдаланғаны анық байқалады. Қолжазбада Жданов, Горькийден цитата алып, бұлардың негізінде қазақ әдебиетіне қатысты көтерілмек теориялық мәселелердің бағытын көрсетеді. Осы теориялық ойларды әсіресе “Қазақ әдебиеті тарихының очеркіне” қатысты сөйлеген сөзінде терендете пайдаланған.

М. Әуезовтің академиялық шығармалар жинағының бұл томына қолжазба (228-бума, 62–63-бб.) сол қалпында берілді.

Р. Әбдіғұлов

“Выступление М.О. Ауэзова на обсуждении киносценария С. Ермолинского “Чокан Валиханов”

Бұл – М. Әуезовтің 1952 жылы 25 маусымда Қазақстан Жазушылар одағының драматургия және кинодраматургия секциясы мен Кинематография министрлігі көркемдік кеңесінің бірлескен отырысында сөйлеген сөзі. Баяндаманың машинкада терілген нұсқасы “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығы мұрағатында (518-бума) сақтаулы тұр. Ал мұның қазақша нұсқасы “Шоқан туралы сценарийден әсер” деген атпен жиырма томдықтың 20-томында (Алматы: Жазушы, 1985. 462–468-бб.) жарияланған. Аталған сөздер бұл томға қатар жіберіліп, бір ғана түсініктеме жазылды.

Баяндама мазмұнында әдеби және мәдени мұралар бойынша жазушының негізгі тұжырымдамалары айтылған.

М. Әуезов Ш. Уәлиханов пен қазіргі заман арасындағы терең байланысты сезінді, сондықтан ол қазақтың белгілі ғалымы, фольклорисі, Шығыс Түркістан, Орта Азия халықтарының мәдениеті мен тарихын зерттеушісі жайындағы көркем фильмнің түсіріліміне ерекше көңіл аударды.

М. Әуезов сөзінің ғылыми құндылығы тек қана сценарийдегі қызықты ойларды айтумен шектелмей, бұнда Ш. Уәлихановтың ағартушы, қоғам қайраткері ретіндегі ролін көрсетумен ерекшеленеді.

Сонымен қатар М. Әуезов Шоқанның қайраткерлігі тек қана Қазақстан шеңберінде қалып қоймай, “Россияның мәдениет тарихындағы” ерекше деңгейге көтерілуі керектігін айтқан.

С. Ермолинский мен М. Блейман екеуі бірігіп жазған Ш. Уәлихановқа арналған көркем фильмнің сценарийі бойынша 1957 жылы “Его время придет” деген кино түсірілді. Кинофильмнің режиссері – Мәжит Бегалин, басты рольде – Нұрмұхан Жантөрин. Фильм “Ленфильм” киностудиясымен бірлесіп түсірілген.

Д. Қонаев

“Товарищи! (Партия и правительство...)”

М. Әуезовтің “Абай” романына КСРО Министрлер Кеңесінің қаулысымен 1949 жылы 10 сәуірде бірінші дәрежелі Сталиндік сыйлық берілді. Көп ұлтты кеңес әдебиетінде қазақ әдебиеті мен өнерінің беделін көтере түскен айтулы оқиға ретінде одақтық баспасөзде бұл кеңінен аталып өтті. Осы қуанышты оқиғаға орай жазушы атына жер-жерден, қоғамдық ұйымдар мен қаламдас достарынан, оқырман қауымнан құттықтаулар, телеграммалар, қуаныш білдірген арнайы хаттар келіп жатты. Мәскеудегі орталық басылымдарда “Абай” романына есімі елге белгілі жазушылар мен сыншылар, қоғам қайраткерлері жоғары баға берді. Қазақ әдебиетінің мерейін өсірген осындай толқулы сәттерде М. Әуезов өзінің ризашылық сезімін осы сөздер арқылы жеткізе отырып, өз еңбегіне жоғары баға берген үкімет пен партияға, тиісті мемлекет орындарына, жазушылар ұйымдарына шынайы алғысын білдірген. Айтар алғысын өзінің шығармасын жазу барысында ізгі тілек, пікірімен көмек көрсеткен қаламдас достарынан бастап кітапты басып шығару мен оны жұртшылыққа таратып насихаттауға үлес қосқан, әдеби шығарманы қуанышпен қабылдап, пікірін білдірген оқырман қауымға арнайы келе, соның ішінде барлық істерге басшы болып отырған Компартия мен оның басшылары Ленин мен Сталин есімдерін де атап өткен.

Орыс тілі арқылы кейін басқа тілге аударуға мүмкіндік алған романның кітап болу шығу жолындағы қиыншылықтары туралы өз сөзінде атап айтпаса да, жазушы өз ризашылығын қаламдастарына айтқан сөздері арқылы жеткізеді.

М. Әуезовтің сөзі бұрын еш жерде жарияланбаған. Елу томдық толық жинаққа машинкаға басылған (206-бума, 1–5-бб.) нұсқасы бойынша алғаш рет енгізіліп отыр.

К. Рахымжанов

“Мұхтар Омарханұлы Әуезовтің сөйлеген сөзі (1957 ж.)”

1957 жылдың 7 қарашасында бүкіл КСРО аумағында Қазан төңкерісінің 40 жылдық мерекесі кең көлемде аталып өтті. Осы шараға байланысты барлық мемлекеттік мекемелер мен оқу орындарында салтанатты жиындар өткізіледі.

Мереке қарсаңында қазан айында Қазақ радиосы арқылы М. Әуезов құттықтау сөз сөйледі. Ұнтаспаға жазылып алынған жазушы сөзін 1967 жылы М. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының байырғы қызметкері Талиға Бекхожина қағазға түсірген, ҒМО қолжазба қорының 414-бумасында (1–4-бб.) сақтаулы.

Жазушының радиодан сөйлеген сөзі негізінде дайындалған “Қазақ совет әдебиеті қырық жылда” атты мақаласының жан-жақты толықтырылып, кеңейтілген нұсқасы “Октябрь өркені” деген атаумен “Қазақ әдебиеті” газетінің 1957 жылғы 15 қарашадағы санында жарық көрді. Жазушы шығармаларының академиялық толық жинағына 414-бумадағы алғашқы нұсқасы негізінде ешбір өзгеріссіз тұңғыш рет ұсынылып отыр.

С. Майлыбай

“Ертегілер туралы (план)”

Бұл салаға ден қоюы жиырмасыншы жылдардың орта шенінде басталды десек, оның ұңғыл-шұңғылына тереңдеп баруы қыркыншы жылдардың ішінде болды. Осы тұста жаңадан құрылған Қазақстан Ғылым академиясы жоспарлаған іс-шаралар негізінде кең ауқымдағы зерттеу жұмыстары қолға алынды.

Басқа ғылым салаларының ішінде әдебиеттану да өзіндік орын алды. М. Әуезов бұрынғылармен салыстырғанда бұл жолы ертегілерді ғылыми жағынан жан-жақты нақтылап, айқындау керек екенін сезінді. Оның нәтижесін қалай ізденіп, қалай жүзеге асырғандығынан да көруге болады.

Алдымен зерттеуші қазақ ертегілері жөнінде лебіз білдірген ғалымдар мен белгілі қайраткерлердің танымдық пікірлеріне айрықша мән береді. Бұл ретте XIX ғасырдың екінші жартысында өмір сүрген Белинский мен Чернышевский, Добролюбов пен Некрасов, Березин мен Радлов, Потанин мен Астахов, Джим Герберт, ағайынды Гримм, Лафарг, Маркс, Энгельс және одан берідегі Горький, Сидельников сияқты көптеген ақыл-ой иелерінің еңбектеріне жүгінеді. Шоқан, Ыбырай, Абай ойлары да бір төбе болып көрінеді. Жалпы осы мұраны жинап-жинастыруда Қойтасбаев, Адамқайыр Амангелдин, Көлзак, Түсіп және Бекімов сияқтылардың да еңбектері ерекше бағаланды. Олардың ертегілерді ел аузынан жазып алып, “Акмолинские ведомости”, “Оренбургский листок”, “Тургайская газета”, “Тургайские ведомости”, “Киргизская степная газета”, “Астраханский вестник”, “Русские ведомости”, “Тургайская степная газета”, “Тургайские областные ведомости”, “Оренбургские губернские ведомости”, “Особые приращение к Акмолинской ведомости”, “Волжский вестник”, “Этнографический материал. Средняя Азия” сияқты баспасөз беттерінде жариялауының маңызы айтарлықтай болды. Қазақ республикалық кітапханасы, Қарағанды экспедиция-

сы мен Тіл және әдебиет институтының қорларында сақталған бұл мұраларды М. Әуезов мұқият салыстырып, анықтап, айқындауға күш салды. Сонда негізгі-негізгі деген тұстарын қағазға түсіріп, пайдаланғанда қағаздың бос жиектеріне өзінің әдеттегі белгілерін қойып, сөздері мен ойларын жазып отырды. Ізденіс қырлары мен сырларының жай-күйінен хабардар ететін бұл жазбалар мәтіндердің екі жақ жиегіне бірдей жазылған. “Ежігелді ханды ұрлаумен бітеді. Алдардың варианты” дегеннің тұсына “Ханға қарсы сатира”; “Өгей шеше қастығының” деген сөздердің тұсына “Сын, семья, еңбек”; “Кәрі жілік – Жандәулет 40 ешкінің мүйізін сатып, ешкілерді қайта әкелді” дегеннің тұсына “Базар, сауда, еңбек” деп жазған. “Проблемы худож. языка, худож. стиля” (90-б.) – “Хайуанат ертегісі”; “3. Чайание, вторжение в худож. образ...” – “Об исследованиях, об ошибках”, “что они должны и прояснить его нравств.” (95-б.); “Боязнь брака породилась страхом, который первоначально вызывала жизнь в патриарх” – “Салт, ой, хайуанат ертегісі. Айтысқа келеді” деген сияқты жазбалар да кездеседі. Осындайлардың бірсыпырасы араб әрпінде жазылған және бұлар бір мезгілдің жазбасы емес. Осының бәрі сапасы әртүрлі, әр түсті, әр көлемді қағаздарға жазылған. Мұндай жазулар басы қырқыншы жылдары, соңы бертінге дейін жалғасып келген. Жазулары оңып кеткендіктен, оқуға көп қиындықтар туғызды. Қағаз тапшылығынан бұрын пайдаланылған қағаздарды да кәдеге асырған. Осы жазбалардың парағының екінші бетінде Ләйлә Мұхтарқызы мен Валентина Николаевнаның (жұбайы) хаттары жазылған. Ондағы:

“Дорогой папочка!

Как ты себя чувствуешь? Что тебе нужно? Мама вчера заходила к тебе. Менжамал за бумагой. Но она ее не могла найти, сказала это сегодня принесет. К маме опять приходил Жиглец, ты его, наверное, знаешь. Это самый страшный из всех врачей совнаркомской больницы.

Мама звонила к Уралу, и он сказал не нужно было совсем звонить, потому что раз он сказал, что площадь освобождена от уплотнения, значит к нам никого не вселят.

Я жду ответа внизу.

Лелюся”.

“Привет тебе от Калибека, Жусупбека, Габидена и от меня, конечно.

Наказ Зеленко выполняю, увы...

Гульнар тоже привет...

Валя”.

“...Требовал тоже на час раньше. Сейчас пришел с улицы со скандалом — плачет и даже стал сосать свой кулак. Едва дождался, пока сварится каша и съел 2 блюда морковного пюре и 2 блюда пшенной каши, сейчас сидит и рыдает как аульный казах!

Привет. Валя” — деген жолдардың бірінен соң бірінің бір қағазға жазылуы қағаздың тапшылығын аңдатады. Осындағы “Гульнар тоже привет” деп отырғаны — өзінің қолында өскен, тәрбиесінде болған әкесі Омарханның інісі Разақтың қызы Гүлнәр. Ал келіп алып еңкілдеп жылап отырған адамның аты-жөнін айтпаған. Осы сияқты жазып отырған дүниесіне қатысы жоқ жазбалар басқа да қолжазбаларынан кездеседі.

Т. Әкім

“Жолжазба”

1935 жылы мамыр айының соңына қарай Қазақстанға Леонид Соболев бастаған ленинградтық жазушылар келді. Ә. Тәжібаев естелігінде (Жылдар, ойлар. Алматы, 1976. 80–84-бб.): “...Соболев 1935 жылдың май айында, сол кездің тілімен айтқанда, бүтін бір бригаданы бастап Қазақстанға келеді. Леонид Сергеевич Мұхтар Әуезовпен бірге Семей, Өскемен жағын аралауға кеткен-ді”, – деп жазады. Отызыншы жылдардың ортасында жазушылар мен өнер қайраткерлеріне өз шығармаларында жұмысшы, шаруалардың образдарын, нақты өндіріс орындары мен ауылшаруашылық ұжымдарын суреттеу жайында талаптар қойылып, бұған қатысты мәселелер КСРО Жазушылар одағының пленумындағы М. Горькийдің көлемді баяндамасында тұжырымдалған болатын. Бұл талаптардың қатарында жазушыларға сыртқа, ұлттық республикаларға шығып, өндіріс орындарымен, жұмысшы, шаруа өкілдерімен етене араласып, өздерінің болашақ шығармаларына қажетті деректерді жинау керектігі айтылған. Осыған байланысты Қазақстанға келген ленинградтық жазушылардың Семей, Өскемен жағына баратын тобына (Соболев, Лукницкий) жолбасшылыққа М. Әуезов тағайындалған. Осы сапардан кейін Л. Соболев “Правда” газетінің 1935 жылғы 16 қазандағы санында “Риддер” очеркін жариялады. Осы “Правда” газетінің 23 қазандағы санында М. Әуезовтің “Товарищ Жанай”, “Социалды Қазақстан” газетінің 26 қазандағы санында “Баймұқамбетұлы жолдас”, осы газеттің 28 қазандағы санында “Бөкеұлы Көпжасар жолдас” атты мақала, очерктері жарияланды.

М. Әуезов мұражайы қолжазба қорында осы сапарға қатысты жолжазба (504-бума) және күнделік (478-бума) сақталған. Жолжазба М. Әуезовтің өз қолымен қара қарындашпен жазылған. Әр парағының жоғарғы жағында “Қазақстан көркем әдебиет баспасы”, г. Алма-Ата, Красина, 41-т. № Б-2-27” – де-

ген стандартты жазу бар блокноттың 60-парағының (22x15 см) екі бетіне үш түрлі алфавитпен жазылған. 1-3, 12, 13–17-беттері араб жазуымен (кириллицаға түсірген Т. Әкім), 26–28, 32–33, 46–50-парақтары латын жазуымен, қалғандары кириллицамен берілген. Жолжазбаның араб, латын жазуындағы мәтіндері – қазақша, кириллицамен жазылғандары – орыс тілінде. Жолжазда кездескен адамдардың аты-жөні аталып, қысқаша өмірбаяндық деректер, кейде мінеземелер, психологиялық талдаулар беріліп отырады. Ары қарай аталған адамның әңгімесі баяндалады. Бұл баяндаулардан кейін автордың комментарийлері кездеседі.

Блокноттың 4-парағында: “Когда приехали мы сюда 2 года назад рабочих поднимали из шахты на бадье, были так истощены. Коров у населения не было”, – деп жазылған. Бұл мысал жолжазда ең көп айтылатын Баймұқамбетұлы Жанайдың (шахтаның парторгы) Ақжолға 1933 жылы келгендігін көрсетеді. Баймұқамбетұлының сөзі ретінде: “В годы перебивов снабжение было затруднено с приобретением отечественников из соседних районов. Помощи им никакой не было... Я дал список (в 33 г. как приехал) в райком, список людей голодавших и умерших тогда”, – деген деректер беріледі. Бұл үзіндіден 32-жылғы ашаршылық жайы айқын көрініп тұр. Жолжазбаның өн бойында 32–35 жылдар аралығындағы ауыл жағдайы, шаруашылық мәселеріне қатысты көптеген сандық, статистикалық деректер кездеседі. Малдың жөнсіз жойылып, елдің қырылғаны тікелей айтылмағанмен, сол кездегі жағдайды цифрларды салыстыру арқылы оп-онай тауып алуға болады. Блокноттың 44–45-парақтарында: “Соғнали скот в один район кучей. Очень много скопилось скота. Не было ни базы, ни сена. За зимовку 30–31 гг. в “Гиганте” погибло 13 тысяч голов скота, 6 тысяч забито, 7 тысяч погибло. Поголовья 1930 г. соғнали 45 тысяч голов, в декабре пригнали 15 тысяч голов, которых не приняли...” – деп жазылған. Бұл – 32-жылы жасанды ашаршылық жасау әрекетінің бір айқын көрінісі.

Мәтіннің араб, латын жазуымен жазылған бөліктерін кириллицамен жазылған бөліктерімен салыстырғанда, Әуезовтің басқа жазуға, қазақ тілінде баяндауға ауысуында белгілі бір себептер бар екені анықталды. Жолжазбаның 27-парағында: “Жаңа келгенде көрген суреттері ең әуелі шірет. Қазақ бір шірет, орыс бір шірет. Аралары жаман. Қазақты тұрған орнынан итеріп тастайды. Приказчик орыс. Сол орыстың шіретін тауысқанша қазақ тұрады”, – деген мәтін ұшырасады. Жолжазбаның осы мағыналас жерлеріне келген кезде Әуезов басқа жазуға, қазақ тіліне ауысып отырған. 1932 жылы НКВД

түрмесінен үш жыл шартты мерзіммен шығып, соттылықтан он жылдан кейін ғана құтылған Мұхана мұндай сақтық шаралары үнемі қажет болған. Бұл әдісті М. Әуезов кейінгі, елуінші жылдардағы шетелдерге шыққан жолсапарларында да ұстанған.

Бұл блокноттан тарихи, әлеуметтік, саяси, мәдени, психологиялық мәліметтерді зерделей зерттегенде өте көп дерек алуға болады. Сол кездегі әртүрлі әлеуметтік топ өкілдерінің деректі образдары, көркем суреттелген портреттері бар. Оқырман бұл материалдардың көркем шығарма емес, болашақ жазбақ мақалаларына жинаған материал екенін ескеруі керек. Жоғарыда аталған мақалаларында М. Әуезов жолжазбадағы деректерді пайдаланған. Блокнотта Баймұқамбетұлы Жанай жайында көптеген деректер бар. “Баймұқамбетұлы жолдас” атты мақаласына сол кездегі идеологиялық жағдай мүмкіндік берген деректерді ғана пайдалана алған. “Товарищ Жанай” мақаласы — аталған мақаланың орыс тілді оқырманға арнап ықшамдап аударылған нұсқасы. “Бөкеұлы Көпжасар жолдас” мақаласының мазмұны да түгелдей дерлік жолжазбада баяндалған. Жоғарыда аталған үш мақаланың да кейіпкерлері, оларда суреттелген өндірістік процестер түгелдей осы жазбаларда бар. 504-бумадағы жолжазбада бір жерде ғана (1-бетте) 6 июнь деген дата көрсетілген. 478-бумадағы жазбаларда жүйелі түрде даталарын қойып отырған (15–26 июнь аралығы), күнделік түрінде жазған. Жазушылар бригадасының сапары, кездесулері нақты баяндалады.

504-бумадағы жазбалар күнделік ретінде емес, алдағы уақытта жазбақ шығармалар үшін жүргізілгені анық байқалады.

М. Әуезовтің академиялық толық басылымның бұл томына 504-бумадағы жазбалар блокноттағы орналасу ретімен түгел берілді.

Р. Әбдіғұлов

“Сын сағатта”

Бұл пьеса Ұлы Отан соғысына қатысқан көп ұлтты кеңес жауынгерлері мен Қарағанды шахтерлерінің ерен еңбектерін суреттейді. Соғыстағы қанды шайқастар мен тылдағы қарапайым еңбекшілердің өмірі қатар баяндала отырып, патриоттық сезімдер мен мінез-құлықтар көркемдік шешімде сарапқа түседі.

Пьесаның алғашқы әрі араб әрпіндегі нұсқасы 1941 жылы тамыз айында жазылған. Оған “Сын сағатта. Сара тартар. 4 акт, 8 суретті геройлық пьеса. Бірінші редакциясы, 1941 август” деген автордың сия (қара) қаламмен және көк қарындашпен титулдық бетке жазған қолтаңбасы айғақ (105-бума).

Жазушының мұрағат қорындағы 105-бумада оқушының жолкөзді, қатты (қоңыр), қалың мұқабалы қос дәптеріне сиямен жазған арабша қолжазбаның жалпы көлемі – 112 бет. Сақталуы жақсы.

Ал 104-бумадағы латын әрпіндегі нұсқа жазушы шығармаларының елу томдық толық жинағының 27-томында (Алматы: “Жібек жолы” баспа үйі, 2007. 351–404-бб.) жарияланған. Осы латынша нұсқаның арабша қолжазбамен өзара айырмашылықтары, өзгертулері, түзетулері және қысқартулары аталған томның ғылыми түсініктемесінде айтылған (442–444-бб.). Және белгілі себептермен 105-бумадағы қолжазба осы томға енбей қалғандықтан, мына томға түпнұсқа ретінде кіргізіліп отыр. Бұл М. Әуезовтің соғыс жылдарындағы пьесаларына, шығармашылық лабораториясына, жалпы драматургиясына зерттеу жүргізем дейтін талапкерлерге көп көмегі тиеді деп санаймыз.

Қолжазбаны арабшадан қотарған – кіші ғылыми қызметкер Н. Елесбай.

105-бумадағы қолжазба латыншадан (104-бума) 1 акт, 4 суретке артық, бірақ көлемі бірдей. Екі нұсқаға толықтай текстологиялық салыстыру жүргізілді. Нәтижесінде өзара өте

көп айырмашылықтар кездесті. Қолжазба латыншаға аударылғанда әсіресе стильдік тұрғыдан қатты өңделгені байқалды. Міне, осы латынша нұсқа сахнаға қойылды (1941 ж., 7 қараша), әр жылдарда шыққан басылымдарда (1942, 1943, 1944, 1946, 1947, 1957, 1969, 1982) жарық көрді.

Сондай-ақ қолжазбадағы (біз латыншамен салыстыра айтамыз – Е.Қ.) қатысушы адамдардың қатарында Бактияров болса, түсте көрінетін кісі – Сталин Ленинге ауысқан; пьеса Ескендір мен Назымның диалогымен басталады; бұлардың әңгімелеріндегі кейбір диалогтардың саны артық; Мәрияш пен Қаденнің де диалогтары және бұлардың идеялық образдары елеулі өзгешеліктерге ұшыраған. Пьсаның басталуы осы екі кейіпкердің диалогымен ашылмайды. Және бастапқыда күншіл, өсекші әйелдер ретінде көрінетін Мәрияш пен Қаден пьсаның соңында (қолжазбада) қажырлы, қайратты шахтерлерге айналады. Отаншылдық пен намыс сезімдері оянып, жақсы образдар дәрежесіне көтеріледі.

Ал 2-акт, 2-сурет тұтастай бөлек. Мұнда тыл еңбекшілерінің, яғни шахтерлердің өмірі басым баяндалса, 3, 4-актілерде соғыс суреттері олармен араласып, шендестіріле суреттеледі. Сол сияқты Асановтың саяси-әлеуметтік сарындағы ұзақ толғаныстары; генерал Потапенконың ойлары; лейтенант Малышевті ауыстырған Сакшы образы; Ерболдың түсіне еніп, тілдесетін Сталин сияқты эпизодтар, сөздер мен көріністер өзара орын ауыстырған, кейбірі қықарып кеткен, стильдік өңдеулерге түсіп, мүлде басқаша көркемдік шешімге ұласқан. Бұларды келтіріп жату мүмкін емес және ғылыми түсініктеменің негізгі шарттары көтермейді.

Қолжазбадағы пьсаның соңында генерал Гольцті тұтқынға түсірген Ербол оны конбойлатып алып өтеді. Генерал Потапенконың құттықтау сөзі мен Назым, Иралардың көрінуі де суреттердің өзара орын ауыстырып, идеялық, көркемдік тұрғыдан да өзгеше шешімге айналғанын дәлелдейді.

Міне, осындай толып жатқан өзара айырмашылықтары бар қолжазба (105-бума, 112-б.) бұрын еш жерде жарияланбағандықтан, жазушы шығармаларының толық жинағына бірінші рет енгізіліп отыр.

Е. Қаныкейұлы

МАЗМҰНЫ

I. СӨЙЛЕГЕН СӨЗДЕР БАЯНДАМАЛАР, ТЕЗИСТЕР 3

Выступление Мухтара Ауэзова (На совещании в ЦК КП(б)К по вопросу о казахской литературе)	5
Выступление М.О. Ауэзова (На дискуссии по казахскому эпосу 13 апреля 1953 года)	25
Товарищи! (Дореволюционный Казахстан...)	44
Тезисы выступления М.О. Ауэзова	54
Выступление М.О. Ауэзова (1952 г.)	61
Выступление на литературной декаде в г. Москве (1949 г.)	71
Выступление М.О. Ауэзова (1950 г.)	79
Тезисы к докладу “Опыт социологического введения в историю казак-киргизской литературы”	89
Тезисы к выступлению на вечере поэтов	98
Стенограмма вечернего заседания дискуссии, посвященной вопросам абаеведения в Институте языка и литературы Академии наук Казахской ССР и правления Союза советских писателей (1951 г.)	104
Пометки к докладу Сталина к 25-й годовщине Октября	131
Выступление М.О. Ауэзова на обсуждении киносценария С. Ермолинского “Чокан Валиханов”	134
Шоқан туралы сценарийден әсер	141
Товарищи! (Партия и правительство...)	146
Мұхтар Омарханұлы Әуезовтің сөйлеген сөзі (1957 ж.)	150

II. ЗЕРТТЕУ	155
Ертегілер туралы (план)	157
III. ЖОЛЖАЗБА	197
IV. ПЬЕСА	243
Сын сағатта.....	245
V. ҒЫЛЫМИ ТҮСІНІКТЕМЕЛЕР	311

ӘУЕЗОВ МҰХТАР ОМАРХАНҰЛЫ

Шығармаларының елу томдық толық жинағы

45-том

Академиялық ғылыми басылым

*М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының
ғылыми кеңесінде бекітіліп, баспаға ұсынылған*

Баспа жобасының жетекшілері:

С. Назарбаева, Б. Қанапиянов

Редакторлары: *Б. Хабдина, Б. Мұсахан*
Компьютерде беттеген *И. Селиванова*

Басуға 11.03.2014 ж. қол қойылды.
Пішімі 84x108 $\frac{1}{32}$, Офсеттік қағаз.
Қаріп түрі “Таймс”.
Шартты баспа табағы 18,3.
Таралымы 4000 дана.
Тапсырыс № 1179.

ЖШС РПБК «Дәуір», 050009,
Алматы қаласы, Гагарин д-лы, 93а.
E-mail: rpik-dauir81@mail.ru

“Жібек жолы” баспа үйі
050000, Алматы қаласы, Қазыбек би көшесі, 50.
Тел.: 272-65-01, 261-11-09.

ISBN 978-601-294-187-6

9 7 8 6 0 1 2 9 4 1 8 7 6